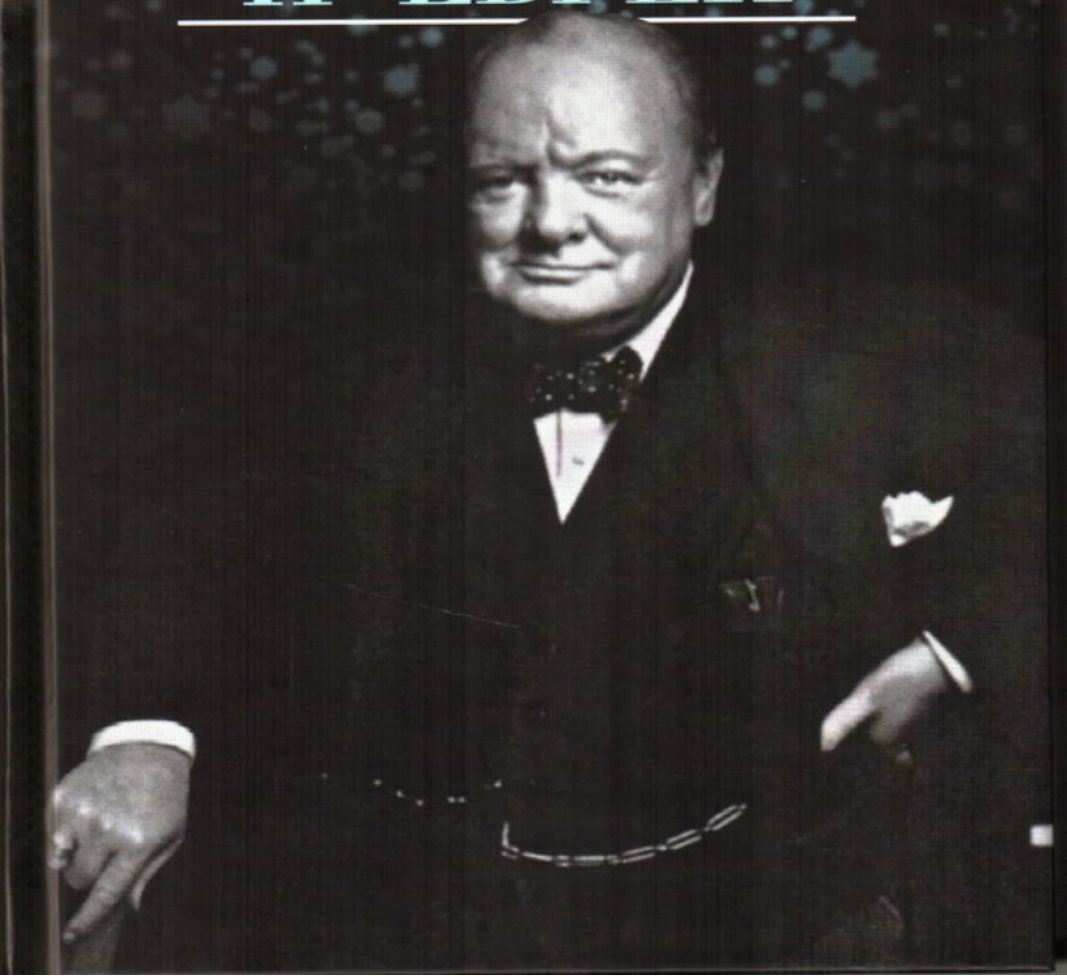
Мартин Гилберт

ЧЕРЧИЛЛЬ И ЕВРЕИ



SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эта книга описывает различные аспекты политической деятельности сэра Уинстона Черчилля, связанные с евреями и сионизмом. До второй мировой войны Черчилль поддерживал идею основания еврейского государства в Палестине, что не всегда способствовало его популярности как политика, во время войны делал попытки помочь евреям в оккупированных нацистами странах Европы, после войны оказывал поддержку государству Израиль. Кроме того, автор уделяет внимание дружбе Черчилля с отдельными еврейскими деятелями культуры и науки.

Сэр Мартин Гилберт – английский историк, автор более 80 книг, широко известен как официальный биограф Черчилля.

- Мартин Гилберт
  - Предисловие
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая
  - Глава одиннадцатая
  - Глава двенадцатая
  - Глава тринадцатая
  - Глава четырнадцатая
  - Глава пятнадцатая
  - Глава шестнадцатая
  - Глава семнадцатая
  - Глава восемнадцатая
  - Глава девятнадцатая
  - Глава двадцатая
  - Глава двадцать первая
  - Глава двадцать вторая
  - Глава двадцать третья
  - Глава двадцать четвертая
  - Глава двадцать пятая
  - Глава двадцать шестая
  - Глава двадцать седьмая

    - Эпилог
    - Библиография
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4

Мартин Гилберт
Черчилль и евреи

Посвящается Эстер

Предисловие

Если брать любую из этих трех тем по отдельности – Черчилль, евреи и сионизм, – то каждая из них является крайне интересной. Если же исследовать их не по отдельности, а вместе, то они позволяют проследить интереснейшее взаимодействие этой выдающейся личности и еврейского народа, которые оба окружены множеством проблем и противоречий. Прошло почти сорок лет с тех пор, как я начал собирать материал для этой книги. Первого сентября 1969 года я провел целый день в беседе с сэром Эдвардом Льюисом Спирсом – генералом, многолетним другом Черчилля и его соратником по военной службе, по занятиям историей и по работе в парламенте. Сидя в своем уютном доме, расположенном в английской сельской местности, Спирс призывал меня нарисовать полный, без каких-либо купюр портрет этого великого человека – пусть даже и со всеми возможными изъянами и противоречиями. Когда он убедился, что я действительно намерен создать полный портрет Черчилля, то доверительным тоном произнес: «Даже у Уинстона был один недостаток – он был слишком привязан к евреям».

Замечание генерала натолкнуло меня на мысль попытаться заглянуть в этот «недостаток» поглубже. Как именно он проявлялся? Как это повлияло на ход истории? Повлияла ли эта «привязанность» на судьбы евреев во время Второй мировой войны? Оказала ли она воздействие на возникновение Государства Израиль в 1948 году? Почему она считалась «недостатком»? Было ли это просто «привязанностью» или же каким-то более глубоким чувством?

В течение более чем полувека жизнь Черчилля была связана с еврейскими проблемами. В его бытность молодым членом парламента с 1904 по 1908 год у него было много избирателей-евреев. В качестве члена кабинета министров в 1921–1922 годах он отвечал за разработку статуса еврейского национального очага в Палестине. Являясь лидером страны во время войны с 1940 по 1945 год, он противостоял военной мощи и тирании нацистской Германии. Будучи премьер-министром в мирное время с 1951 по 1956 год, в первое десятилетие существования Государства Израиль, он был в курсе проблем и нужд еврейского государства и относился к ним с симпатией. Несмотря на то что это не пользовалось особой популярностью ни среди коллег-парламентариев Черчилля, ни среди его современников, У. Черчилль настойчиво боролся тем, что он называл «антисемитскими предрассудками», и старался поддержать

чаяния евреев – как граждан Великобритании, так и тех, кто непосредственно стоял у истоков создания Израиля.

Один из членов британского парламента предупреждал Черчилля, что из-за его поддержки сионистских устремлений в Палестине тот окажется лицом к лицу с «передающейся по наследству неприязнью к еврейской расе, существующей во всем мире». Однако Черчилль все равно не отступил. Хотя он никогда не являлся безоговорочным сторонником сионизма, он проявлял себя по отношению к нему как один из его наиболее стойких союзников и защитников. Черчилль высоко ценил евреев, которые зачастую были объектом презрения, неприязни, недоверия и жестокости, и хотел, чтобы они заняли то место в мире, которое должно было по справедливости принадлежать им. В то самое время когда он публично осуждал акты террора против британцев в Палестине, которые совершали еврейские боевики, он доверительно заявил своему другу-еврею, смущенному столь жесткой критикой Черчилля: «Еврейский народ хорошо знает, что я его друг». Это было действительно так. Он проявлял себя как друг евреев именно тогда, когда это было особенно необходимо, и он являлся при этом их настоящим другом.

Лондон,
5 февраля 2007 г.

Глава первая
Ранние годы: «Этот чудовищный заговор»

У Черчилля в роду не было предков-евреев. Когда он порой ронял замечания о своем «экзотическом происхождении», то это являлось намеком на то, что у него мог иметься далекий предок из числа североамериканских индейцев. Но с самых ранних лет он увлекался историей еврейского народа. В годы учебы в Харроу он тщательно изучал Ветхий Завет. Эта книга стала источником его образования и дала питательную пищу его воображению. Одно из его первых школьных сочинений называлось «Палестина во времена Иоанна Крестителя». Описывая фарисеев, он просил своего читателя – в данном случае им был его преподаватель – не быть слишком строгим по отношению к этой «жестокой» еврейской секте. «У них было множество недостатков, – писал он и тут же добавлял: – А у кого их мало?» Поскольку ему было лишь тринадцать лет и он был тогда еще школьником, ему следует простить то, что в том же сочинении он упоминает о «минаретах», будто бы украшавших Сионский храм.

Отец Уинстона Черчилля, лорд Рэндольф Черчилль был известен своей тесной дружбой с евреями. Завсегдатаи британских клубов сплетничали о том, что у него было много друзей-евреев, а члены семьи упрекали его за то, что он приглашал евреев к себе домой. Однажды, когда он гостил в поместье одного из своих друзей, один видный аристократ приветствовал его словами: «Лорд Рэндольф, не привезли ли вы с собой ваших еврейских друзей?» На что тот ответил: «Нет, я не думаю, что их могла бы позабавить здешняя компания»[1].

Как преданный сын, всегда жаждавший одобрения своего отца, Уинстон Черчилль принимал его сторону во время дискуссий, где затрагивались проблемы евреев. Евреи, с которыми его отец был знаком и которых он приглашал к себе в дом, были выдающимися людьми, сумевшими многого добиться в жизни. Одним из них был «Нэтти» Ротшильд – первый барон Ротшильд, глава лондонской ветви банкирской семьи Ротшильдов, ставший в 1885 году первым евреем – членом палаты лордов. Другим был родившийся в немецком Кельне сэр Эрнест Кассель – банкир, близкий друг принца Уэльского, будущего короля Эдуарда VII.

Когда отец Черчилля потерял в 1892 году надежду на то, что

Уинстон сумеет сдать экзамены, необходимые для зачисления на военную службу, он собирался пристроить его к какому-нибудь делу. При этом он был уверен, что с помощью Ротшильда или Касселя сумеет подыскать сыну какую-то достойную работу. Незадолго до того как Уинстону исполнилось девятнадцать лет, отец взял его с собой, направляясь погостить в Тринг-Парк – загородное поместье лорда Ротшильда. Визит прошел удачно. «Уинстону в Тринг-Парке уделили очень много внимания», – писал лорд Рэндольф бабушке Черчилля.

Перед своим восемнадцатым днем рождения Черчилль упомянул в письме к матери о том, что «молодой Ротшильд» – Натаниэль, второй сын первого барона Ротшильда, учившийся вместе с ним в Харроу, «жадно пожирал яйца и все остальное. Это выглядело отвратительно!» Пятьдесят лет спустя уже сын «молодого Ротшильда», Виктор Ротшильд, ставший перед Второй мировой войной третьим бароном Ротшильдом, занимался проверкой получаемых Черчиллем подарков в виде еды и сигар на предмет обнаружения в них яда. За храбрость, проявленную Виктором Ротшильдом при обезвреживании бомбы, спрятанной в ящике с луком – бомбы, которая должна была взорваться в одном из британских портов, – Черчилль представил его к награждению Крестом Георга.

Другой хорошо знакомой Черчиллю ветвью семейства Ротшильдов была семья Леопольда Ротшильда, в чьем доме в Ганнерсбери неподалеку от Лондона он обедал в 1895 году в бытность свою младшим офицером британской армии, и с сыном которого, Лайонелом, ставшим впоследствии членом парламента от партии консерваторов, он дружил. Лайонел учился в школе вместе с младшим братом Черчилля Джеком. «Он симпатичный паренек, – писал Черчилль Джеку, – и Лео Ротшильд будет тебе очень благодарен, если ты позаботишься о нем». Черчилль добавлял: «Их благодарность может облечься в практическую форму, поскольку у них есть очаровательное имение в Ганнерсбери, куда они могут тебя пригласить».

Еврейским приятелем родителей Черчилля был также родившийся в Германии специалист по болезням горла сэр Феликс Симон. В 1896 году, незадолго до того как Черчилль отправился служить в Индию, он консультировался с Симоном по поводу своего дефекта речи – неспособности произносить букву «с». Исправить этот дефект можно было с помощью операции, но Симон отговорил Черчилля от ее проведения, объяснив будущему премьеру, что «при надлежащем терпении и настойчивости» тот сможет научиться бегло говорить и без операции. «Я только что познакомился с совершенно удивительным молодым

человеком», – рассказывал после встречи с Черчиллем Симон своей жене. Делясь с Симоном своими планами, связанными с военной службой, Черчилль признался: «Конечно, в мои планы не входит стать профессиональным военным. Я лишь хочу набраться опыта. Когда-нибудь я стану государственным деятелем – таким же, как мой отец».

Родители Черчилля дружили также с родившимся в Австрии бароном Морисом де Гиршем, ведущим еврейским филантропом; они были частыми гостями в его доме в Лондоне. Приемный сын барона Морис, известный как «Тути», позднее получивший титул барона де Форест, впервые встретился с Черчиллем в конце 1880-х годов во время скачек в Ньюмаркете, когда Черчилль побывал на приеме в доме Гиршей. Однажды во время школьных каникул Черчилль гостил в доме Гиршей в Париже.

Когда Черчилль посетил в 1898 году Париж, французская столица бурлила по поводу суда над капитаном Альфредом Дрейфусом, евреем по национальности, обвиненным в шпионаже в пользу Германии. Эмиль Золя принял сторону Дрейфуса и в страстной статье «Я обвиняю!» выступил против правительства и против антисемитизма во французской армии, продемонстрировав всю ложность этого обвинения. «Браво, Золя! – писал Черчилль матери. – Я счастлив быть свидетелем полного провала этого чудовищного заговора».

После смерти лорда Рэндольфа Черчилля в 1895 году еврейские друзья его отца продолжали дружить с его сыном. Лорд Ротшильд, сэр Эрнест Кассель и барон де Гирш часто приглашали его к себе. В примечании к первому тому официальной биографии Уинстона Черчилля его сын Рэндольф писал с некоторым юмором: «Уинстон Черчилль не ограничивал свою потребность в общении с новыми интересными личностями посещениями одних лишь домов евреев. В этот период он иногда встречался и с гоями».

Во время военной службы в Индии в 1897 году Черчилль мечтал найти газету, которая согласилась бы печатать его военные корреспонденции. «Лорд Ротшильд мог бы устроить это для меня, – писал он матери, – потому что он знаком со всеми». По возвращении из Индии, весной 1899 года, желая начать политическую карьеру, он вновь рассчитывал на помощь Ротшильда. Во время приема в лондонском доме лорда Ротшильда он с радостью заметил, что другой гость банкира, министр финансов А. Дж. Бальфур «очень вежлив со мной – и мне кажется, что он согласен с тем, что я говорю, ведь он внимательно слушал все, что я говорил».

Друг его отца сэр Эрнест Кассель предложил Черчиллю свои

услуги в качестве финансового советника. Черчилль, заработавший написанием книг и статей свой первый капитал, согласился с предложением Касселя, сказав ему: «Кормите моих овец». Этим банкир и занялся. Разумно и удачно вложив заработки Черчилля в доходные бумаги, он со временем заметно приумножил его сбережения. При этом Кассель ничего не взял за свои услуги.

Когда Черчилль в 1899 году готовился к поездке в Южную Африку в качестве военного корреспондента, ему потребовалась финансовая поддержка для закупки необходимого снаряжения. Лорд Ротшильд выделил ему тогда 150 фунтов стерлингов, а Кассель – 100 фунтов. Общая сумма, поступившая Черчиллю в качестве поддержки от этих двух банкиров, равнялась годовому доходу семьи среднего класса тех лет. В 1902 году, на второй год пребывания Черчилля в парламенте, Кассель обеспечил ему участие в выпущенном японским правительством займе на сумму в 10000 фунтов (в нынешних деньгах – 500 000 фунтов). Черчилль написал своему брату Джеку об этой финансовой операции: «Я надеюсь получить от этого небольшую прибыль». В 1905 году Кассель оплатил меблировку библиотеки в холостяцкой квартире Черчилля в лондонском районе Мэйфэр. Финансовая поддержка со стороны Касселя была постоянной. Доходы от акций железной дороги «Этчисон, Топека и Санта-Фе», купленных им для Черчилля в 1907 году, позволили политику оплачивать услуги машинистки. Когда Черчилль в 1908 году женился на Клементине, Кассель подарил им на свадьбу 500 фунтов стерлингов, то есть около 25 000 фунтов в пересчете на нынешние деньги.

Черчилль высоко ценил свою дружбу с Касселем. Когда Кассель умер в 1921 году, Черчилль написал его внучке Эдвине Эшли, что ее дед был «хорошим и справедливым человеком, которому доверяли, которого уважали и почитали все, кто его знал. Мой отец высоко ценил дружбу с ним, а я унаследовал эту дружбу на всю свою жизнь. Я знал, что он любил меня и верил в меня во все времена – и особенно в тяжелые».

22 января 1901 года Черчилль находился в канадском городе Виннипеге, заканчивая читать там цикл лекций о войне в Южной Африке и о своем побеге из бурского лагеря для военнопленных, когда он узнал о смерти королевы Виктории. «Это переломное событие, – писал он своей матери. – Я очень хотел бы узнать какие-то новости про короля. Изменит ли он свой образ жизни после коронации? Продаст ли он своих лошадей и порвет ли со своими друзьями-евреями, или же Реувен Сассун будет по-

прежнему сиять среди алмазов короны и других регалий? Станет ли он безнадежно серьезным? Продолжит ли он свою дружбу с вами?»

Новый король Эдуард VII продолжил дружеские отношения с матерью Черчилля и сохранил дружбу с родившимся в Багдаде евреем Реувеном Сассуном. Племянник Реувена Сассуна Филипп также стал другом Черчилля и вместе со своей сестрой Сибил часто принимал его в своем поместье Порт Лимн на побережье Ла-Манша. Впоследствии Филипп Сассун станет министром авиации Великобритании.

Г.Г. Асквит, вскоре ставший премьер-министром и непосредственным начальником Черчилля, в письме к своей знакомой – по иронии судьбы, впоследствии принявшей иудаизм – описывал евреев как «рассеянное и непривлекательное племя». Черчилль никогда не позволял себе подобных замечаний ни публично, ни в частной переписке. В 1907 году в письме к матери он предостерегал ее против включения в свои мемуары явно антисемитского пассажа об одном из ведущих британских политиков лорде Гошене. «Я не думаю, что история про Гошена заслуживает опубликования, – писал он. – Она оскорбит не только семью Гошена, но и евреев вообще». «Это, быть может, и интересная история, – сказал он своей матери, – но многие хорошие истории находятся вне внимания порядочных людей, и вы должны исключить ее из ваших записок».

До 1904 года Черчилль общался с евреями исключительно в рамках светских мероприятий жизни. Но в течение четырех лет после его избрания в парламент это общение постепенно приняло политический характер и со временем стало одним из решающих факторов его карьеры.

Глава вторая
Поддерживая евреев

В политическом плане Черчилль впервые занялся проблемами евреев в 1904 году, когда ему было 27 лет. В тот год, продолжая оставаться членом парламента от партии консерваторов, избранным по избирательному округу Олдхема, он фактически перешел на позиции либеральной партии. Тогда его консервативные избиратели из Олдхема объявили, что больше не будут его поддерживать. Нуждаясь в приобретении нового, либерально настроенного электората, он принял предложение баллотироваться от северо-западного округа Манчестера, где треть избирателей составляли евреи.

Вскоре Черчилля пригласили в Манчестер для выступления по поводу вопроса общенационального значения: проекта закона об иностранцах, внесенного в парламент правительством консерваторов. Этот закон имел целью сократить приток еврейских иммигрантов из царской России, бежавших от преследований и нищеты. Одним из главных сторонников Черчилля в манчестерском отделении либеральной партии был Натан Ласки, президент Старой еврейской конгрегации Манчестера и руководитель еврейской больницы Манчестера. Он всячески поддерживал кандидатуру Черчилля в качестве нового парламентария от Манчестера, считая это абсолютно необходимым и неотложным для того, чтобы предотвратить прохождение в парламенте закона об иностранцах, ущемлявшего интересы прежде всего иммигрантов-евреев.

В мае 1904 года Натан Ласки представил Черчиллю материалы и документы по поводу закона об иностранцах. Эти материалы включали и официальную иммиграционную статистику. На основе этих материалов Черчилль подготовил детальный критический обзор предлагавшегося правительством законопроекта. Он отправил ее и самому Ласки и опубликовал в виде открытого письма в газетах. «Больше всего при изучении этих документов, – писал Черчилль в своем письме, – меня удивил тот факт, что, согласно данным статистики, в Великобритании в настоящее время находится ничтожно малое число иностранцев. Судя по разговорам, которые доносятся до нас, можно было подумать, что нас буквально задавили толпы иммигрантов, вытесняющих нас с нашего острова из-за отсутствия противодействия, которое должна была бы оказать им любая другая держава. Но статистика, приведенная Торговой

палатой, недвусмысленно показывает, что общее число иммигрантов не доходит до одной ста сороковой части всего населения и что в среднем их число увеличивается лишь на 7000 человек в год. При этом, согласно отчету Комиссии по иностранцам, число иностранцев в Германии превышает наш уровень в два раза, а во Франции – в четыре раза. Поэтому невозможно представить, что в действительности существуют какие-то веские причины, расовые или социальные, для отступления от той терпимой и открытой политики свободного въезда в страну, которой до сих пор придерживалась Великобритания и от которой она так много получала».

Критика законопроекта об иностранцах Черчиллем касалась также тех полномочий, которые, согласно проекту закона, предоставлялись лицам, ответственным за его исполнение. Он опасался появления «нетерпимого или антисемитски настроенного министра внутренних дел», замечая, что английская практика до сих пор позволяла полицейским и таможенным офицерам действовать лишь на основе конкретных фактов нарушений иммиграционного законодательства, но не выполнять роль судей при проверке людей и документов, удостоверяющих их личность, и принимать жесткие меры лишь потому, что какие-то документы или сами люди покажутся им «подозрительными».

У Черчилля было и другое возражение против предлагавшегося в законопроекте положения о том, что иностранец может быть депортирован на основе негативного свидетельства о нем «любого заявителя – возможно, являющегося при этом его личным врагом или конкурентом в бизнесе». Весь законопроект, заключал Черчилль, выглядел как попытка со стороны правительства «удовлетворить небольшую, но шумную группу своих сторонников, и заработать толику популярности, грубо обращаясь с небольшим числом несчастных иностранцев, не имеющих права голоса… Этот закон будет лишь потакать островным предрассудкам в отношении иностранцев, расовым предрассудкам по поводу евреев и развивать подозрительность по отношению к возможным конкурентам на рынке труда». Однако «английские рабочие, – писал Черчилль, – не такие эгоисты, чтобы подавить в себе естественное чувство симпатии к жертвам обстоятельств и угнетения. Они не поддаются сколько-нибудь заметно на пропаганду антисемитизма, омрачившую недавнюю историю Европейского континента. Я убежден, что они не предпримут попытки выбросить из нашей страны чужака из-за того, что он беден и несчастен, и отвергнут меры, из-за которых, без всякой по-настоящему доказанной необходимости, будут дискредитированы и очернены традиции свободы и

гостеприимства, которыми так долго славилась Великобритания».

Натан Ласки писал Черчиллю из Манчестера: «Благодарю вас за блестящее письмо, полученное сегодня утром. Вы заслужили благодарность еврейской общины не только Манчестера, но и всей страны». 31 мая 1904 года, в день, когда письмо Черчилля с критикой антисемитизма было опубликовано, он формально вышел из рядов консервативной партии и присоединился к либеральной оппозиции. Евреи Манчестера приобрели храброго защитника своих интересов.

8 июня 1904 года Черчилль произнес свою первую речь в качестве представителя либеральной оппозиции в британском парламенте, выступив против попытки правительства провести закон об иностранцах без его всестороннего и полного обсуждения всеми депутатами. Однако вопреки его аргументам законопроект был все-таки отправлен без рассмотрения и обсуждения всей палатой общин в намного более узкий по составу участников Большой комитет палаты. Черчилль являлся одним из четырех членов этого комитета от либеральной партии и с этого момента активно участвовал в обсуждениях предлагавшегося законопроекта.

Ради получения широкой общественной поддержки своих требований те, кто выступал за ограничение еврейской иммиграции в страну, попытались воззвать к антисемитским чувствам населения. Газета «Сан» в своих статьях намекала, что Черчилль противодействовал законопроекту по прямому указанию лорда Ротшильда. Это был первый, но не последний раз, когда политические оппоненты и антисемиты обвиняли Черчилля в том, что он служит богатым евреям и даже прямо финансируется ими. Эти обвинения почти определенно выросли из краткой заметки в газете «Джуиш кроникл», где рассказывалось о митинге в Манчестере, на котором «мистер Натан Ласки сказал, что он беседовал с мистером Уинстоном Черчиллем, встречавшимся с лордом Ротшильдом по поводу законопроекта об иностранцах. В результате этой встречи мистер Черчилль возглавил противодействие законопроекту в Большом комитете парламента».

Закон об иностранцах содержал одиннадцать статей, составлявших суммарно 240 строк текста. Противники законопроекта последовательно возражали против каждой статьи, даже небольшой, причем Черчилль либо предлагал, либо поддерживал каждую из множества предлагавшихся поправок. Майор Вильямс Эванс-Гордон, один из тех членов Большого комитета, которые противились еврейской иммиграции, заявил, что Черчилль «верно следовал инструкциям, полученным от той

группы людей, по поручению которых он действовал». При этом он поспешил добавить, «что не имел в виду кого-то конкретно». Этот плохо закамуфлированный намек на то, что он действовал по поручению евреев, заставил Черчилля в гневе вскочить на ноги. Дав отповедь Эванс-Гордону, Черчилль процитировал затем недостойное предположение газеты «Сан» о том, будто бы он действовал по инструкциям лорда Ротшильда, получая за это финансовую мзду, и заявил комитету, что «глубоко сожалеет, что такого рода грязная клевета повторяется здесь».

Черчилль и трое его коллег из состава либеральной оппозиции, противившиеся законопроекту, так усердно сражались буквально с каждым его словом, что к исходу седьмого дня дебатов оказались обсуждены лишь три первые строчки первой статьи. Оставалось обсудить еще десять статей и 235 строк. В результате, чтобы не попасть в неловкую ситуацию, правительство было вынуждено вообще снять законопроект с обсуждения.

Поддержав евреев, Черчилль победил. Он предотвратил введение закона, который мог воспрепятствовать въезду в страну множества евреев, за последующие десятилетия внесших заметный вклад в развитие Великобритании и в ее защиту от внешнего врага в ходе обеих мировых войн. Во второй из мировых войн эти люди сражались уже под руководством самого Черчилля.

У русских евреев, въезд которых в Великобританию так энергично поддерживал Черчилль в палате общин, были веские основания бежать из царской России. В течение более чем тридцати лет подряд они подвергались спорадическим вспышкам насилия, жестоким, часто смертельным погромам, продолжавшимся и в двадцатом столетии. Длившийся три дня погром в Кишиневе в апреле 1903 года привел к гибели сорока семи евреев – мужчин, женщин и детей – и к разграблению более семисот домов. Другой погром произошел в том же городе в октябре 1905 года. Тогда были убиты девятнадцать евреев.

Евреи во всем мире были возмущены этим. 10 декабря 1905 года в Манчестере был проведен митинг протеста. Это произошло на следующий день после того, как Черчилль согласился занять пост заместителя министра по делам колоний в новом правительстве либералов, образованном после отставки предыдущего правительства консерваторов во главе с Артуром Бальфуром.

Черчилль стал главным оратором в ходе митинга в Манчестере. В своей речи он объявил нескольким тысячам

участникам митинга, что они собрались здесь для того, чтобы выразить протест «против ужасных побоищ, произошедших недавно в Российской империи».

Далее Черчилль сказал: «Число жертв было огромным. Страшно пострадало множество слабых и беззащитных людей – стариков, детей и женщин, которые были неспособны оказать сопротивление и которые не могли надеяться на помощь сил закона и правопорядка. Эти жестокости не были спонтанными, а составляли часть преднамеренного плана. В результате претворения этого жуткого плана в жизнь произошло то, что трудно себе вообразить даже во тьме мрачной российской действительности. Мы собрались здесь, чтобы недвусмысленно заявить, как глубоко возмущена вся британская нация такими ужасными злодеяниями».

Среди присутствовавших на этом митинге был химик и активный сионист доктор Хаим Вейцман, родившийся на территории царской России и лишь за год до этого переехавший в Великобританию из Женевы, где он раньше преподавал химию. Черчилль и Вейцман – два человека, даты рождения которых разделял промежуток всего в три дня, оказались впоследствии тесно связанными в сфере политики.

Перед увлеченными идеями сионизма британскими евреями в 1905 году стоял следующий вопрос: либо настаивать на создании национального еврейского очага в Палестине, находившейся тогда под турецким владычеством, либо искать другие территории для еврейского заселения где-то на необъятных просторах Британской империи, чтобы преследуемые российские евреи могли найти там убежище. В результате сионистское движение оказалось расколото. Часть сионистов хотели сосредоточить все усилия на открытии для еврейской иммиграции принадлежащей туркам Палестины. Другие, члены возглавляемой англо-еврейским писателем Израэлем Зангвиллом Еврейской территориальной организации, известные как «территориалисты», оказывали давление на британское правительство с целью сделать доступной для еврейской эмиграции одну из британских колоний. Самым предпочтительным местом представлялись горы Кении и часть британского протектората Восточной Африки – территория современной Уганды.

Другим вариантом, публично поддерживаемым лордом Ротшильдом и уже финансировавшимся бароном де Гиршем, было развитие еврейских сельскохозяйственных колоний в Канаде и Аргентине.

Для Черчилля вопрос о содействии еврейским национальным

чаяниям встал в полный рост уже буквально через несколько дней после его вхождения в правительство – и за три недели до всеобщих выборов, проведенных в результате отставки правительства А. Бальфура. Это случилось, когда на второй день Рождества 1905 года, в «день подарков»[2], к нему обратился видный деятель еврейской общины доктор Джозеф Дальберг, секретарь группы манчестерских «территориалистов», с просьбой поддержать идею о предоставлении для целей эмиграции одну из британских колоний. Черчилль ответил Дальбергу письмом, в котором отмечал «многочисленные и серьезные трудности, возникающие при реализации плана создания самоуправляющейся еврейской колонии в британской Восточной Африке – трудности, связанные с различием во мнениях среди самих евреев, с сомнительной пригодностью обсуждаемой территории для устройства подобных поселений, и трудности, связанные с общими проблемами государственной политики, с которыми неизбежно столкнется реализация подобного плана».

При этом Черчилль показал себя твердым сторонником национальных чаяний евреев, подчеркнув в письме «территориалистам»: «Я признаю высокую привлекательность идеи создания безопасного постоянного дома под флагом терпимости и свободы для рассеянного и угнетаемого народа. Этот план гораздо привлекательнее любого проекта индивидуальной колонизации территории, что должно обеспечить ему поддержку со стороны тысяч людей, которые будут готовы с энергией и энтузиазмом включиться в его реализацию и стать его движущей силой». Однако при этом Черчилль подчеркивал, что ради успеха этого предприятия необходим «конкретный детальный план действий, который был бы поддержан видными личностями и достаточными финансовыми средствами».

Но в сионистском движении к тому времени одержали верх те силы, которые хотели образовать еврейский национальный очаг в Палестине и нигде больше, в результате чего фокус национальных надежд евреев снова сместился в сторону находящегося под властью Турции региона между Средиземным морем и рекой Иордан, где к 1905 году было создано, в основном усилиями русских евреев, уже полсотни еврейских поселений.

В начале 1906 года Черчилль опубликовал двухтомную биографию своего отца. Этот труд Уинстона Черчилля был удостоен исключительно враждебной рецензии в газете «Дейли телеграф». Анонимный рецензент описывал отношение лорда Рэндольфа Черчилля к своим друзьям как «часто отталкивающее,

а порой даже бесчестное; он вообще с большой небрежностью относился к правде». Самого У. Черчилля автор рецензии остро критиковал за «многочисленные ляпсусы, продиктованные дурным вкусом, которых набралось уже слишком много на протяжении его карьеры».

Прочитавший эту анонимную рецензию кузен Уинстона Черчилля, девятый герцог Мальборо, был возмущен поступком издателя газеты – еврея по имени Гарри Леви-Лоусон, который допустил подобную публикацию. Он написал Уинстону, что намерен «призвать этого грязного еврейчика к суровому ответу».

В своем письме в «Дейли телеграф» девятый герцог Мальборо писал, что автор рецензии использует в нападках на покойного «совершенно не английские приемы». Посылая копию письма Уинстону Черчиллю, герцог Мальборо пояснял: «Я надеюсь, что слова «не английские» будут поняты внимательными читателями моего письма». Он добавлял, что сознательно воспользовался этой возможностью подвергнуть Леви-Лоусона «публичному оскорблению. Я не позволю евреям утверждать, что члены моей семьи бесчестны, не ответив им крепче, чем они ожидают».

«Дейли телеграф» принесла свои извинения. Герцог Мальборо продолжал изливать гнев, написав Черчиллю: «С евреями нельзя обращаться столь же доброжелательно, как это принято между христианами». Черчилль не откликнулся; он был плотно занят предстоящими выборами. 12 января его избрали членом парламента от либеральной партии по северо-западному округу Манчестера.

Летние каникулы Уинстон Черчилль провел, путешествуя по Европе. При этом он посетил Эрнеста Касселя на его вилле в Швейцарских Альпах, Лайонеля Ротшильда, вместе с которым путешествовал по Италии, и барона де Фореста в замке Эйхштатт в Моравии. Все трое были евреями.

Вернувшись в Великобританию, в октябре Черчилль женился на «своей любимой Клементине». Его первым публичным выступлением после женитьбы стала речь на митинге в Манчестере в поддержку Еврейского больничного фонда. Его встречи с представителями еврейской общины Манчестера позволили ему почувствовать поворот общественного мнения в сторону большей социальной ответственности и взаимопомощи, что произвело на него большое впечатление и оказало на него сильное влияние как на политика.

В своем избирательном округе он делал периодические взносы в пользу еврейской столовой, еврейского молодежного клуба, еврейского теннисного и крикетного клуба. Газета «Таймс» описывала посещение им еврейской больницы, религиозной

школы Талмуд-тора и клуба еврейских рабочих, где он сказал, что «не может представить себе лучшего способа объединить еврейскую общину, чем создание подобных клубов». Черчилль добавил, что, посетив больницу и школу Талмуд-тора, он был «очень тронут той работой, которую проводит там еврейская община». Он считал, что «люди могут объединиться лишь на базе какого-то основополагающего общего принципа. В этой части Манчестера евреи сохраняют дух своего народа и свою веру». Он посоветовал им сохранять и поддерживать этот дух, сказав: «Это замечательная вещь, которая объединяет вас, дарит вам вдохновение и является источником вашей силы».

Черчилль также присутствовал на специальной службе в Большой синагоге на Читэм-хилл роуд, проводившейся для сбора средств в пользу Еврейской мемориальной больницы имени королевы Виктории. Из еврейской юношеской бригады был составлен почетный караул. Настоятель кафедрального собора Манчестера епископ Уэлдон, в школьные годы Черчилля возглавлявший колледж в Харроу, направил теплое послание со словами поддержки благотворительного проекта «своих еврейских сограждан».

В ту же ночь в театре «Палас» состоялся митинг в поддержку Еврейского больничного фонда. Рассказав о «приятном и памятном дне, проведенном в северо-западном Манчестере», Черчилль сказал, что «мы много слышали в эти дни о пользе совместной общинной жизни. Я полагаю, что, если мы собираемся обеспечить достойную жизнь большим массам людей, то мы должны изучать успешные примеры общинной жизни так, как мы до сих пор не пытались этого делать. Для достижения конкретных целей мы должны уметь объединяться вместе». При этом общественная жизнь «ничего не стоит, если за ней не стоят личные усилия. Простая механическая организация общества в большие группы была бы абсолютно бесплодной, если бы эти большие группы не поддерживались сильным духом личной заинтересованности». Это было его искренним убеждением. Если можно сделать так, чтобы люди «прилагали усилия для процветания этой конкретной больницы, чтобы это процветание непосредственно зависело от них, то они бы создали что-то новое в этом мире. Они бы получили рычаг, с помощью которого могли бы устранить грех, болезни, горе и нужду. И это было бы ценнее деятельности любой обычной официальной организации, потому что несло бы на себе отпечаток как личного участия людей, так и их коллективных устремлений».

– Я совершенно уверен в том, – сказал далее Черчилль, – что, если бы мы вели активную общественную жизнь, то мы бы

получили более высокие стимулы, большую движущую силу. Евреи стали удачливой общиной, потому что в них присутствовал их общинный дух, дух их расы и веры». Он не желает, чтобы «этот дух использовался лишь для каких-то узкоклановых целей, лишь для того, чтобы отделить себя от других». Он верил, что это расходилось бы «с их истинными настроениями и намерениями». Он видел, что «та активная движущая сила, которая была характерна для их общины, придает их организациям живучесть, которую не может дать ничто другое».

«Я говорю вам: будьте хорошими евреями, – заявил Черчилль. И добавил под звуки приветствий: – Еврей не может быть хорошим англичанином, не являясь хорошим евреем».

После столь энергичной и успешной борьбы против предложенного консерваторами закона об иностранцах Черчиллю пришлось затем противостоять в парламенте новому проекту закона об иностранцах, внесенному уже правительством либералов. И пусть новый проект, ставший законом в 1908 году, существенно отличался от выдвинутого в свое время консерваторами, он тем не менее оставался по существу ограничительным. 8 февраля Черчилль написал письмо протеста министру внутренних дел Герберту Гладстону в связи с новым законом: «Я озабочен тем, что, как я на днях узнал, еврейская община страны горько разочарована последствиями применения этой грубой и непростительной меры – нового закона об иностранцах… Я надеюсь, что вы сможете что-нибудь предпринять, чтобы успокоить широко распространившееся чувство недовольства. Я уверен, что либеральная партия должна поддержать аннулирование столь глупого законодательного акта».

Далее Черчилль изложил свои замечания относительно вступившего в силу закона: закон на деле совсем не препятствовал въезду в страну «всякого рода мошенников, бродяг, воров обоего пола, если только они сумеют (на ворованные деньги) прибыть в Великобританию первым или вторым классом. Но он препятствует прибытию честных, но бедных людей». Далее Черчилль указывал, что с теми, кого вернули «из страны обетованной в места отчаяния – то есть из Англии в Россию, обошлись столь жестоко лишь потому, что у них не было достаточных средств, а не потому, что они нежелательны в том смысле, как нежелательны бесчестные или развращенные люди. Официальные лица, ответственные за применение этого закона, использовали неприемлемые и поверхностные критерии при своих обследованиях и проверках потенциальных иммигрантов». При этом детей отрывали от родителей, а «люди, насильственно

возвращенные в свои страны, снова прибывали сюда за счет благотворительных организаций в виде пассажиров первого класса. Это показывает гротескный результат действий нового закона. Если только иностранец сумеет выпросить, занять или украсть деньги на билет первого класса, то он приветствуется. Если он сэкономит и прибудет по билету третьего класса, он отвергается, разве только у него есть с собой достаточная сумма денег, размер которой меняется по прихоти министра внутренних дел». Закон в результате был одновременно «и бесполезным, и обременительным».

14 марта 1907 года Черчилль возглавил группу депутатов парламента, протестующих против введенной новым законодательством высокой платы за получение британского гражданства, которая добилась приема у премьер-министра сэра Генри Кемпбелла-Бэннермана. Но, несмотря на эту встречу и на еще одну инициативу Черчилля год спустя, плата за получение гражданства оставалась слишком высокой для малоимущих иммигрантов. Усилия Черчилля по изменению ситуации оказались безуспешными. Однако его озабоченность положением с иммиграцией была совершенно искренней. Он постоянно добавлял новые факты и подробности в свои выступления против нелепого иммиграционного законодательства, оттачивая свою аргументацию в борьбе с ним. Но он по-прежнему оставался в меньшинстве, даже внутри своей собственной либеральной партии.

В январе 1908 года, через несколько месяцев после возвращения Черчилля из поездки по Восточной Африке, видный британский сионист Моше Гастер попросил его обратиться с посланием к ежегодной конференции Английской сионистской федерации. Федерация настаивала на том, чтобы Палестина, а не Восточная Африка, стала местом создания еврейского национального очага. Гастер просил Черчилля включить в послание положение о признании Иерусалима в качестве «единственной конечной цели» еврейского народа и о том, что достижение этой цели должно стать «одной из немногих ясных задач на ближайшее будущее».

Черчилль знал, что подобное положение о статусе Иерусалима может быть одобрено «территориалистами», имевшими большое влияние в Манчестере и еще не оставившими надежду на создание еврейских поселений под властью британской короны в Восточной Африке. Поскольку Черчилль сильно зависел от избирателей-евреев Манчестера, он не решился включить подобный пассаж о Иерусалиме в свое послание. Объясняя это решение Черчилля, Эдвард Марш, личный секретарь

У. Черчилля, написал Гастеру, что, «к большому сожалению и разочарованию Черчилля, последний считает необходимым подчеркнуть, что ему не следует публично озвучивать мнение, содержащееся во второй части проекта послания и затрагивающее щекотливые проблемы до тех пор, пока он не вернется в положение большей свободы и меньшей ответственности». Марш добавил: «Черчилль просит рассматривать эти слова как совершенно личные, предназначенные лишь для Вас».

В результате текст послания Черчилля, направленного 30 января 1908 года ежегодной конференции Английской сионистской федерации, был сформулирован следующим образом: «Я с полной симпатией отношусь к традиционным историческим ожиданиям евреев. Их возвращение в то место, которое исторически служило центром их государственности, символом национального и политического единства стало бы великим событием в истории всего мира. Будут ли основные усилия еврейского народа сосредоточены на обретении национального очага в Палестине, или же пока что будут выбраны иные возможные места для объединения евреев, изо дня в день страдающих от своей раздробленности и разбросанности, – это те вопросы, на которые я едва ли способен дать определенные ответы».

В апреле 1908 года Черчилль был назначен на свой первый министерский пост – пост президента Торговой палаты. По тогдашним парламентским правилам он должен был быть после этого переизбран в парламент. Черчилль принял участие в выборах, однако потерпел поражение. Чтобы сохранить свой министерский пост, он принялся срочно искать другой избирательный округ и в конце концов нашел его в Данди, в Шотландии.

Дружеские отношения, возникшие между Черчиллем и лидерами еврейской общины Манчестера, были подлинными и имели большое значение. Один из лидеров общины, Джозеф Дальберг, написал Черчиллю, пытаясь как-то утешить его после поражения на выборах: «Лично для меня, как и для многих других людей, расставание с вами является большой утратой, и я не могу свыкнуться с ней. Утешением для меня служит то, что я сделал все, что мог, для вашего успеха, и в том, что касается ваших еврейских избирателей, вы не должны были быть разочарованы. Если бы другие группы избирателей так же сплотились вокруг вас, вы бы выиграли с большим перевесом. Согласно нашим подсчетам, на вашей стороне было не менее 95 процентов еврейских избирателей».

Осенью 1908 года, не будучи более членом парламента от

Манчестера, Черчилль приехал туда, чтобы открыть новый корпус здания еврейской больницы в Читэме. «Когда я появился среди своих еврейских друзей в Читэме, – сказал Черчилль, – то меня, как всегда, ожидал добрый и сердечный прием». Являясь членом парламента от Манчестера, он принимал особое участие в делах еврейской общины. И хотя сейчас он больше не представлял их в парламенте, его интерес к жизни общины сохранился. Он с удовольствием наблюдал за жизнью и работой еврейской общины в Англии. Он отмечал при этом, что в общине существовало высокое чувство коллективной ответственности и чувство долга.

Еврейская больница, заявил Черчилль, была одним из примеров «тех совместных общиных проектов, которые с воодушевлением осуществляли евреи Манчестера. Существует так много болезней и лишений, что нужно иметь каменное сердце, чтобы воздерживаться от помощи и выражения сострадания к ближним». Он сказал, что «можно по праву гордиться тем, что эта больница открыта для всех, независимо от воззрений, национальности и условий жизни». Он заявил, что всегда будет с гордостью хранить подаренные ему ключи от больницы. Они будут символизировать не только его связь с больницей, но и память о еврейской общине Манчестера, к которой он навсегда сохранит самое теплое чувство дружбы и уважения.

Выражая искреннюю признательность Черчиллю, президент Сионистского комитета Манчестера и попечитель больницы доктор Чарльз Дрейфус отметил, что имя Черчилля «сохранится в потомстве как имя одного из тех людей, кто завоевал любовь евреев, и особенно тех из них, кто ощутил на себе негативные последствия отвратительного закона об иностранцах, против которого он столь блестяще боролся. Они верят, что на своем ответственном посту он сумеет добиться того, что трудности, испытываемые иностранцами, будут в конечном счете минимизированы, и поможет им своей энергией и влиянием».

В 1910 году Черчилль был назначен министром внутренних дел, отвечавшим за поддержание общественного порядка. Август 1911 года стал для него временем подлинных испытаний – в этот период прошел ряд общенациональных забастовок в портах, на железных дорогах и на рудниках. В центре этих промышленных конфликтов стояла борьба за повышение заработной платы и за лучшие условия работы. Но эти конфликты привели к побочному результату, имевшему трагические последствия для евреев – к единственному в истории Великобритании еврейскому погрому.

Нападения на лавки и дома, которыми владели евреи, произошли в Южном Уэльсе. Акты насилия начались 18 августа в

горняцком городе Тредегар, где тридцать еврейских семей жили среди двадцатитысячного населения. При этом семнадцать семей владели магазинами, одна семья занималась производством минеральной воды, в трех торговали вразнос, а еще один еврей был раввином. Лишь одна еврейская семья владела доходным домом, помещения в котором сдавались внаем. Но по городу прошел слух о том, что будто бы домовладельцы-евреи изгоняют те семьи горняков, которые не могут вовремя оплатить свои расходы, а сами при этом постоянно повышают квартплату, требуя все больше. Этот слух быстро распространился среди шахтеров, и в течение трех дней на евреев Тредегара, их дома и лавки совершались нападения.

Черчилль предпринял немедленные жесткие меры. Полиции было приказано блокировать въезды в город, чтобы воспрепятствовать появлению там преступников из соседних городов, привлеченных возможностью легкого грабежа. 20 августа, на третий день насилий, после того как выяснилось, что полицейские кордоны не могут полностью блокировать въезды в Тредегар, Черчилль совместно с Министерством обороны организовал отправку туда сотни солдат.

Но нападения на евреев продолжались, постепенно распространившись от Тредегара до Эббоу-Уэйл и далее в другие небольшие города и поселки. Правда, при этом никто из евреев не был убит. В Эббоу-Уэйл нападения на евреев и еврейскую собственность начались 21 августа. Войска достигли этого города лишь к полуночи. «Когда за несколько минут до полуночи грабежи достигли наивысшего уровня, – говорилось в отчете, полученном Черчиллем из Эббоу Уэйл, – раздались крики: «Солдаты идут!» Эффект был мгновенным. Грабители побежали в свои дома, как кролики в норы».

Когда вооруженные ломами бунтовщики ворвались в дом еврея, владевшего табачной лавкой, и проникли в гостиную, то находившиеся в доме мужчины, женщины и дети были вынуждены, по словам газеты «Джуиш кроникл», спрятаться на чердаке и были спасены только с появлением солдат. «После освобождения они обнаружили, что лавка была полностью разрушена, а товары украдены, – писала газета. – Газовые светильники были отвинчены и унесены».

Подобные отчеты о разрушениях и о том воздействии, которое оказывало появление солдат, дошли до Черчилля 22 августа. Его инструкции немедленно использовать войска, чтобы остановить антиеврейские выступления, были применены повсеместно, и 23 и 24 августа вспышек насилия уже не было.

Использование Черчиллем войск вызвало недовольство на

обоих краях политического спектра. Тред-юнионистам казалось непростительным использовать войска против горняков. Для консерваторов любое использование войск служило признаком неприемлемой милитаризации страны. Но Черчилль убедился, что его решение было эффективным, и, несмотря на политические атаки на него со стороны как консерваторов, так и либералов, послал дополнительный контингент войск в долину Сирхоуи, к югу от Тредегара, когда там тоже начались нападения на евреев.

Лидеры еврейской общины страны выразили признательность Черчиллю за его решительные действия. Дэвид Александер, президент Совета представителей британских евреев – организации, созданной для защиты интересов евреев, сказал в интервью: «Я полагаюсь на официальное заявление Министерства внутренних дел о том, что не существует больше причин для тревоги среди еврейской общины Южного Уэльса. В этом районе находится достаточно войск, и, пока не наступит полное успокоение, они не будут отозваны». Сообщая Совету представителей о вспышках насилия, Александер писал, что, прибыв в Лондон 21 августа, в самый разгар антиеврейских выступлений, он сразу отправился в Министерство внутренних дел. Там его приняли очень сердечно и пригласили приходить в любое время. Он получил веские заверения в том, что евреи будут обязательно защищены от возможных будущих нападений.

В последовавшие после нападений дни Черчилль проследил за тем, чтобы как можно больше нападавших были арестованы, предстали перед судом и были приговорены к срокам до трех месяцев каторжных работ. После того как эти приговоры были утверждены, местное население собралось на массовые митинги, на которых были собраны сотни подписей под обращениями к Черчиллю с протестом против этих приговоров. Делегации местного населения Уэльса представили эти петиции министру внутренних дел. Однако Черчилль ответил им, что в результате «серьезного и тщательного рассмотрения ситуации он решил, что не может вмешиваться в решения местного правосудия».

Используя свою власть министра внутренних дел, Черчилль без промедления употреблял силу для немедленного пресечения актов насилия против евреев в Великобритании.

Глава третья
Первая мировая война и ее последствия

4 августа 1914 года, вслед за вторжением немецких войск в Бельгию, с которой Великобритания была связана договором о союзе, действовавшим в течение более чем семидесяти лет, Великобритания объявила войну Германии. Все германские подданные, находившиеся в Великобритании, в силу законов военного времени могли автоматически стать «враждебными иностранцами». К их числу принадлежали и являвшиеся германскими подданными этнические евреи, давно перебравшиеся на жительство в Англию. Одним из них был и Ганс Герцль – сын Теодора Герцля. «С помощью Уинстона Черчилля, – вспоминал позднее видный британский сионист Зелиг Бродецки, – Ганс немедленно получил британское подданство, как только началась война».

Когда началась война с Германией, Черчилль оказал поддержку двум другим евреям – членам парламента. Когда его родившийся в Австрии друг барон де Форест, член парламента от либеральной партии, избранный по округу Уэст-Хэм, был обвинен в принижении роли британских Вооруженных сил и в том, что в своих речах поддерживал идею победы Германии в войне, Черчилль написал генеральному прокурору Великобритании следующее письмо: «Я убежден в лояльности барона де Фореста и в присущем ему чувстве долга, хотя, видимо, временами он позволял себе говорить чересчур свободно и его аргументы заходили слишком далеко». Черчилль добавил, что де Форест, занимавший должность заместителя командующего резерва ВМФ, уже отбыл во Францию на театр военных действий, что делает абсурдными все выдвинутые против него обвинения и саму возможность его дальнейшего преследования. В следующем году Черчилль прекратил свое членство в Реформ-клубе после того, как де Фореста исключили из членов этого клуба.

После начала войны родившийся в Германии Фрэнк Голдсмит, член парламента от консервативной партии по округу Стоумаркет, был обвинен в прогерманских симпатиях. Все началось после того, как его племянник Эрнст фон Маркс прислал ему телеграмму из Германии, в которой патетически спрашивал: «Как ты можешь думать о том, чтобы сражаться за кого-то еще, кроме твоей Родины?» В избирательном округе

Голдсмита начались волнения. Черчилль, по словам сына Голдсмита, был одним из немногих коллег-парламентариев, последовательно «стоявших за него».

Когда военные действия на море усилились, Черчилль как первый лорд адмиралтейства столкнулся с растущим дефицитом в Великобритании ацетона – растворителя, используемого при производстве кордита, важнейшего взрывчатого вещества. Через главу порохового отдела адмиралтейства сэра Фредерика Натана Черчилль связался с Хаимом Вейцманом, работавшим в Манчестерском университете. В своих мемуарах Вейцман так вспоминал об их встрече: «Мистер Черчилль тогда был намного моложе. Он был подвижный, обаятельный, обворожительный и энергичный. Когда мы встретились, то его первыми словами были: «Итак, доктор Вейцман, нам нужно тридцать тысяч тонн ацетона. Можете ли вы их произвести?» Я был так напуган этими гигантскими цифрами, что чуть не поджал хвост». Вейцман ответил Черчиллю: «До сих пор мне удавалось производить лишь нескольких сотен кубических сантиметров ацетона путем процесса ферментации. Я всего лишь химик-исследователь. Но если технология производства ацетона путем ферментации будет окончательно отлажена, то ацетон таким способом можно будет производить практически в любых масштабах. Для этого мне потребуется хороший инженер и поддержка со стороны правительства, чтобы я мог получить необходимых мне людей, оборудование, помещения и все остальное».

Это вполне устроило Черчилля, и Вейцман вспоминал: «Я получил карт-бланш от Черчилля и от порохового отдела адмиралтейства и взялся за работу, потребовавшую от меня всей моей энергии в течение последующих двух лет, работу, которая привела к последствиям, которых я не мог даже представить себе». Одним из таких последствий явилось сотрудничество Х. Вейцмана с преемником Черчилля на посту первого лорда адмиралтейства Артуром Бальфуром. Вейцману удалось убедить Бальфура поддержать идею создания еврейского национального очага в Палестине, которую можно было бы осуществить после поражения Турции в Первой мировой войне.

Через четыре месяца после начала войны бои на Западном фронте превратились в позиционные. Война зашла в кровавый тупик. Это побудило Черчилля выступить с предложением осуществить атаку против Турции – союзника Германии и Австро-Венгрии. Черчилль предложил высадить морской десант на Галлиполийском полуострове, откуда можно было угрожать

турецкой столице Константинополю. Черчилль полагал, что это может заставить Турцию выйти из войны, что приведет к ослаблению коалиции центральных держав. Он надеялся, что в конечном счете это позволит уменьшить продолжительность войны. Черчилль хотел покончить с тем, что он презрительно именовал «отправлять наши армии пережевывать колючую проволоку» на Западном фронте.

В боях на Галлиполийском полуострове с апреля по декабрь 1915 года вместе с британскими, австралийскими и новозеландскими частями сражался Сионский корпус погонщиков мулов. Это подразделение было сформировано в Египте из евреев, изгнанных ранее турками из Палестины.

Перспектива поражения Турции разожгла территориальные аппетиты Великобритании. Сэр Герберт Самуэль, один из двух евреев в составе британского кабинета министров, предложил распространить на Палестину власть британской короны с тем, чтобы в будущем она могла стать населенной преимущественно евреями самоуправляющейся территорией. Черчилль в свою очередь решил, что пришло время освободить Палестину из-под власти Турции, и в письме министру иностранных дел сэру Эдварду Грею предложил передать ее под управление Бельгии. Черчилль аргументировал это тем, что Бельгия с самого начала войны больше всего пострадала под гнетом немецкой оккупации. По иронии судьбы, именно сэр Герберт Самуэль руководил в Великобритании кампанией по приему бельгийских беженцев.

Провал морской наступательной операции в Дарданеллах привел к закату военной карьеры Черчилля. В декабре 1915 года Черчилль подал в отставку. Уйдя со своего правительственного поста, он отправился на Западный фронт, где в звании подполковника служил в должности командира батальона. В его дивизии переводчиком с французского языка работал тридцатилетний лейтенант-еврей Эмиль Герцог, впоследствии ставший известным как писатель Андре Моруа. Когда Черчилль решил дать возможность своим солдатам мыться в ванных, то Моруа по его просьбе отправился в соседний город Байе и договорился с местной пивоварней о том, чтобы она предоставила им свои бочки из-под пива вместо ванн. Позже, тоже по его просьбе, Моруа помог доставлять баранину, овощи и молочные продукты с ферм, расположенных за линией фронта, для нужд солдат и офицеров батальона. Позже Моруа писал: «Я не смею надеяться, что он заметил какого-то безвестного француза, который лишь смотрел на него с немым восхищением». Но на самом деле Черчилль заметил его и даже специально упомянул в письме своей жене Клементине об очень

«внимательном и элегантном офицере», приставленном к нему в качестве переводчика.

В мае 1916 года Черчилль вернулся в Великобританию и снова стал членом парламента. В декабре того же года Ллойд-Джордж был назначен премьер-министром. Он объявил о намерении «более решительно» вести войну. В июле 1917 года он назначил Черчилля министром вооружения. Черчилль стал отвечать за производство оружия, включая танки и авиацию, необходимые для победы над Германией. Одним из тех, с кем Черчилль работал вместе в своем новом министерстве, был сэр Альберт Стерн, генеральный директор Управления по производству танков и убежденный сионист. Другим ведущим сотрудником Министерства вооружений был эксперт в области взрывчатых веществ полковник Фредерик Натан, еврей по национальности. Под его началом работал Хаим Вейцман. А семью годами ранее Черчилль в качестве министра внутренних дел подписал документы, предоставляющие Вейцману британское гражданство.

В 1916 году Вейцман стал директором лабораторий британского адмиралтейства, в которых на основе процессов бактериальной ферментации вырабатывался ацетон, применявшийся при получении кордита, одного из важнейших взрывчатых веществ. Для ферментации Вейцман использовал бактерию clostridium acetobutylicum, известную как «организм Вейцмана». Одним из главных источников этих бактерий был каштан конский. 8 октября 1917 года в британских газетах появилось сообщение о том, что более 20 000 тонн конских каштанов, собранных школьниками, будут поставлены Министерству вооружений к концу года. Черчилль, которому раньше ничего не докладывали о роли каштанов в производстве кордита, был крайне удивлен этой новостью. Он написал сэру Фредерику Натану 2 ноября 1917 года: «Прошу объяснить мне, зачем вам понадобились каштаны и что вы собираетесь с ними делать?» Черчилль при этом подчеркнул слово «каштаны». Позже ему объяснили, для чего потребовались каштаны.

Письмо Черчилля по поводу сбора каштанов для нужд войны было послано в тот же самый день, когда А.Дж. Бальфур, министр иностранных дел в правительстве Ллойд-Джорджа, послал второму барону Ротшильду письмо, ставшее известным как Декларация Бальфура. Полностью это письмо, написанное на бланке Министерства иностранных дел, звучало следующим образом: «Правительство Его Величества[3] с одобрением рассматривает вопрос о создании в Палестине национального очага для еврейского народа и приложит все усилия для

содействия достижению этой цели; причем ясно подразумевается, что не должны производиться никакие действия, которые могут нарушить гражданские и религиозные права существующих нееврейских общин в Палестине, или же права и политический статус, которым пользуются евреи в любой другой стране».

Британский кабинет надеялся, что выдвинутая им идея создания еврейского национального очага в Палестине заставит живущих в России евреев способствовать тому, чтобы находившаяся тогда в состоянии революционной агонии Россия продолжала воевать против Германии на стороне союзников. Кабинет также рассчитывал, что благодаря этой декларации американские евреи будут содействовать ускорению военных приготовлений Соединенных Штатов, которые уже вступили в войну с Германией, но пока были не слишком активны на поле боя.

Ради этого Вейцман согласился поехать сначала в Соединенные Штаты, а затем в Россию, чтобы провести соответствующую пропагандистскую кампанию среди живших там евреев и убедить их стать сторонниками продолжения войны. Но 8 ноября 1917 года, еще до отъезда Вейцмана, большевики захватили власть в Петрограде и провозгласили окончание войны. Вождь большевиков Владимир Ильич Ленин обещал русским массам хлеб и мир; первым, что предоставило народу новое большевистское правительство в течение первых дней революции, стал мир, за которым почти немедленно последовала беспрепятственная германская оккупация огромных территорий на западе и юге России.

Декларация Бальфура была опубликована слишком поздно, чтобы предотвратить триумфальный приход к власти большевиков. Она, однако, побудила американских евреев, особенно выходцев из России, поехать в Палестину воевать с турками в составе британской армии. Среди этих рожденных в России евреев, записавшихся в 1918 году в британскую армию, был Нехемия Рубицов, оставшийся потом в Палестине. Там у него в 1922 году родился сын, ставший известным под именем Ицхака Рабина.

Черчилль всегда признавал, что декларация британского правительства, в которой с симпатией говорилось о создании в Палестине национального дома для еврейского народа, была прежде всего продиктована неотложными военными нуждами. Но впоследствии, когда ситуация изменилась, ее уже нельзя было отбросить. В глазах Черчилля также очень многое значил тот факт, что евреи-сионисты являлись противниками большевиков. Он ясно видел, в каком опасном положении оказались

Великобритания, Франция и Соединенные Штаты в марте 1918 года в результате выхода России из войны и укрепления большевистской диктатуры внутри самой России. Жестокое подавление Лениным демократически избранного Учредительного собрания и установление грубой тирании тайной полиции являлись для Черчилля совершенно неприемлемыми.

В Соединенных Штатах коллегой Черчилля в области организации производства вооружений был еврейский финансист Бернард Барух, являвшийся председателем комитета по военной промышленности в администрации президента Вудро Вильсона. Хотя Черчилль и Барух не встречались во время войны, они обменялись многими сотнями письменных посланий во время совместной работы по обеспечению поставок сырья, необходимого для поддержания военных усилий союзников.

Живший во Франции Зигфрид Сассун, член семьи Сассун, с которой Черчилль давно поддерживал тесные связи, писал страстные стихи, в которых он обличал бедствия и бесплодность войны. Черчилль знал эти стихи наизусть и часто читал их вслух. Когда Черчилля однажды пытались отговорить от встречи с Сассуном, он бросил: «Я нисколько не боюсь Зигфрида Сассуна. Этот человек умеет думать. Я боюсь лишь тех людей, которые не умеют думать».

Первая мировая война закончилась 11 ноября 1918 года. Премьер-министр и лидер либеральной партии Дэвид Ллойд-Джордж организовал новые выборы. В результате выборов большинство в палате общин завоевали консерваторы, которые вскоре согласились войти в широкую правительственную коалицию наравне с либеральной партией Ллойд-Джорджа. 26 декабря, когда Ллойд-Джордж формировал свой кабинет, Черчилль направил ему свои соображения по составу нового правительства: «Мне кажется, что у вас в правительстве не должно быть слишком много евреев». Обсуждая стремление трех видных членов либеральной партии, евреев по национальности, войти в состав правительства, Черчилль отметил, что двоих он был бы готов видеть в правительстве, однако кандидатура третьего казалась ему уже явным перебором: «Я боюсь, что наличие сразу трех евреев в числе всего семи либералов – членов кабинета может вызвать нежелательные толки». В результате на министерский пост был назначен всего лишь один еврей. Ллойд-Джорджу пришлось уступить несколько министерских постов консерваторам, дабы сохранить коалицию.

В этом кабинете Черчилль стал министром обороны. Его главная задача заключалась в том, чтобы четко и спокойно

провести демобилизацию огромной британской армии. Точно так же, как и их товарищи по оружию, о демобилизации мечтали и солдаты-евреи. Черчилль установил правило, согласно которому из армии увольнялись в первую очередь те, кто прослужил дольше всего.

Через два года после окончания войны Черчилля попросили написать предисловие к книге памяти, в которой содержался список всех сражавшихся в британских войсках солдат-евреев, в том числе и убитых на полях сражений в период 1914–1918 годов. «Я с большим удовольствием выполню вашу просьбу написать предисловие, – писал он. – Я чувствую, однако, что такое послание является излишним перед лицом фактов, которые говорят сами за себя». Черчилль отметил, что хотя евреи составляют «лишь небольшой процент населения Британской империи, 60000 из них сражались на войне в Европе, Африке и Азии. И 2324 человека отдали свои жизни в борьбе за общее дело и еще 6350 были ранены».

Черчилль с чувством глубокой признательности к героям войны указывал, что пять евреев были удостоены Креста Виктории – «высочайшей награды, возможной в нашей стране», а еще 1533 получили другие награды за храбрость. Его письмо заканчивалось словами: «Я могу с уверенностью сказать, что это свидетельствует о большой доблести и о больших заслугах военнослужащих-евреев. Британские евреи могут с законной гордостью вспоминать о той важной роли, которую они сыграли в достижении победы в этой великой войне».

Основной задачей Черчилля в Министерстве обороны было продолжать ту политику, которая была выработана еще до его вхождения в состав кабинета, и состояла прежде всего в снабжении британским оружием белых армий в России, пытавшихся в тот момент изгнать большевиков из Петрограда и Москвы. 2 июня 1919 года он ознакомился с заявлением одного ведущего русского политика, являвшегося идейным противником большевиков, в котором говорилось о том, что, если Петроград будет захвачен белыми, то от победителей следует ожидать «больших эксцессов». Черчилль немедленно попросил начальника Генерального штаба подготовить проект телеграммы командующему британскими войсками на севере России. Черчилль заявил, что любые вооруженные силы, поддерживаемые Великобританией хотя бы косвенно, «должны действовать в соответствии с признанными законами и обычаями ведения войны и вести себя гуманно». Посланная командующему британскими войсками телеграмма содержала упоминание о

широкой, хотя и далеко не всеобщей поддержке большевиков евреями, и о негативных последствиях, которые могли наступить из-за этого для евреев. «Ввиду видной роли евреев в организации большевистской власти и террора, – говорилось в телеграмме, – существует особая опасность еврейских погромов. Против этой опасности следует энергично бороться».

Во время боевых действий против большевиков на юге России Добровольческая армия под командованием генерала Деникина подвергла евреев жестокому обращению в более чем 160 городах и деревнях. Несколько тысяч евреев были убиты. Дело было не только в глубинных антисемитских традициях южной России и Украины, где еврейские погромы происходили начиная с семнадцатого века, но и в том, что после большевистской революции 1917 года многие евреи в надежде завоевать для себя лучшее будущее переметнулись к большевикам. Несколько евреев, имена которых стали широко известны и которых все страшно боялись, стали политическими комиссарами большевиков и занимались установлением коммунистического правления в южной России с особой жестокостью и страстью.

Черчилль был осведомлен об этом, и делал все, чтобы не допустить неоправданного террора по отношению к евреям. 18 сентября 1919 года он предупредил командующего британскими силами в южной России генерала Хольмана: «Очень важно, чтобы генерал Деникин не только сделал все, что в его силах, дабы предотвратить убийства евреев в освобожденных районах, но и издал специальные прокламации против антисемитизма». Черчилль добавил: «В Англии евреи очень влиятельны и, если бы все убедились, что Деникин защищает евреев во время продвижения вперед своих войск, то это значительно облегчило бы мою задачу».

14 октября Черчилль объявил, что хотя британские войска и выводятся из России, британская материальная и военная помощь русским антибольшевистским силам будет продолжена. Черчилль указывал, что одним из результатов продолжающейся британской помощи должно было стать «уменьшение антисемитизма, который спровоцировали своими действиями комиссары-евреи и который так твердо старался сдерживать генерал Деникин».

Убийства евреев белыми армиями продолжались. 21 октября Черчилль составил проект инструкции для отправки генералу Хейкингу, старшему британскому представителю, прикомандированному к белым армиям на юге. В инструкции говорилось: «Должно быть сделано все… чтобы предотвратить массовые репрессии… Все, что будет напоминать еврейские погромы, нанесет колоссальный вред делу русских».

Инструкции Черчилля сопровождались угрозой введения эмбарго на поставку вооружений. «Все влияние британского представителя должно быть использовано для обеспечения безопасности ни в чем не повинных евреев и непредвзятого судебного разбирательства для всех виновных. Генерал Хейкинг уполномочен сделать для этого все, вплоть до прекращения дальнейших поставок вооружения в Россию. Используя этот важный рычаг, он сможет снизить уровень жестокости по отношению к евреям».

Получив записку от Ллойд-Джорджа о продолжающихся убийствах евреев белыми русскими армиями, Черчилль обратился с посланием непосредственно к Деникину: «Я знаю, что сейчас, когда достигнуты столь блестящие результаты, ваше превосходительство понимает жизненную необходимость всеми возможными средствами воспрепятствовать плохому обращению с еврейским населением. Мне будет бесконечно труднее продолжать обеспечивать русскому национальному делу поддержку в британском парламенте, если из тех мест, что заняты Добровольческой армией, будут продолжать поступать жалобы от евреев. Я знаю об усилиях, уже предпринятых вами в этой связи, и о том, как трудно сдерживать антисемитские чувства. Но, являясь вашим искренним доброжелателем, я прошу вас удвоить эти усилия и дать мне возможность с аргументами в руках отстаивать честь Добровольческой армии».

На следующий день после отправки этого послания Черчилль написал Ллойд-Джорджу: «Я послал вам несколько документов, касающихся обращения Добровольческой армии с евреями». Из этих документов следовало, что «действия евреев, которых считают главными вдохновителями разрушения Российской империи и которые, безусловно, играли ведущую роль в большевистской революции, породили чувство ожесточения во всей России». Одним из результатов этого стала «страшная резня» евреев на Украине, осуществленная бойцами Симона Петлюры, провозгласившего себя главой Украинской народной республики, бойцами вождя анархистов Нестора Махно и солдатами генерала Григорьева, бывшего царского генерала, недавно устроившего резню евреев в Одессе.

Другой вывод Черчилля заключался в том, что антисемитские чувства разделялись и всеми бойцами, которые служили под началом Деникина. Но, поскольку в его армии царил высокий уровень дисциплины, «подобные чувства можно было сдерживать». Далее Черчилль указывал, что Деникин по собственной инициативе «постоянно предотвращал всеми доступными ему средствами нападения на евреев, в результате

чего он подвергался нападкам петлюровцев и раздраженных такой политикой украинцев, которые упрекали его в том, что он – защитник евреев и даже куплен ими».

Черчилль сообщал Ллойд-Джорджу о том, что глава британской миссии генерал Хольман высоко оценил предпринятые Деникиным усилия с целью предотвратить убийства евреев. В этом смысле Хольман безоговорочно ручался за него и за все командование Добровольческой армии. В ответном письме Ллойд-Джордж отметил: «Действительно, присланные вами документы показывают, что высшее командование Добровольческой армии прилагает все возможные усилия с целью не допустить подобных инцидентов».

В качестве министра обороны Черчилль нес также ответственность за Палестину, находившуюся после поражения Турции в Первой мировой войне под управлением английской администрации. 10 сентября Хаим Вейцман в качестве главы базировавшегося в Лондоне Исполнительного сионистского комитета написал ему письмо, прося назначить новым главой администрации того, кто симпатизировал бы идеям сионизма. Сам Вейцман предлагал в этой связи кандидатуру генерала Уиндхема Дидса. Генерал Дидс отвечал за организацию снабжения еврейских колоний в Палестине после войны. Вейцман сообщил Черчиллю, что он уже обсуждал возможность назначения Дидса с генералом Алленби на Парижской мирной конференции и ему показалось, что Алленби «с симпатией отнесся к такому предложению».

У Вейцмана имелись и другие просьбы. Всемирная сионистская организация, президентом которой он являлся, была «крайне заинтересована в том, чтобы прислать в Палестину группу экспертов для общего исследования страны и подготовки планов на будущее с тем, чтобы, когда будут приняты соответствующие политические решения, еврейский народ смог не теряя времени начать работу по превращению Палестины в свой национальный очаг». Вейцман писал, что в ходе своих бесед с Алленби в Париже он очень твердо настаивал на этом, указывая, что сионисты должны эффективно использовать нынешний переходный период для того, чтобы все детально подготовить к моменту принятия политических решений.

Сионистская организация была заинтересована и в конкретных шагах со стороны британской администрации в Палестине, объяснял Черчиллю Х. Вейцман. «Не стоит и говорить о том, что теперь мы надеемся на доброжелательное отношение британской военной администрации к сионистскому движению в

Палестине и ожидаем подобного отношения к себе, – писал он. – Не хотелось бы вспоминать прошлое, однако прежде в течение достаточно длительного времени мы сталкивались с довольно неприязненным отношением британской военной администрации Палестины. К счастью, в последнее время благодаря новым инструкциям, посланным туда из Лондона, обстановка претерпела заметные положительные изменения. Отношение британской администрации к евреям перестало быть холодным и неприязненным, и британские власти начали с пониманием относиться к роли евреев в Палестине. Мы будем только счастливы видеть развитие этой тенденции».

Черчилль переслал это письмо Алленби, который 15 октября 1919 года ответил ему: «Как бы ни были велики мои симпатии к целям сионистов, необходимо помнить, что Палестина в настоящее время – лишь оккупированная вражеская территория, полностью находящаяся под управлением нашей военной администрации. Поэтому назначение главы администрации находится полностью в компетенции Министерства обороны, и на него не может никоим образом влиять Исполнительный комитет Сионистской организации. Это, по-видимому, не совсем ясно доктору Вейцману».

Шесть месяцев спустя Дидс действительно был назначен главой британской военной администрации. На этом посту он проявлял сочувствие к целям и позиции сионистов.

В качестве министра обороны Черчилль был озабочен будущим ближневосточных провинций потерпевшей поражение в войне Оттоманской империи. Он опасался, что предполагавшаяся передача мандатов на управление Палестиной и Месопотамией (Ираком) Великобритании приведет к тому, что его страна окажется втянутой в длительные конфликты на Востоке, которые дорого обойдутся ей. А глава британского правительства Д. Ллойд-Джордж постоянно подчеркивал, что его главной целью в области всех зарубежных сношений была экономия – экономия военных усилий и экономия затрат. Имея это в виду, 25 октября 1919 года Черчилль написал специальный меморандум для британского кабинета, предлагая не разделять территории Оттоманской империи между державами-победительницами, но сохранить ее общую конфигурацию неизменной, передав всю империю целиком под управление Лиги Наций.

Такой план означал бы отказ Великобритании от мандата на Палестину и, как следствие, сделал бы невозможным выполнение обязательства содействовать созданию еврейского национального очага, которое содержалось в Декларации Бальфура.

Выдвигая свое предложение об отказе от участия

Великобритании в разделе территорий Оттоманской империи и от последующего управления ими, Черчилль отмечал, что в настоящий момент Франция «заполняет Сирию полчищами алжирских войск и вскоре будет вовлечена там в продолжительный и кровавый конфликт с арабами, защищающими свою страну». По мере развития этой борьбы симпатии Великобритании неизбежно будут все более смещаться в сторону арабов, что нанесет «серьезный ущерб» англо-французским отношениям. Относительно же Палестины Черчилль писал: «Наконец, есть еще евреи, которым мы обещали дать возможность поселиться в Палестине и которые при этом уверены, что местное население должно быть ради их удобства удалено оттуда».

Вышеупомянутые причины, предупреждал Черчилль, могли негативно повлиять на позицию Великобритании в качестве величайшей мусульманской державы, которой она объективно являлась благодаря наличию двадцати миллионов мусульман в Британской Индии. Участие в разделе территорий Оттоманской империи грозило ввергнуть Великобританию «в колоссальные расходы и трудности». Поэтому в конечном счете он «вопреки своему желанию пришел к заключению», что политика разделения Турции между европейскими державами была ошибкой.

Если бы Ллойд-Джордж положительно отреагировал на предложение Черчилля, то Великобритания перестала бы нести ответственность за создание еврейского национального очага. Однако Ллойд-Джордж желал в любом случае сохранить британское правление в Палестине и был привержен идее создания еврейского национального очага в соответствии с Декларацией Бальфура. В последующие четыре месяца Черчилль также стал явным и определенным сторонником выполнения этого обязательства.

Глава четвертая
«Борьба за душу еврейского народа»

Стремясь сокрушить большевизм в России, Черчилль детально проанализировал состав и организацию большевистского правительства в Москве. Ему были известны имена и происхождение всех вождей большевиков. Черчилль знал, что чуть ли не единственным членом Центрального Комитета нееврейского происхождения был лишь Ленин. Ни Черчилль, ни его коллеги не были в курсе, что дед Ленина по отцу был евреем[4].

Выступая 2 января 1920 года в Сандерленде с обзором международной ситуации, Черчилль назвал большевизм «еврейским движением». Черчилль не испытывал ничего кроме презрения к тому, что он называл «грязным большевистским кривляньем». Его старый друг со времен службы в британском адмиралтействе, капитан Кроми был убит на ступенях британского посольства в Петрограде во время нападения на него агентов ЧК. Черчилль тщательно изучил систему большевистского террора против политических оппонентов, демократов и сторонников соблюдения Конституции, и он знал о той существенной роли, которую отдельные евреи играли в установлении и поддержании большевистского режима.

Для нескольких миллионов евреев России, захваченных быстрым и зачастую беспощадным распространением большевистской революции, оставались три возможности: эмиграция – либо в Палестину, либо на Запад, возможность пытаться поддерживать еврейские социальные, религиозные и культурные учреждения внутри России, невзирая на большевистские репрессии, или же союз с большевиками. Меньшинство выбрали последнее. Имея это в виду, 8 февраля 1920 года, через месяц после своей речи в Сандерленде, Черчилль опубликовал в популярной британской воскресной газете «Иллюстрейтед санди геральд» большую статью, в которой призывал евреев в России и за ее пределами выбирать между сионизмом и большевизмом. «Некоторым нравятся евреи, а некоторым нет, – писал Черчилль, – но ни один думающий человек не сомневается, что это – один из самых заметных и выдающихся народов, появлявшихся на свете».

Черчилль в драматических выражениях описывал сам еврейский народ: «Конфликт между добром и злом, существующий в сердце каждого человека, нигде не достигает

такого накала, как в еврейском народе. Двойственная природа человечества нигде не проявляется более сильно». Развивая эту тему, он выразил свое глубокое уважение к тем аспектам иудаизма, которые произвели на него наибольшее впечатление вследствие его близкого знакомства с Ветхим Заветом. «Мы обязаны евреям христианскими откровениями, – писал он, – системой этики, которая, даже если ее полностью отделить от сверхъестественного, останется наиболее ценным достижением человечества, плодом объединения всех учений и накопленной им мудрости. На этой системе и через эту веру на обломках Римской империи построена вся существующая ныне цивилизация».

Черчилль считал, что, создав христианство, евреи не сказали своего последнего слова. «Может случиться так, – писал Черчилль, – что эта же поразительная нация в настоящее время создаст другую систему морали и философии, настолько же злонамеренную, насколько было благожелательным христианство, и которая, если только не будет остановлена, сможет необратимо пошатнуть все, что христианство сделало возможным». Речь шла о большевизме. «Кажется, будто евангелие Христа и евангелие Антихриста были предназначены для того, чтобы возникнуть среди одного и того же народа; и что эта мистическая и таинственная раса была избрана для высшего проявления как божественного, так и дьявольского».

Черчилль хотел избежать создания расового стереотипа. «Нельзя совершить большей ошибки, – писал он, – чем приписать каждой отдельной личности долю качеств, образующих национальный характер. Есть разные люди – хорошие, плохие и, большей частью, равнодушные – в любой стране и в любой нации. Ничто не может быть несправедливее, чем отрицать право каждого человека быть оцененным согласно его личным качествам и поведению. В народе, наделенном особыми дарованиями, как, например, у евреев, контрасты более очевидны, крайности более полярны и в результате последствия этого более значительны».

В нынешний «судьбоносный период» истории, писал Черчилль, «в среде евреев господствуют три главные политические концепции, две из которых весьма полезны для человечества, а третья абсолютно разрушительна». Существуют, во-первых, евреи, которые, проживая во всех странах мира, отождествляют себя с этими странами, являются частью их национальной жизни, и, хотя и придерживаются своей традиционной религии, рассматривают себя как граждане стран, когда-то принявших их. Такой еврей, живущий в Англии, может

сказать: «Я – англичанин, исповедующий иудейскую веру». Это, считал Черчилль, «достойная и в высшей степени полезная позиция. Мы в Великобритании хорошо знаем, что во время Первой мировой войны, этой великой битвы, подобные люди играли образцовую роль. И в армиях наших союзников, и в нашей собственной армии солдаты-евреи занимали выдающееся место. Некоторые из них поднялись до уровня командующих армиями, другие заслужили за свою отвагу Крест Виктории».

Черчилль указывал также, что «русские евреи», несмотря на бесправие, от которого они страдали, добились возможности «сыграть почетную и полезную роль в национальной жизни в России». В качестве банкиров и промышленников они энергично содействовали развитию экономических ресурсов России и были среди первых в создании таких организаций, как кооперативные общества. В политике они по большей части придерживались либеральных и прогрессивных взглядов и были в числе самых верных сторонников дружбы с Францией и Великобританией.

Говоря же о тех, кого он называл «международные евреи», то есть о евреях, поддерживавших большевистскую власть внутри России и стремящихся произвести перевороты большевистского образца за ее пределами, Черчилль подчеркивал: «В яростном противостоянии всей сфере плодотворных и полезных еврейских устремлений возникли зловещие планы «международных евреев». Приверженцы этого страшного союза нашлись среди тех несчастных групп населения, где евреи подвергались преследованиям из-за их происхождения. Большинство их, если не все, порвали с верой предков и выбросили из своей головы все надежды на лучшее будущее».

«Нет нужды преувеличивать роль, сыгранную этими международными и большей частью атеистически настроенными евреями в создании большевизма и в осуществлении революции в России, – заключал Черчилль. – Но все же роль, сыгранная ими, превосходит все остальные. Большинство ведущих фигур русской революции были евреями. Более того, основное влияние на развитие революции исходило от еврейских вождей. Они же являлись ее основной движущей силой».

Далее Черчилль перечислил имена нескольких евреев, обладавших реальной властью в России, и неевреев, которых они затмевали. «В советских учреждениях, – писал он, – преобладание евреев еще более удивительно. Значительную, если не ведущую роль в системе террора, насаждаемого Чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией – Чека, – играли евреи, а во многих случаях и еврейки». Это было верно, хотя основатель ЧК Феликс Дзержинский был поляк, а не еврей. Черчилль мог бы также

сообщить своим читателям, что в августе 1918 года глава Петроградской ЧК еврей Моисей Урицкий был убит другим евреем, Леонидом Канегиссером и что спустя две недели еврейка Фанни Каплан совершила покушение на Ленина.

«За пределами России, – сообщал Черчилль своим читателям, – то же зловещее преимущество было у евреев в короткий период правления Белы Куна в Венгрии. Такое же явление имело место в Германии (особенно в Баварии), пока этому сумасшествию было дозволено распространяться в период временного оцепенения немецкого народа». Хотя во всех этих странах, отмечал Черчилль, «были и неевреи, ни на йоту не отличавшиеся от самых скверных революционеров-евреев, роль последних по сравнению с их долей в общем составе населении удивительно велика».

Затем Черчилль обратился к вопросу о еврейских погромах на Украине, по поводу которых он раньше писал генералу Деникину. «Не стоит и говорить, – писал он, – что самая страстная жажда мести к евреям возникла в груди русского народа. При этом толпы разбойников, которыми была наводнена Россия, торопились насытить свою жажду крови и мести за счет неповинного еврейского населения, когда только представлялась такая возможность». Антибольшевистские атаманы «отмечали каждый свой успех самыми зверскими побоищами везде, где находили среди наполовину ошеломленного, наполовину рассвирепевшего населения активный отклик на антисемитизм в его самых худших и безумных проявлениях».

Черчилль отмечал, что «тот факт, что во многих случаях большевики исключали еврейские интересы и еврейские святыни из сферы своей разрушительной жестокости, привел к тому, что во все большей мере большевистские жестокости ассоциировались с самой еврейской нацией». Это, писал он, было несправедливо по отношению к миллионам беззащитных евреев, страдавших под гнетом большевистского режима. Поэтому было «крайне важно поддерживать и развивать каждое заметное еврейское движение, уводящее от этих ужасных ассоциаций. В этой связи весьма существенно то, что в настоящее время сионизм приобрел столь глубокое значение в глазах евреев».

Раздел статьи Черчилля, озаглавленный «Дом для евреев», являлся своего рода публичной декларацией в защиту сионизма. Базируясь на своей недавней переписке с Вейцманом и на своем опыте, приобретенном в Манчестере в процессе представления в парламенте избирательного округа, населенного в основном евреями, Черчилль сделал следующий вывод: «Сионизм предлагает третий вариант политической концепции для

еврейского народа. Резко контрастируя с международным коммунизмом, он предлагает евреям коренную национальную идею».

Британскому правительству, в результате приобретения им права на управление Палестиной, «представилась возможность обеспечить для евреев всего мира пристанище и создать центр их национальной жизни. Государственная мудрость и чувство истории мистера Бальфура помогли использовать эту возможность. Была принята декларация, однозначно определившая политику Великобритании в этой сфере. Пламенная энергия доктора Вейцмана, руководящего практическим осуществлением сионистского проекта и поддерживаемого многими известными британскими евреями, направлена на то, чтобы этот выдающийся проект оказался успешным».

«Конечно, – писал Черчилль, – Палестина слишком мала и способна принять лишь часть еврейского народа. К тому же большинство евреев, проживающих в других странах, и не стремится туда. Но если, как это может случиться еще в период нашей жизни, на берегах Иордана под покровительством британской короны будет создано еврейское государство, способное принять три или четыре миллиона евреев, то в мировой истории произойдет событие, благодетельное со всех точек зрения, событие, которое будет полностью гармонировать с истинными интересами Британской империи».

Черчилль отмечал, что сионизм уже оказался тем фактором, который привел к «политическим конвульсиям» в России и проявил себя «мощным соперником по отношению к международной коммунистической системе». Ничто не являлось более показательным, указывал он, чем «ярость», с которой Лев Троцкий, рожденный евреем, но отвергший еврейские национальные чаяния, «нападал на сионистов вообще» и на Вейцмана, в частности. «Злобная проницательность» ума Троцкого «не оставляла у него сомнений в том, что его планы создания всемирного коммунистического государства под властью евреев тают под воздействием этого нового идеала, направляющего энергию и надежды евреев всех стран к более простой, более истинной и более достижимой цели».

Черчилль сделал знаменательный вывод: «Начинающаяся борьба между евреями-сионистами и евреями-большевиками есть борьба за душу еврейского народа». «Поэтому особенно важно, – подчеркивал он, – чтобы в каждой стране евреи, преданные принявшей их земле, всегда занимали активную позицию, как это делали евреи Англии, и принимали значительное участие в

борьбе с большевистским заговором». Таким путем они смогли бы «восстановить честь еврейского имени» и показать всему миру, что «большевизм не есть еврейское движение, что в действительности он страстно отвергается подавляющей частью самих евреев».

«Пассивное сопротивление» большевизму недостаточным, указывал Черчилль. «Нужны практические альтернативы ему как в моральной, так и в социальной сфере. Быстрое создание национального еврейского центра в Палестине могло бы стать не только убежищем для людей, угнетаемых и подавляемых ныне в несчастных странах Центральной Европы, но и послужить символом еврейского единства и храмом еврейской славы, – писал он. – Это важное начинание благословили бы многие».

Хотя статья Черчилля содержала искреннее одобрение сионизма, содержащийся в ней раздел о большевиках-евреях вызвал раздраженный отклик «Джуиш кроникл», набросившейся на Черчилля с жесткой критикой. «Министр обороны, – писала газета, – обвиняет евреев в создании евангелия от Антихриста и в организации всемирного заговора с целью разрушения цивилизации». Он также обвиняет «бывшего еврея» Троцкого, порвавшего все связи с иудаизмом и даже отказавшегося выслушать мольбы евреев о защите от резни и от погромов, в вынашивании планов создания некоего «всемирного государства под господством евреев». Это, провозглашал автор передовицы, являлось примером «самой безответственной и скандальной кампании нападок и клеветы, в которую могли бы включиться только политики с самой дурной репутацией». Ее не делает лучше или более достойной «неуместная попытка польстить евреям, называя их «самым замечательным народом, когда-либо появлявшимся на свете», – скорее, как раз наоборот. «Было бы гораздо лучше, вместо того чтобы расточать эти фантастические по своей пошлости и неуместности комплименты, проявить элементарную справедливость в анализе дел, относящихся к судьбам и чести миллионов мужчин, женщин и детей. Трудно вообще понять предмет этой статьи с ее плоскими обобщениями и содержащимися в ней поверхностными теориями».

В редакции «Джуиш кроникл» не знали, что за несколько недель до того, как написать эту статью, Черчилль получил новое британское издание «Протоколов сионских мудрецов» – созданной при царском режиме подделки, в которой описывалось, как евреи добиваются мирового господства путем коварных заговоров. Эхо некоторых из этих обвинений явно слышится и в статье Черчилля. Но одновременно следует отметить, что «Джуиш кроникл» совершенно проигнорировала горячую защиту

Черчиллем сионизма в той же самой статье. А ведь Черчилль однозначно выступил в защиту сионизма в то самое время, когда в британских политических кругах стали все чаще раздаваться голоса о том, что в связи с наступлением послевоенного периода следует пересмотреть те обязательства, которые были даны евреям в годы войны. Это особенно ярко проявлялось в среде консервативной партии, составлявшей основу парламентской коалиции, на которую опиралось правительство Ллойд-Джорджа. 23 декабря 1920 года старейший консерватор лорд Дерби писал Черчиллю: «Я считаю наш мандат в Палестине и идею создания еврейского государства исключительно опасными. Это прежде всего создало напряженность в отношениях между нами и Францией, которая считает, что она должна играть ключевую роль в Сирии, в то время как мы собираемся создать в Палестине сионистское государство, куда соберутся все евреи-большевики из Центральной Европы».

Черчилль, возлагавший большие надежды на сионизм в качестве противовеса большевизму, желал, чтобы Великобритания сохранила мандат на Палестину и при этом смогла проследить за тем, чтобы прибывающие туда евреи были свободны от налета идеологии большевизма. Судьбе было угодно вскоре предоставить ему возможность самому непосредственно заняться этим.

Глава пятая
Ответственность за создание еврейского национального очага

В январе 1921 года Ллойд-Джордж назначил Черчилля министром по делам колоний, возложив на него особую ответственность за два британских мандата – Палестину и Месопотамию. При этом Ллойд-Джордж объяснил ему, что главной его задачей должно стать уменьшение административных расходов в этих отдаленных и в основном пустынных регионах. В отношении Палестины существовала еще одна цель, не менее важная в глазах британского правительства: провести в жизнь положения Декларации Бальфура и способствовать созданию там национального очага для евреев.

25 апреля 1920 года на конференции в Сан-Ремо Верховный совет Антанты передал мандат на Палестину Англии. Существовавшая до этого времени британская военная администрация в Палестине, за которую Черчилль отвечал, будучи министром обороны, была заменена гражданской администрацией, возглавляемой верховным комиссаром сэром Гербертом Самуэлем. Именно Самуэль в 1915 году, будучи министром британского правительства, убеждал своих коллег по кабинету создать еврейский национальный очаг в Палестине после того как Турция будет побеждена. Он гордился своим еврейским происхождением, но одновременно гордился и тем, что был британцем, и был твердо намерен обеспечить четкое соблюдение британских интересов в Палестине, в связи с чем резко реагировал на все, что он считал завышенными требованиями со стороны сионистов.

Чтобы дать Черчиллю возможность сконцентрироваться на проблемах Ближнего Востока и на политических и экономических нуждах этого региона, в Министерстве по делам колоний был создан Ближневосточный департамент. Главой его стал Джон Шакбер, двадцать один год прослуживший в политических подразделениях отдела по вопросам Индии Министерства по делам колоний и хорошо знакомый с позицией и требованиями британских мусульман. Черчилль попросил также полковника Т.Е. Лоуренса, более известного под именем Лоуренса Аравийского, стать его советником по арабским делам. Лоуренс был одним из британских офицеров, принимавших участие в восстании арабов против османского владычества в 1917–1918

годах. В свое время он помог шейху Хусейну из Мекки и его сыновьям изгнать турок с Аравийского полуострова, после чего Хусейн провозгласил себя королем Хиджаза.

11 января, через месяц после своего назначения министром по делам колоний, Черчилль прибыл в Париж для обсуждения ближневосточных проблем с президентом Франции Александром Мильераном. В ходе этой встречи Мильеран критиковал Великобританию за поддержку идеи создания еврейского национального очага в Палестине. Согласно отчету Черчилля, направленному Ллойд-Джорджу и министру иностранных дел лорду Керзону, Мильеран «назвал распространение сионизма в Палестине поводом для возмущения в арабском мире», сказав Черчиллю, что «он опасается, что, когда евреи в большом количестве соберутся все вместе в Палестине, то они поведут себя деспотически по отношению к арабам». Черчилль же во время этой встречи защищал британскую политику в отношении евреев: «Я говорил о достоинствах и большом опыте нашего верховного комиссара в Палестине сэра Герберта Самуэля и отметил, как четко он следит за равновесием между евреями и арабами и как эффективно он управляет собственным аппаратом в Палестине».

Переговоры о статусе Палестины с арабскими лидерами вел Т.Е. Лоуренс. Он сообщил Черчиллю 17 января, что заключил соглашение со старшим сыном короля Хусейна эмиром Фейсалом, согласно которому в обмен на признание суверенных прав арабских правителей над Ираком, Трансиорданией и Сирией Фейсал согласился отказаться от претензий своего отца на Палестину.

Соглашение Лоуренса – Фейсала, включавшее признание со стороны арабов существующего положения в Палестине, где уже были основаны еврейские поселения, было хорошей новостью для Черчилля. После того как французы прочно обосновались в Сирии, Черчилль был готов одобрить план, согласно которому Фейсал принимал трон короля Ирака, а его брат Абдалла – трон короля Трансиордании в обмен на то, что Западная Палестина, от Средиземного моря до реки Иордан, становилась местом учреждения еврейского национального очага под британским контролем.

Первое решение Черчилля, касавшееся Палестины, было связано с осуществлением проекта Пинхаса Рутенберга, бывшего русского революционера-эсера, впоследствии участвовавшего в защите Зимнего дворца от большевиков в 1917 году. Рутенберг просил предоставить ему концессию на использование вод рек Иордан и Яркон для получения электроэнергии. Над

осуществлением этого проекта должны были трудиться восемьсот человек – как евреев, так и арабов.

Это предложение поступило Черчиллю 23 февраля. Он дал свое согласие на следующий день. Так Черчилль принял участие в осуществлении проекта, который создавал основу для последующего значительного развития городской инфраструктуры, промышленности и сельского хозяйства.

В апреле 1921 года Черчилль начал готовиться к поездке в Каир и Иерусалим. Его целью было ознакомиться с системой британского правления в подмандатных Палестине и Ираке. Он отвел на эту поездку четыре недели. Во время своего путешествия он планировал посетить еврейские поселения в Палестине.

Перед тем как Черчилль покинул Лондон, три его главных советника по Ближневосточному департаменту – Лоуренс, Шакбер и майор Хьюберт Янг (последний вместе с Лоуренсом оказывал содействие арабам во время их восстания против турок) – проинформировали его, что не существует никакого противоречия между обещаниями, которые Великобритания дала в ходе Первой мировой войны как арабам, так и евреям на Ближнем Востоке. В 1915 году Великобритания обещала арабам «признание со стороны Великобритании и поддержку независимости» находившихся под контролем Турции областей в районе Дамаска, Хамы, Хомса и Алеппо. Но в число этих территорий не были включены ни Палестина, ни Иерусалим. Два года спустя Великобритания обещала поддержать создание национального очага для евреев в Палестине, не конкретизируя при этом его границ. Из этого следовало, что, если земля к востоку от реки Иордан становилась арабским государством, а земля к западу от Иордана и до Средиземного моря – территорией, отведенной для еврейского национального очага, то Великобритания одновременно выполняла оба обещания, данные ею как евреям, так и их арабским соседям.

Чтобы окончательно удостовериться, что Великобритания не обещала одну и ту же территорию одновременно и евреям и арабам, старший советник Черчилля по Ближневосточному департаменту Джон Шакбер спросил у Генри Мак-Магона, бывшего верховного комиссара Великобритании в Египте, почему ни Палестина, ни Иерусалим не упоминались в его переписке с правителем Мекки Хусейном аль-Хашими, продолжавшейся с июля по март 1916 года, как часть будущего арабского государства. В ходе этой переписки Англией было обещано арабам содействие в образовании независимого арабского государства на большей части арабских вилайетов Османской империи после победы стран Антанты. Это обещание имело

целью привлечь на сторону Антанты арабское население Османской империи в войне против Германии и ее союзников.

Мак-Магон отвечал, что причинами, заставившими его ограничиться упоминанием Дамаска, Хамы, Хомса и Алеппо, являлись следующие: «1) это были те территории, которые арабы считали сферой своих жизненных интересов; 2) в то время мне не приходило в голову, что существует еще какая-то территория к югу от этих регионов, которая является настолько важной в глазах арабов, что ее статус следует специально оговорить в переписке с Хусейном аль-Хашими». Г. Мак-Магон добавил: «Мое намерение состояло в том, чтобы исключить Палестину из перечня обсуждаемых территорий точно так же, как и северные прибрежные районы Сирии». Причина, по которой он не стал обозначать реку Иордан как крайнюю западную границу обещанной арабам территории, заключалась в том, что он считал «желательным» на более поздней стадии переговоров найти «более подходящую линию границы» где-нибудь в районе между рекой Иордан и Хиджазской железной дорогой. Это были как раз те анклавы, которые Вейцман и другие лидеры сионистов надеялись включить в территорию Еврейского национального очага.

1 марта Политический комитет Всемирной сионистской организации собрался в Лондоне для обсуждения деталей предстоящего визита Черчилля в Палестину. Согласно протоколу этого заседания, Х. Вейцман был обеспокоен задержкой с ратификацией Великобританией мандата на Палестину. «Есть некоторые признаки того, что Черчилль может пожелать внести в британский мандат определенные изменения, – сказал Х. Вейцман. – Он весьма впечатлителен, а ведь арабы, как ожидается, организуют соответствующую агитацию при его появлении на Востоке». Но, добавил Вейцман, Черчилль «невысокого мнения об арабах в целом».

Надеясь повлиять на Черчилля в вопросе о будущих границах Палестины, Вейцман направил ему специальное послание, в котором призывал его отодвинуть восточную границу Палестины за реку Иордан, разместив ее в районе Хиджазской железной дороги, или еще дальше в глубь Трансиордании. Британцы, писал Вейцман, могут вполне обеспечить «особую защиту мусульманских интересов в районе Хиджазской железной дороги», что позволит хоть всей Трансиордании стать частью территории еврейского национального очага. «Именно на этих плодородных полях северных областей, ныне отторгнутых от Палестины и переданных Франции, может быть успешно основан еврейский национальный очаг. Трансиордания с древнейших

времен была неотъемлемой и жизненно важной частью Палестины», – подчеркивал он.

«Именно к востоку от Иордана, – добавлял Вейцман, – впервые разбили свои шатры и пасли свои стада израильские колена Рувима, Гада и Манассии». Он указыал, что хотя «восточная Палестина никогда не имела для евреев такого религиозного или исторического значения, как Палестина к западу от Иордана», она тем не менее может «многое внести в экономическое будущее еврейского национального очага».

Вейцман излагал свои аргументы в лирической форме. «Климат Трансиордании живителен, почвы плодородны; там было бы легко осуществить ирригацию; холмы покрыты лесами. Еврейское заселение может происходить там в широких масштабах без каких-либо конфликтов с местным населением. Эти долины образуют природную житницу Палестины, и без них Палестина никогда не сможет стать самодостаточной экономической единицей и настоящим национальным домом для евреев».

Говоря о притязаниях сионистов на плодородные западные земли Трансиордании, Вейцман также затронул вопрос о национальных чаяниях арабов. Совершенно ясно, говорил он Черчиллю, что кроме «небольшого коридора» вдоль Хиджазской железной дороги не существовало «никакой территории к северу от Маана, кроме Дамаска, которая представляла бы собой реальную ценность в глазах арабских националистов». Надежды арабских националистов, утверждал Вейцман, концентрируются вокруг Дамаска и Багдада и не связаны с Трансиорданией.

Вейцман не только просил включить Трансиорданию в сферу действия мандата на Палестину, но и призывал Черчилля отодвинуть южную границу Палестины вплоть до залива Акаба. По его мнению, это должно было бы послужить компенсацией за уступку Великобританией Франции северных областей Палестины, в результате чего Палестина оказалось отрезанной от реки Литани, воды которой сионисты надеялись использовать для получения электричества и для промышленных целей. Вейцман оценивал территорию от Беэр-Шевы до залива Акабы как «в настоящее время заброшенную, но богатую ресурсами, важными для будущего Палестины», и заявлял, что она «не должна быть передана Египту». Эта территория, которую знали под названием Негев, была большей частью пустынной и «не представляла ценности ни для какой страны, кроме Палестины».

Аргументы Вейцмана не произвели впечатления на Черчилля, который уже решил отделить Трансиорданию от Палестины. Но одновременно он решил присоединить Негев к подмандатной

территории Палестины, сделав эту землю таким образом доступной для последующего заселения евреями.

Черчилль отбыл из Лондона вечером 1 марта. Он добрался на поезде до Марселя. Там к нему присоединилась его жена Клементина. Они продолжили путешествие вдвоем пароходом до Египта, куда прибыли 9 марта. Спустя три дня началась Каирская конференция. В ней участвовали Герберт Самуэль, первый британский верховный комиссар в Палестине, и Т.Е. Лоуренс. Первое решение по Палестине было принято 17 марта. Оно заключалось в том, что Трансиордания должна была быть отделена от Палестины согласно предложению Ближневосточного департамента Министерства по делам колоний, что позволяло Великобритании выполнить свои обещания военного времени, данные как арабам, так и евреям. Территориальные требования Вейцмана были отвергнуты, но евреям позволялось селиться на землях между Средиземным морем и Иорданом и от Верхней Галилеи до пустыни Негев, то есть на территории современного Израиля и Западного берега.

Находясь в Каире, Черчилль объяснил, что наличие арабского правителя к востоку от реки Иордан при общем британском политическом контроле позволит Великобритании противодействовать антисионистской пропаганде с арабской стороны. Лоуренс разделял эту точку зрения, говоря о том, что можно будет оказывать эффективное давление на правителя Иордании эмира Абдаллу, заставляя его «сдерживать антисионизм». Лоуренс также «верил, что спустя четыре или пять лет под влиянием справедливой политики» арабское противостояние сионизму «уменьшится, если не исчезнет совсем».

Присутствие Лоуренса Аравийского принесло неоценимую пользу Черчиллю в его стремлении помочь палестинским евреям. Лоуренс, точно так же, как и сам Черчилль, ясно видел ценность сионистского предприятия. Его дружба с арабскими лидерами, вместе с которыми он сражался во время арабского восстания, соседствовала с сочувственным отношением к чаяниям сионистов. Он также хотел, чтобы евреи оказали арабам в Палестине реальную помощь в их продвижении к современности и процветанию. Двумя годами раньше Лоуренс пригласил Вейцмана на совещание с эмиром Фейсалом, которое состоялось в порту Акаба. Лоуренс надеялся, что с этой встречи начнется процесс «формирования сближения политики арабов и сионистов». В первую годовщину Декларации Бальфура в ноябре 1918 года Лоуренс сказал в интервью британской еврейской газете: «Совсем не являясь евреем, сам я рассматриваю евреев как

естественных носителей западных ценностей, столь необходимых странам Среднего Востока».

Глава шестая
Обещания в Иерусалиме

В полночь 22 марта 1921 года Черчилль отправился из Египта в Палестину ночным экспрессом. Его сопровождали сэр Герберт Самуэль и Т.Е. Лоуренс. В это время между Средиземным морем и рекой Иордан, на территории, называемой Западной Палестиной, жили 83 000 евреев и 60 000 арабов. К востоку от реки Иордан евреи не проживали. Главная цель посещения Иерусалима для Черчилля заключалась в том, чтобы объяснить эмиру Абдалле смысл решений Каирской конференции и сообщить ему о желании британского правительства поддержать его как правителя подмандатной территории к востоку от реки Иордан (отсюда ее название – Трансиордания) при условии, что Абдалла согласится на создание еврейского национального очага внутри Западной Палестины и сделает все, что в его силах, для предотвращения антисионистской агитации среди своего народа к востоку от Иордана.

Лоуренс уже получил заверения Фейсала, брата Абдаллы, в том, что «будут предприняты все меры, чтобы поощрить и стимулировать иммиграцию евреев в Палестину в широких масштабах и возможно быстрее, чтобы создать там поселения с интенсивной обработкой земли».

Утром 24 марта поезд Черчилля достиг Газы, первого большого города в пределах юго-западных границ подмандатной Палестины. Население Газы составляли 15000 арабов и менее сотни евреев. На железнодорожной станции его встретил почетный караул британской полиции. Кавалерийский эскорт сопровождал его в город. Капитан Максвелл Кут, служивший дежурным офицером при Черчилле в Каире, вспоминал позднее, что «Черчилля приветствовала огромная толпа криками по-арабски: «Привет министру!» Но затем их предводитель вдруг яростно вскричал, поддержанный толпой: «Долой евреев!» и «Перережем им глотки!» Черчилль и сэр Герберт Самуэль были в восхищении от горячего приема, не понимая, что именно кричала толпа по-арабски. Лоуренс, конечно, понимал все и сказал мне, но мы держались тихо. Он, очевидно, был серьезно обеспокоен ситуацией. Мы ехали по городу, сопровождаемые почти фанатичной толпой, все более возбуждавшейся от этих криков. Никто не пытался их успокоить, но в конце концов все обошлось без инцидентов».

Прошло двадцать два года с тех пор, как Черчилль в

последний раз находился в окружении мусульман и сражался в составе британской армии против исламского халифа Судана. Именно тогда сформировалось его отношение к исламу, и это отношение было неблагоприятным. В книге «Война на реке», вышедшей в 1899 году, он писал: «Как ужасны проклятия, которыми магометане осыпают порой своих же единоверцев! Кроме фанатичного неистовства, опасного в человеке, как водобоязнь у собак, в них присутствует и ужасная фаталистическая апатия. Эффект этого очевиден во многих странах. Непредсказуемое поведение, неважная система сельского хозяйства, пассивные методы ведения торговли, отсутствие должного уважения к собственности существуют везде, где живут или правят последователи Пророка. Огрубление чувств лишает их жизнь изящества и утонченности, а также достоинства».

Далее Черчилль писал: «Тот факт, что согласно магометанскому закону каждая женщина должна принадлежать какому-нибудь мужчине в виде его абсолютной собственности в качестве дочери, жены или наложницы, откладывает окончательное избавление человечества от рабства до тех пор, пока исламская вера не перестанет обладать столь великой властью над людьми. Как индивидуумы мусульмане могут проявлять замечательные качества, но влияние религии парализует социальное развитие тех, кто привержен ей. В мире не существует более мощной силы, замедляющей развитие. Далекое от заката и упадка магометанство – воинственная и прозелитическая вера. Она уже широко распространилась по Центральной Азии, везде привлекая в свои ряды бесстрашных бойцов, и если бы христианство не охранялось сильным оружием науки, науки, против которой оно когда-то напрасно боролось, то цивилизация современной Европы могла бы погибнуть, как погибла цивилизация Древнего Рима».

Прежде чем Черчилль снова сел на поезд в Газе, ему подали петицию, подписанную ведущими мусульманами города. В ней излагались их надежды на создание в Палестине арабского государства и выражался протест против еврейской иммиграции. Арабская реакция на появление Черчилля в Палестине не предвещала ничего хорошего в плане выполнения инструкций Ллойд-Джорджа о создании дешевой и действующей в спокойной обстановке администрации на подмандатных территориях. 25 марта в Хайфе прошла арабская демонстрация с протестом против еврейской иммиграции. Но на время визита Черчилля британскими властями был объявлен запрет на любые публичные собрания и шествия. В связи с тем, что во время демонстрации

наблюдались акты насилия, полиция была вынуждена открыть огонь. Были убиты 13-летний мальчик-христианин и арабка-мусульманка. Вслед за этими действиями полиции в Хайфе начались антиеврейские волнения, в ходе которых десять евреев и пять полицейских были ранены ножами и камнями.

Поселившись в британской правительственной резиденции – бывшей германской гостинице «Августа-Виктория» на вершине горы Скопус, построенной по образцу замка Гогенштауфенов в провинции Рейнланд-Пфальц, – Черчилль три дня подряд пытался выполнить стоявшую перед ним задачу: выслушать как арабских, так и еврейских представителей и дать соответствующие ответы на их претензии. Он также поставил свой мольберт, и, будучи увлеченным живописцем-любителем, написал вид заката над городом.

В воскресенье 27 марта Черчилль направился на британское военное кладбище на Масличной горе, чтобы присутствовать на его освящении. После службы он произнес короткую речь. «Здесь собрались много людей различных верований, – сказал он, – чтобы почтить память тех, кто отдал свои жизни для освобождения страны, желая принести мир и дружбу ее обитателям. Присутствующим остается проследить за тем, чтобы эта цель была выполнена».

На кладбище, основанном после освобождения Иерусалима из-под турецкого владычества в конце 1917 года, находились могилы 2180 британских солдат, 143 австралийцев, 50 южноафриканцев, 40 солдат из британской Вест-Индии и 34 новозеландцев, а также 60 человек, тела которых нельзя было идентифицировать; равно как и могилы 16 германских, 5 итальянских и 3 турецких солдат. «Эти ветераны войны, – сказал Черчилль, – лежат там, где покоится прах халифов, и крестоносцев, и маккавеев. Мир их праху, слава их памяти. Мы не вправе уклониться от выполнения начатого ими дела».

Торжественная церемония завершилась тремя ружейными залпами почетного караула.

28 марта Черчилль принял эмира Абдаллу в правительственной резиденции в Иерусалиме. Абдалла настаивал на том, что передача власти в Палестине арабскому эмиру стала бы лучшим решением, чтобы «примирить арабов и евреев». Он выразил свои опасения Черчиллю, спросив его: «Имеет ли в виду Его Величество создать еврейское царство к западу от Иордана и изгнать оттуда все нееврейское население? Если так, то лучше было бы сразу сказать об этом арабам и не держать их в напряжении… Такое впечатление, что союзники считают, будто людей можно выкапывать и переносить с места на место, как

деревья».

Черчилль постарался успокоить Абдаллу, говоря, что, по его мнению, «у живущих в Палестине арабов много беспочвенных опасений. Им кажется, что сотни и тысячи евреев за короткое время запрудят страну и будут господствовать над нынешним населением. Это не только не предвидится, но и совершенно невозможно». Тогда в Палестине жили более 600 000 арабов и всего 80000 евреев. «Еврейская иммиграция будет очень медленным процессом, и права нынешнего нееврейского населения при этом будут строго соблюдаться», – подчеркнул Черчилль.

«Очень медленный процесс» был совсем не тем, что в действительности представляли себе сионисты. Но Черчилль уверил Абдаллу, что, если эмир не станет вмешиваться в деятельность сионистов в Западной Палестине, то сионистские претензии в зоне британской подмандатной территории не коснутся Трансиордании, и что в этой связи от правительства Трансиордании «не ожидается принятия каких-либо мер по развитию еврейской иммиграции и колонизации». Это обещание полностью подрывало надежды Вейцмана на развитие еврейских хозяйств к востоку от реки Иордан и покончило с надеждами сионистов расширить еврейские поселения на библейские земли Башан и Гилеад.

В итоге своих встреч с Абдаллой Черчилль смог сообщить в Лондон, что Трансиордания становится арабским королевством под властью Абдаллы, в то время как Западная Палестина, от Средиземного моря до Иордана, будет управляться Великобританией, которая выполнит свое обещание о предоставлении этих земель для расселения евреев-колонистов.

29 марта Абдалла посетил мечеть Омара, мусульманскую святыню седьмого века, построенную на Храмовой горе. Рядом с мечетью, где три десятилетия спустя он будет застрелен террористом-палестинцем, он пытался поговорить с арабами, собравшимися, чтобы повидать его, но был прерван криками «Палестина для арабов!» и «Долой сионистов!» Затем толпа направилась к Главному почтовому управлению, чтобы выразить протест против Декларации Бальфура. Эта толпа была разогнана вооруженной британской полицией.

В тот же день Черчилль посетил место строительства будущего Еврейского университета на горе Скопус, открывшегося четыре года спустя. Визит Черчилля стал заметной вехой в развитии университета. Перед тем как посадить перед университетом дерево, он произнес ободряющие слова, глубоко

взволновавшие его слушателей: «Мое сердце полно симпатии к сионизму. Эта симпатия существует уже много лет, еще с тех пор как я оказался связан с евреями Манчестера, которых представлял в парламенте. Я верю, что образование еврейского национального очага в Палестине станет благословением для всего мира, благословением для еврейского народа, рассеянного по миру, и благословением для Великобритании. Я твердо верю и в то, что оно будет благословением для всех обитателей этой земли, независимо от расы и религии. Это во многом зависит от вас».

Черчилль указал на то, что обязательства, которые взяла на себя Великобритания в отношении подмандатной Палестины, были двусторонними: «С одной стороны, мы обещали помогать сионистам, а с другой – мы дали гарантии, что интересы нееврейских жителей Палестины при этом нисколько не пострадают. Поэтому каждый шаг, предпринимаемый вами, должен отвечать моральной и материальной выгоде всех палестинцев. Если вы добьетесь этого, Палестина будет счастливой и процветающей и в ней будут царить мир и согласие; она обратится в рай и станет, как сказано в Писании, которое вы мне только что подарили, страной, текущей молоком и медом, в которой люди всех народов и религий найдут отдохновение от своих страданий. На вас, евреях Палестины, лежит великая ответственность: вы представляете здесь весь еврейский народ, рассеянный по всему миру, и ваше поведение должно создавать пример для евреев во всех странах».

Черчилль заключил: «Здесь, в Палестине, будет постепенно осуществлена та надежда, которую ваш народ хранил в течение многих столетий. И это послужит на пользу не только вам, но и всему миру».

Речь Черчилля произвела глубокое впечатление на сионистов, которые почувствовали в нем своего друга. Но помощь Черчилля евреям не ограничилась дружественной речью. Джеймс Ротшильд, один из ведущих представителей еврейской общины Великобритании и член британского парламента, сразу осознал, что, отдав Абдалле восточную часть подмандатной Палестины и отстранив его от контроля над Западной Палестиной, Черчилль тем самым обеспечил возможность выживания еврейских поселений в Палестине. Тридцать четыре года спустя Ротшильд написал Черчиллю письмо, поблагодарив его за то, что в 1921 году в Иерусалиме он «заложил основы еврейского государства, отделив королевство Абдаллы от остальной Палестины. Без этой меры, продиктованной вашим пророческим предвидением, не было бы сегодняшнего Израиля».

30 марта члены Исполнительного комитета Хайфского конгресса арабов Палестины направились на встречу с Черчиллем, находившемся в правительственной резиденции в Иерусалиме, чтобы выразить протест против сионистской деятельности в Палестине. Он был изложен на тридцати пяти страницах. Приведенные там аргументы представляли собой набор давних предрассудков против евреев, предрассудков, ставших неотъемлемой составной частью обвинений, которые арабы выдвигали против сионистов во все последующие годы. В этом заявлении говорилось: «Араб благороден и великодушен, но он мстителен и не забывает зла. Если Англия не примет сторону арабов, то это сделают другие державы». Авторы заявления подчеркивали, что Великобритания должна была прислушаться к голосу не только мусульман Палестины: «От Индии и Месопотамии до Хиджаза и Палестины сейчас доносится призыв к Англии. Если она не прислушается, то, может быть, Россия воспримет этот призыв, а может быть, даже Германия». Голос России, предупреждали палестинские арабы, не слышен среди народов, но «придет время, когда она себя утвердит».

В своем послании арабы старались доказать, что «вся Палестина принадлежит арабам и что Декларация Бальфура является огромной несправедливостью». Что же касается самой концепции создания здесь еврейского национального очага, то они сообщали Черчиллю следующее: «В течение тысячелетий евреи были рассеяны по земле и стали гражданами тех наций, среди которых они расселились. Их отдельное существование не оформлено нигде в мире – ни политически, ни даже в языковом плане. В Германии они немцы, во Франции французы, в Англии англичане. Их связывают только религия и язык. Но иврит – всего лишь мертвый язык, который не следует принимать во внимание. Как может Англия заключить соглашение с религией и зарегистрировать его в Лиге Наций?»

«Евреи были причиной краха многих государств, особенно там, где их влияние позволяло им нанести наибольший ущерб, – говорилось далее. – Хорошо известно, что распад России был в огромной степени вызван евреями и что значительная доля поражения Германии и Австрии может быть отнесена на их счет. Когда восходила звезда центральных держав, то евреи льнули к ним, но когда весы качнулись в сторону союзников, евреи прекратили помогать Германии и открыли союзникам свои денежные сундуки, за что получили самый необычный приз – Декларацию Бальфура».

«Евреи – клановый народ, – говорили арабы Черчиллю, – они не дружат со своими соседями и стараются не смешиваться с

людьми, рядом с которыми живут. Они пользуются привилегиями и выгодами той страны, в которой живут, но ничего не дают взамен. Еврей остается евреем в любой стране мира. Он забирает богатства страны, а затем ведет ее народ, уже ограбленный им, куда захочет. Он поощряет войны там, где это диктуется его интересами, и тем самым заставляет армии разных стран служить его желаниям».

Послание заканчивалось просьбой к Черчиллю «во имя справедливости и права» согласиться с пятью требованиями палестинских арабов: «Первое: Образование национального очага для евреев отменяется. Второе: Создается национальное правительство Палестины, ответственное перед парламентом, избранным населением, проживавшим в Палестине перед Первой мировой войной. Третье: Еврейская иммиграция прекращается до образования этого правительства. Четвертое: Введенные в действие перед войной законы остаются в силе и не заменяются новыми, пока не начнет действовать национальное правительство Палестины. Пятое: Палестина не должны быть отделена от братских арабских стран». Этими странами были Сирия, находившаяся тогда под управлением Франции, и Египет, которым управляла британская администрация.

Черчилль ответил на это немедленно и в резких выражениях: «Вы просите меня прежде всего отменить Декларацию Бальфура и запретить иммиграцию евреев в Палестину. Не в моей власти сделать это. Но даже если бы я и мог сделать это, то это не соответствовало бы моим желаниям. Британское правительство устами А. Бальфура дало слово, что оно благожелательно отнесется к созданию национального очага для евреев в Палестине, что неизбежно включает в себя и иммиграцию евреев сюда. Эта декларация мистера Бальфура и британского правительства была ратифицирована союзными державами-победительницами, когда военные действия еще продолжались и поражение или победа еще не были предрешены. Ее реализация стала возможной в результате успешного окончания войны, и ее следует рассматривать как один из итогов победы в Первой мировой войне».

«Очевидно, что является абсолютно справедливым позволить евреям, разбросанным по всему миру, получить свой национальный центр и национальный очаг, где по крайней мере могла бы объединиться часть из них, – сказал Черчилль. – Где еще они могут найти это место, как не на земле Палестины, с которой в течение более 3000 лет они были тесно связаны? Мы думаем, что это будет хорошо для всего мира, хорошо для евреев и хорошо для Британской империи. Но мы также считаем, что это

будет хорошо и для живущих в Палестине арабов. Мы полагаем, что при этом они не должны никоим образом пострадать или быть вытесненными из страны, где они живут сейчас, и быть лишены своей доли во всем, что делается для прогресса и процветания Палестины. И тут я должен привлечь ваше внимание ко второй части Декларации Бальфура, которая торжественно и недвусмысленно обещает всем без исключения жителям Палестины полную защиту их гражданских и политических прав».

Британское правительство твердо намерено, сказал Черчилль, дать сионистам «справедливый шанс» в Палестине. «Если национальный еврейский очаг, как мы надеемся, будет учрежден в Палестине, то это будет сделано только в ходе длительного процесса. При этом каждый последующий шаг на этом пути станет возможным лишь в том случае, если он будет неоспоримо приносить выгоду, процветание и счастье всему населению Палестины. Но почему этого не должно случиться? Почему это невозможно? Вы можете собственными глазами увидеть во многих частях страны работу, проведенную в еврейских колониях, увидеть, как культивируются дотоле заброшенные пустынные земли, как на их месте появляются процветающие фермы и сады. Совершенно верно, что они получают помощь извне, тогда как у вашего народа нет такого преимущества. Но то, что извне постоянно приходят эти денежные вложения, предназначенные в конечном счете для достижения общего процветания Палестины, должно побудить вас более взвешенно и терпимо смотреть на начинание сионистов в Палестине».

«Нет причин, – сказал Черчилль палестинским арабам, – по которым Палестина не сможет в будущем послужить домом для большего количества людей, чем сейчас, если она достигнет более высокого уровня развития и процветания». Нынешняя форма управления Палестиной, отметил Черчилль, просуществует еще много лет. При этом шаг за шагом Великобритания будет развивать представительные учреждения, что приведет в конечном счете к полному самоуправлению Палестины. «Ко времени, когда это окончательно осуществится, все присутствующие здесь, наши дети и дети наших детей покинут этот мир, – сказал он. – При этом на каждой стадии развития Палестины евреям будет требоваться ваша помощь, помощь арабов. Надеюсь, что вы окажетесь достаточно мудры, чтобы предоставить им вашу помощь и поддержать их в борьбе с трудностями. Это начинание может закончиться и неудачей. Если евреи не будут ведомы мудростью и доброй волей, если они не пойдут по пути терпимости и добрососедства, если приехавшие сюда люди не будут достойными сынами и дочерьми еврейского

народа, то они потерпят неудачу, и это будет означать конец их эксперимента. Но, с другой стороны, если они преуспеют, то по мере того как они год за годом будут достигать успеха, это будет сопровождаться пропорциональным ростом богатства и процветания всех жителей Палестины и прогрессом в социальной, научной и культурной жизни в целом».

Черчилль предложил палестинским арабам взвесить положительные аспекты и последствия еврейской иммиграции в Палестину. «Если вместо того, чтобы ссориться и оставаться одинаково бедными, вы будете сотрудничать и совместно процветать, – заявил он им, – то вы быстро достигнете светлого и спокойного будущего. Земля – щедрая мать. Она в изобилии обеспечит всех своих детей, если только они будут обрабатывать ее в условиях мира и справедливости».

Арабская делегация покинула Черчилля, так и не добившись того, чтобы ее призывы были услышаны. Вслед за ней Черчилль принял еврейскую делегацию. Она тоже представила письменное обращение, в котором выражалась благодарность британцам за помощь в воссоздании «национального еврейского очага» и отмечалось, что программа сионистов «делает особый упор на установлении искренней дружбы между ними и арабами». Еврейский народ, «возвратившийся в свою страну после двух тысяч лет изгнания и преследований, не должен находиться под гнетом подозрения в том, что он будто бы отрицает законные права другого народа».

В послании евреев подчеркивалось, что «еврейский народ вполне понимает чаяния арабов в отношении их национального возрождения, но при этом исходит из того, что усилия евреев построить национальный очаг в Палестине на территории, очень маленькой по площади по сравнению со всеми арабскими землями, никак не могут означать, будто мы собираемся лишить арабов их законных прав. Напротив, мы убеждены, что еврейское возрождение в этой стране может иметь только благоприятное влияние на возрождение арабской нации. Наше языковое, расовое и историческое родство с ними придает уверенность в том, что со временем мы сможем добиться полного взаимопонимания с арабами».

Черчилля не требовалось убеждать в этом, и он заявил евреям: «Я сам совершенно убежден, что дело сионизма – из числа тех, что приносят добро всему миру, а не только еврейскому народу, и что оно принесет процветание, благосостояние и прогресс арабскому населению этой земли».

Затем Черчилль рассказал еврейской делегации об опасениях арабов потерять свои земли и собственность и быть «с течением

времени лишенными своих прав, оказавшись под управлением тех, кто сейчас является меньшинством, но быстро умножит свою численность в результате прибытия новых иммигрантов».

Черчилль проинформировал еврейскую делегацию о том, что арабы также выражают тревогу по поводу некоторых еврейских иммигрантов, «которых они обвиняют в привнесении в Палестину большевистских доктрин». Долг евреев состоит в том, чтобы «рассеять такие опасения». Он продолжал: «Когда я вернусь в Лондон, то мне, без сомнения, укажут на то, что, если бы не сионистское движение, то не было бы нужды содержать в этой стране такой большой британский гарнизон, тратя на это столь большие средства. Вы и вся еврейская община в мире должны снабдить меня вескими аргументами, чтобы я мог достойным образом отвергнуть эти обвинения. Я хочу иметь возможность заявить, что здесь происходит поистине великое событие в судьбах мира».

Черчилль хотел иметь возможность сказать по возвращении в Великобританию, что на земле Палестины совершается «великое дело, никого не ущемляющее и не ведущее к несправедливости; оно заключается в превращении заброшенных земель в плодородные, в развитии сельского хозяйства в пустынях, в увеличении богатства и процветания, в том, что два стебля растут там, где раньше рос только один, в том, что народ страны, составляющий ее большинство, получает большую выгоду, разделяя общее улучшение и продвижение к прогрессу. Здесь имеют место кооперация и братство между религиями и расами; евреи, прибывшие из Европы и из других мест, являются достойными представителями еврейского народа и дела сионизма, а сионисты делают все необходимое, чтобы утвердить и закрепить сделанное».

Обеспокоенный распространением доктрин большевизма и влиянием большевистской идеологии среди части еврейских иммигрантов из России, Черчилль настаивал на том, что прибывающие на землю Палестины первопроходцы «должны быть отборными людьми, людьми, во всех отношениях достойными величия идеала, к которому они стремятся. Идя по этом пути, вы должны иметь возможность эффективно ответить всем тем, кто желает воспрепятствовать этому эксперименту и его успеху».

«Я искренне надеюсь на то, что ваша задача может быть успешно выполнена, – заключил Черчилль. – Я знаю, какая потребуется энергия и как велики трудности, ожидающие вас на каждом шагу, и я с горячей симпатией отношусь к усилиям, которые вы предпринимаете, чтобы преодолеть эти трудности. Если бы я не верил, что вы воодушевлены самыми высоким

принципами и идеалами, и что ваши труды на деле принесут благоденствие всей стране, у меня не было бы столь сильных надежд на результаты, которые со временем принесет ваша работа».

Это прозвучало как мощная поддержка сионистскому движению. Один из членов еврейской делегации, доктор Артур Руппин, основатель кибуцного движения, написал в своем дневнике, что замечания Черчилля «произвели большое впечатление на всех присутствующих, ибо мы в душе опасались, что он будет находиться под влиянием арабов».

Призыв Черчилля направлять в Палестину «отборных людей» нашел немедленный отклик. Везде, включая и Советскую Россию, началось обучение групп евреев сельскому труду с тем, чтобы по приезде в Палестину они могли стать хорошими фермерами. Только научившись искусству обработки земли, животноводству и другому созидательному крестьянскому труду, они могли уехать в Палестину, чтобы создавать там новые сельскохозяйственные поселения. Этот процесс на современном иврите называется hachshara (акшара), то есть «подготовка».

Черчилль покинул Иерусалим 30 марта. Прежде чем отправиться в Египет, он успел ознакомиться с двумя наиболее впечатляющими примерами достижений еврейских переселенцев в Палестине. Одним из них был город Тель-Авив, основанный за двенадцать лет до этого рядом со старинным и преимущественно арабским городком Яффа. Вторым примером была сельскохозяйственная колония Ришон ле-Цион, насчитывавшая уже тридцать девять лет. В речи, обращенной к жителям Тель-Авива и произнесенной в присутствии его первого мэра Меира Дизенгофа, Черчилль отметил, что он рад видеть «результаты инициативы жителей, проявившиеся за столь короткий период, на который к тому же выпало несколько лет войны».

Черчилль также сделал краткую остановку в Сарафенде, где группа новых иммигрантов из России работала на строительстве дорог – первом крупном проекте общественных работ, начатом властями подмандатной территории с использованием труда евреев-иммигрантов. Вейцман спланировал поездку Черчилля так, чтобы в качестве переводчика рядом с ним находился Пинхас Рутенберг – бывший русский революционер, позднее – один из ведущих антибольшевистских деятелей России, а ныне – создатель системы ирригации и электрификации в Палестине.

Беседуя с переселенцами через посредство Рутенберга-переводчика, Черчилль спрашивал новоприбывших, не являются ли они большевиками. «Этот вопрос очень его занимал, –

вспоминал Рутенберг. – В результате этих расспросов Черчилль убедился, что переселенцы не были большевиками, но являлись людьми, «преданными идеалам труда», то есть рабочими-сионистами. Их целью было переустройство земли с помощью физического труда – в полях, на дорогах, на каменоломнях и на стройках».

Из Сарафенда Черчилля отвезли в Ришон ле-Цион (в переводе с иврита – «Первый в Сионе») – одно из самых старых еврейских поселений в Палестине, основанное четыре десятилетия назад, еще во времена турецкого владычества. Перед этим визитом жители Ришона раскололись на две группы, разойдясь во мнениях по поводу того, как им принимать своего гостя. Старожилы хотели в беседе с ним сделать упор на трудностях и опасностях и рассказать Черчиллю о враждебности со стороны некоторых соседних арабских деревень. Молодежь же хотела показать ему прежде всего разнообразные достижения жителей Ришон ле-Цион и даже встретить его верхом на лошадях.

Молодые в конце концов одержали верх. Черчилля встретили всадники на лошадях, с энтузиазмом продемонстрировав ему искусство верховой езды. Затем совет колонии вручил ему приветственный адрес. «Вчера в Иерусалиме мы с радостью выслушали ваши теплые слова, – говорилось в этом послании, – они ясно продемонстрировали нам ваше истинное отношение к нам и придали нам уверенности, что мы способны достигнуть поставленной цели».

Основанный в 1882 году всего лишь десятью первопроходцами, Ришон ле-Цион ко времени визита Черчилля насчитывал уже две тысячи жителей. На Черчилля их энтузиазм и достижения произвели такое впечатление, что спустя десять недель он сказал во время выступления в палате общин: «Каждый, кто видел работу еврейских колонистов в Палестине, поражается достигнутыми ими колоссальными результатами. На самых бесплодных землях было создано процветающее хозяйство, где дает хорошие урожаи виноград, где возникли прекрасные плантации апельсинов. И все это было создано за двадцать-тридцать лет упорным трудом живущих здесь представителей еврейской общины».

Черчилль вспоминал, что, когда его делегация въехала в Ришон, то «нас окружили пять или шесть десятков молодых евреев, гарцевавших на лошадях, и фермеры. А когда мы добрались до центра городка, то перед нами оказались три или четыре сотни прекрасно выглядевших ребятишек. Нас пригласили попробовать отличные вина, производимые в этом хозяйстве, и осмотреть красоты здешних садов».

То, что Черчилль увидел и услышал в Ришоне, продемонстрировало ему, насколько ненадежной может быть работа фермеров без достаточных политических гарантий мира и спокойствия и как важна для них защита Великобритании. «Увидев подобные результаты, достигнутые таким трудом и усилиями, я готов спорить с любым, кто посмеет утверждать, будто правительство Великобритании может не посчитаться с этим и подвергнуть фермеров опасности жестоких нападений со стороны арабских фанатиков, – сказал он в палате общин по возвращении в Великобританию. – Было бы бесчестным допустить что-либо подобное. Я рассказываю о том, что видел собственными глазами. Расположенные вокруг еврейской колонии дома арабов также покрыты черепицей, а не выстроены из глины, так что культура из этого центра распространяется и на окружающие районы».

Черчилль пробыл в Палестине восемь дней. За этот короткий промежуток он ощутил как энтузиазм евреев, так и враждебность арабов, резко настроенных против них. Сионисты с оптимизмом оценивали итоги его визита, веря, что он принесет им пользу. В майском выпуске ведущего сионистского журнала Великобритании подчеркивалось, что визит Черчилля отметил «поворотный момент в нашем движении: он указал на переход от дискуссий к реальной практической работе. Черчилль в полной мере оценил наши трудности, но сделал это с симпатией и пониманием, характерными для подлинного друга. Он подчеркнул, что его симпатия к сионизму основана на его вере в стремление еврейского народа делать добро в Палестине – и нам остается только оправдать эту веру».

Глава седьмая
Работа на основе Декларации Бальфура

Наряду с тем сильным впечатлением, которое произвела на Черчилля деятельность сионистов в Палестине, у него формировалось негативное отношение к исламскому экстремизму, набиравшему силу в Саудовской Аравии. 14 июня 1921 года, вскоре после своего возвращения в Великобританию, он объяснил в ходе своего выступления в палате общин, что большое число последователей нового саудовского короля Абд аль-Азиза Ибн Сауда принадлежат к секте ваххабитов, то есть к «форме магометанства, относящейся к классическому исламу точно так же, как самая воинственная форма кальвинизма относилась к Римской католической церкви в жесточайшие времена религиозных войн в Европе». «Ваххабиты, – заявил Черчилль, – исповедуют в жизни исключительный аскетизм и заставляют других вести себя так же. Они считают своим долгом убивать всех, кто не разделяет их взглядов. Они превращают в рабов своих жен и детей. В ваххабитских деревнях женщин предают смерти просто за появление на улице одних, без сопровождения мужчин. Ношение шелковой одежды жестоко наказывается. Мужчин убивают за курение сигареты, равно как и за употребление алкоголя. Жестокие, нетерпимые, хорошо вооруженные и кровожадные, ваххабиты представляют собой фактор, с которым нельзя не считаться, и они были и остаются очень опасными в святых городах Мекке и Медине».

Визит Черчилля в Палестину породил новую волну арабских протестов против еврейской иммиграции. 18 июня 1921 года Черчилль известил своих служащих в Министерстве по делам колоний, что, по его мнению, Великобритания не должна предоставить арабам такую степень представительной власти в Палестине, которая позволила бы им контролировать уровень еврейской иммиграции. Было бы великой глупостью, предупреждал он, «подойти к голодному льву с блюдом сырого мяса, чтобы посмотреть, сколько он захочет взять».

Арабы настаивали на том, что их не может удовлетворить никакое иное решение, кроме предоставления им права формировать палестинское правительство, назначаемое избранными в ходе свободных всеобщих выборов депутатами парламента. В этой связи Черчилль считал, что арабам следует

сообщить следующее: «Мы немедленно хотели бы предоставить вам возможность сформировать представительные учреждения власти в Палестине с тем, чтобы вы не чувствовали себя ущемленными. Но прежде чем сделать это, мы обязаны достичь ясного взаимопонимания с вашими представителями о том, что будет после этого с еврейской иммиграцией. Мы четко настаиваем на продолжении еврейской иммиграции в узких пределах, диктуемых доступными ныне возможностями». Черчилль также хотел выяснить, как арабы собираются соблюдать данные британскими властями обязательства и гарантии в отношении еврейской иммиграции в Палестину и «защищать их от вмешательства» со стороны любого будущего «арабского представительного органа».

На заседании правительства 31 мая при обсуждении долгосрочных перспектив развития подмандатной территории Палестины и требований арабских представителей о немедленном учреждении палестинского парламента и правительства Черчилль объяснил, что он решил отложить формирование представительных учреждений в Палестине «ввиду того, что любой избранный орган несомненно запретил бы дальнейшую иммиграцию евреев». В то же самое время, пытаясь успокоить арабов, он одобрил предложение сэра Герберта Самуэля о том, чтобы отныне еврейская иммиграция была официально ограничена степенью «экономической способности» Палестины абсорбировать новоприбывших.

Это было ударом по сионистам. Но это не помешало более чем 400000 еврейских иммигрантов въехать в Палестину в период между 1922 и 1939 годами.

Во время встречи в Лондоне 22 июня с четырьмя премьер-министрами британских доминионов – Канады, Ньюфаундленда, Австралии и Новой Зеландии – Черчилль выяснил, что все они разделяют опасения арабов о формировании со временем в Палестине еврейского большинства. Черчилль разъяснил им позицию Великобритании по отношению к сионизму. «Идеал, который исповедуют сионисты, – сказал им Черчилль, – это очень высокий идеал, и, признаюсь, он вызывает мою искреннюю личную симпатию». Но Декларация Бальфура, добавил он, есть нечто большее, чем идеал. Она представляет собой принятое в годы войны обязательство оказывать помощь евреям по всему миру. «Великобритания должна быть очень пунктуальной, – объяснил он, – в выполнении своих обязательств».

Затем Черчилль обрисовал свою политику в отношении еврейской иммиграции: «Мы должны настаивать на том, чтобы двери для иммиграции оставались открытыми, и одновременно

следить, чтобы число иммигрантов не превышало количества, которое соответствует реальному уровню экономического развития страны».

Премьер-министр Канады Артур Мейен спросил Черчилля о том, что означает понятие «национальный еврейский очаг». Означает ли это, спросил он, что евреи будут контролировать правительство Палестины? На это Черчилль ответил: «Если спустя много-много лет они станут большинством в стране, то они, естественно, получат в ней власть».

Эта позиция Черчилля была широко известна и подвергалась резкой критике. Через шесть дней после встречи Черчилля с премьер-министрами британских доминионов архиепископ Кентерберийский Рэнделл Дэвидсон, глава англиканской церкви, написал ему письмо протеста: «Я должен сообщить вам, что из многих мест получил просьбы выступить против того, что считается неправильным развитием сионистской политики в Палестине, особенно в плане скупки земли евреями и иными лицами, действующими по их поручению. Вызывают озабоченность и планы передачи государственных земель евреям. Озабоченность вызывается и насильственной скупкой земель у неевреев для последующей передачи ее евреям».

Масштабная покупка земель евреями являлась центральным пунктом плана развития еврейского национального очага и была как таковая принята Черчиллем. Она продолжалась везде, где это было возможно. Эта политика продолжалась около двадцати пяти лет, пока британское правительство не положило ей конец, несмотря на протесты Черчилля.

В июле в Лондон прибыла делегация палестинских арабов во главе с Мусой Казем Пашой аль-Хусейни. Целью этой делегации было оказание давления на британское правительство с тем, чтобы оно воспрепятствовало дальнейшей еврейской иммиграции в Палестину. Самуэль так оценил прибытие этой делегации: «Они, без сомнения, представляют мнение большинства в Палестине».

Как только арабская делегация прибыла в Лондон, Черчилль вызвал Х. Вейцмана в Министерство по делам колоний. 15 июля Вейцман написал одному своему коллеге-сионисту: «У меня состоялась длительная дискуссия с Черчиллем, продолжавшаяся полтора часа. Когда Черчилль впервые пригласил меня к себе, я отказался прийти к нему, сказав, что не смогу плодотворно обсуждать с ним эту ситуацию, заранее зная, что именно он мне предложит. Я сказал, что, пока Черчилль не будет готов гарантировать нам определенные уступки, бессмысленно обсуждать что-либо. После этого Черчилль снова вызвал меня.

Явившись к нему, я в ясных выражениях указал ему на порочный круг, в который ставят нас британская администрация подмандатной Палестины и само британское правительство. С одной стороны, они жалуются на то, что осуществление сионистской политики представляет собой бремя, лежащее на британском налогоплательщике. Но когда мы хотим облегчить это бремя, развивая Палестину и увеличивая богатство страны, они не разрешают нам продолжать эту работу, потому что боятся протестов со стороны арабов». Вейцман полагал, что Черчилль в конечном счете «оценил силу этих аргументов и после долгой дискуссии согласился с моими требованиями, чтобы была созвана конференция, в которой приняли бы участие Бальфур, Ллойд-Джордж и Черчилль».

22 июля Черчилль, Ллойд-Джордж и Бальфур встретились с Вейцманом в доме Бальфура в Лондоне, чтобы успокоить Вейцмана и разъяснить ему, что британская политика не изменилась. На этой встрече Вейцман заявил, что Декларация Бальфура фактически сведена на нет и что сам британский верховный комиссар Г.Самуэль подрывает ее принципы. Вейцман указал, что в официальном выступлении 3 июня Самюуль заявил: «Условия жизни в Палестине таковы, что не допускают массовой иммиграции евреев». Такое утверждение, сказал Вейцман, являлось фактическим «отрицанием Декларации Бальфура». Черчилль спросил, почему он так считает, и Вейцман объяснил, что Декларация Бальфура санкционирует возникновение в Палестине еврейского большинства, тогда как речь Самюуля «не позволяет никогда образоваться такому большинству». Согласно протокольной записи об этой встрече, Черчилль «усомнился в такой интерпретации» речи Самуэля, тогда как «Ллойд-Джордж и Бальфур согласились с тем, что Декларация Бальфура всегда подразумевала постепенное возникновение в Палестине еврейского государства».

5 августа один из ведущих советников Министерства по делам колоний, майор Янг, послал Черчиллю яростную записку, в которой настаивал, что он и глава Ближневосточного департамента Джон Шакбер ощущают, что на Герберта Самуэля оказывается давление «не только со стороны арабов, но и со стороны британских официальных лиц, не симпатизирующих сионистской политике», требующих предпринять «не вполне оправданные действия» для сокращения еврейской иммиграции в Палестину. Сам Г. Самуэль видел и другую сторону медали, написав Вейцману спустя пять дней в суровом тоне: «Необходимо ясно видеть основные факты во всем этом деле. По моему мнению, эти факты заключаются в том, что очень большое число

арабов, включая многих представителей образованных слоев, пришли к выводу, что сионистская политика заключается в создании численного перевеса евреев в Палестине за счет массовой еврейской иммиграции, что впоследствии приведет к тому, что из-за этого они потеряют не только политическое преобладание в Палестине, но и свои земли и свои святые места». Арабы, настаивал Самуэль, не примут без боя судьбу, которая, по их мнению, им уготована. При этом, подчеркнул он, «сионистская политика не имеет столь прочных основ в Великобритании, чтобы позволить себе продолжать и далее расшатывать их».

Когда Черчилль 22 августа принял арабскую делегацию, ее члены бескомпромиссно потребовали от него немедленно отменить действие Декларации Бальфура и прекратить дальнейшую еврейскую иммиграцию в Палестину. Черчилль отказался сделать и то и другое, представив делегации свое понимание природы сионизма и сказав им совершенно определенно: «Евреи очень многочисленный народ, и они разбросаны по всему свету. Палестина – это та страна, в которой у них имеются великие исторические традиции и корни, и вы не можете отбросить это обстоятельство как абсолютно несущественное. Они жили здесь много столетий назад. Они всегда старались оказаться здесь. Они много сделали для этой страны. Они создали много процветающих поселений в Палестине, и многие из них хотят приехать туда и жить там. Для них это святая земля. Многие из них хотят быть похороненными в городе, который они считают священным и который вы тоже считаете священным».

Затем Черчилль высказал свой взгляд на различие между положением евреев и арабов в Палестине. «Перед евреями стоит гораздо больше трудных задач, чем перед вами. Вы можете просто наслаждаться жизнью среди домов и вещей, которые вы уже имеете, а они должны созидать в пустыне, среди бесплодных участков места для обитания тех, кто приедет туда. Они должны доставить в такие места новых иммигрантов при условии, что это принесет пользу всему населению Палестины, не вытесняя никого и не лишая никого его прав и свобод. Иногда могут происходить отдельные случаи нарушения чьих-либо интересов и притеснений, но мы создадим такую систему управления, которая будет бороться с подобными случаями и публично осуждать их. Палестинское правительство будет не автократическим, а демократическим. Оно предоставит всем жителям Палестины свободу слова для обсуждения любых проблем в духе искренности и дружбы».

Палестинские арабы были глубоко разочарованы,

почувствовав, что их попытка положить конец еврейской иммиграции провалилась. В Палестине начались акты насилия против евреев. В течение ноября арабы Яффы и близлежащих арабских деревень нападали на евреев прямо на улицах и разрушали еврейскую собственность. В ответ британская администрация наложила коллективный штраф на яффских арабов и на те арабские деревни, из которых совершались нападения. 17 ноября Черчилль написал своим представителям в Палестине: «Сэр Герберт Самуэль должен жестко следить за неукоснительным применением в Яффе штрафных санкций».

Самуэль попытался было выразить протест против повсеместного применения этой меры, заявляя, что надо принять во внимание политический эффект от наложения штрафов, однако Черчилль настаивал на том, что «в Яффе и в близлежащих деревнях должны усвоить, что лица, виновные в нападениях на евреев, будут немедленно нести ответственность. Мы не можем позволить каким-либо соображениям целесообразности влиять на осуществление правосудия». Если же Самуэль затрудняется провести сбор штрафов с арабов, добавил Черчилль, то он готов прислать в помощь военный корабль, чтобы поддержать авторитет власти верховного комиссара в Палестине.

Черчилль был неприятно удивлен, получив от Самуэля сообщение о том, что арабов спровоцировали на бунт действия проникшей в Израиль в составе иммигрантов группы коммунистов. Черчилль указал Самуэлю, что ответственность за очистку еврейских колоний от коммунистических элементов лежит на самом верховном комиссаре и что «следует без промедления и отсрочки изгнать из Палестины всех виновных в подрывной агитации». Черчилль при этом подчеркнул, что, какую бы роль ни сыграли еврейские коммунисты в яффских волнениях, он еще больше недоволен попытками арабов прибегнуть к насилию по всей Палестине «в надежде напугать нас и заставить нас отказаться от нашей политики в отношении сионизма». Позиция Черчилля была ясной и четкой. «Великобритания, – указывал он Самуэлю, – должна твердо поддерживать закон и порядок и не идти при этом ни на какие уступки и компромиссы, как бы нас ни принуждали к этому».

К началу февраля 1922 года сотрудники аппарата Черчилля подготовили проект конституции для Палестины, согласно которой арабам было бы невозможно использовать свое численное большинство для того, чтобы препятствовать продолжающейся еврейской иммиграции и капиталовложениям. Делегация палестинских арабов продолжала тем временем вести

компанию против Декларации Бальфура. В ходе правительственного часа в палате общин 15 февраля сэр Уильям Джойнсон-Хикс, член парламента от консерваторов, официально попросил премьер-министра Дэвида Ллойд-Джорджа объяснить причину, по которой правительство обещало еврейскому народу создание национального очага «в стране, которая уже является национальным домом для арабов».

Ближневосточный департамент Министерства по делам колоний начал проводить в жизнь линию по защите Декларации Бальфура 1 марта, когда по указанию Черчилля Джон Шакбер направил письмо арабской делегации, в котором подтверждалось твердое намерение правительства не отступать от линии поддержки евреев. В этом письме, посланном с ведома и одобрения У. Черчилля, было написано, что «на вопрос, что имеется в виду под развитием еврейского национального очага в Палестине, следует ответить, что этим не предполагается установление численного большинства еврейского населения в Палестине, а лишь дальнейшее развитие ныне существующей еврейской общины в Палестине при содействии евреев из других частей света, чтобы на базе нее мог сформироваться центр еврейской жизни, которым все евреи могли бы гордиться и в котором они были бы заинтересованы». Вот почему «существование еврейского национального очага в Палестине должно было опираться на соответствующие международные гарантии».

3 марта арабская делегация провела митинг своих сторонников перед отелем «Гайд-Парк» в Лондоне с требованием, чтобы Великобритания отказалась от своей «сионистской политики». Черчиллю сообщили, что главный оратор на этом митинге Шибли аль-Джамаль, являвшийся секретарем арабской делегации, говорил «о том, что придется убивать евреев, если арабы не достигнут своей цели».

9 марта Черчилль выступил в парламенте с заявлением об основах британской политики на Ближнем Востоке. В своей речи он сделал упор на том, что контроль за уровнем еврейской иммиграции является существенной частью политики его министерства в Палестине, и высказал свои постоянные опасения по поводу проникновения большевистской идеологии в сионистское движение. «Делаются все возможные усилия, – заверял он палату общин, – чтобы обеспечить въезд в Палестину только добропорядочных граждан, которые будут обустраивать страну. Мы не можем допустить, чтобы страна была наводнена большевистским сбродом, жаждущим свергнуть правительственные устои, как они это уже сделали в той стране,

откуда прибыли».

Затем Черчилль прокомментировал требование арабов о самоопределении и об учреждении в Палестине арабского правительства, основанного на результатах волеизъявления большинства населения Палестины. «Это для нас неприемлемо», – сказал У. Черчилль. «Я не вправе сделать ничего, – объявил он, – что приведет к ситуации, в которой мы не сможем выполнить наши ранее данные обязательства в отношении сионистов. Я обязан сохранить в руках британского правительства весь обьем власти, необходимой для реализации этих обязательств».

Через месяц после речи Черчилля в парламенте сэр Альфред Монд, бывший тогда министром здравоохранения, член либеральной партии и еврей по национальности, предупредил Герберта Самуэля, что арабская делегация стала «средоточием и главным инструментом общего антисемитского движения в Великобритании».

На протяжении целого года Черчилль отвечал на арабское противодействие еврейской иммиграции и всему сионистскому проекту в Палестине тем, что пытался найти возможности обеспечить евреям политически стабильные и экономически гарантированные условия для жизни в Палестине.

По этой причине он поддерживал проект Пинхаса Рутенберга по электрификации Палестины путем использования энергии рек Иордана и Яркона. Узнав, однако, что Рутенберг намерен закупить оборудование в Германии, он немедленно написал своему политическому секретарю сэру Арчибальду Синклеру: «Вы должны разъяснить мистеру Рутенбергу и всем сионистам, что политика размещения заказов в Германии в тот момент, когда в нашей собственной стране существует серьезная безработица, может быть использована как дополнительный аргумент для возражений против траты двух миллионов в год на содержание британского гарнизона в Палестине, который находится там ради поддержки сионистского предприятия».

Рутенберг внял этим доводам и перенес свои заказы в Великобританию. К началу июня его проект был утвержден Министерством по делам колоний и получил личную поддержку Черчилля.

Но общая отрицательная реакция все же не заставила себя ждать. Вся британская политика на подмандатной территории Палестины подвергалась ожесточенным атакам. 23 июня член палаты лордов, либерал лорд Ислингтон внес проект резолюции, согласно которой обязательства Великобритании в отношении подмандатной территории Палестины объявлялись

«неприемлемыми», поскольку сам этот мандат «противоречил чувствам и желаниям громадного большинства народа Палестины». Далее в тексте резолюции утверждалось, что осуществление проекта Рутенберга даст еврейскому меньшинству большую власть над арабским большинством.

Лорд Ислингтон провозглашал далее, что «сионизм противоречит всему направлению человеческой психологии нынешнего века». По его словам, политика сионизма включала в себя привлечение в Палестину чуждых и враждебных местному населению евреев из других частей света для того, чтобы обеспечить там общее еврейское большинство. Еврейская иммиграция, добавлял он, будет обузой для британских налогоплательщиков и серьезной угрозой для прав арабов: «Образование еврейского национального очага на территории Палестины предполагает и означает политическое господство еврейской общины в стране, где большинство населения – вовсе не евреи».

Другой член палаты, лорд Сайденхем заявил, что палестинские арабы «никогда не были бы против образования и развития на их земле отдельных колоний с участием тщательно отобранных, действительно трудолюбивых и порядочных евреев; но вместо этого мы высадили на берег Палестины 25000 случайных личностей, совершенно непригодных для колонизаторской деятельности. При этом некоторые из них – большевики, часть из которых уже проявили самую зловещую активность. Арабам придется охранять Святую землю, чтобы она оставалась свободной от большевизма».

В своей речи в палате лорд Сайденхем предупредил, что в связи с тем, что статус подмандатной территории Палестины определяется Лигой Наций, через некоторое время контроль за Святой землей неизбежно перейдет в Нью-Йорк, Берлин, Лондон, Франкфурт и другие места: «В Палестину протянутся нити из иностранных столиц, а мы будем ответственны за все, что случится там после этой передачи власти над Палестиной в центры, находящиеся далеко за ее пределами».

Состоявшееся голосование продемонстрировало преобладание взглядов лордов-антисионистов; шестьдесят из них проголосовали против Декларации Бальфура и только двадцать один – за нее. На следующий день майор Хьюберт Янг, старший служащий Ближневосточного департамента Министерства по делам колоний, участвовавший в 1918 году в арабском восстании против турок, предупредил Черчилля, что антисионистское голосование «станет дополнительным стимулом, побуждающим арабскую делегацию настаивать на ее жесткой позиции». Пока

голосование в палате общин «не отменит эффективным образом» голосование палаты лордов, британские обязательства по отношению к евреям не смогут быть выполнены, заявил он.

Черчиллю пришлось бороться с резолюцией палаты лордов в палате общин для того, чтобы обеспечить поддержку сионистскому предприятию в Палестине.

Прежде чем выступить в поддержку продолжения еврейской колонизации в Палестине, он провел специальное расследование с целью опровергнуть особенно острые претензии против сионистов, выдвигаемые делегацией палестинских арабов в Лондоне. Эти претензии и жалобы заключались в том, что Еврейская ассоциация по колонизации выселяла арабов с их земель, чтобы поселить на их месте евреев. 3 июля, за день до решающих дебатов, Шакбер сообщил личному секретарю Черчилля: «Возможно, мистеру Черчиллю в связи с завтрашними дебатами будет интересно узнать, что эта ложь полностью разоблачена». Земли, о которых шла речь, оказались «главным образом никем ранее не занятыми болотами и песчаными дюнами».

Обсуждение британской политики на подмандатной территории Палестины и перспектив концессии Рутенберга в палате общин происходило 4 июля 1922 года. Черчиллю нужно было попытаться заручиться поддержкой своей политики содействия сионистам в Палестине, которая становилась все более непопулярной. Нападки на эту политику возглавил сэр Уильям Джойнсон-Хикс, который в своей речи утверждал, что контракты, заключенные Рутенбергом в рамках его концессии в Палестине, никогда официально не представлялись британскому парламенту. «При этом Рутенберг хотел выставить арабов противниками планов сионистов», – заявил Джойнсон-Хикс. По мнению Джойнсона-Хикса, «арабы полагали, что Палестина должна была оказаться в составе тех территорий бывшей Оттоманской империи, которые должны были быть переданы арабским доминионам Британской империи после поражения Турции в Первой мировой войне». По оценке Джойнсона-Хикса, «настоящую проблему представляла не Декларация Бальфура, а то, как британское правительство на практике позволило сионистам взять под свой контроль все управление в Палестине».

Джойнсон-Хикс утверждал, что арабам, желавшим получить экономические концессии, последовательно отказывали. Проект Рутенберга был «грандиозным, но непрактичным», но при этом «Министерство по делам колоний все равно передавало все развитие страны в руки Рутенберга». Контракт с Рутенбергом не предусматривал размещения даже части заказов в

Великобритании, поэтому он не мог принести никакой пользы британским производителям. В результате, подчеркнул парламентарий, «получается так, что Великобритания затратила миллионы в Палестине и пожертвовала тысячами жизней, но не получит после этого ровным счетом никакой выгоды».

Другой консерватор, сэр Джон Бутчер резко нападал на Черчилля за те чересчур широкие полномочия, которые передавались Г. Самуэлю и П. Рутенбергу в Палестине. «Справедливо ли это, – спрашивал он, – по отношению ко всем жителям Палестины, по отношению к интересам арабов?» Годом раньше, во время дебатов, которые проходили 14 июня 1921 года, лорд Уинтертон уже предупреждал Черчилля, что как только «вы начнете скупать землю с целью поселить на ней евреев, вы столкнетесь с передающейся по наследству инстинктивной антипатией, существующей во всем мире к еврейской нации».

Произнесенная Черчиллем в парламенте 4 июля речь стала декларацией в защиту британских обязательств по отношению к евреям. Упомянув о Декларации Бальфура, он указал, что парламент никогда не выступал в принципе против той политики, на которой была основана сама декларация. Черчилль заявил: «Обязательства в отношении евреев были даны во время войны. Они были даны с учетом исторических заслуг и достоинств еврейского народа, но не только, хотя я и убежден, что эти достоинства сами по себе являются весьма значительными. Эти обязательства были приняты нами прежде всего потому, что было решено, что это внесет ценный вклад в наши усилия выиграть войну. Мы полагали, что поддержка, которую могут оказать евреи во всех частях света, особенно в Соединенных Штатах и в России, принесет ощутимую пользу Великобритании в ходе войны».

Черчилль отметил, что в ноябре 1917 года «почти каждый государственный деятель в нашей стране поддержал Декларацию Бальфура». Затем Черчилль процитировал двенадцать высказываний в пользу Декларации Бальфура, ряд из которых был сделан теми самыми людьми, которые «ныне нападали на ту политику, которую сами же прежде поддерживали». Сэр Джон Бутчер, который, как указал Черчилль, «только что обращался к нам со словами, полными негодования, раньше говорил на эту тему почти в лирических выражениях». Черчилль процитировал слова Бутчера, произнесенные в 1917 году: «Я верю, что недалек день, когда еврейский народ сможет вернуться на священное место своего рождения и восстановить древний дом своих предков, создать великую, свободную и развитую общину, где, свободные от внешней агрессии, евреи смогут достичь своих идеалов и выполнить свое предназначение».

Черчилль сказал тем критикам Декларации Бальфура, которых он только что процитировал: «Вы не имеете права говорить подобные вещи как частные лица; вы не имеете права сначала поддержать публичную политическую декларацию, сделанную от имени вашей страны в критический момент войны, а затем, когда все страсти военных лет улеглись, нападать на министра или департамент, которые добросовестно пытаются перевести эти политические заявления в конкретные управленческие решения. Я со всей честностью и знанием предмета совершенно открыто заявляю, что не считаю оправданным со стороны палаты общин на этой стадии полностью отвергать ту политику, которую мы проводим в отношении сионистов в Палестине».

Защищая политику Великобритании в Палестине по отношению к евреям, Черчилль сказал: «После того, что мы сказали и сделали, мы не имеем права подвергнуть евреев в Палестине опасности дурного обращения со стороны арабов, которые сейчас настроены против них». Страхи арабов, что их сгонят с их земли, «попросту иллюзорны». В Палестину не прибудет ни одного еврея «сверх числа, допускаемого истинным уровнем развития и богатством страны. При этом нет никакого сомнения, что в настоящее время страна является в значительной степени малонаселенной».

Говоря о концессии Рутенберга, Черчилль заявил, что именно осуществление этого проекта создаст дополнительные гарантии того, что экономические права арабов в Палестине никак не будут нарушены. «Реализация этого плана, – отметил Черчилль, – позволит еврейскому населению Палестины за счет своей предприимчивости, за счет широкого использования своих интеллектуальных способностей и денежных средств создать новые источники богатства и процветания, которые будут питать их самих». Черчилль считал, что рост благосостояния евреев обогатит и всю Палестину в целом, «все классы и слои населения Палестины». Он подчеркнул, что «все, кто недавно посетили Палестину, видели, как во многих регионах бывшие пустыни превращаются в сады и как благотворно это отражается на уровне жизни живущих в районе таких мест арабов».

Черчилль указывал на то, что «нет никакого сомнения в том, что в Палестине существует еще достаточно сфер и мест для дальнейшего приложения капитала и энергии людей в целях развития этой территории». В этой связи он полагал, что «с течением времени возможен приезд в Палестину еще большего, чем сейчас, количества переселенцев, которым будут созданы еще более благоприятные жизненные условия, чем нынешние». Он

считал, что в Палестине возможно возникновение принципиально новых отраслей промышленности, основанных на соединении самых передовых научных знаний с современными индустриальными технологиями, что даст заметный толчок к развитию этой территории. Черчилль полагал, что положительный эффект от создания таких отраслей промышленности заметно превзойдет те благоприятные последствия, которые можно будет увидеть уже сейчас, когда энергия вод Иордана будет направлена на цели выработки электроэнергии и орошения.

Разрешение на реализацию проекта Рутенберга, заявил Черчилль, даст всем жителям Палестины, как евреям, так и арабам, гарантии процветания, предоставит им возможность развития экономики и социальной сферы. «Разве не должно показаться всем жителям Палестины сказочным подарком то, что с приездом на эту землю евреев перед ними открылись возможности превращения бывших пустынь в цветущие сады и обретения счастливого будущего для всех? – риторически спросил Черчилль депутатов. – Разве не заставит это арабов уважать евреев и видеть в них своих друзей и соратников, а вовсе не угнетателей и экспроприаторов? Разве не продемонстрирует реализация плана Рутенберга то, что земля Палестины является щедрой матерью для всех ее обитателей? Разве можем мы оказаться не правы, давая разрешение на подобное использование водных ресурсов Палестины, которое должно привести к ее экономическому и социальному подъему и развитию?»

Депутаты, выступавшие против поддержки плана Рутенберга, настаивали на том, что именно арабское большинство населения Палестины, а вовсе не еврейское меньшинство, должно иметь преимущественное право на развитие и освоение экономических богатств и ресурсов Палестины. Черчилль заявил в ответ на это следующее: «Мне говорят, что арабы должны заниматься всем этим самостоятельно. Но разве можно всерьез поверить в состоятельность подобных утверждений? Если предоставить арабов Палестины самим себе, то и через тысячу лет они не смогут ни обводнить засушливые районы Палестины, ни обеспечить добычу здесь электроэнергии. Нет, они с философским стоицизмом будут наблюдать за тем, как воды Иордана свободно текут сквозь засушливую пустыню, не принося ей ничего, и без всякой пользы впадают в Мертвое море».

Черчилль также пояснил депутатам, что правительство будет осуществлять жесткий контроль над ценами на электричество, которое будет вырабатываться в рамках реализации плана Рутенберга, и что оно будет также контролировать получаемую

компанией прибыль. После того как компания получит десять процентов прибыли, остальная часть прибыли будет распределяться поровну между компанией и правительством Палестины. После получения компанией Рутенберга пятнадцати процентов прибыли вся остальная прибыль пойдет на нужды исключительно палестинского правительства. Согласно плану британского правительства, через 37 лет после начала действия концессии Рутенберга предполагался полный переход всех сооружений и объектов, построенных согласно первоначальному плану, под управление палестинских властей.

Несколько членов парламента критиковали идею предоставления данной концессии Рутенбергу на том основании, что при этом не рассматривался вопрос о предоставлении подобной концессии арабским предпринимателям или фирмам. На это Черчилль ответил, что в его распоряжении имеются данные о том, что лишь два жителя Вифлеема, один из которых был арабом, а другой не являлся им, обращались ранее к британским властям с заявлениями о предоставлении им концессии. Однако к их заявкам не прилагалось никаких подробных планов и детальных описаний того, что они собирались делать. По сути дела, их заявки были лишь голыми претензиями на получение концессии и прибыли от нее, за которыми не просматривалось никаких реальных планов освоения природных ресурсов Палестины. В отличие от подобных заявок, заявка самого Рутенберга содержала детальный и подробный план действий, была подкреплена человеческими и интеллектуальными ресурсами и финансированием.

Во время обсуждения в британском парламенте идеи предоставления концессии Рутенбергу практически все ораторы оказались солидарны в своей критике самой личности автора этого проекта. Они полагали, что не следует предоставлять этой концессии Рутенбергу, который является «темной личностью» и планы которого «ничем материально не подкреплены». На это Черчилль заявил следующее: «Рутенберг – человек исключительных способностей и личной энергии. Он является сионистом. Его заявка поддерживается Всемирной сионистской организацией. Он представил подробные планы, диаграммы, оценки – все составные части его плана разработаны до мельчайших деталей. Он заявляет о том, что за ним стоят все главные сионистские организации в Европе и Америке, поддерживающие его планы на некоммерческой основе, и эти утверждения абсолютно оправданны».

Черчилль выделял именно некоммерческий аспект концессии Рутенберга. «Круг людей, поддержавших этот замысел, гораздо

шире сообщества одних лишь непосредственных приверженцев сионистской идеи. Почти все деньги на концессию, полученные до сих пор, поступили полностью на некоммерческой основе. Это означает, что в самой идее сионизма есть нечто большее, чем просто деньги и доходы. У меня нет в этом никакого сомнения. Из этого следует, что получение выгоды в обычном смысле не является главной движущей силой при осуществлении этой схемы ирригации и орошения в Палестине. Эта концессия не могла бы быть обеспечена необходимым финансированием, если бы теми людьми, которые поддержали ее, не двигали самые разнообразные чувства и эмоции, в том числе сентиментального и религиозного порядка». После этого Черчилль перешел к защите самого Рутенберга: «Да, он еврей, и я не могу отрицать этого. Но я не понимаю, почему это должно стать причиной для упреков в его адрес».

Черчилль, который в течение нескольких предыдущих месяцев вел переговоры о заключении договора о статусе Ирландии, с насмешкой заявил своим парламентским критикам: «При всем желании достаточно трудно создать новое еврейское государство на земле Израиля, но если вы к тому же напишете над его воротами «Евреям сюда вход воспрещен», то после этого мне останется сосредоточить свое внимание лишь на проблемах Ирландии». Это высказывание вызвало смех в зале.

Одним из аргументов против предоставления концессии Рутенбергу было утверждение о том, что Рутенберг – большевик. «Нет ничего более неверного», – заявил Черчилль. «Он из России, но он не большевик, – сказал Черчилль. – Напротив, он был изгнан большевиками из России». Рутенберг, объяснил Черчилль, «был одним из тех социалистов-революционеров, кто боролся против тирании деспотического царского правительства, а после большевистского переворота 1917 года стал еще более активно бороться с гораздо худшей тиранией большевистских правителей. Его позиция в этом смысле является вполне последовательной».

Черчилль питал глубокое уважение ко всем убежденным противникам большевизма. С ноября 1917 года большевики не только установили тоталитарное правление и режим государственного террора по всей России, но и стремились экспортировать свою систему за пределы страны. В 1919 году в течение нескольких недель казалось, что опорной базой коммунистов в Европе мог стать Берлин. На некоторое время коммунистические режимы воцарились в Баварии и в Венгрии, повторив при этом худшие эксцессы советской системы.

Черчилль сообщил палате общин, что за свое участие в революционном движении Рутенберг несколько раз попадал в

царскую тюрьму. Ходили слухи, что он организовал убийство известного полицейского шпика и провокатора священника Гапона. «Если верно, – сказал Черчилль, – что Рутенберг принимал участие в убийстве отца Гапона, бывшего агентом-провокатором и намеревавшегося выведать для русской полиции секреты революционеров, то так же верно и то, что в 1917 году, будучи заместителем губернатора Петрограда, Рутенберг рекомендовал главе Временного правительства Керенскому повесить Ленина и Троцкого».

После Октябрьской революции Рутенберг сначала боролся с советской властью на севере России, а затем отправился в Одессу. Там он оказывал содействие французскому воинскому контингенту, который оккупировал Одессу в рамках миссии союзнических войск по защите территории России от нападений немцев и большевиков, в отражении враждебных атак на Одессу. Будучи в Одессе, он «оказал союзникам большие услуги», сказал Черчилль, и «заслужил многочисленные хвалебные отзывы. В целом же следует сказать, что биографию этого человека невозможно сравнивать с биографиями тех людей, которым «посчастливилось прожить всю свою жизнь в нашей спокойной и упорядоченной стране».

Черчилль призвал палату общин не препятствовать британским властям в Палестине в их стремлении «в разумных пределах использовать евреев для создания и развития новых экономических возможностей в Палестине». Черчилль заявил также, что, если парламентарии считают, что «содержащиеся в Декларации Бальфура обязательства по отношению к сионистам» следует претворить в жизнь, то им необходимо своим голосованием в палате общин аннулировать предыдущее решение палаты лордов, которое фактически перечеркнуло эту декларацию. «Это голосование, – предупредил Черчилль, – может иметь серьезные последствия для Палестины. Его исход может привести к насилию и беспорядкам, к отчаянию и кровопролитию». По мнению Черчилля, при голосовании следовало прежде всего исходить из того, что Великобритания обязана превыше всего хранить верность обязательствам, данным «перед лицом всех наций мира».

Призыв Черчилля возымел успех. Только тридцать пять голосов были отданы против политики британского правительства в Палестине, в то время как двести девяносто два – за нее. Его речь стала личным триумфом политика. «Блестящая речь» – записал в своем дневнике его коллега по кабинету Г.А.Л. Фишер. Но после этого голосования предстояло проделать очень большую работу, причем проделать ее быстро: Черчилль

должен был представить основные принципы британской политики на подмандатной территории Палестины на одобрение Лиги Наций, под чьей юрисдикцией находился палестинский мандат.

Эти принципы были отражены в рамках ежегодной «Белой книги», ставшей известной как «Белая книга Черчилля». Эта «Белая книга» сформулировала основные идеи, которые лежали в основе политики британских властей в Палестине. «Белая книга» подчеркивала поддержку британским правительством идей сионизма, отмечая, что уже в 1922 году евреи «создали в Палестине общину, насчитывающую теперь 80 000 человек, четверть из которых составляют земледельцы». Кроме того, в «Белую книгу» было включено письмо Министерства по делам колоний от 1 марта, направленное делегации палестинских арабов в Лондоне, в котором говорилось, что «развитие еврейского национального очага в Палестине происходит не с целью навязать еврейское господство всем обитателям Палестины, а с тем, чтобы обеспечить дальнейшее развитие существующей еврейской общины при помощи евреев со всех концов света, которая могла бы стать центром, в котором еврейский народ нашел бы на базе своей религии и происхождения свое законное место, в развитии которого он был бы заинтересован и которым мог бы гордиться». В «Белой книге», как и в письме министерства от 1 марта, упор делался на том, что ради процветания еврейской общины в Палестине и создания «наилучших условий для свободного развития и проявления способностей всех ее членов» необходимо, чтобы эта община знала, что она существует в Палестине по праву и на законных основаниях. Вот почему «существование еврейского национального очага в Палестине» должно было быть «обеспечено соответствующими международными гарантиями и официально признано законным на основе имеющихся исторических фактов, в том числе фактов древней истории».

«Белая книга Черчилля» была представлена в Лигу Наций в Женеве и одобрена Лигой 22 июля. Сионисты осознали, что Черчилль разработал для них такой план, который позволял им продвигаться, пусть и постепенно, к созданию собственного государства в Палестине.

26 июля, через несколько дней после одобрения британского мандата в Лиге Наций, Хаим Вейцман направил Черчиллю поздравительное письмо. «Мы передаем вам и всем, кто связан с вами в Министерстве по делам колоний, – писал Вейцман, – нашу самую искреннюю благодарность. Сионисты во всем мире глубоко ценят постоянную симпатию, которую вы всегда проявляли по

отношению к их законным чаяниям, и ту огромную роль, которую вы сыграли в обеспечении возможности воссоздания национального очага еврейского народа в Палестине на основе мирного сотрудничества со всеми, кто живет на этой земле».

При активной и настойчивой поддержке Черчилля существование еврейского национального очага в Палестине стало реальностью.

Глава восьмая
Антисемитская клевета, Палестина и Моисей

На всеобщих выборах 1922 года правительство Ллойд-Джорджа потерпело поражение. В результате выборов было сформировано правительство из одних консерваторов, в котором для Черчилля уже не было места. Он также потерял свое парламентское кресло от округа Данди и ему требовалось найти новый избирательный округ, чтобы попытаться вернуться в палату общин, где он заседал уже два десятилетия.

Первая попытка баллотироваться в парламент от округа Западного Лестера в 1923 году оказалась безуспешной. Где бы ни выступал Черчилль, он постоянно сталкивался с обвинениями в том, что во время войны он оказывал покровительство богатым евреям-бизнесменам, позволяя им получать незаконные доходы. Это обвинение, выдвинутое в то время, когда в Великобритании, особенно в консервативных кругах, были сильны антиеврейские настроения, получило весьма широкое распространение.

Главным автором этого обвинения против Черчилля выступил лорд Альфред Дуглас, поэт и бывший любовник Оскара Уайльда. В ходе лекций, которые он читал по всей Англии, Дуглас утверждал, что в результате тайного плана, разработанного богатыми британскими евреями во главе с сэром Эрнестом Касселем, сразу после Ютландской битвы в 1916 году британское адмиралтейство, возглавлявшееся тогда Артуром Бальфуром, издало официальное коммюнике, в котором говорилось, что сражение было тяжелой неудачей для Великобритании. Удручающий тон коммюнике оказал непосредственное влияние на курс британских акций на нью-йоркской бирже, который резко упал. Воспользовавшись этим, еврейские заговорщики тут же скупили эти акции по бросовой цене. Затем Черчилль, действовавший в сговоре с евреями и с тем же Бальфуром, издал другое коммюнике. В нем говорилось, что сражение оказалось гораздо более успешным для Великобритании, чем считалось ранее. Акции сразу же поднялись до нового высокого уровня. Заговорщики немедленно продали их, получив в результате огромную прибыль.

Согласно Дугласу, еврейские финансисты выплатили за это Черчиллю 40 000 фунтов (это эквивалентно более чем миллиону фунтов в 2006 году). Кассель, добавлял он, заплатил после

Ютландской битвы за новую меблировку лондонского дома Черчилля. Все эти обвинения были несправедливы, кроме разве лишь того, что Кассель действительно оплатил меблировку библиотеки в доме Черчилля – но только за десять лет до начала войны.

Таковы были обвинения Дугласа. Когда «Морнинг пост» назвала их «мерзкими обвинениями против евреев», Дуглас подал на газету в суд. Суд начался 17 июля 1923 года. Во время перекрестного допроса адвокат газеты Патрик Гастингс спросил Дугласа: «Хотите ли вы сказать, что своим финансовым благополучием мистер Черчилль обязан евреям?» «Да, конечно», – ответил Дуглас. «Настаиваете ли вы на этом сейчас?» – продолжал Гастингс. «Конечно, настаиваю», – отвечал Дуглас.

Допрашивая Черчилля по поводу второго коммюнике адмиралтейства, изданного в связи с Ютландской битвой, его спросили в суде: «Имело ли оно отношение к манипуляциям акциями на какой-либо бирже в мире?» Черчилль отвечал: «Эта мысль никогда не приходила мне в голову». Затем его спросили: «Получили ли вы от этого какой-либо доход?» На это он ответил: «Нет».

В итоге «Морнинг пост» была все-таки признана виновной в клевете на Дугласа, но оштрафована только на смехотворную сумму в фартинг – четверть пенса. Дугласу также было предписано оплатить судебные затраты Черчилля. Взбешенный Дуглас опубликовал текст своей обвинительной речи в виде брошюры, не меньше 30000 экземпляров которой были затем распространены в Лондоне. Он послал Черчиллю один экземпляр с надписью: «Я призываю вас показаться в суде и со скамьи свидетелей ответить на мои вопросы».

Такое поведение Дугласа побудило британское правительство выдвинуть против него обвинение в совершении уголовного преступления. Поскольку обвинение исходило от правительства, а не было обычным иском, предъявленным частным лицом, его поддерживал Генеральный прокурор. Черчилль и Бальфур были вызваны в качестве свидетелей. Когда Черчилля прямо спросили: «Есть ли хоть тень правды в обвинениях против вас?» – он ответил: «Ни малейшей. От начала до конца все это чудовищная и злонамеренная фантазия».

Присяжным заседателям потребовалось лишь восемь минут для того, чтобы вынести свой вердикт. Дуглас был признан виновным и приговорен к шести месяцам тюрьмы. «Я не могу припомнить случая, чтобы какой-то общественный деятель так пострадал от оскорблений и неверных истолкований его поступков, как вы, – писал Черчиллю его бывший секретарь по

адмиралтейству, когда вердикт суда стал известен. – Невозможно надеяться, что ваши враги прекратят свои нападки на ваши действия и на мотивы, которыми вы руководствуетесь, но, во всяком случае, эта чудовищная ложь не будет больше публично повторяться. Во многом именно из-за этих необоснованных нападок вы потеряли место в парламенте от округа Данди и потерпели затем поражение в Лестере».

Парламентская деятельность Черчилля прервалась почти на два года. В этот период видный представитель еврейской общины в Великобритании сэр Роберт Уэйли Коэн попросил его стать посредником на переговорах с британским правительством о слиянии двух его частных нефтяных компаний с Англо-Персидской нефтяной компанией, в которой держателем большинства акций являлось британское правительство. За десять лет до этого, в канун Первой мировой войны, именно Черчилль вел переговоры о приобретении правительством Англо-Персидской нефтяной компании с целью обеспечить бесперебойное снабжение нефтью военно-морского флота Великобритании, стремительно переходившего с потреблявших уголь паровых двигателей на дизельные.

Черчилль согласился представлять компании Коэна на переговорах с британским правительством. За свое посредничество он получил 5000 фунтов – сумму, эквивалентную годовой зарплате члена кабинета министров. Черчилль признавался своей жене, что когда он попытался узнать у своего бывшего личного секретаря в адмиралтействе сэра Джеймса Мастертон-Смита, допустимо ли ему выступать на таких переговорах в качестве посредника, то Мастертон-Смит «посоветовал ему быть крайне осторожным в этом вопросе по веским политическим причинам». Однако Черчилль, который недавно приобрел поместье Чартуэлл в графстве Кент, остро нуждался в деньгах для осуществления дорогостоящей перестройки своего нового дома. Поэтому он обратился по этому вопросу непосредственно к премьер-министру Стэнли Болдуину, попросив его не возражать против объединения компаний. При этом Черчилль не желал предавать огласке свое обращение к премьеру. Он писал Клементине: «Я проник в резиденцию премьера на Даунинг-стрит, войдя через основной вход Министерства финансов, чтобы избежать комментариев. Это очень позабавило Болдуина».

Однако все прошло гладко. «Мой разговор с премьером был весьма благоприятным, – сказал Черчилль Клементине. – Он полностью поддержал проект соглашения об объединении

компаний исходя из представленных условий. Он говорил об этом так, что можно было вообще подумать, что я разговариваю не с ним, а с самим Коэном. Я уверен, что все получится». В своих воспоминаниях Черчилль написал, что на этой встрече Болдуин сказал ему, что «нынешнее положение и перспективы дальнейшего существования Англо-Персидской компании внушают ему беспокойство, поэтому он отнюдь не возражает против уменьшения доли правительства в компании. К тому же он в принципе выступает против участия британского правительства в нефтяном бизнесе, исходя из общеполитических и экономических соображений. В этой связи ему представляется целесообразной продажа принадлежащих правительству акций компании частным инвесторам, и он полагает, что сумма в двадцать миллионов была бы хорошей ценой, которую можно было бы выручить за эти акции».

Все это означало зеленый свет для планов слияния. «Я вник в эту проблему, тесно сотрудничая со всеми заинтересованными сторонами, – отмечал он, – и в конце августа я вновь побеседовал с премьер-министром. Я сказал ему, что вполне возможно разработать такую схему сделки, которая удовлетворит все выдвинутые им требования, и что если он в принципе одобрит это, то я мог бы поучаствовать в разработке такой схемы».

«Премьер-министр выразил мне полное одобрение и сказал, что желает ознакомиться с результатами нашей работы», – вспоминал Черчилль. В течение сентября под руководством Черчилля сотрудники компаний Коэна подготовили принципиальную схему сделки по слиянию и представили ее в правительство. «Этот план вполне можно обнародовать для публичного обсуждения, – писал Черчилль. – Я верю, что при его реализации государство получит несомненные преимущества и что эта схема учитывает особые интересы адмиралтейства в сфере снабжения нефтью. Хотя все это, разумеется, субъективно».

Накануне передачи плана объединения нефтяных компаний для окончательного рассмотрения в соответствующие правительственные департаменты С. Болдуин публично выступил в пользу введения политики торгового протекционизма. Черчилль, который с самого начала своей политической карьеры являлся убежденным сторонником свободной торговли, счел необходимым вновь вернуться в публичную политику, чтобы противостоять в этом вопросе правительству. В этой связи он не желал, чтобы его «право противоречить правительству ограничивалось какими-либо причинами, какими бы вескими они ни были». Вот почему, готовясь произнести речь с критикой правительственной политики в сфере торговли, он сообщил

владельцам нефтяных компаний, что «должен отойти от процесса переговоров, пожертвовав своими личными интересами». 14 ноября Черчилль уведомил Коэна, что вынужден отказаться от своей деятельности по слиянию компаний, потому что собирается «вернуться к общественной жизни». Так он и поступил. И хотя в марте 1924 года он проиграл на выборах в парламент от округа Эбби, не добрав при этом всего лишь сорока трех необходимых ему голосов, уже через восемь месяцев он вернулся в парламент от округа Эппинг, находящегося вблизи Лондона, после чего Болдуин назначил его министром финансов.

В бытность Черчилля министром финансов Х. Вейцман обратился к британскому кабинету с просьбой предоставить правительственные гарантии займу, предназначенному для целей экономического развития Палестины. В этот момент планы создания еврейского национального очага в Палестине столкнулись с серьезными финансовыми трудностями и нуждались в конкретной поддержке. Экономические затруднения привели к снижению числа еврейских иммигрантов. В результате, по данным официальной британской статистики, в Палестине находились всего 150 000 евреев и более 700 000 арабов. Заем, объяснял Вейцман, «требовался лишь для единственной цели – создания благоприятных возможностей для создания еврейских поселений в Палестине, как предполагалось условиями британского мандата».

Лорд Бальфур, являвшийся автором Декларации Бальфура и лордом-президентом правительственного совета, в качестве старшего члена кабинета поддержал проект предоставления займа. Перед обсуждением этого вопроса в кабинете министров он устроил встречу Черчилля и Вейцмана в своем лондонском доме.

Во время обсуждения вопроса о займе Черчилль, в результате своего опыта 1922 года отчетливо понимавший, что невозможно проводить сколько-нибудь эффективную политику поддержки сионистского предприятия в том случае, если она сталкивается с враждебностью и непониманием в стенах парламенте, предупредил своих коллег по кабинету, что такой заем может спровоцировать антисемитские чувства в палате общин. Сам он при этом, как и Бальфур, тем не менее поддержал идею займа. Однако кабинет в целом отверг этот план.

В 1929 году на всеобщих выборах консерваторы потерпели поражение от лейбористов, и Черчилль, сохранивший за собой парламентское кресло, был вынужден покинуть правительство.

Летом он отправился в трехмесячное путешествие по Канаде и Соединенным Штатам. Во время его заокеанской поездки по всей Палестине начались нападения арабов на евреев. В Палестине тогда насчитывалось 156 000 евреев – почти в два раза больше, чем в 1922 году, и 794 000 арабов. Арабское население выросло за эти годы на 130000 человек, увеличившись примерно в равных долях как за счет иммиграции, так и за счет естественного прироста.

Во время нападений арабов на безоружных евреев были убиты 133 еврея. В Иерусалиме четыре тысячи евреев были изгнаны из своих домов, многие из которых затем оказались разграбленными. По прибытии Черчилля в Сан-Франциско встретившие его журналисты спросили его, как недавнего члена британского правительства и бывшего министра по делам колоний, каким образом убийства евреев арабами и разрушение еврейской собственности в Палестине повлияет на обещание Великобритании поддерживать дальнейшую иммиграцию евреев в Палестину.

«У арабов нет причин быть противниками евреев» – заявил Черчилль и далее пояснил: – Евреи обеспечили развитие Палестины, они вырастили сады и обеспечили ирригацию полей, построили школы и гидроэлектростанции и сделали Палестину гораздо более приспособленным и удобным для жизни местом, чем она была за несколько лет до их приезда. Арабы живут теперь гораздо лучше, чем до прибытия евреев, и вскоре они осознают это». Это действительно было так: арабские деревни поблизости от еврейских поселений значительно выиграли как от установки водо– и электроснабжения, так и от расширения рынка для сбыта своей продукции.

«Арабы обязаны всем, что они имеют, – отметил Черчилль, – еврейской инициативе. Насилие со стороны арабов вызвано фанатизмом и завистью. В настоящее время требуется грамотная и взвешенная политика для восстановления согласия в Палестине».

Черчилль утверждал то же самое в своей статье, опубликованной в журнале «Нью-Йорк Американ». С похвалой отозвавшись о деятельности сионистов в Палестине, он написал о Ришон ле-Ционе, городе виноделов, который он посетил восемь лет назад. Черчилль отметил, что раскаленная пустыня «за счет терпения, предприимчивости и цивилизованного разума была превращена в зеленые поля и виноградники, тенистые рощи и дома для счастливых людей, которые, даже если бы не было Декларации Бальфура, заслуживали покровительства и симпатии со стороны свободных и просвещенных людей в каждой части

света».

Что касается палестинских арабов, то в результате присутствия евреев в Палестине они получили «лишь добрые дары – больше богатства, больше цивилизации, получили новые источники дохода, занятость, повышенные заработки, больше обработанных земель, лучшее водоснабжение. Иными словами, они получили благодетельные плоды разума и современной науки».

Статья Черчилля заканчивалась тирадой, свидетельствовавшей о его постоянном опасении по поводу возможного распространения среди евреев идей большевизма, но в целом – на позитивной и оптимистической ноте: «Пока сионистские лидеры бдительно оберегают свои ряды от проникновения зловещих русских подпольщиков, в их власти возродить славу своей родной страны. Они имеют право получить полную возможность сделать это. Все великие державы-победительницы поручились за их судьбу, и Великобритания, в прямой и определенной форме непосредственно принявшая на себя эту общую ответственность, не должна устать и не устанет от исполнения своей законной обязанности».

Посол Великобритании в Вашингтоне сэр Рональд Линдсей был не очень доволен этим выступлением Черчилля и раздраженно сообщил в Министерство иностранных дел: «В результате появления его статьи те американские евреи, которые придерживались умеренных взглядов, теперь могут от них отказаться. Они будут ожидать от консерваторов после прихода их к власти открытой просионистской политики, а до тех пор будут препятствовать любым шагам по нормализации положения в Палестине. Это приведет к тому, что в результате все лавры достанутся одному лишь Черчиллю».

Из Сан-Франциско Черчилль передал текст своей статьи по телеграфу в Лондон, и она была опубликована в «Санди таймс» 22 сентября 1929 года. Таким образом, с его взглядами на Палестину можно было без труда ознакомиться по обе стороны Атлантики.

Вскоре после возвращения Черчилля в Великобританию лейбористское правительство, возглавляемое Рамсеем Макдональдом, предприняло действие, которое Черчилль рассматривал как шаг назад в британской политике по отношению к Палестине. В октябре 1930 года министр по делам колоний Сидней Вебб, являвшийся в более молодые годы известным социальным реформатором, а ныне получивший титул лорда Пассфилда, издал новую «Белую книгу» для Палестины.

Судя по тому, что в ней было написано, он старался найти способ уменьшить и как-то смягчить непреходящую ненависть арабов Палестины к плану создания там еврейского национального очага. В результате в «Белой книге» Пассфилда фигурировал тезис о том, что британские обязательства, проистекающие из палестинского мандата, в равной степени распространяются и на еврейскую, и на арабскую общины в Палестине.

Черчилль считал иначе. 2 ноября 1930 года, в день рождения Бальфура, он опубликовал статью «Честная игра с евреями», в которой подчеркнул, что министр по делам колоний «не обратил внимания или проигнорировал тот факт, что эти обязательства носят совершенно разный характер». Черчилль констатировал, что «частое использование» в новой «Белой книге» ссылок на обязательства, проистекающие из британского мандата «по отношению ко всем обитателям Палестины, как арабам, так и евреям», принципиально отличается от содержания его «Белой книги» 1922 года, в которой, исходя из текста Декларации Бальфура, «признавались британские обязательства не только по отношению к обитателям Палестины, как арабам, так и евреям, но и по отношению к сионистскому движению во всем мире, которому первоначально и было дано обещание содействовать созданию еврейского национального очага в Палестине».

Черчилль подчеркивал, что британские обязательства были «даны евреям, вне зависимости от того, где бы они ни находились, с целью гарантировать им право обрести еврейский национальный очаг в Палестине». При этом он добавлял, что «никаких подобных обязательств не было дано в отношении арабов, живших вне пределов Палестины». Великобритания дала такие обещания только евреям, обещав им возможность создания национального очага путем их иммиграции в Палестину. Относительно того, являлось или нет мудрым шагом со стороны Великобритании брать на себя подобные обязательства, Черчилль писал: «Нет никакого смысла пытаться отвечать на этот вопрос на нынешней стадии. Единственный вопрос заключается в том, выполняются они или нет».

В своей статье Черчилль замечал, что британское правительство, столкнувшись «лицом к лицу с трудностями, проистекающими из решения этой проблемы, но не являющимися непреодолимыми, должно установить пределы для практического осуществления сионистского проекта – как по скорости, так и по методам. Оно должно предложить арабскому населению определенные и конкретные гарантии защиты их гражданских и религиозных прав». Такой подход возлагает определенные обязательства и на сионистов. Но при этом, отмечал Черчилль, он

«не препятствует продолжению иммиграции и экономическому развитию еврейской общины в Палестине, включая приобретение ею там земли».

В парламенте Черчилль присоединился к неформальному, но влиятельному комитету, состоящему из членов обеих палат, которые поддерживали сионистскую инициативу в Палестине. Среди членов комитета был известный лейборист Джозайа Веджвуд, бывший министр иностранных дел консерватор сэр Остин Чемберлен (1863–1937) и недавно избранный член парламента от либеральной партии еврей сэр Джеймс Ротшильд. Молодой член парламента еврей Барнетт Дженнер, секретарь комитета, впоследствии писал, что его члены «сделали защиту сионизма одной из своих обязанностей в парламенте».

Рэндольф Черчилль, как и его отец, поддерживал чаяния сионистов. Много лет спустя он вспоминал визит Вейцмана в поместье Черчилля в Чартуэлле в период дискуссий вокруг «Белой книги» 1929 года, когда самому Рэндольфу было восемнадцать лет. Его отец был «очарован речью и внешностью Вейцмана». «Он выглядит, как ветхозаветный пророк», – сказал он своему сыну.

Черчилль уже давно увлекался еврейской историей. На него производила большое впечатление высокая степень вовлеченности евреев в ключевые мировые события. Но больше всего он ценил еврейскую монотеистскую религию и систему этики. Они казались ему одними из основных факторов в развитии современной цивилизации. Он обнародовал свои взгляды на этот предмет в посвященной пророку Моисею статье, опубликованной в газете «Санди кроникл» 8 ноября 1931 года.

Отмечая, что к Библии зачастую относятся как к сборнику мифов, Черчилль писал: «Мы, однако, с презрением отвергаем все вымученные попытки доказать, что Моисей являлся всего лишь легендарной фигурой, придуманной для того, чтобы было кому приписать создание существовавших в ту эпоху социальных, моральных и религиозных установлений. Мы верим, что научные взгляды и концепции окажутся в полной гармонии с буквальным толкованием Библии и надежно свяжут имя Моисея с одним из грандиознейших скачков, отмечаемых в человеческой истории».

Обращаясь к центральной теме иудаизма, состоявшей в том, что Моисей получил от единого Бога на горе Синай свод правил человеческого поведения, Черчилль писал: «Это бродячее племя, во многих отношениях неотличимое от других бесчисленных общин кочевников, ухватило и провозгласило идею, на которую оказались неспособны весь гений Греции и вся мощь Рима».

«Моисей, – писал Черчилль, – был величайшим из пророков,

говорившим лично с Богом Израиля; он был национальным героем, который повел избранный народ из страны порабощения трудной дорогой через пустыню и привел его к самому порогу Земли обетованной; он был верховным законодателем, получившим от Бога тот замечательный свод законов, в котором религиозные, моральные и социальные нормы жизни нации были надежно скреплены воедино. Традиция приписывает ему авторство всего Пятикнижия, а связанная с его смертью тайна еще больше увеличила значение его фигуры».

Тридцать лет спустя Черчилль подарил экземпляр своего эссе о Моисее премьер-министру Израиля Давиду Бен-Гуриону.

Глава девятая
Восхождение Гитлера

На выборах в Германии 31 июля 1932 года Адольф Гитлер, глава находившейся в оппозиции партии нацистов, получил 230 мест против 133 у социал-демократов и 78 у коммунистов. Собрав более тринадцати миллионов голосов, нацистская партия стала самой крупной политической силой в стране. Но она получила при этом лишь 37,1 процентов от общего числа голосов избирателей. В результате канцлер Германии Франц фон Папен отказался пригласить нацистов в состав своего правительства.

Реакцией Гитлера на отказ допустить его к власти стало усиление уличного террора с использованием коричневорубашечников для избиения политических оппонентов и евреев. 29 августа 1932 года, уступив давлению террора, фон Папен предложил Гитлеру пост вице-канцлера. Однако Гитлер отказался. Его цель состояла в том, чтобы самому занять пост канцлера.

В это время Черчилль с женой и двумя детьми, Сарой и Рэндольфом, совершал путешествие по Германии. Черчилль трудился над биографией своего знаменитого предка, военачальника герцога Мальборо. В ходе своей работы над книгой он получал ценные советы от ведущего британского историка профессора Льюиса Намьера, родившегося в Польше и бывшего по национальности евреем. В какой-то момент Черчилль даже хотел сделать Намьера своим официальным соавтором.

Работа Черчилля над книгой привела его на места сражений герцога Мальборо, в том числе в местечко Бленхейм в Баварии. Главным интендантом армии Мальборо во время войны за испанское наследство (1701–14) являлся еврей Соломон де Медина, который первым из исповедовавших иудаизм евреев Англии получил рыцарское звание. Медина снабжал Мальборо не только продовольствием, но и деньгами и важной военной информацией. Позднее Медина обвинил герцога в том, что тот получал от него 6 тысяч фунтов в год в обмен на контракты по снабжению, дав официальные показания об этом в Комиссии по счетам. Обьясняясь перед комиссией, Мальборо ссылался на то, что подобная практика ранее всегда разрешалась генералам и главнокомандующим, поскольку расценивалась «как дополнительная привилегия», полагавшаяся им по должности. Черчилль считал, что, хотя обвинения и были правдой, но Медина представил их в несправедливом и оскорбительном для герцога

Мальборо виде, дезориентировав при этом Комиссию по счетам.

Когда семейство Черчиллей находилось в Мюнхене, его сын Рэндольф захотел познакомить своего отца с Гитлером и попросил одного из друзей Гитлера, Эрнста Ханфштенгеля, организовать их встречу. Черчилль пригласил Ханфштенгеля на обед в свой отель в Мюнхене. Пятнадцать лет спустя Черчилль вспоминал, как во время этого обеда Ханфштенгель «дал крайне интересное описание деятельности и взглядов Гитлера. При этом он сам говорил о нем, точно загипнотизированный».

Ханфштенгель сказал Черчиллю, что, поскольку Гитлер приходит каждый день после обеда в этот самый отель, то «ничего не может быть проще», чем устроить их встречу. Ханфштенгель надеялся, что Гитлер присоединится к Черчиллю за обедом на следующий день.

«Сам я явился в назначенный час, – вспоминал позднее Ханфштенгель. – Когда я сел за стол, то мистер Черчилль начал выговаривать мне по поводу антисемитских взглядов Гитлера. Я пытался по возможности мягко объяснить ему ситуацию в Германии, сказав, что реальная проблема состоит в слишком большом притоке в страну евреев из Восточной Европы и в их чрезмерном присутствии в ряде профессий. Черчилль выслушал это очень внимательно и сказал: “Передайте вашему боссу, что использование антисемитских лозунгов может дать неплохой толчок карьере политика, но очень испортит его репутацию”».

Однако сам Гитлер так и не пришел на эту встречу. На следующий день Ханфштенгель сделал еще одну попытку убедить Гитлера встретиться с Черчиллем, но напрасно. Через два дня Черчилли уехали из Мюнхена. Гитлер же, как заметил Ханфштенгель, старался держался подальше от них, пока они не уехали.

Черчилль позднее так вспоминал о своей несостоявшейся встрече с Гитлером: «В ходе своей беседы с Ханфштенгелем я сказал ему: «Почему ваш лидер так ненавидит евреев? Я могу понять, если человек зол на евреев, которые недостойно себя вели или выступают против его страны, я понимаю, что остальные люди будут сопротивляться им, если они попытаются монополизировать власть в какой-либо сфере жизни, но какой смысл выступать против другого человека просто по причине его появления на свет? Что может сделать человек со своим рождением?» Должно быть, Ханфштенгель повторил это Гитлеру, потому что на следующий день он пришел ко мне с очень серьезным видом и сказал, что мое свидание с Гитлером, которое он организовал, не может состояться, потому что фюрер не

придет в отель в тот день. После этого я больше с Путци (такова была кличка Ханфштенгеля) не встречался, хотя мы еще несколько дней оставались в этом отеле».

Во время своего пребывания в Мюнхене Черчилль увидел процессию коричневорубашечников в форме; они не были вооружены, но их фанатизм был виден невооруженным глазом. Через три месяца, 30 января 1933 года, Гитлер стал канцлером Германии. Изданный в последнюю неделю марта нацистский манифест предписывал местным организациям партии по всей Германии «проводить антисемитскую пропаганду среди населения». 13 апреля был издан закон, запрещающий евреям занимать государственные должности общенационального, местного и муниципального уровня. Выступая в этот день в палате общин, Черчилль предупредил правительство об опасностях, связанных с милитаризацией Германии. Он заявил следующее: «После Первой мировой войны нам говорили, что безопасность Великобритании будет обеспечена тем, что Германия станет демократической и будет управляться парламентскими учреждениями. Все это теперь отброшено прочь. Мы получили в Германии диктатуру, причем самую мрачную диктатуру».

В своей речи в палате общин Черчилль сделал упор на нескольких аспектах германской диктатуры: милитаризм, призывы развивать все формы боевого духа, включая восстановление дуэлей в университетах, и преследование евреев. «Ввиду всего этого, – сказал он, – я не могу не радоваться, что немцы не получили тяжелой артиллерии, тысяч военных самолетов и танков, которых они требовали, дабы уравнять свой статус со статусом других держав».

Далее Черчилль предупредил палату о пагубности разоружения самой Великобритании. Этой политики твердо придерживалось правительство, возглавляемое лидером лейбористов Рамсеем Макдональдом, причем в этом им оказывали большую поддержку консерваторы. «Когда мы узнаем новости из Германии, – сказал Черчилль, – когда мы с удивлением и отчаянием следим за буйным вторжением жестокости и духа войны, безжалостным обращением с национальными меньшинствами, отказом в нормальном отношении к большому числу лиц только на основании их национального происхождения, когда мы видим, что все это происходит в одной из наиболее одаренных, образованных, ученых и значительных стран мира, мы не можем не чувствовать удовлетворения по поводу того, что свирепые страсти, бурлящие в Германии, затрагивают пока лишь самих немцев».

Не только «военные и агрессивные проявления в Германии, – указал Черчилль, – но также те преследования евреев, о которых говорили многие почтенные члены палаты, привлекают внимание каждого, кто чувствует, что мужчины и женщины имеют право жить там, где они родились, и имеют право вести образ жизни, ранее гарантированный им законами страны их рождения».

Черчилль проявил исключительный дар предвидения, заявив: «Есть опасность, что отвратительные условия, господствующие теперь в Германии, путем завоевания распространятся на Польшу и новые преследования и погромы начнутся на новой территории». В Германии в 1933 году было 600 тысяч евреев, а в Польше более трех миллионов. В то время, когда большинство британских политиков еще сомневались в агрессивных намерениях Германии, мрачный прогноз Черчилля казался преувеличением. Но через десять лет он полностью оправдался.

Нацистов, старательно заигрывавших с общественным мнением Запада, разозлила речь Черчилля, особенно та ее часть, в которой он резко осуждал антиеврейские действия фашистов. 19 апреля корреспондент «Бирмингем пост» сообщал из Берлина: «Сегодняшние газеты полны резких предупреждений по отношению к Англии. Один газетный заголовок упрекал Черчилля в “бесстыдстве”».

Одним из тех, кто посетил Черчилля весной 1933 года в его поместье в Чартуэлле, был уроженец Германии Альберт Эйнштейн. В тот момент, когда Гитлер пришел к власти, Эйнштейн находился в Соединенных Штатах. Поскольку он был евреем, ни его всемирная слава, ни тот факт, что он являлся лауреатом Нобелевской премии, не могли помочь ему. В глазах нацистов он являлся отверженным.

Посетив Черчилля в Чартуэлле, Эйнштейн попросил у него помощи в организации переезда еврейских ученых из Германии в Великобританию. Черчилль сразу откликнулся на это предложение. Он полностью поддержал намерение своего друга профессора Фредерика Линдеманна, также находившегося в Чартуэлле во время визита Эйнштейна, отправиться в Германию и предложить германским ученым-евреям места в британских университетах.

Линдеманн так и сделал. Проведя масштабную работу, он сумел обеспечить безопасный отъезд из Германии для многих ученых-евреев, которым с помощью его приглашений удалось найти новую работу в Англии.

Но даже Черчиллю было нелегко убедить других оказать помощь преследуемым немецким евреям. С 1929 года он являлся канцлером Бристольского университета. Эта должность была

лишь общественной, однако весьма уважаемой. Но когда он обратился к вице-канцлеру этого университета Томасу Лавдею с просьбой предоставить место в университете двадцатидвухлетнему студенту-медику из Германии, еврею по национальности, то вице-канцлер, пообещав рассмотреть эту просьбу, добавил: «Мы, разумеется, должны ограничивать число этих несчастных людей из Германии, которых мы могли бы принять в нашей стране». Спустя три месяца Лавдей сообщил Черчиллю о результатах рассмотрения этой просьбы. «Пришло большое число заявлений о приеме на медицинский факультет, – писал он, – и мы вынуждены отказать всем заявителям из-за границы и даже из некоторых британских доминионов».

Осенью 1934 года Черчилль с женой отплыл из Англии на борту яхты своего друга лорда Мойна для путешествия в Ливан и Сирию, находившуюся тогда под французским правлением, и далее в Палестину, Трансиорданию и Египет.

Из Бейрута они поехали на машине в Пальмиру и Дамаск, а затем, 9 октября, через контролируемые Францией Голанские высоты переправились в британскую Палестину, в Назарет. На следующий день они проехали через Наблус в Иерусалим остановились в недавно открывшемся отеле «Царь Давид», где к ним присоединился лорд Мойн. Переночевав в отеле, все трое выехали из Иерусалима на машине в Иерихон, а далее проследовали на самолете на восток в Амман и на юг через Трансиорданию в древний город Петру, откуда полетели на запад через пустыни Негев и Синай в Каир.

Краткий визит Черчилля в Палестину совпал с разгаром нападений арабов на еврейские поселения, которые происходили в основном ночью и сопровождались уничтожением садов и полей. В течение десяти лет духовный лидер палестинских арабов Хадж-Амин аль-Хусейни, муфтий Иерусалима, призывал их к насилию против евреев. Его целью было полное прекращение еврейской иммиграции, предотвращение возникновения в Палестине еврейского численного большинства и установление арабского правления на всей британской подмандатной территории.

Британская политика заключалась в сдерживании нападений арабов путем коллективных наказаний в виде штрафов тех арабских деревень, откуда эти нападения происходили. Черчилль поддерживал эту политику. Вернувшись в Великобританию, Черчилль написал верховному комиссару сэру Артуру Уочопу: «Я очень благодарен вам за ваше письмо, в котором вы описали эффект коллективных штрафов. Результаты действительно самые

обнадеживающие. Они полностью оправдывают принятый вами способ действий в отношении поразительно жестокого поведения людей, уничтожающих фруктовые деревья в засушливой стране. Спасибо вам также за сведения об уровне Галилейского моря. Я надеюсь, что он поднимется в результате дождей. Мой короткий визит в Палестину был очень приятным, и я был весьма тронут вашим вниманием».

Во второй раз за тринадцать лет Черчилль оказался свидетелем тех огромных усилий, которые евреи предпринимали для развития сельского хозяйства в Палестине, и тех препятствий, которые создавали на их пути арабы.

Всеобщие выборы в Великобритании были назначены на 14 ноября 1935 года. По мере приближения этой даты ширились слухи о том, что Черчилль может вернуться в правительство. 24 октября он выступил с речью об опасностях перевооружения Германии для Великобритании и Европы, в которой заявил, что германское население «с детства готовится к войне». На следующий день британский посол в Берлине сэр Эрик Фиппс переслал в Форин офис статью, написанную лондонским корреспондентом центрального органа нацистской партии, газеты «Фолькишер беобахтер», в которой говорилось: «Стоит только Черчиллю открыть рот, как можно биться об заклад, что оттуда польются нападки на Германию. Он – один из самых беззастенчивых интриганов в Англии. Его дружба с американским еврейским миллиардером Барухом заставляет Черчилля тратить все остатки своих сил и влияния для того, чтобы настроить Англию против Германии. И этого человека, кажется, хотят включить в состав британского правительства».

В это время Черчилль опубликовал статью в «Стренде», ежемесячнике, широко распространявшемся в Великобритании и Соединенных Штатах, где в бескомпромиссных выражениях описал милитаристские и расистские стороны нацистского режима. При этом он пользовался широким кругом источников информации. Он прочел книгу Гитлера «Mein Kampf» («Моя борьба») и проштудировал материалы британских газет о характере нацистского правления. Друзья в Форин офис и в разведке предоставили ему информацию из первых рук о жестокостях нацистского режима. «Триумфальная карьера Гитлера развивается, – писал он в статье в «Стренде», – не только за счет страстной любви к нему в Германии, но и благодаря распространяемым им потокам ненависти, которые столь интенсивны, что невольно увлекают души тех, кто плывет вслед за ним. Ненависть к Франции есть первый из этих потоков,

однако достаточно ознакомиться с книгой Гитлера «Mein Kampf», чтобы понять, что Франция – отнюдь не единственная страна, против которой может обратиться гнев вновь вооружившейся Германии. Другим таким объектом являются евреи, о которых говорится, что они своим предательским и пацифистским поведением внесли вклад в поражение Германии в конце Первой мировой войны, и которые также считаются главными распространителями коммунизма и авторами пораженческих доктрин разного рода. Поэтому евреи Германии, которых насчитывается много сотен тысяч человек, лишены какой-либо власти, лишены всех позиций в общественной и социальной жизни, изгнаны из профессиональной деятельности, им заткнуты рты в прессе и они объявлены нечистой и отвратительной расой».

Двадцатое столетие, писал Черчилль, с удивлением засвидетельствовало «не только распространение этих жестоких доктрин, но и то, как их со зверской энергией поддержали правительства и население целого ряда стран». Главной жертвой этих доктрин оказались именно евреи. «Ни безупречная служба в прошлом, ни официально подтвержденный патриотизм, ни даже раны, полученные на войне, не могли защитить этих людей, единственная вина которых состояла в том, что родители когда-то произвели их на свет. Все виды преследований, как серьезных, так и мелочных, применялись к ним, начиная со всемирно известных ученых, писателей и композиторов и вплоть до несчастных еврейских детей в немецких школах, и до сих пор применяются и прославляются».

Под такие же запреты и ограничения, отмечал Черчилль, подпадали также социалисты и коммунисты, профсоюзные активисты и либеральные интеллигенты. Малейшая критика с их стороны считалась оскорблением государства. Хотя в Германии и продолжали функционировать обычные уголовные суды, при рассмотрении политических обвинений они немедленно уступали место так называемым народным судам, составленным из горячих приверженцев нацизма. Рядом с тренировочными лагерями для новобранцев, из которых комплектовались десятки новых армий, и огромными аэродромами, где формировались десятки новых авиаэскадрилий, появлялись пятнавшие немецкую почву позором концентрационные лагеря. В этих лагерях «тысячи немцев подвергались насилию и принуждались к повиновению непреодолимой властью тоталитарного государства».

Сердцевиной всех дебатов в Англии являлся вопрос – способен ли нацизм умерить степень своего экстремизма? Черчилль задавался вопросом, «будет ли Гитлер во всем сиянии своего мирового триумфа, стоя во главе нации, поднятой им из

пыли, по-прежнему ощущать напряжение ненависти и антагонизма своей отчаянной борьбы», или же «он отложит в сторону эту ненависть и антагонизм под успокаивающим влиянием успеха как ставшее ему более не нужным оружие?»

Черчилль отмечал, что посещавшие Гитлера иностранные гости находили его «высококомпетентным, спокойным, уравновешенным и прекрасно информированным функционером с приветливыми манерами». В этой связи мир еще надеялся, что худшее позади и «мы еще увидим, как Гитлер станет мягче, если наступят более счастливые времена». Но в то время как Гитлер произносил на публике «успокаивающие слова», в самой Германии «полным ходом развивалось военное производство и винтовки, пушки, танки, пули, снаряды, бомбы, контейнеры с отравляющими газами, самолеты, подводные лодки и вновь создаваемый флот текли ширящимися потоками из ворот немецких заводов, которые уже начали работать для будущей войны».

Нацистов статья Черчилля привела в ярость. 29 октября сэр Эрик Фиппс передал из Берлина в Форин офис, что Министерство иностранных дел Германии поручило германскому послу в Лондоне «выразить резкий протест против личных нападок на главу германского государства, высказанных в статье мистера Уинстона Черчилля в журнале «Стренд». Тон этой статьи вызвал здесь негодование. Этот журнал будет запрещен к распространению в Германии, а в прессе будет опубликовано лишь краткое уведомление о том, что английским властям был выражен протест по поводу появления этой статьи».

Игнорируя официальные протесты Берлина, Черчилль повторял свои опасения по поводу нацистской политики и агрессивных намерений Германии в каждой из своих предвыборных речей. Его беспокоило то, что британская общественность еще не в полной мере осознавала опасность, которую потенциально представляла агрессивная Германия.

Черчилль также старался получать самые свежие данные о положении евреев в фашистской Германии. В конце ноября 1935 года он встретился с баронессой фон Гольдшмидт-Ротшильд. Баронесса была единственной дочерью германского угольного магната герра фон Фридлендера-Фульда из Берлина, умершего в 1916 году и оставившего ей в наследство угольные шахты. В январе 1914 года баронесса вышла замуж за кузена Клементины, но позже в том же году их брак был аннулирован. Затем она вышла замуж за члена парламента от партии либералов Джеймса де Ротшильда. Черчилль был шокирован ее рассказами о новом антиеврейском законодательстве в Германии – о так называемых

нюрнбергских законах, провозглашавших евреев гражданами второго сорта.

Перевод этих законов на английский язык Черчилль получил через Леонарда Монтефиоре, члена Центрального британского фонда, специально организованного для помощи евреям Германии. 9 декабря 1935 года Монтефиоре написал Черчиллю: «Баронесса фон Гольдшмидт-Ротшильд уведомила меня, что вы хотели бы видеть перевод недавно принятых нюрнбергских законов. Я посылаю вам перевод этих законов, напечатанный в «Манчестер гардиан» вместе с комментариями, и еще один перевод из газеты «Таймс». Я также вкладываю перевод новых немецких административных установлений. Одновременно я посылаю вам маленькую брошюру, сочиненную мной лично, где я описываю то положение, которое существовало в Германии непосредственно перед принятием этих законов».

Вырезка из «Манчестер гардиан», датированная 16 сентября 1935 года, приводила текст нюрнбергских законов, запрещавших среди прочего «браки между евреями и немцами и представителями близких по крови наций». Газета отмечала, что «другой раздел запрещал евреям нанимать немок или близких им по крови женщин для работы в домашнем хозяйстве. Евреям также запрещалось вывешивать имперский или национальный флаг или использовать имперские цвета. С другой стороны, евреям разрешалось использовать особые цветные отличительные знаки для обозначения своей национальности. Применение этого права находилось под защитой государства». «Манчестер гардиан» отмечала, что «главная цель закона состояла в том, чтобы лишить немецких евреев, предки которых прибыли в Германию более тысячи лет назад и многие из которых сражались в германской армии в Первой мировой войне, прав германского гражданства».

Черчилль со всей ясностью воспринял эти печальные факты. Он со всей четкостью осознал, насколько жесткой и бескомпромиссной была антиеврейская политика нацистов как в теории, так и на практике. В мае 1936 года Гарольд Ласки, сын его манчестерского друга Натана Ласки, послал Черчиллю книгу объемом в 287 страниц, выпущенную Виктором Голланцем и называвшуюся «Желтое пятно: уничтожение евреев Германии». В книге наглядно описывалось, как в Германии был «объявлен вне закона полумиллион людей, виновных лишь в том, что они являлись евреями». Голланц подчеркивал, что его книга – не что иное, как собрание документов, относящихся к трем годам преследования евреев Германии и полученных в основном из самих же национал-социалистических газет и других источников.

Написав Ласки, что у него «еще не было времени прочесть ту ужасную книгу, которую вы мне прислали», Черчилль немедленно обратился к ведущим политикам лейбористской партии с призывом «поразмышлять над тем, как сохранить мощь Англии – нашу главную надежду на свободу». Черчилль открыто призывал лейбористов отказаться от их традиционной политики, которая обьявляла высшим приоритетом разоружение, и подумать над планами перевооружения Великобритании. Для него единственным способом остановить продвижение нацизма было вооружение всех стран, которым могла угрожать Германия, и их совместные действия в рамках механизмов коллективной безопасности под эгидой Лиги Наций. Черчилль выдвинул лозунг: «Оружие и Устав Лиги Наций». Но даже многие из тех, кто выражал озабоченность преследованиями евреев в Германии, не осознавали, что сдержать германскую экспансию способен лишь твердый курс Великобритании в международных делах, поскольку практическая политика ни лейбористской, ни консервативной партии никогда не предусматривала этого.

Глава десятая
Защитник сионизма

В 1935 и 1936 годах, в последние годы второго премьерского срока Стэнли Болдуина, британское правительство начало ограничивать число евреев, которым разрешался въезд в Палестину. Этому предшествовало массовое прибытие в Палестину более чем 120000 евреев, главным образом из Германии и Польши, которые приехали туда в течение менее чем двух лет после прихода Гитлера к власти в 1933 году. Это довело численность еврейского населения Палестины до 355000 человек. Самая значительная еврейская иммиграция с начала действия британского мандата на Палестину имела место в 1935 году – всего в тот год прибыли 66476 евреев, в основном из Германии. Арабское население Палестины также выросло за счет иммиграции из различных арабских регионов, от Марокко на западе до Афганистана на востоке, и составило к 1935 году более 1 300 000.

24 марта 1936 года палата общин обсуждала предложение учредить в Палестине Законодательный совет. Если бы такой совет был создан, то арабы с учетом их количественного перевеса в составе населения в тот момент обладали бы в нем подавляющим большинством и, соответственно, могли бы запретить любую дальнейшую иммиграцию евреев. Если бы выборы в совет были всеобщими и равными, то евреи, составлявшие всего двадцать семь процентов населения, в результате оказались бы беспомощны.

По словам лидера британских сионистов Зелига Бродецки, Черчилль выступил с «великой речью» в ходе этих дебатов. Он заявил, что из смысла положений британского мандата на Палестину и из обязательств, принятых на себя Великобританией в соответствии с Декларацией Бальфура, следовало, что со временем Великобритания должна была предоставить евреям право формировать свою собственную администрацию на земле Палестины. Черчилль высказался в поддержку этого. Он напомнил палате общин тот неоспоримый факт, что учреждение системы правления арабского большинства в Палестине «стало бы серьезнейшим препятствием для продолжения еврейской иммиграции в Палестину и для развития там еврейского национального очага». Он подчеркнул, что «не испытывает никакой враждебности к арабам». «Четырнадцать лет назад, руководя политическим урегулированием в Палестине и на

территориях вокруг Палестины, я сам и заключил большую часть ныне действующих соглашений, на которых зиждется политическое устройство в регионе, – отметил Черчилль. – Так, Трансиорданией сейчас правит эмир Абдалла, который был утвержден на посту правителя этой страны после встречи со мной в Иерусалиме. Но я не представляю, как можно будет проводить политику, провозглашенную в Декларации Бальфура, при наличии арабского большинства в предполагаемом Законодательном совете. Я не верю, что это вообще возможно».

Далее Черчилль упомянул о положении евреев в Германии и о том, как это связано с политикой британского правительства в Палестине: «Теперь появился дополнительный акцент в вопросе о еврейской миграции, который пришел совсем из другой области, в момент, когда евреи в Германии подвергаются самому ужасному, хладнокровному, систематическому зверскому преследованию. Евреи там низведены от достатка к нищете, и даже в этом положении лишены возможности зарабатывать себе на ежедневное пропитание, лишены возможности получать подаяние для бедняков зимой; маленькие дети подвергаются нападкам в школе; вся их кровь объявлена грязной и проклятой; все формы концентрированной человеческой злобы обращаются против этих людей при помощи механизма тоталитарной власти, благодаря царящей там подлой тирании».

«Ввиду преследований евреев в Германии, – заявил Черчилль, – палата общин, конечно, не позволит единственной открытой двери, дающей какое-то облегчение, какой-то путь избежать этих зверств, оказаться полностью закрытой, не позволит даже предположить, что она может быть заблокирована в результате выбираемого нами сегодня курса».

Однако настрой, который господствовал в британском правительстве и среди большинства членов парламента, не позволил открыть для преследуемых евреев ворота Палестины хоть сколько-нибудь шире.

С течением времени становилась все более очевидной связь между растущим экстремизмом арабов в Палестине и нацизмом. Подрывная пропаганда германских и итальянских фашистов настраивала арабов как против евреев Палестины, так и против англичан на Ближнем Востоке. Для Черчилля эта связь арабского экстремизма с провокационными действиями нацистов являлась доказательством того, что многие предъявляемые палестинскими арабами политические требования были в действительности вызваны подрывным внешним воздействием, и зримым доказательством опасности создания в Палестине представительных учреждений до тех пор, пока арабы находятся

там в численном большинстве.

Через месяц после того как в палате общин прошли дебаты о Законодательном совете в Палестине, Черчилль получил информацию из первых рук о масштабах и природе враждебности палестинских арабов к евреям. Она поступила ему от майора Тиллока, с которым Черчилль когда-то служил вместе в армии и который теперь постоянно жил в Иерихоне. Тиллок сообщал ему, что вслед за антиеврейскими волнениями, начавшимися в 1936 году, последовала всеобщая забастовка арабов. При этом большинство арабов были против участия в забастовке, однако их запугивала и терроризировала организованная группа юнцов, действовавших по указанию забастовочного комитета. Вершиной глупости стало поведение студентов сельскохозяйственного колледжа «Кадури» в Тулькарме, который был основан евреями и затем передан ими арабам, чтобы помочь тем улучшить систему земледелия и получать более высокие урожаи и доходы. Следуя указаниям своих лидеров, студенты колледжа бастовали против Декларации Бальфура и против иммиграции евреев в Палестину в целом.

Тиллок указывал в своем письме, что «огромное большинство бедных арабов очень хотели бы работать вместе с евреями, если бы только их не терроризировали их лидеры и если бы им не лгали в арабских газетах». После получения этой информации от англичанина, непосредственного свидетеля происходившего в Палестине, Черчилль не питал более иллюзий в отношении природы и интенсивности арабских протестов.

12 марта 1937 года Черчилль был вызван для дачи показаний в королевскую комиссию по Палестине. Эта комиссия была известна как комиссия Пиля, поскольку возглавлял ее лорд Пиль, бывший министр по делам Индии. Целью слушаний в комиссии было определить характер британских обязательств по отношению к евреям и арабам и выработать предложения о будущем подмандатных палестинских территорий. Одним из членов комиссии был сэр Горас Рэмболд, служивший британским послом в Германии в тот момент, когда Гитлер пришел к власти.

Показания Черчилля имели огромную важность. Когда он издал свою «Белую книгу» в 1922 году, в Палестине жили 80 000 евреев и полмиллиона арабов. К 1936 году, в результате действия введенного в соответствии с этой «Белой книгой» разрешения на иммиграцию евреев в Палестину, которое ограничивалось лишь экономической способностью страны к приему иммигрантов, число евреев выросло до 380 000 человек, из которых почти 30 тысяч прибылои в 1936 году. Арабское население также выросло

почти в таких же пропорциях, причем многие арабские иммигранты были привлечены в Палестину новым уровнем ее экономического развития и процветания, которые стали возможны благодаря приезду сюда евреев.

Черчиллю было задано более ста вопросов. Его ответы дали точное представление о его взглядах на то, каким должен был быть еврейский национальный очаг в Палестине, как он исторически развивался и каким Черчилль видел его будущее.

Первый вопрос, заданный лордом Пилем, касался принципа определения экономической абсорбционной способности территории Палестины в свете ограничений, накладываемых на еврейскую иммиграцию в страну. Черчилль сказал членам комиссии, что «нет намерения сделать это обстоятельство единственным решающим фактором в плане ограничения уровня иммиграции. Еще менее это рассматривается в качестве главной проблемы, связанной с созданием еврейского национального очага в Палестине. Конечно же, нет. Наша политика сводится к тому, чтобы, в соответствии с намерениями, изложенными в первоначальной Декларации Бальфура, позволить приехать в Палестину настолько большому числу евреев, насколько это возможно».

Тогда Пиль заявил Черчиллю, что «евреи утверждают, что положение об экономической абсорбционной способности Палестины фактически применяется на практике в соответствии с теми разъяснениями, которые вы сделали как министр на основе Декларации Бальфура еще до получения Великобританией палестинского мандата, и что, если будет предложено что-либо, противоречащее этому, то это станет нарушением обязательств Великобритании в отношении евреев».

В своем ответе Черчилль отметил, что, выполняя свои обязательства в свете Декларации Бальфура, Великобритания «гарантировала переселение в Палестину максимально возможного числа евреев – так, чтобы это не нарушало экономических условий жизни в стране и не подвергало ее политическим смутам. Я никогда не считал, что следует позволять прибытие в Палестину такого количества еврейских иммигрантов, которое превышало бы пределы экономической абсорбционной способности страны. Такого намерения никогда не было. С другой стороны, совершенно очевидно, что наши обязательства перед евреями заключаются в том, чтобы позволить прибыть в Палестину максимально возможному количеству еврейских иммигрантов».

Пиль неумолимо заметил: «Но, как вам хорошо известно, евреи упорно настаивают на получении от британских властей

официального письма, в котором были бы четко изложены соответствующие обязательства с нашей стороны в вопросе об иммиграции евреев в Палестину, и именно поэтому мы вас пригласили сюда».

Ответ Черчилля прозвучал весьма эмоционально: «Я настаиваю на том, чтобы Великобритания в полной мере выполняла свои обязательства перед евреями, и придаю этому колоссальное значение, потому что благодаря этому мы получили большие преимущества во время Первой мировой войны. Великобритания взяла на себя обязательство содействовать образованию еврейского национального очага в Палестине не из одного лишь альтруизма: это было делом большой важности для нашей страны с точки зрения ее военных усилий в Первой мировой войне. Это стало мощным фактором в общественном мнении Америки, которая стала нашим союзником в войне, что позволило нам в конечном счете выиграть ее. Поэтому я считаю, что мы должны выполнить взятые на себя обязательства и насколько возможно содействовать созданию национального еврейского очага в Палестине. Но при этом мы не связаны какими-то конкретными деталями, и поэтому никто не может сказать: «Вы говорили, что к такой-то дате здесь будет столько-то евреев».

Когда профессор Реджинальд Капленд, известный специалист по истории Британского содружества и колоний, спросил Черчилля, может ли иерусалимский муфтий Хадж Амин аль-Хусейни, ведущий арабский политик, выступавший против еврейской иммиграции, повлиять на темп иммиграции своими протестами, Черчилль ответил: «Я надеюсь, что британское правительство окажется достаточно сильным, чтобы эти протесты не повлияли на его политику».

Затем Пиль поднял один из наиболее сложных вопросов в дискуссии о будущем Палестины – вопрос о значении и целях существования еврейского национального очага. У Черчилля не было сомнений относительно того, каковой должна быть конечная цель. «Наша общая концепция, несомненно, заключалась в том, – сказал он, – что, если способность территории Палестины к абсорбции евреев будет позволять принимать там еврейских иммигрантов, то британское правительство не должно стремиться ограничивать их число там так, чтобы они ни в коей мере не смогли стать большинством населения в Палестине. Разумеется, нет. Напротив, я считаю, что такое положение дел, когда они стали бы там большинством населения, соответствовало бы духу Декларации Бальфура».

Относительно того, какие мероприятия следует предпринять,

чтобы оградить права «нового меньшинства» Палестины – арабов, Черчилль сказал членам комиссии, что этот вопрос «остается, по всей видимости, открытым, но при этом очевидно, что в свое время мы связали себя обязательством, из которого следует, что когда-нибудь, в отдаленном будущем, здесь возникнет большое еврейское государство с численностью населения в миллионы человек, которое намного превзойдет нынешнее население этой страны».

«Большое еврейское государство с численностью населения в миллионы человек» – это были сильные слова. Черчилль продолжал: «Мы никогда не давали обязательства превратить Палестину в еврейский национальный очаг. Мы заявили лишь, что в Палестине должен быть основан еврейский национальный очаг. Но если все больше евреев будут собираться в этом месте, и так будет продолжаться из века в век, из поколения в поколение, то очевидно, что этот очаг может со временем превратиться в еврейское государство».

«Это станет возможным в течение целых столетий?» – спросили Черчилля. «Это может произойти через столетия и через поколения, – ответил он. – Никто никогда не говорил, какова будет скорость, с которой это произойдет. Решать это будет британское правительство, и оно должно сохранять способность и возможность решать это».

Сэр Горас Рэмболд, бывший британский посол в Германии, указал, что в своей «Белой книге» Черчилль написал: «Когда спрашивают, что имеется в виду под «развитием еврейского национального очага в Палестине», это означает, что «он должен стать тем центром, которым еврейский народ мог бы гордиться». Когда Рэмболд попросил Черчилля уточнить, что тот имел в виду под словами «чтобы он мог стать центром», Черчилль ответил: «Если все больше евреев будут собираться в этом национальном очаге, то постепенно он займет собой всю Палестину – разумеется, при условии, что по отношению к другим жителям не будет допускаться какой-либо явной несправедливости».

На вопрос, не будет ли такое распространение территории еврейского очага на всю Палестину все же представлять собой несправедливость по отношению к палестинским арабам, Черчилль ответил отрицательно: «В чем заключается грубая несправедливость, если люди приходят и создают в пустыне пальмовые и апельсиновые рощи? В чем несправедливость, если создается все больше рабочих мест и богатства для каждого? В этом нет несправедливости. Несправедливо, если живущие в этой стране оставляют ее пустыней в течение целых тысячелетий».

Горас Рэмболд, исходя из своего личного опыта пребывания в

Берлине в 1933 году, спросил: «Усиливалось ли проникновение евреев в Палестину из-за таких явлений, как антиеврейская нацистская политика в Германии и экономическое давление на евреев в Польше?» На это Черчилль ответил: «Эти явления, безусловно, сделали эту проблему более острой, поскольку уровень иммиграции евреев в Палестину вырос. Однако это совсем не заставляет нас проявлять несправедливость к арабам в Палестине ввиду несправедливости, творимой по отношению к евреям в Европе. Мы стремимся следить за тем, чтобы евреи не приезжали в Палестину в таких количествах, чтобы подорвать экономику страны и сделать жизненные условия здесь более тяжелыми. Мы следим и будем и впредь следить за этим процессом, и будем единственными, кто станет руководить этим и принимать соответствующие решения».

Рэмболд не был удовлетворен таким ответом и спросил, считает ли Черчилль, что еврейская иммиграция в Палестину должна продолжаться в любом случае – даже если «эта политика приведет к периодическим вспышкам волнений и будет стоить нам жизней наших солдат?» Черчилль заявил на это следующее: «Все вопросы, связанные с учреждением самоуправления в Палестине, должны вытекать из Декларации Бальфура, центральной идеей которой является идея создания национального очага для евреев. Соответственно, мы должны быть готовыми ко всем последствиям, которые вызовет осуществление этого плана. Создание еврейского национального очага в Палестине – вот наше главное и основополагающее обязательство. Именно этим и должны определяться все действия Великобритании».

Черчилля спросили, рассматривал ли он вероятность формирования еврейского большинства в Палестине. Он решительно ответил: «Я уверен, что, если бы мы провозгласили, что никогда, ни при каких обстоятельствах, как бы естественно это ни произошло, мы не допустим возникновения еврейского большинства, то это противоречило бы духу Декларации Бальфура». «Что же касается местных арабов, то, если речь будет идти о принудительном перемещении тех или иных людей из постоянных мест их проживания и если при этом их семьи будут подвергаться грубому обращению, то мы этого не допустим», – отметил он. Но он настаивал, что «для Великобритании было бы неправильно сказать, что великая идея еврейского национального очага в Палестине ограничена определенными оговорками». «Так же неправильно было бы заявить, что Палестина перестанет служить еврейским национальным очагом, если сюда приедут столько евреев, что их станет больше, чем все местное арабское

население», – подчеркнул он.

Рэмболд задал еще один вопрос относительно массовой скупки евреями земли в Палестине и того факта, что евреи не используют труд арабов на купленной ими земле. «Я думаю, что власти подмандатной территории должны обсудить это с евреями, – ответил Черчилль, – и разъяснить им, как глупо и неправильно поступать подобным образом». Британцы должны сказать при этом евреям: «Если вы не сможете снять эту напряженность, нанимая больше арабов для обработки купленной вами земли, если вы не сможете улучшить свои отношения с арабами, то это станет для нас причиной снизить квоту ежегодной иммиграции евреев в Палестину».

При этом Черчилль подчеркнул: «Мы всегда имеем в виду то, что, если в Палестину в конечном счете прибудет достаточно большое число евреев, то там постепенно будет создано самостоятельное государство Палестина, где значительное большинство населения составят евреи». На вопрос о том, когда же может возникнуть государство Палестина, большинство населения которого будут составлять евреи, Черчилль ответил: «Это не случится в течение ближайшего столетия». Эти слова не понравились бы сионистам, но они еще меньше порадовали бы арабов, потому что в конечном счете Черчилль предсказывал возникновение в Палестине еврейского большинства.

Профессор Капленд резко возражал против концепции Черчилля о необходимости продолжения еврейской иммиграции, называя ее «ползучим вторжением и завоеванием Палестины, продолжающимся более полувека». «Это неслыханная в истории вещь», – сказал Капленд.

Черчилль резко возразил ему. «Это не ползучее завоевание, – сказал он. – В 1918 году арабы потерпели поражение и оказались под нашей властью. Они были разбиты в открытом бою. Никакого ползучего завоевания не было. Они были побеждены нами. Никто не смел возражать нам в ту пору. И тогда мы решили в процессе политического переустройства этих территорий принять на себя определенные обязательства и в отношении евреев. Теперь вопрос заключается в том, чтобы осуществить их наиболее гуманным и просвещенным образом».

Тогда Капленд сослался на волнения в Палестине и в свете использования английских войск для наведения порядка там спросил Черчилля: «Получается, что каждые несколько лет вы будете расстреливать арабов из-за того, что им не нравится прибытие в их страну евреев?» На это Черчилль ответил: «А разве в Палестине не было убито значительно больше евреев, чем арабов?»

Когда Капленд заметил, что арабы были застрелены британскими войсками, то Черчилль возразил: «Однако сейчас вы уже не можете сказать, что мы продолжаем стрелять в арабов».

Возвращаясь к вопросу о британском завоевании Палестины в Первой мировой войне, Рэмболд заметил: «Вы покорили проживающее там арабское население и при этом дали особые обязательства, которые привели к тому, что местное население подверглось вторжению чуждой расы». Черчилль не согласился с тем, что евреи являлись «чуждой расой» в Палестине. «Вовсе нет, – сказал он. – Это арабы были пришельцами и завоевателями. Во времена Христа Палестина была еврейской провинцией Рима, и там жили в основном одни евреи. Когда началось распространение ислама и огромные отряды исламских завоевателей пришли в эти местам, они разбили и уничтожили все вокруг. Вы видели террасы на холмах, которые когда-то представляли собой обрабатываемые, плодородные участки полей. В течение всего арабского правления они оставались пустыней».

Рэмболд отметил, что «было бы более справедливым сказать «под турецким правлением», на что Черчилль ответил: «Я об этом не знаю. Я очень уважаю арабов, но в то же время вы видите, что там, где прошли арабы, часто возникает пустыня». Далее дискуссия в комиссии перешла к обсуждению истории арабов. Когда Рэмболд сказал, что арабы создали «значительную цивилизацию в Испании», Черчилль резко бросил: «Я рад, что их оттуда вышвырнули». Рэмболд пришел в негодование. «Они жили там шестьсот или семьсот лет и многое там создали, – сказал он. – Дела пошли вспять как раз после того, как арабы оставили Кордову». На что Черчилль заметил: «Арабы плохо себя проявили». Черчилль не был готов согласиться, что арабы могли создать мощную живую культуру. То, что он видел в Египте во время своей военной службы тридцать пять лет назад, и то, что он увидел в Палестине во время двух своих визитов туда в 1922 и 1934 году, не произвело на него благоприятного впечатления.

Затем Пиль обратился к проблеме растущего арабского национализма и его враждебному отношению к сионистскому предприятию в Палестине. Но даже принимая во внимание эти факторы, Черчилль настаивал на том, что Великобритания не должна отказываться от идеи образования в будущем еврейского государства в Палестине и от своего конструктивного участия в превращении еврейского национального очага в подобное государственное образование, какой бы далекой ни была эта перспектива. «Вы можете мягко нажать на педаль тормоза, – сказал он Пилю, – но не можете изменить конечную цель.

Конечная цель уже провозглашена во всеуслышание. Да, можно двигаться немного медленнее – но и только. Я считаю, что этой проблемой должна заниматься именно Великобритания. Если же выяснится, что она не может справиться с ней, то ей лучше отойти в сторону. Но я считаю, что в течение пяти или десяти ближайших лет Великобритания может с полным успехом управлять этим процессом, в том числе и темпами еврейской иммиграции. Евреи не имеют права сказать британцам: «Вы обещали нам, что в Палестину въедет еще миллион иммигрантов». Судьей в этом вопросе должна оставаться Великобритания».

Когда члены комиссии обратились к вопросу о еврейской иммиграции, Черчилль выразил мнение о необходимости соблюдать известную осторожность в этом деле. Если бы эта точка зрения стала известна, она бы сильно разочаровала сионистов. Но она выражала истинное представление Черчилля об обязанностях Великобритании в рамках предоставленного ей палестинского мандата. «Не движемся ли мы слишком быстро?» – вопрошал он и вновь предлагал ограничить темп еврейской иммиграции: «Мы хотим, чтобы эти два народа жили вместе и хотим обеспечить их благополучие. Их благополучие значительно вырастет, если они не будут ссориться. Нынешняя пустыня может превратиться в замечательное, плодородное и ухоженное место, и арабы могут получить от этого выгоду. Мы желаем, чтобы они ее получили. Но если, двигаясь слишком быстро, мы будем получать в ответ все эти свирепые бунты, значит, следует задуматься над тем, чтобы двигаться медленнее. Однако в любом случае не следует отклоняться от главной цели, которая состоит в том, что мы должны сохранять в Палестине ядро еврейской национальной жизни, вокруг которого могло бы собраться столько евреев, сколько получило бы там возможность прожить, вне зависимости от ныне существующего национального соотношения населения страны. Таково мое мнение».

В этом заключался весь смысл той поддержки, которую Черчилль оказывал сионистскому предприятию в Палестине: он желал, чтобы там были созданы условия для полноценной еврейской жизни. Каким бы сдержанным внешне ни был его совет, он состоял в следующем: «Не уклоняйтесь от своей цели».

Затем Пиль обратился к той статье «Положения о британском мандате в Палестине», которая гласила: «Власти подмандатной территории Палестины ответственны за создание в стране таких административных, политических и экономических условий, которые будут обеспечивать создание еврейского национального очага и развитие учреждений самоуправления» и в то же время

будут «ответственны за охрану гражданских и религиозных прав всего населения Палестины независимо от расы и религии». «Рассматриваете ли вы это как два параллельных обязательства?» – спросил он Черчилля.

«Если бы евреи стали большинством, то Великобритания смогла бы выполнить обязательство об учреждении институтов самоуправления, потому что тогда не возникло бы никаких противоречий с обязательством о создании еврейского национального очага, – ответил У. Черчилль. – Но сейчас арабы говорят: “Это будет очень странное самоуправление: мы сможем получить его, только когда евреи станут большинством”».

Когда Черчилля спросили, правы ли арабы, утверждая, что созданию институтов самоуправления в Палестине препятствуют массовый въезд евреев в страну и развитие там еврейского национального очага, то он ответил, что мандат накладывал ограничение на создание арабских учреждений самоуправления в Палестине до тех пор, пока живущие там арабы не признают духа Декларации Бальфура. Как только они признают дух этой декларации с вытекающими из него обязательствами предоставления евреям всех гражданских свобод в полном объеме, станет возможным создание арабских учреждений самоуправления. Но, отметил Черчилль, «арабы сопротивляются этому и не хотят этого». Он добавил: «Будь я сам арабом, мне бы не понравился подобный порядок, однако будет хорошо для всего мира в целом, если Палестина превратится в цивилизованное государство, где вся земля будет обрабатываться, а арабы никогда сами не смогут добиться этого».

Когда Капленд заметил, что «арабы видят, что они не могут получить в Палестине того самоуправления, которого уже добились Ирак, Сирия, Трансиордания и Египет, исключительно из-за того, что здесь создается еврейский национальный очаг», Черчилль ответил: «Это происходит потому, что Англия приняла на себя обязательства в отношении евреев». «Было бы большим облегчением, если бы вы наконец согласились, что рядовому англичанину все это можно объяснить следующим образом: он должен продолжать отказывать в самоуправлении арабам и должен стрелять в них, чтобы выполнить обещание, данное евреям, – продолжал настаивать Капленд. – Откровенно говоря, оказаться в подобном положении крайне неприятно».

Черчилль не видел в этом особого препятствия. Он сказал членам комиссии: «Я считаю, что вы должны продолжать выполнять ту задачу, которая вытекает из Декларации Бальфура, удерживая определенный баланс в соответствии с провозглашенными в ней принципами и разрешая въезд

максимально возможному числу новых иммигрантов, но при этом сохраняя за собой право замедлить этот приток, когда необходимо, и обладая всей полнотой власти и силы для проведения в жизнь этой политики. Но если вы не сможете поступать подобным образом, тогда откажитесь от этого и предоставьте право вместо вас действовать Муссолини, чем он с радостью займется. Если вы откажетесь от присутствия в этом регионе, то в него неизбежно придет кто-то другой. Вы должны это предвидеть. В мире есть силы, которые находятся на подъеме, аморальные силы, которые не признают никаких моральных ограничений, и они займутся этим».

Рэмболд спросил Черчилля, каким образом в нынешних обстоятельствах возможно осуществить статью мандата, в которой говорится: «Еврейская иммиграция будет облегчена при подходящих условиях». «Что означает выражение “подходящие условия”?» – спросил Рэмболд.

«Нынешняя атмосфера характеризуется непрекращающейся враждебностью, – ответил Черчилль. – Это неподходящая атмосфера для любой деятельности. Посмотрите на растение или любой другой живой организм, и вы увидите, что в определенных условиях он не способен процветать. Именно это и имелось в виду, когда вводилось понятие «подходящие условия». Это означает, что сейчас мы не должны слишком сильно подталкивать иммиграцию, – продолжил он. – Возможно, что из-за плохого обращения немцев с евреями в Палестину въехало слишком много евреев. Количество иммигрантов превзошло все нормы, и эта чрезмерная иммиграция возмутила арабов. Евреи должны быть достаточно умны, чтобы попытаться успокоить арабов. Этому могут помочь деньги. Так они смогут продолжить свое дело в Палестине».

Далее Черчилль подверг критике действия сионистов в течение первых лет освоения Палестины.

«Они совершили ошибку, – сказал он членам комиссии, – заявляя, что будут использовать для любых работ труд только евреев. В результате они не давали работу арабам. Никто, однако, не предполагал, что из-за этого случится конфликт. Предполагалось, что оба народа смогут спокойно жить совместно».

Капленд затем пожаловался, что Еврейское агентство, созданное в 1930 году для связи между евреями Палестины и властями Великобритании и возглавляемое Давидом Бен-Гурионом, имеет свое представительство в Лондоне и может в любой момент непосредственно сноситься с британским Министерством по делам колоний, в то время как у арабов нет

такого представительства и они чувствуют к себе холодность со стороны британских властей.

Черчилль резко ответил на это, не скрывая своих предпочтений: «Это зависит от того, какая цивилизация вам ближе».

Сэр Горас Рэмболд спросил Черчилля: «Когда, по вашему мнению, будет создан еврейский национальный очаг? Когда вы сможете сказать, что мы осуществили наше предприятие и еврейский национальный очаг в Палестине создан? В какой момент?»

Ответ Черчилля был недвусмысленным. «Британские обязательства будут выполнены, – сказал он, – когда станет ясно, что еврейская община станет преобладать в Палестине, когда она станет весьма заметна в количественном и экономическом отношении и сможет обеспечивать всем евреям комфортные условия для проживания и когда мы убедимся в том, что у нас больше нет никаких обязательств перед арабским населением, перед арабским меньшинством в Палестине».

Сэр Лори Хэммонд спросил Черчилля: «Не получается ли так, что, пока в Палестине евреи являются меньшинством населения, мы, выполняя положения мандата и взятые на себя обязательства по отношению к евреям, управляем этой страной фактически вопреки желанию большинства ее населения – арабов?»

Черчилль ответил: «Скорее, мы управляем ею вопреки желанию обеих общин, ибо евреи недовольны нашим мягким торможением иммиграции, а арабам ненавистно, что британцы говорят: “Мы намерены продолжать работать вплоть до достижения нашей цели – цели создания еврейского национального очага”. Если комиссия Пиля решит, что Великобритании следует отказаться от мандата, то многие скажут: “Прекрасно, откажитесь же от него”. Но ни один человек не скажет бы: “Сохраняйте мандат, но откажитесь от обязательств по отношению к евреям”».

Пиль заявил, что Великобритания «будет испытывать угрызения совести, зная, что она год за годом притесняла арабов, которые всего лишь хотели оставаться в своей собственной стране». Черчилль отверг такие рассуждения: «Я не считаю, что собака на сене имеет исключительные права на это сено, даже если она лежит перед ним очень длительное время. Я не признаю такого права. Я не признаю, например, что какая-то великая несправедливость была совершена по отношению к американским индейцам или к аборигенам в Австралии. Я не признаю, что этим людям был причинен ущерб в результате того, что более сильная раса, более высокоразвитая раса или, во всяком случае, более

умудренная раса, если можно так выразиться, пришла и заняла их место».

Когда отчет комиссии Пиля был опубликован в апреле 1937 года, в нем не цитировались высказывания Черчилля. Они не были преданы гласности и в какой-либо другой форме. Однако в отчете было тем не менее приведено заявление из «Белой книги» Черчилля 1922 года о том, что развитие еврейского национального очага «не нацелено на то, чтобы сделать евреев национальным большинством во всей Палестине, но направлено на дальнейшее развитие существующей там еврейской общины для того, чтобы она могла стать тем центром, которым еврейский народ в целом мог бы гордиться и к которому он мог бы стремиться».

«Намерение создать в Палестине «еврейский национальный очаг», – отмечали в своем отчете члены комиссии, – порой воспринимается как выражение нежелания создавать там еврейское государство. Но, хотя сама эта формулировка была разработана специально для того, чтобы смягчить, насколько это возможно, арабский антагонизм по отношению к созданию еврейского национального очага в Палестине, в ней при этом не содержится ничего, что препятствовало бы последующему возникновению еврейского государства, и сам мистер Черчилль в своих показаниях отметил, что ни у кого никогда не было намерения ввести подобный запрет».

Глава одиннадцатая
Дебаты о разделе Палестины: попытка реализовать «План, продиктованный отчаянием»

Многие полагали, что комиссия Пиля будет рекомендовать разделить Палестину на два независимых суверенных государства: еврейское и арабское. Идею подобного раздела поддерживал и доктор Х. Вейцман, предпочитавший образование маленького государства прямо сейчас неясной перспективе создания большого государства в относительно отдаленном будущем – перспективе, которая могла в любой момент оказаться под вопросом. 8 июня 1937 года Вейцман изложил свою аргументацию во время встречи, устроенной сэром Арчибальдом Синклером, на которой присутствовали У. Черчилль, Джеймс де Ротшильд и несколько парламентариев, поддерживавших сионизм: Лео Эмери, Клемент Эттли, полковник Джозайа Веджвуд и капитан Виктор Казалет. Обращаясь к Вейцману, Черчилль сказал, указывая на присутствующих: «Если вы попросите нас сражаться за вас, мы будем драться как тигры».

Вейцман, настаивая на немедленном разделе Палестины и образовании полноценного еврейского государства с «границами, проведенными так, чтобы они были адекватными и их можно было защищать», просил также довести квоту ежегодной еврейской иммиграции до 50 или 60 тысяч человек в год.

Во время этой встречи Черчилль горячо выступал против концепции раздела Палестины. Он сказал, что британскому правительству «нельзя доверять, они могут отщипнуть кусочек территории здесь, кусочек там, и тогда мечта доктора Вейцмана о том, чтобы еврейское государство могло ежегодно принимать до 60 000 иммигрантов, будет разбита с самого начала. Единственное, что могут сделать евреи, это держаться, держаться, держаться». «Раздел Палестины будет воспринят как уступка в ответ на арабское давление, – предупредил он. – Но даже таким образом еврейское государство все равно будет невозможно создать, потому что арабы немедленно начнут волнения и беспорядки и британское правительство в конце концов будет вынуждено отступить».

Черчилль сказал Вейцману, что «прекрасно сознает, что британское правительство не раз предавало евреев в прошлом, и чувствует стыд за то, что английские политики проснулись

только сейчас, когда евреи были вынуждены обратиться к ним в момент отчаяния. Евреи должны подождать, пока вся Западная Палестина не будет принадлежать им, как следует из «Белой книги» 1922 года. Должно прийти время, когда Великобритания снова будет сильной, пока же евреям надо держаться, а также пытаться контролировать наше правительство, чтобы не позволить ему дать обратный ход».

На следующий день, 9 июня, Вейцман рассказал об этой встрече группе сионистских лидеров, находившихся тогда в Лондоне, включая Бен-Гуриона, который послал отчет о ней в Еврейское агентство в Иерусалиме. Здесь он добавил новых красок и эмоциональных подробностей и привел одновременно несколько черчиллевских ругательств по адресу видных фигур британского правительства, произнесенных, по сообщению Вейцмана, под воздействием алкоголя. В ходе обеда Черчилль воскликнул: «Давайте есть меньше, я хочу слышать, что скажет Хаим». Когда Вейцман сказал, что он примет раздел Палестины, если британское правительство согласится позволить въезд 50 или 60 тысяч иммигрантов в год, Черчилль вскочил и прервал его словами «Вы неправы, Вейцман. Ваше государство – это мираж» – имея в виду разделенное государство. «Они вам не позволят привезти 60000 человек, – сказал У. Черчилль. – Арабы начнут бросать бомбы, они получат помощь из Ирака, и наше правительство в конце концов отступит».

Черчилль добавил, что еще в 1922 году Рутенберг рассказывал ему, что требовалось для создания полноценного еврейского государства в Палестине с точки зрения географии. «Рутенберг настаивал, чтобы я обещал ему эту гору и ту гору – я же не имел представления, где эти горы находятся, я не видел карты и я не собирался смотреть на нее. Но все это и так выполнит мандат», – объяснил Черчилль.

После того как Синклер и Веджвуд выступили против идеи раздела, а Казалет и Джеймс де Ротшильд высказались за нее и тем самым поддержали позицию Вейцмана, Черчилль снова «вскочил» и заклеймил проект раздела как «мошенничество». Члены правительства Болдуина являлись, по его словам, «бездарными идиотами… Если Англия будет зависеть от них, она погибнет… Но это положение не может продолжаться долго – Англия в конце концов проснется и победит Муссолини и Гитлера, и тогда придет и ваше время».

14 июня Вейцман написал Черчиллю, что он разговаривал с министром по делам колоний Уильямом Ормсби-Гором и «узнал, что вы очень жестко требовали, чтобы южная часть Палестины не включалась в состав предполагаемого арабского государства –

если и когда такое государство будет создано. Этот вопрос по очевидным причинам весьма нас тревожит, и я хотел бы выразить вам сердечную благодарность как за совет, который вы мне дали в прошлый вторник, так и за то, что вы попытались убедить Ормсби-Гора сделать этот проект (если такой проект все-таки осуществится) возможно более приемлемым для нас в данных обстоятельствах».

Комиссия Пиля опубликовала свой отчет 7 июля 1937 года. Как и предполагалось, она предложила разделить Палестину на еврейское и арабское государства. При этом Иерусалим и Вифлеем, вместе с их святыми для христиан, мусульман и евреев местами, должны были стать отдельными анклавами, управляемыми непосредственно Великобританией, вместе с контролируемым Великобританией сухопутным коридором от Иерусалима до Средиземного моря, включая города Рамле и Яффу, которые также оставались бы за Великобританией. Этот коридор обеспечивал бы Великобритании доступ к морю.

План раздела Палестины должен был обсуждаться в палате общин 21 июля 1937 года. За несколько недель до этого среди сионистов разгорелись дебаты о том, соглашаться или нет на предлагавшуюся им урезанную, неполную Палестину, в состав которой не входили даже значительные еврейские территории в Иерусалиме. За десять дней до обсуждения плана раздела в палате общин Вейцман, продолжавший одобрять идею раздела, вновь встретился с Черчиллем в Лондоне. Черчилль опять повторил, что он не одобряет раздела и что британский мандат на Палестину предусматривал, что еврейское государство, которое постепенно будет там создано, должно включать в свой состав всю Палестину, от Средиземного моря до реки Иордан.

Сознавая, что раздел, тем не менее, может стать реальностью, Черчилль встретился с министром по делам колоний Уильямом Ормсби-Гором и попросил его включить северную часть пустыни Негев в планируемое еврейское государство, хотя по плану комиссии Пиля она целиком включалась в арабское государство, тогда как Вейцман и сионисты хотели обрабатывать эти земли.

За две недели до дебатов по разделу Черчилль гостил у Джеймса и Дороти де Ротшильд в поместье Уэддесдон-Мэнор. Там у него произошла встреча с лидером сионистов-ревизионистов Владимиром Жаботинским. Эту встречу организовала леди Вайолет Бонэм-Картер – дочь бывшего премьер-министра Г.Г. Асквита. Она написала Черчиллю, что, по ее мнению, раздел нельзя осуществлять столь поспешно, принимая решение об этом уже через две недели. «Люди не

осознают географических пропорций и стратегического значения крошечного участка земли, выделяемой евреям», – написала она. Леди Вайолет специально подчеркнула слово «крошечный».

Жаботинский и Черчилль до этого никогда не встречались, Черчиллю было любопытно увидеть Жаботинского. Если Вейцман был общепризнанным, всем известным и дипломатичным лидером главенствующего направления в сионизме, то Жаботинский являлся харизматичным главой воинственно настроенного нетерпеливого крыла «ревизионистов» и его молодежного подразделения – Бейтара.

В начале Первой мировой войны Жаботинский добивался формирования в Лондоне Еврейского легиона для борьбы с турками. Находясь в Каире, он организовал Сионский корпус, сражавшийся в Галлиполи. В 1918 году, в ходе сражения с турками, он во главе отряда еврейских солдат переправился через реку Иордан. В 1920 году, когда Черчилль был министром обороны, Жаботинский был приговорен британским военным судом в Палестине за стычку с арабами во время пасхальных волнений к пятнадцати годам тюрьмы. Через несколько месяцев его амнистировали, и он сформировал крайнее сионистское движение – Всемирный союз сионистов-ревизионистов. В 1930 году британские власти запретили Жаботинскому въезд в Палестину. Тогда он направился в Восточную Европу, заражая еврейские массы лозунгом образования еврейского государства по обе стороны Иордана и призывая к массовой эмиграции. Он надеялся направить в Палестину таким путем до полутора миллионов иммигрантов.

В письме Черчиллю от 16 июля Жаботинский, ссылаясь на то, что леди Вайолет Бонэм-Картер сказала ему, что Черчилль не уверен, стоит ли ему выступать в ходе дебатов по разделу, призывал Черчилля все-таки сделать это. Жаботинский писал: «Для меня как еврея – а даже мои оппоненты никогда не отрицали, что я представляю чувства еврейских масс, вы один из очень ограниченного круга британских государственных деятелей, благодаря которым между 1917 и 1922 годами возникла сама идея еврейского государства; и мы ожидаем от вас защиты ее теперь, когда она находится под угрозой, и были бы очень разочарованы, не услышав вашего голоса».

Больше всего евреи нуждались, писал Жаботинский, в «месте, где они могли бы жить». При этом евреям постепенно становится ясно, что проект раздела Палестины «убивает все их надежды». «Самое плохое заключается в том, – добавлял Жаботинский, – что у нас даже нет времени, чтобы выразить свою точку зрения. Я надеюсь, что ее выразят наши друзья, и в первую очередь – вы». В

своем письме Жаботинский подчеркивал, что в разделенной Палестине для еврейского государства будет выделена слишком малая территория, чтобы ее можно было эффективно защищать от атак арабов, которые будут поддерживаться извне. Схема раздела «должна быть отвергнута, – писал он, – даже если территория, выделяемая для еврейского государства, может быть несколько увеличена. Потому что даже если она будет включать северную часть пустыни Негев, в ней все равно не будет хватать места для приема значительного числа еврейских иммигрантов».

«Преждевременно образованное еврейское государство никогда не сможет расширить свою территорию – ни в результате мирного проникновения, ни путем захвата, – полагал Жаботинский. – Напротив, такое еврейское государство само будет обречено на захват соседними арабскими странами, что будет сопровождаться разрушениями и резней». Территория, предоставляемая еврейскому государству согласно нынешнему плану, столь мала, что плотность его населения станет равна плотности населения Германии и будет почти в два раза выше, чем во Франции. Вдобавок, более половины его населения в 645000 человек составят не евреи, а арабы. Надежда, выраженная в отчете комиссии Пиля, что арабов можно убедить «сдвинуться» на восток, была, по словам Жаботинского, «заблуждением». Ведь еврейское государство «должно будет стать богатым и процветающим местом, а люди по своей воле обычно не уезжают из богатых районов в бедные. Не будет этим арабам места и в арабском государстве, лишенном еврейской энергии и капитала». Несомненным важным географическим приобретением могло бы стать добавление Иерусалима к еврейскому государству – «всего города или только современной его части». Что касается северного Негева, то это – «территория, где до сих пор не было найдено воды, территория, где невозможно орошаемое земледелие, которая сможет принять не более 125000 еврейских поселенцев».

Затем Жаботинский описал положение еврейского населения Польши, Литвы, Латвии, Румынии и Чехословакии: «Бездомные еврейские массы Восточной и Центральной Европы представляют собой резервуар отчаяния численностью от восьми до девяти миллионов человек». При этом «единственным аргументом, позволяющим пока сдерживать антисемитизм в некоторых из этих стран Восточной Европы, является надежда на то, что когда-нибудь Палестина сможет абсорбировать большие массы еврейских эмигрантов из них. В момент, когда такая перспектива окажется очевидно невозможной, неизбежен взрыв антиеврейских настроений, и правительства этих стран будут, несомненно,

принуждены последовать примеру нацистов, приняв антисемитизм в качестве составной части государственной политики».

Далее Жаботинский обратился к более отдаленной цели сионистов-ревизионистов – созданию еврейского государства по обе стороны Иордана. «Это государство стало бы убежищем для нескольких миллионов евреев без необходимости перемещать куда-либо живущих там один миллион арабов или их потомков». Но с момента, когда Декларация Бальфура будет аннулирована, «иммиграция евреев в арабское государство будет возможна лишь в пределах, которые разрешит арабское правительство. Даже если такая иммиграция вообще будет разрешена (арабы могут в принципе поощрять ее в малых количествах ради ввоза капитала), она никогда не достигнет уровня, способного изменить преимущественно арабский характер любого района арабского государства. Евреям может быть позволено образовывать новые гетто, но не формировать еврейское большинство на каком-либо участке территории».

«Всякая надежда использовать территорию, отведенную еврейскому государству, для организации там еврейской армии, которая постепенно завоевала бы остальную Палестину, предельно абсурдна, – писал Жаботинский. – Еврейская армия была бы не способна защитить даже само «еврейское государство», если оно было бы атаковано соседними арабскими странами, потому что «еврейское государство» расположено в основном на равнине, над которой господствуют высоты, которые будут принадлежать арабам. Тель-Авив при этом будет находиться на расстоянии пятнадцати миль от ближайших арабских горных орудий, а Хайфа – на расстоянии восемнадцати миль».

С учетом этого, предупреждал Жаботинский, захват маленького еврейского государства его арабскими соседями «будет неизбежен». «Карликовая территория, численность защитников которой никогда не превысит горсточки, но при этом полная богатств и культуры, будет окружена не только арабской Палестиной, но и гигантской Арабской федерацией, протянувшейся от Алеппо до Басры и Саны (поскольку отчет комиссии Пиля открыто приглашает предполагаемое Палестинское арабское государство присоединиться к такой федерации). Такое еврейское государство будет неизбежно атаковано при первой возможности; а слово «возможность» означает «в любой момент», когда британская империя будет где-либо испытывать трудности», – подчеркивал он.

Эти аргументы произвели впечатление на Черчилля и он

вновь встретился с Жаботинским в палате общин. Эта встреча продолжалась один час. Замечания Жаботинского были учтены. Когда палата 23 июля обсуждала отчет комиссии Пиля, Черчилль возражал против любых окончательных рекомендаций по разделу Палестины. Сначала он говорил о Декларации Бальфура, подчеркивая, как он это многократно делал за последние шестнадцать лет, что было бы «заблуждением полагать, что Декларация представляла собой всего лишь акт благотворительности или проявление идеалистической филантропии». Напротив, настаивал он, «это была мера, предпринятая во время войны, в момент острой необходимости, целью которой было способствовать достижению общей победы союзников в войне. Благодаря ей мы рассчитывали получить ценную и очень важную помощь, и действительно получили ее. Мы не можем отбросить это обещание в сторону и вести себя так, как будто оно никогда не было дано, и действовать, словно у нас в этом вопросе нет ни обязательств, ни ответственности».

Черчилль объяснил, что он не сможет голосовать за резолюцию, одобряющую принципы раздела. «Возьмем только военную сторону вопроса, – сказал он. – Она вызывает серьезное беспокойство. Мы получаем два суверенных государства, одно маленькое и богатое, более густо населенное, чем Германия, с плотностью населения в два раза выше, чем во Франции, в то время как горные местности окружающих районов, простирающихся от Багдада, населены сирийцами и южными пустынными племенами. Вся эта огромная арабская территория будет противостоять новому еврейскому государству, а между ними будем находиться мы, британцы. Мы будем занимать ряд ключевых позиций, но при этом еще нет никакой ясности насчет того, какую ответственность мы будем в этом случае нести».

– Как может палата общин сейчас решить, – спрашивал Черчилль, – что мы должны встать между этими двумя суверенными государствами и гарантировать мир между ними, не зная, что именно это будет означать для нас и какие обязательства мы при этом на себя берем?

Это станет проблемой международного значения, добавил он, и весь мир будет при этом пристально следить, насколько честно, храбро и мудро поведет себя Великобритания.

По окончании дебатов, в результате возражений, прозвучавших со стороны представителей либеральной и лейбористской партий, британское правительство согласилось не принимать решения о разделе Палестины, оставив его лишь как одну из возможностей на будущее. Черчилль постарался сделать так, чтобы его позиция оказалась широко озвученной и

замеченной общественностью. Через два дня после состоявшихся в парламенте дебатов в своей статье в газете «Ивнинг стандарт» он охарактеризовал «план разрезания Палестины на три части» как «план, продиктованный отчаянием». Он задавал прямой вопрос: «Так ли уж велики трудности осуществления сионистского плана в Палестине, как их изображают, и разве на самом деле не достигнут весьма значительный прогресс?» Черчилль отмечал, что «за шестнадцать лет с начала действия британского мандата было преодолено много трудностей и в Палестине наблюдается значительное развитие». Когда он нанес свой предыдущий визит туда три года назад, он был «восхищен ландшафтом. Прекрасные дороги, новые здания и плантации – свидетельства процветания среди как евреев, так и арабов, были видны со всех сторон и порождали чувство удовлетворения».

Негативные изменения в Палестине, произошедшие после его предыдущего визита в 1934 году, были вызваны, как объяснял Черчилль, внешними событиями, за которые Великобритания не могла нести ответственность, – «преследования евреев в Германии, использование антисемитизма как средства, с помощью которого жестокие и реакционные силы захватывают или пытаются захватить деспотическую власть, сталкивают цивилизованный мир с проблемой беженцев, подобной проблеме гугенотов в XVII столетии. Главная тяжесть этой проблемы выпала на долю очень маленькой страны – Палестины. Еврейская иммиграция, неожиданно выросшая до 30000 или 40000 человек в год, может быть, и не превосходила «экономическую абсорбционную способность» страны, но, естественно, встретила сопротивление со стороны арабов, которые столкнулись с перспективой отнюдь не эволюционного, а лавинообразного роста еврейского населения, что резко приближало время наступления еврейского численного доминирования в Палестине».

Черчилль описал иммиграционный конфликт в образных выражениях: «По проводам был пущен слишком сильный ток, и провода расплавились. Это может быть поводом для починки проводов и уменьшения тока. Но, конечно, это не причина объявить использование электричества опасным для цивилизации».

«У меня твердое впечатление, – заключал Черчилль, – что самое главное в этом деле – проявлять выдержку и стойкость».

28 июля у Черчилля состоялся двухчасовой разговор с Генри Мондом, вторым бароном Мелчеттом. Бывший член парламента и директор «Империал кемикл индастриз», Мелчетт был близким другом и Вейцмана, и Черчилля. При разговоре присутствовал Рэндольф Черчилль.

Рассказывая впоследствии об этой беседе Х. Вейцману, Мелчетт выразил беспокойство по поводу того, что Черчилль настаивал на аресте иерусалимского муфтия Хадж-Амина аль-Хусейни, главного зачинщика арабских волнений, и на том, чтобы при его аресте при необходимости были использованы «насильственные методы».

Основная же часть беседы была посвящена проекту раздела Палестины, который, по мнению Черчилля, означал бы войну, потому что «еще до того, как еврейское государство сумело бы по-настоящему сформироваться и получить необходимых людей для защиты своей территории и необходимое вооружение, оно было бы атаковано арабами и стерто с лица земли». Это совпадало с точкой зрения Жаботинского.

Черчилль предупредил Мелчетта, что британские чиновники в Палестине и в Министерстве по делам колоний «настроены против вас и не позволят вам создать в Палестине суверенное государство». Предложение Черчилля заключалось в том, чтобы евреи «настаивали на строгом выполнении условий британского мандата, пусть даже для них это означало бы сокращение иммиграции и, возможно, ограничение продажи им земли. Такое положение может продлиться пять, десять или даже двадцать лет. Но это неважно – самое главное то, что принцип создания на территории Палестины еврейского национального очага останется неизменным. Ваши требования, основанные на моральных обязательствах, останутся незыблемыми. Миру предстоит пройти через бурные и тяжелые времена. Возможно, произойдут войны; никто не знает, каковы будут их результаты. Великие задачи и дела смогут пережить этот период, а вот маленькие территории – вряд ли. Я уверен, что великое дело сионизма способно пережить две или три войны».

Черчилль с оптимизмом смотрел на будущее сионизма. Пока Великобритания обладает властью над подмандатной территорией, она будет «в большей или меньшей степени» защищать интересы сионистов. После нынешнего периода, когда было осуществлено сознательное сокращение иммиграции, а продажа земли ограничена, дела снова пойдут лучше: будет разрешена более значительная иммиграция и более широкая продажа земли. Дела будут развиваться или тормозиться в соответствии с обстоятельствами и силой давления, которое сионисты смогут оказать на британскую общественность». Черчилль добавил: «Сионизм – великое дело, он пережил много столетий и будет продолжать жить. Временные ограничения любого рода не смогут противостоять великим принципам сионизма».

Черчилль настаивал на том, что раздел Палестины был бы ошибкой. Маленькое еврейское государство, предусмотренное планом раздела, доказывал он, «будет поглощено врагами, потерпит поражение в войне, будет аннексировано другими странами или пострадает от тех случайностей, которым подвергаются маленькие государства в ходе превратностей войны. Если вы создадите ваше государство, а затем оно исчезнет или будет разрушено, вместе с ним исчезнут и ваши великие моральные притязания». Затем Черчилль употребил выражение, которым раньше не пользовался и которое глубоко поразило Мелчетта: «Единственная причина, почему был поврежден провод, состоит в том, что вы пустили по нему слишком сильный ток и он расплавился. Его нужно исправить, и это снова будет хороший провод. Причина, по которой вы пустили слишком сильный ток, была связана с преследованиями в Германии, и никоим образом не зависела от вас. Но провод все-таки расплавился. И вам следует обратить на это внимание и принять это в расчет и в будущем применять более умеренные темпы иммиграции».

Черчилль знал, что его совет глубоко разочарует сионистов, надеявшихся на ускорение темпов иммиграции. Но враждебность арабов была столь велика, что Великобритания была вынуждена посылать в Палестину все большие контингенты войск для того, чтобы поддерживать там порядок. Поэтому Черчилль хотел замедлить темпы иммиграции. При этом он считал, что это не сможет повлиять на конечную цель сионизма – создание еврейского государства. Если британский мандат «будет работать немного медленнее, но в намеченном направлении, то постепенно «вы с неизбежностью получите суверенитет над всей Палестиной, хотя это может занять столетие или два». Еврейская цивилизация, сказал Черчилль Мелчетту, сильнее и со временем должна достичь доминирования, но при этом евреи «должны двигаться медленнее и пока не спешить с этим». Он – друг сионизма и «сделал бы все возможное, чтобы помочь им; но он не собирается быть бóльшим сионистом, чем сами сионисты». При этом Черчилль заметил: «Конечно, если вы сами придете к удовлетворяющему вас соглашению, я буду последним, кто станет ему противиться».

Что касается того, как следует сионистам вести себя во время дискуссии по вопросу раздела, Черчилль сказал Мелчетту, что он целиком за «жесткие споры и за то, чтобы твердо держаться Декларации Бальфура». «Сионисты должны держаться боевой позиции», – подчеркнул Черчилль.

3 сентября 1937 года, когда еврейские лидеры обсуждали достоинства и недостатки плана раздела Палестины, Черчилль написал статью в «Джуиш кроникл», где твердо заявил о себе как о противнике идеи раздела.

Он начал свою статью с анализа позиции Х. Вейцмана, который был готов принять, пусть и неохотно, идею создания еврейского государства в усеченных размерах. Черчилль писал, что «может охотно понять доктора Вейцмана и других, кто ежедневно нес на своих плечах груз забот и напряжение сложнейшей работы по созданию еврейского государства в Палестине и без чьих личных усилий сионизм не стал бы реальностью. Он прекрасно понимал всех этих людей, привлеченных идеей создания суверенного еврейского государства, пусть и небольшого, которое было бы создано впервые после многих веков рассеяния для того, чтобы могла образоваться единая еврейская община, точка сбора евреев со всех концов света. Вместо постоянных препирательств с властями британской подмандатной территории и ежегодных споров об иммиграционных квотах евреи получили бы управляемое ответственным правительством независимое автономное государство, которое являлось бы членом Лиги Наций и имело бы влияние не только в Святой земле, но и во всем мире».

Противодействие идеи раздела Палестины, замечал Черчилль, исходит от самих евреев, которые «жалуются на то, что предоставляемая им малая часть Палестины, уже и без того густо населенная, совершенно не подходит им, поскольку не дает реальной возможности для будущей иммиграции и расширения». В то же время арабы, в случае, если они примут предложение о разделе Палестины, будут, конечно, активно сопротивляться всякому изменению предполагаемых границ в пользу евреев. В результате выходит, что при варианте раздела Палестины конфликт между евреями и арабами был бы неизбежен. Черчилль не сомневался в том, что евреи «не останутся довольными отведенной им территорией. Арабы же с самого начала будут настроены резко против любого расширения этой территории».

Арабы, эти «дети пустыни», как описывал их Черчилль, были «всегда вооружены и быстро организовывались в боевые отряды. Евреи же, живя в густонаселенных районах, нуждались в оборонительных частях, требовавших казарменного содержания и обучения. Естественно, они постараются вооружить своих солдат самым лучшим оружием, какое только смогут купить, а они смогут купить очень страшное оружие. Очевидно, что наэлектризованная атмосфера будет превалировать с обеих сторон. Любая мера, которую еврейское государство предпримет

для своей обороны, будет выглядеть в глазах арабов как подготовка к агрессии». «При этом сильная еврейская армия, как только она будет сформирована, может использоваться и для расширения границ еврейского государства в случае, если изменится мнение в самом еврейском государстве – а оно всегда может измениться. В результате цепь событий будет почти неизбежно вести к вооруженному столкновению», – указывал Черчилль.

Черчилль не видел решения проблемы в том, чтобы, как это предлагали многие, Великобритания стала играть роль полицейского в разделенной Палестине. Если британские войска будут стоять «между враждующими нациями как кордон, – писал он, – их нужно значительно усилить, но на долю не слишком большой армии Великобритании и без того уже выпадает чересчур большая нагрузка». Будет нелегко сформировать необходимые гарнизоны. Неизбежно начнутся кровопролитные стычки. Ведь раздел Палестины «неизбежно будет сопровождаться трениями и, возможно, репрессиями арабов против тех евреев, которые захотят остаться жить в арабской зоне».

Это была мрачная картина. Лежавшие же в основе отчета комиссии Пиля обнадеживающие предположения о том, что «однажды образованные суверенные государства, как бы малы они ни были, став членами Лиги Наций, никогда не будут враждовать друг с другом, по меньшей мере преждевременны». Британское правительство до сих пор постоянно сталкивалось с большими трудностями, пытаясь сохранить порядок во взаимоотношениях между евреями и арабами, даже при том, что происходили только спорадические местные волнения и отдельные убийства. «Почему же члены комиссии полагают, что будет возможно сдерживать крупные организованные армии, которые несомненно появятся у этих обоих независимых суверенных государств?» – вопрошал Черчилль.

Политика раздела Палестины, предупреждал Черчилль, «не ликвидирует угрозу насилия, но, наоборот, приведет к его усилению. Она кончится не миром, а войной. Гораздо лучше держаться старых позиций. Известно, что евреи постоянно селились на земле своих отцов. Арабы же могли бы примириться с прибытием в Палестину евреев, видя, как день ото дня растет их благосостояние, в создании которого они участвовали сообща. Наилучшим вариантом было бы, если бы евреи и арабы сами согласились на несколько лет вперед определить устраивающую их обоих модель сосуществования и расположение еврейских и арабских поселений на земле Палестины. Это не предрешало бы будущего устройства Палестины, но позволило бы нынешнему

поколению людей жить в условиях процветания и счастья». В таком направлении «должны смотреть мудрые и двигаться храбрые люди».

Стало очевидно, что для выработки эффективного плана раздела Палестины следовало прежде всего пригласить евреев и арабов и добиться их согласия на урегулирование всех спорных вопросов. 23 декабря британское правительство учредило новую комиссию во главе с бывшим министром финансов правительства британской Бенгалии сэром Джоном Вудхедом. Ему было поручено собрать материалы, на основе которых будет сформулирована «наилучшая возможная» схема раздела Палестины, после чего можно «будет определить ее объективность и возможность применить на практике».

Глава двенадцатая
Разгул нацизма: чудовищные преследования

В 1936 году, в разгар дебатов о разделе Палестины, Черчилль встретился с бежавшим из Германии евреем Эугеном Шпиром, который, спасаясь от нацистских преследований, получил убежище в Великобритании. Черчилль в этот момент пытался найти способ сделать нацистскую опасность более очевидной для широкой публики и старался сфокусировать на ней внимание представителей всех направлений общественной жизни. Шпир вспоминал, как 19 мая 1936 он «был свидетелем первого заседания новой группы, позднее названной «Фокус», имевшей целью собрать воедино представителей всех партий и групп, являвшихся противниками нацизма». В период между маем 1936 года и летом 1939 Шпир вложил 9600 фунтов (примерно 250 000 фунтов на нынешние деньги) в организацию деятельности группы «Фокус». Участники этой группы оказали Черчиллю значительную поддержку в его борьбе с нацизмом.

Проводя отпуск во Франции в 1936 году, Черчилль также узнал там много новых фактов о преследованиях нацистами евреев. 13 сентября 1936 года он писал жене с юга Франции: «Я встречался с фрау Фридлендер Фульд, ныне миссис Гольдсмит Ротшильд. Она рассказывала об обращении с евреями в Германии. Они переживают ужасное время. Она поразительная женщина».

Главными постулатами политической философии Черчилля являлись открытые дебаты, честная игра и равные права. Выступая в Париже 24 сентября 1936 года, он выделил в своей речи то, что считал главным злом нацистской и коммунистической систем. Для него преследования по признаку политических взглядов и по расовом признаку не имели оправдания. «Между доктринами герра Геббельса и товарища Троцкого, – заявил он, – должно оставаться место для вас и для меня».

Во Франции Черчилль встречался с премьер-министром Леоном Блюмом, вскоре навестившим его в Чартуэлле, и с одним из старших коллег Блюма в правительстве Жоржем Манделем. Они оба были евреями и оба резко противились политике умиротворения Германии. В 1940 году Мандель, являвшийся одним из министров французского правительства, выступал за

продолжение войны с немцами в Северной Африке. За свою патриотическую позицию и из-за того, что он был евреем, Мандель был убит французской вишистской полицией. Черчилль был глубоко тронут его печальной участью и в 1946 году послал своего сына Рэндольфа представлять его на ежегодной траурной церемонии на том месте в лесу Фонтенбло, где произошло убийство Манделя.

13 ноября 1936 года Черчилль написал своему сыну Рэндольфу письмо, в котором объяснил, что в основе идеологической позиции Антинацистской лиги, которую он недавно помог учредить, «лежало неприятие чудовищных преследований евреев, учиненных нацистами». «Но теперь мы стали сторонниками более широкого подхода, который базируется на принципах, изложенных в моей речи в Париже, – указывал У. Черчилль. – Там был образован Комитет за мир и свободу, концентрирующий усилия всех миролюбивых организаций и обществ вроде «Нового содружества», Союза Лиги Наций и любых других, готовых выступить в поддержку действенных военных акций для противодействия тирании и агрессии».

В письме к Рэндольфу У. Черчилль упомянул имя нью-йоркского адвоката Луиса Леви, оказавшего ему помощь в решении семейной проблемы. Проблема заключалась в том, что двадцатидвухлетняя дочь Черчилля Сара не так давно сбежала из дома вместе с очаровавшим ее Виктором Оливером фон Самеком – тридцативосьмилетним, дважды разведенным уроженцем Австрии, актером и пианистом, выступавшим на радио с комическими номерами и более широко известным под своим сценическим псевдонимом Вик Оливер. Виктор Оливер фон Самек был по национальности евреем. Черчилль поручил Леви изучить детали семейного положения Оливера и всех его разводов, чтобы убедиться, что сейчас он не состоял более ни в каком браке и был действительно свободен. Леви сумел прояснить этот вопрос для Черчилля. После того как Сара вышла замуж за Оливера, Черчилль приобрел зятя-еврея.

В конце концов Черчилль поддержал выбор Сары. Когда она вместе с мужем отправилась в Соединенные Штаты на германском пароходе, он обратился к своим знакомым в Форин офисе и попросил их проследить за тем, чтобы никто не смог причинить Вику Оливеру какого-либо ущерба на борту германского корабля из-за того, что он являлся рожденным в Австрии евреем. Два года спустя Черчилль обратился к сэру Александру Максвеллу, постоянному помощнику министра

внутренних дел, с просьбой удовлетворить ходатайство Вика Оливера о предоставлении ему британского гражданства. «Хотя, – писал он, – первоначально я был против его брака с моей дочерью, я стал затем относиться к нему с симпатией и большим уважением и я уверен, что любое ваше содействие в удовлетворении его желания стать британским подданным будет принято мной с благодарностью».

В 1936 году в лондонском Ист-Энде в уличной драке схлестнулись фашисты сэра Освальда Мосли и группа, в составе которой преобладали симпатизировавшие коммунистическим идеям евреи. Эта драка была названа «битвой на Кейбл-стрит». Беспокойство Черчилля относительно распространения заразы коммунизма в Великобритании заставило его опубликовать статью в «Ивнинг стандарт», в которой говорилось: «Очень важно, чтобы английское еврейство держалось абсолютно в стороне от таких стычек. В Великобритании законопослушные евреи не нуждаются в защите коммунистов. Они получат ее у ближайшего констебля».

Прочитав это, друг Черчилля Десмонд Мортон, убежденный католик, написал ему: «Я не антисемит, по крайней мере, не больше, чем вы. Я не припомню, чтобы вы публично затрагивали эту тему раньше. Этот абзац, как мне кажется, намекает на большее, чем в нем прямо говорится». Эта тирада действительно выражала глубинный страх Черчилля перед распространением коммунизма и коммунистической агитации, будь то в среде евреев или неевреев.

Одновременно Черчилль продолжал высказывать свои предостережения по поводу опасности нацистской тирании. 5 февраля 1937 года он написал в «Ивнинг стандарт» о том, как нацистский режим в Германии консолидирует свою власть и идеологию. «Культура ненависти продолжает укрепляться, – писал он, – движимая печатной прессой и радиовещанием – теми инструментами, на которые философы возлагали надежды как на инструменты освобождения человечества от подобных угроз».

В ту весну Черчилля попросили написать статью на широко обсуждавшуюся тему: должны ли евреи, где бы они ни жили, искать возможности самим бороться с преследованием немецких евреев властями Германии, или они должны предоставить это дело правительствам стран, в которых они живут. В записке, продиктованной своему секретарю 26 апреля, Черчилль представил для своего литературного помощника Адама Маршалла Дистона основные пункты, которые он хотел бы отразить в статье, посвященной этому вопросу. «Очевидно, здесь

следует исходить из четырех положений, – писал Черчилль. – Первое: любому еврею следует быть достойным гражданином той страны, в которой он живет. Второе: для того чтобы избежать обособления и искусственной изолированности, евреям следует как можно теснее сотрудничать, насколько это только возможно, с неевреями везде и во всех областях, за исключением вопросов национальности и религии. Третье: следует сохранять еврейское движение свободным от коммунизма. Четвертое: евреи должны прибегать к возможности легитимного использования своего влияния во всем мире для того, чтобы оказывать экономическое и финансовое давление на правительства, которые их преследуют».

Читателей у этой статьи Черчилля оказалось гораздо больше, чем он мог заранее предположить. Это произошло благодаря венгерскому еврею Имре Ревешу, который стал впоследствии известен под именем Эмери Ривз. В начале 1930-х годов Ривз создал в Берлине специальное литературное агентство для распространения в прессе статей ведущих европейских демократических политиков. С приходом Гитлера к власти Ривз был вынужден перевести свое агентство в Париж. Там он снова начал расширять число публикуемых им антинацистски настроенных авторов. 25 февраля 1937 года Черчилль и Ривз впервые встретились в Лондоне, и Черчилль согласился предоставить Ривзу исключительные права на публикацию своих статей, «представляющих международный интерес», за пределами Британской империи и Северной Америки.

Ривз брал на себя организацию переводов и, где возможно, одновременную публикацию статей во всех европейских странах. Ривз должен был платить Черчиллю 60 процентов выручки за каждую проданную статью с гарантированным минимумом в 25 фунтов. Обычно он помещал статьи Черчилля каждые две недели в двадцати пяти европейских странах, в том числе в газетах, выходящих в семнадцати европейских столицах: Париже, Копенгагене, Стокгольме, Брюсселе, Люксембурге, Осло, Хельсинки, Риге, Таллине, Праге, Вене, Варшаве, Каунасе, Афинах, Белграде, Бухаресте и Будапеште. Статьи Черчилля регулярно публиковались также в выходивших на идише газетах в Варшаве, Вильнюсе и Каунасе, давая возможность трем крупнейшим еврейским общинам Восточной Европы выслушивать предостережения Черчилля. Ривз также помещал его статьи в двух выходящих в Палестине газетах – тель-авивской газете на иврите «Гаарец» и иерусалимской англоязычной «Палестайн пост».

В статье в «Ивнинг стандарт» от 17 сентября 1937 года, одновременно помещенной Ривзом во всех европейских газетах,

Черчилль призвал Гитлера стать «Гитлером мира». Это был, как он считал, последний шанс для Гитлера остановить массированное перевооружение Германии, которое могло означать только войну. «Мы не можем сказать, что восхищаемся вашим обращением с евреями или протестантами и католиками в Германии, – писал Черчилль, – но эти действия, пока они происходят внутри Германии, не наше дело». Проблема, которая имеет значение для соседей Германии, заключается в том, откажется ли она от своей жажды завоеваний.

В попытке достичь конструктивного взаимопонимания с Гитлером новый британский премьер-министр Невилл Чемберлен послал в Германию для переговоров с ним старейшего консерватора лорда Галифакса. Итоги этого визита обсуждались в британской палате общин, и во время этого обсуждения многие парламентарии резко осудили саму идею встречи с Гитлером. Чемберлен выразил сожаление и беспокойство по поводу того, что подобные дебаты в парламенте вообще состоялись. В ходе этих дебатов Черчилль, уже отказавшийся от своих попыток достичь примирения с Гитлером, с которыми он выступал еще три месяца назад, обрушился с резкой критикой на преследования евреев в Германии. «Это ужасно, – сказал он, – что представителей целой нации хотят запятнать и вывести из общества, в котором они родились».

Черчилль продолжал во всеуслышание выражать свою обеспокоенность по поводу визита лорда Галифакса в Берлин, когда Германия начала требовать передачи ей от Чехословакии богатого индустриального немецкоязычного Судетского района. «Мы должны помнить, насколько остра нынешняя ситуация в Европе. Если бы кто-то смог подумать, что мы хотим достичь выгодного для себя соглашения за счет малых наций или за счет отказа от важных принципов, дорогих не только для многих народов, но и для миллионов людей в каждой нации, большую часть Европы охватило бы чувство отчаяния», – предостерегал он.

В 1938 году рост напряженности в Европе и ухудшение ситуации в Палестине были неразрывно связаны между собой. Из Германии в Палестину продолжали прибывать все новые и новые волны еврейских беженцев, что привело к возобновлению нападений арабов на евреев и ко множеству арабских атак и мятежей против британцев. Британские войска были вынуждены построить ряд фортов по всей стране и установить оборудованные пулеметами доты на всех въездах в Иерусалим.

Еврейская община также оказалась разделенной, и небольшое, но активное меньшинство – яростно осуждаемое Х.

Вейцманом и Д. Бен-Гурионом – обратилось к тактике террора как против арабов, так и против британцев. Образовалась мрачная цепь насилия: арабы проводили теракты против евреев, евреи мстили арабам, британские военные власти боролись против обеих бунтующих групп. Арабские экстремисты убили несколько сотен умеренных арабов, а германская и итальянская пропаганда разжигала непримиримость в среде арабов, угрожая спокойствию на Святой земле.

20 октября Черчилль опубликовал свои размышления о текущей ситуации в статье в «Дейли телеграф», озаглавленной «Палестина на перепутье». Статья появилась через три недели после мюнхенских соглашений, яростным противником которых он являлся. К немалому удивлению Гитлера, в Мюнхене Великобритания и Франция надавили на чехословацкое правительство и вынудили его согласиться с аннексией богатого индустриального Судетского района, одновременно служившего естественной линией обороны для Чехословакии. «В нынешней тревожной обстановке, – писал Черчилль, – ситуация в Палестине также стала весьма мрачной. Временное успокоение в Европе, где торжествующие нацисты собирают свою добычу, заставляет нас вновь обратить свои взоры в сторону этой маленькой страны, за которую мы несем ответственность. Мы наблюдаем там шокирующие сцены. Вся эта крохотная территория погружается в пучину анархии. Евреи и арабы погрязли в убийствах и мести. Бомбы взрываются среди мирных крестьян в базарные дни. Арабские налетчики по ночам убивают женщин и детей. Дороги разрушаются. Значительная часть железных дорог не действует».

Черчилль указывал на то, что британским властям в Палестине стало чрезвычайно трудно поддерживать порядок. «Значительная часть британской регулярной армии, вместе с большими контингентами вооруженной полиции, контролирует главные административные центры Палестины и периодически прочесывает прилегающую местность. Арабские «повстанцы» уже создали свою параллельную неофициальную власть, которая фактически контролирует ситуацию на значительной части территории. Вдобавок «повстанцы» получают помощь оружием, взрывчаткой, деньгами и пропагандой из германских и итальянских источников».

Каждые несколько дней газеты сообщают о гибели арабов в сражениях против британцев. «Это очень неприятное и позорное зрелище, – писал Черчилль. – Великобритания тратит огромные силы и средства, а иногда теряет жизни для того, чтобы проводить политику сурового подавления актов насилия, проводить ее не ради себя, но из-за острых конфликтов на

национальной почве, возникших между арабами и евреями». Гитлер и Муссолини при этом «посмеиваются над нашими неудачами, считая британский способ действий “неэффективным”. «Для этих обвинений имеется уже более чем достаточно оснований», – указывал Черчилль.

Черчилль подчеркивал, что с началом арабских волнений в 1936 году британское правительство «пошло по пути наименьшего сопротивления». Сначала была прекращена работа комиссии Пиля. После длительных проволочек, в результате которых ситуация в Палестине еще более ухудшилась, была создана вторая комиссия под председательством сэра Джона Вудхеда, которую направили в Палестину, чтобы изучить ситуацию на месте и «доложить о том, как предложенные первой комиссией меры могут быть осуществлены на практике». Тем временем ситуация все более ухудшалась: начались убийства, за которыми последовали репрессии со стороны британских властей. При этом в Палестину были посланы «лишь небольшие воинские подкрепления, из-за чего жесткие меры осуществлялись половинчато, и в результате непрекращающегося процесса шатаний и слабости страна скатилась до нынешнего жалкого состояния. До небывалых масштабов разросся кровавый конфликт между арабами и евреями, конец которому уже не просматривается».

Один из предложенных вариантов решений состоял в том, чтобы «отказаться от нашей миссии в Палестине, поскольку ситуация стала безвыходной, и мы не представляем себе, как действовать и вернуть британский мандат в Лигу Наций». Великобритания при этом должна была бы признать, что «мы сделали все, что могли, но оказались не способны выполнить свой долг». Несомненно, однако, что в таком случае Германия и Италия «с радостью вылезут вперед с предложением принять британский мандат на себя, хотя бы только из-за стратегических преимуществ, которые им дала бы Палестина». Значит, поступать подобным образом ни в коем случае нельзя.

Но если не отказываться от мандата на Палестину, спрашивал Черчилль, что нам остается? Его ответ был ясен. «Остается только политика верности и стойкости. Мы должны решительно восстановить порядок и подавить вакханалию убийств и мести, вспыхнувшую между двумя народами. Мы должны предоставить защиту уже существующей в стране большой еврейской общине, но одновременно мы должны дать арабам торжественное обещание, поддержанное, если можно, отдельным соглашением между арабами и евреями, которое они будут приглашены подписать, о том, что годичная квота

еврейских иммигрантов не будет превышать строго определенного числа в течение по крайней мере десяти лет».

Черчилль понимал, что идея сокращения еврейской иммиграции в ближайшие десять лет должна была «вызвать яростный протест, но поскольку это единственный реальный путь, мы должны пойти по нему со всей стойкостью и убежденностью, если хотим сохранить наше доброе имя».

Яростный протест действительно не заставил себя долго ждать. На следующий день после появления статьи Черчилля Генеральный секретарь Сионистской федерации Великобритании Лайонел Бакстански написал сэру Арчибальду Синклеру, другу Черчилля и стороннику сионистов, что «заявление Черчилля о том, «что большая еврейская иммиграция 1933–1935 годов была причиной потрясений в Палестине» не учитывает того факта, что иммиграция в действительности совпала с периодом величайшего процветания, которое переживала Палестина». Что касается предложения Черчилля о сокращении еврейской иммиграции на период в десять лет, писал Бакстански, то «мне не нужно объяснять вам, насколько удивило нас такое предложение, исходившее от человека, ответственного за установление в 1922 году принципа экономической абсорбционной способности страны, и каким несчастьем будет, если он бросит весь свой вес и авторитет для продвижения такого предложения именно в этот момент, когда от шести до семи миллионов евреев в Европе лишились своих домов и какой-либо защиты».

Также, «к несчастью», статья Черчилля появилась «в момент, когда у нас возникли основания считать, что британское правительство склонно пересмотреть свою политику в Палестине, желая отойти от жестких ограничений еврейской иммиграции». Сионисты полагали, что британское правительство планировало отказаться от прежней политики жесткого ограничения количества иммигрантов-евреев в свете позиции палаты общин и ввиду того, что подобная политика более не получает поддержки и одобрения в парламентских кругах. Статья же Черчилля, однако, могла «изменить всю ситуацию и побудить правительство продолжать свою ограничительную политику. Мы чувствуем, что сейчас необходимо, чтобы правительство осознало, что взгляды Черчилля не поддерживаются теми, кто играет ведущую роль в дебатах о Палестине в парламенте», указывал Бакстански.

Невилл Чемберлен и остальные члены правительства были убеждены, что не следует раздражать арабов. Они видели, что успех политики Великобритании в Средиземноморье и на Ближнем Востоке будет в перспективе зависеть от доброй воли арабов и мусульман. В 1938 году под властью Великобритании

находилось самое большое число мусульман в мире, в том числе двадцать миллионов мусульман в британской Индии. Помимо наличия такого значительного числа собственных мусульманских подданных, Великобритания должна была учитывать необходимость тесного взаимодействия и сотрудничества с двумя независимыми мусульманскими странами, Египтом и Ираном. Взаимодействие с Египтом было крайне важно в свете обеспечения безопасности судоходства по Суэцкому каналу, а с Ираном – для того, чтобы там могла проводить добычу нефти Англо-Персидская нефтяная компания, снабжавшая топливом британский флот.

Британский кабинет был убежден, что интересам Великобритании в наибольшей степени отвечает спокойствие в мусульманском мире. Для его успокоения требовались известные меры умиротворения, и в этой связи правительственные обязательства по отношению к евреям Палестины представлялись очевидным ущербом для британской политики. Судьбы евреев в Иерусалиме и Тель-Авиве стали подвержены давлению, оказываемому на британские власти в Дели, Карачи, Каире, Багдаде и Эр-Рияде; давлению, становившемуся чересчур действенным.

Главным источником тревог для мирового еврейства в этот период стало ухудшение ситуации в Германии. В мае Черчилль провел уик-энд вместе с Джеймсом де Ротшильдом и его женой Дороти. Несколько дней спустя Джеймс де Ротшильд написал ему письмо, в котором отмечал, что «на прошлой неделе вы с огромным сочувствием к евреям говорили об их положении в Германии». Но одновременно Ротшильд напомнил Черчиллю сказанные им за несколько лет до этого слова о том, что число евреев в различных профессиях и отраслях перед приходом Гитлера к власти в Германии было «непропорционально велико по сравнению с долей евреев во всем населении». Это утверждение, указывал Ротшильд, было пущено в ход нацистской пропагандой и весьма широко распространилось.

В свое письмо Джеймс де Ротшильд вложил статью, опубликованную в «Манчестер гардиан» 3 января 1936 года и «опровергающую эти утверждения на основе официальной германской статистики». В статье отмечалось, что нацистская пропаганда «говорит о еврейской монополии и жалуется, что германские неевреи не могут найти места в целом ряде профессий, но изучение официальной статистики доказывает противное».

По самой последней переписи – 1925 года – в Германии было

546 379 евреев, составлявших 0,9 процентов всего населения Германии. Наибольший процент евреев в догитлеровское время был среди юристов – адвокатов и юридических советников, достигая 16,25 процентов от общего числа. Процент евреев среди врачей составлял 10,88. В культурной жизни Германии евреи составляли 5,61 процентов театральных продюсеров, 5,05 процентов писателей и издателей, 3 процента актеров и танцоров, 2,44 процента художников и скульпторов и 2,04 процента музыкантов и певцов. Среди университетских преподавателей евреев было 2,64 процента. Процент евреев среди учителей начальных и средних школ был 0,53. Эти проценты, указывала «Манчестер гардиан», были «ни удушающими представителей всех остальных наций, ни монопольными».

В свете этих фактов Черчилль больше никогда не повторял своих ошибочных замечаний. Он внимательно следил за развитием событий в Германии, в том числе за все более ускорявшимся перевооружением и продолжающимся ужесточением антиеврейского законодательства и актов насилия.

В марте 1938 года Германия аннексировала Австрию. Над зданием австрийского парламента был поднят флаг со свастикой и Гитлер с триумфом вошел в Вену. Преследование австрийских евреев началось с первых дней нового режима. 6 июля в своей статье в «Дейли телеграф» Черчилль привлек внимание к событиям в Австрии. «Легко разорять и преследовать евреев, – писал он, – украсть их собственность, лишить их профессии и работы; бросить Ротшильда в тюрьму или долговую яму; заставлять еврейских дам скрести мостовые или оставлять группы беспомощных беженцев на островах на Дунае; и этот спорт продолжает доставлять удовлетворение». В целом же политика германского нацизма, добавлял Черчилль, состояла в том, чтобы «третировать с примерной жестокостью всех представителей немецкого народа, не отождествляющих себя с интересами и амбициями нацистов».

Через восемь дней после того, как Черчилль написал эту статью, он и профессор Линдеманн встретились с гауляйтером Ферстером, главой организации нацистской партии в вольном городе Данциге, отделенном от Германии по Версальскому договору. Ферстер давно добивался воссоединения города с Германией. Беседу с Ферстером Черчилль начал с обсуждения положения 4000 евреев Данцига.

По итогам этой встречи Черчилль направил министру иностранных дел лорду Э. Галифаксу меморандум, в котором сообщал: «Я указал, что удовлетворен тем, что в Данциге не были введены антиеврейские законы. На что Ферстер ответил, что

еврейский вопрос не стоит остро в Данциге, но он обеспокоен тем, чтобы этот вид законодательства в Германии не стал препятствием для взаимопонимания с Англией. Я ответил, что это будет помехой и источником раздражения, но, возможно, не полным препятствием для достижения практического соглашения, хотя может и быть препятствием для настоящего взаимопонимания. Кажется, он придает большое значение этой проблеме».

В период между концом 1938 года и началом Второй мировой войны всем данцигским евреям, за исключением 1600 человек, было разрешено эмигрировать. Многие из этих оставшихся в Данциге евреев уехали уже после начала войны, в 1940 году, на пассажирском лайнере «Патриа», судьбой которого Черчилль впоследствии непосредственно занимался. Только шестьсот евреев окончательно остались в Данциге. Когда в 1942 году началась насильственная депортация евреев из Данцига в концентрационные лагеря, почти все они погибли.

19 августа у Черчилля в Чартуэлле побывал майор германского Генштаба Эвальд фон Клейст. Он был одним из тех немецких офицеров, которые противились экспансионистским планам Гитлера. Фон Клейст сказал Черчиллю: «Если бы мы получили хоть небольшую поддержку, мы могли бы отказаться войти в Чехословакию». После визита Клейста Черчилль публично призвал германский офицерский корпус свергнуть Гитлера. Ответом на этот призыв Черчилля послужила речь Гитлера, произнесенная в Веймаре 6 ноября. В этой речи Гитлер обрушился на Черчилля, прямо назвав его по имени: «Мистер Черчилль открыто провозгласил, что, по его мнению, нынешний режим в Германии должен быть уничтожен в сотрудничестве с внутренними силами в Германии, любезно предложившими себя в его распоряжение. Если бы мистер Черчилль меньше общался с внутренними эмигрантами и оплачиваемыми из-за границы предателями, а больше с истинными немцами, он бы увидел весь идиотизм и глупость того, что он говорит. Я могу только уверить этого джентльмена, что в Германии нет такой силы, которая готова действовать против нынешнего режима».

28 октября германское правительство начало массовое изгнание из страны всех граждан Польши еврейской национальности, постоянно проживавших на тот момент в стране. Всего их в Германии насчитывалось 20000 человек. Это изгнание сопровождалось сценами зверств и жестокости и побудило семнадцатилетнего юношу Гершеля Гриншпана, члена одной из выселяемых семей, выстрелить в одного из дипломатов

германского посольства в Париже, который был смертельно ранен. Выстрел произошел 7 ноября. Через два дня после этого германские газеты обвинили Черчилля в причастности к заговору с целью убийства германского дипломата. Газета «Ангрифф» («Атака»), печатный орган министра пропаганды доктора Геббельса, снабдила сообщение об убийстве заголовком «Работа международного провокатора: прямая линия от Черчилля до Гриншпана».

В помещенной в «Ангрифф» статье было написано: «В то время как в Лондоне разоблаченная фюрером клика Черчилля пытается ханжески замаскировать свое предательство, в Париже смертельное оружие стреляет в руках еврейского клоуна и разрушает последние остатки доверия к утверждениям, будто никто никогда не призывал и не пытался призывать к войне против Третьего рейха и к убийствам его граждан».

Однако, несмотря на все обвинения Гитлера, это был вовсе не международный заговор, а лишь отчаянное безнадежное покушение одиночки. Но когда германский дипломат скончался от ран, это стало оправданием для страшных антиеврейских погромов по всей Германии, начавшихся рано утром 10 ноября. Более тысячи синагог и молитвенных мест были сожжены, несколько тысяч домов разграблены, сотни евреев жестоко избиты и более девяноста убиты. За несколько дней были арестованы 30 000 евреев: ученых, врачей, юристов, инженеров, банкиров, лавочников, учителей, людей, игравших некогда ведущую роль в германской общественной и культурной жизни, бывших солдат-фронтовиков, сражавшихся в германской армии во время Первой мировой войны. Все они были отправлены в концентрационные лагеря, где их избивали и пытали, а несколько тысяч были казнены. Антиеврейские меры ужесточились. 13 ноября евреям было приказано прекратить к концу года всякую торговую и деловую активность. Огромный штраф был наложен на всю еврейскую общину Германии за убийство немецкого дипломата в Париже.

Сотрудничавшие с Черчиллем политики и журналисты держали его в курсе всех этих событий. Из Парижа Эмери Ривз посылал ему полные отчеты о событиях в Германии. Иэн Колвин, британский журналист с обширными связями в Берлине, прислал Черчиллю выдержки из тайной беседы Гитлера «с тремя или четырьмя высокопоставленными функционерами германского Министерства иностранных дел», которая произошла сразу после погрома. Отчет об этой тайной беседе начинался словами: «Он хочет устранить из германской жизни евреев и церковь и подавить частную инициативу в промышленности. После этого он

вновь обратится к международной политике».

Глава тринадцатая
Палестина: законное убежище для евреев

Погромы «Хрустальной ночи» в Германии с 9 на 10 ноября 1938 года, когда были разгромлены более тысячи синагог и десятки тысяч еврейских предприятий и домов разграблены, побудили Черчилля настаивать на безотлагательном открытии Палестины для десятков тысяч немецких и австрийских евреев, искавших там убежища. За день до начала дебатов по Палестине в британском парламенте он получил от секретаря Вейцмана, Дорис Мэй, статистический отчет о количестве и составе населения Палестины. В марте 1938 года в Палестине насчитывалось 1002406 арабов и 401557 евреев. В 1937 году получили разрешение на въезд в Палестину менее 12000 человек, а за первые месяцы 1938 года менее 6000.

В ходе дебатов в палате общин 24 ноября Черчилль произнес убедительную речь. Картина, которую он нарисовал, описывая особенности британского правления в Палестине, выглядела зловещей. «В Палестине происходит трагедия, – провозгласил он. – Льется кровь, совершаются убийства, приозводятся казни. Акты террора, творимые евреями и арабами, следуют друг за другом, пронизывая все их отношения друг с другом, и все это – при том, что оба этих народа имеют полное право жить на этой земле, которую им даровал Господь. Все экономическое оживление в Палестине, наблюдавшееся три года назад, сошло на нет. С какой стороны вы бы ни посмотрели на эту сцену, она выглядит нездоровой, даже ужасной, и, ощущаем мы это или нет, но все это чрезвычайно унизительно для нас и для нашей страны».

С гневом, продиктованным тем, что сам он был отстранен от практического участия в осуществлении государственной политики, Черчилль заявил палате, большинство которой составляли депутаты, поддерживавшие правительство: «Я обвиняю правительство Его Величества в том, что в течение трех лет оно не смогло сформулировать ясной позиции в отношении положения дел в Палестине. Все это время дела в Палестине шли от плохого к худшему, и все это время, когда ситуация постепенно выходила из-под контроля, правительство постоянно искало путь наименьшего сопротивления. Но эти терпеливые поиски линии наименьшего сопротивления не увенчались каким-

либо заметным успехом». Черчилль подчеркнул: «Каждый год или даже полгода у нас проходят дебаты о Палестине. Но не надо забывать, что там в это время постоянно гибнут люди, что их там убивают и что они ежедневно и еженедельно встречают жуткую смерть. Нам же остается только проводить дебаты и говорить друг другу комплименты и, главное, избегать брать на себя риск принятия какого-либо конкретного решения».

О работе комиссии Пиля Черчилль отозвался уничижительно. «Занимаясь по долгу службы в Министерстве по делам колоний всеми этими проблемами, связанными с Палестиной, – сказал он, – я могу заверить палату, что королевская комиссия, возглавляемая лордом Пилем, не смогла открыть в Палестине нечто, не известное до сих пор Ближневосточному департаменту Министерства по делам колоний, – ничего подобного». Но само образование королевской комиссии «с важными персонами, с шумной кампанией в прессе» было весьма симптоматично – по словам Черчилля, «все это было организовано для того, чтобы освободить правительство от необходимости определить свою позицию».

Что же произошло, спрашивал Черчилль, после того как палата общин убедила правительство не одобрять предложенного комиссией Пиля плана раздела Палестины? Правительство сказало: «Раздел остается нашей стратегической целью и фундаментальным принципом, но, конечно, еще длительное время ничего не произойдет. Тем временем будут проводиться дальнейшие консультации и изучение ситуации». Черчилль был полон презрения: «Более года властям подмандатной территории Палестины не объявляется и не предписывается никакая конкретная политика. Можем ли мы удивляться, что положение там все это время лишь ухудшалось?»

Другая королевская комиссия, впоследствии также упраздненная, с сарказмом заявлял Черчилль, была назначена только для того, «чтобы оценить работу первой комиссии». По его замечанию, работа второй комиссии во главе с сэром Джоном Вудхедом как раз и «подводит нас к сегодняшним дебатам». Ведь эта комиссия в конце концов доложила правительству, что представленный первой королевской комиссией план был чепухой, а сама идея раздела Палестины «была нереализуема». После этого министр по делам колоний Малькольм Макдональд предложил созвать специальную конференцию по этому вопросу. Черчилль не мог сдержать презрения: «После трех лет болтовни, бессмысленной болтовни на эту тему министр объявляет, что мы должны провести еще одну дискуссию. Это было бы просто смешно, если бы сейчас, когда потерпели провал все попытки

овладеть ситуацией, положение дел в Палестине не оказалось столь мрачным».

Прежде всего, сказал Черчилль, нужно восстановить закон и порядок. Затем нужно предложить десятилетний план, одобренный, если возможно, всеми сторонами. Проводить такой план в жизнь нужно со всей «решительностью и убежденностью». Этот план, по мнению Черчилля, должен был предусматривать ограничение еврейской иммиграции. «Я придерживаюсь той точки зрения, что у нас есть определенные обязательства как перед живущими в Палестине евреями и мировым еврейством в целом, так и перед палестинскими арабами». Долг Великобритании заключался в том, чтобы сделать «справедливое предложение» палестинским арабам. Если же они отвергнут это предложение, то «мы должны продолжать осуществлять управление Палестиной, но это управление уже не должно быть связано какими-либо особыми обязательствами перед ними».

План Черчилля состоял в том, чтобы установить предельный потолок ежегодной еврейской иммиграции в Палестину, заморозив его на период в десять лет «на определенном уровне, которое за десятилетний период не изменит баланс населения между арабами и евреями». Одновременно Черчилль указывал на то, что следовало «учитывать большое увеличение арабского населения за время создания и развития еврейского национального очага в Палестине». В соответствии с данными последней переписи прирост арабского населения был «почти столь же велик, как и рост численности евреев».

Черчилль отметил, что выступавший перед ним Арчибальд Синклер, недавно ставший лидером либеральной партии, совершенно справедливо указал, «что этот большой прирост арабского населения напрочь разбивает миф о том, что будто бы приток в Палестину еврейских иммигрантов ведет к изгнанию оттуда арабов. Наоборот, арабы сами во всевозрастающем количестве прибывают в Палестину, будучи привлеченными процессом оживления и развития экономики, который мы инициировали и которого продолжаем добиваться». Цитируя ежегодные отчеты с данными о переписи населения, предоставляемые в Лигу Наций, Черчилль отметил, что за прошедшие пятнадцать лет, в период между 1923 и 1938 годами, прирост арабского населения составил 300000 человек, а еврейского – 315000 человек. «Поэтому мне кажется, – сказал он, – что, имея в виду наши обязательства периода Первой мировой войны, правильным решением было бы установление правила, согласно которому еврейская иммиграция в Палестину не должна быть меньше роста арабского населения, вызванного

главным образом благотворно влияющим на экономику присутствием евреев в Палестине».

Малькольм Макдональд указал, что сами арабы ожидали в следующие 20 лет прирост арабского населения на полтора миллиона человек. «Поэтому очевидно, – отметил Черчилль, – что еврейская иммиграция не стоит на пути роста арабского населения, если она идет в ногу с ростом арабского населения. На самом деле, рост собственно еврейской иммиграции делает самих евреев-сионистов заинтересованными в соответствующем росте арабского населения и в том, чтобы увеличивать занятость среди арабов и повышать их заинтересованность в успешном итоге общего дела».

Черчилль считал, что «мы должны выступить перед арабами с предложением об ограничении еврейской иммиграции в предстоящие десять лет. Мы должны обещать им, что она не будет настолько велика, чтобы серьезно изменить существующий ныне баланс между еврейским и арабским населением». Он был уверен, что это должно было придать арабам чувство уверенности.

План Черчилля по ограничению еврейской иммиграции на предстоящие десять лет был ударом для сионистов, надеявшихся на достаточно высокий уровень иммиграции, чтобы таким путем обеспечить в течение ближайших десяти лет появление еврейского численного большинства в Палестине. Но Черчилль считал, что подобный путь ведет в тупик. «Я считаю, что нельзя ожидать от Палестины, что она сможет принять всех евреев, которые хотели бы уехать из разных стран мира, – сказал он. – Поэтому необходимо ограничить численный уровень иммиграции, согласовав это со всеми заинтересованными сторонами. В этом суть проблемы, вопрос, вокруг которого идет борьба, и я думаю, что численный уровень еврейской иммиграции должен быть согласован на десять лет вперед. Во-первых, надо зафиксировать квоту еврейской иммиграции, во-вторых, надо обеспечить арабам уверенность в том, что в течение десяти лет они не окажутся затопленными океаном еврейских иммигрантов». Такая политика, по расчетам Черчилля, должна была привести к тому, что численность ежегодной еврейской иммиграции должна была быть ограничена цифрой от 30000 до 35000 человек. Это было значительное число, в три раза превышавшее действительные размеры еврейской иммиграции за 1937 год, которая составила лишь чуть больше 10000 человек, и в два раза больше иммиграции за 1938 год, составившей 15000 человек.

Некоторые парламентарии уверяли, что арабы не согласятся и на урезанную иммиграционную квоту в размере 30000–35000

человек в год. «Если арабы откажутся прийти к какому-либо соглашению, – отвечал Черчилль, – то иммиграция тогда вообще не будет ограничена никаким определенным пределом. Мы должны предложить им предел, на который они вправе согласиться. Но если согласия с их стороны не последует, то мы будем для обеспечения своей безопасности полагаться на другие факторы. Однако тогда у нас не будет установлена верхняя планка численного уровня иммиграции».

Черчилль положительно оценил способность евреев защитить себя в Палестине. «Хотя еврейские колонии не защищались правительственными войсками, – отмечал он, – они без труда держались собственными силами и ни на одно из еврейских поселений не было совершено серьезного нападения». «Нужно со всей ясностью сказать арабам, – добавил он, – что если они не примут за разумный период времени нашего справедливого предложения и не прекратят войну против британских властей, то мы должны будем выполнить наш план, не нарушая их прав, но и не имея по отношению к ним особых обязательств».

Через месяц после речи Черчилля, 21 декабря, зависимость британского правительства от доброй воли арабов стала очевидной всем членам кабинета министров, когда на заседании британского правительства в этот день министр авиации сэр Кингсли Вуд сказал своим коллегам, что, по мнению штаба Военно-воздушных сил, «если в ходе следующего кризиса мы окажемся во враждебном арабском окружении на Ближнем Востоке, то мы будем совершенно беззащитны с военной точки зрения». Министр иностранных дел лорд Галифакс на этом же заседании подчеркивал, что предстоящая конференция в Лондоне, в которой должны были участвовать представители британского правительства, сионистов и арабских государств, «должна быть проведена так, чтобы обеспечить дружественное отношение к нам со стороны арабских государств».

Эта конференция, в ходе которой арабские и еврейские лидеры сидели за одним столом, была проведена в Сент-Джеймсском дворце в Лондоне в январе 1938 года. Она не принесла каких-либо конкретных результатов. Участвовавшие в конференции британские политики так и не решились последовать плану Черчилля, советовавшего в случае, если арабы отвергнут предлагавшееся им сокращение еврейской иммиграции и ограничение ее ежегодной квотой, действовать в Палестине уже без согласия арабов и в пользу одних лишь евреев. Подобный план не нашел сочувствия у британских политиков, желавших в первую очередь умиротворить арабов, причем не только в Палестине, но и во всех арабских странах.

Следуя этому курсу на умиротворение арабов, официальные британские власти стали предпринимать меры с целью недопущения въезда в Палестину еврейских беженцев из Германии и Австрии, которые не имели особого «палестинского сертификата» – основного документа, без которого запрещался въезд в страну. С одобрения лорда Галифакса было оказано дипломатическое давление на правительства Греции, Югославии, Турции, Болгарии и Румынии, чтобы они не позволяли не имеющим сертификата «нелегальным» иммигрантам использовать территорию своих стран для транзитного проезда в Палестину.

Черчилль искал способ помочь евреям из Германии и Австрии найти другую возможность добраться до Палестины транзитным маршрутом. Во время отдыха во Франции в январе 1939 года он встретился с албанским дипломатом Чатином Сарачи, членом одной из видных албанских католических семей крупных землевладельцев. Сарачи с симпатией отнесся к идее о том, чтобы Албания приняла еврейских беженцев, и после обсуждения этого вопроса с властями страны написал Черчиллю: «Я получил полномочия вести переговоры». Однако буквально в течение месяца после этого Муссолини направил свои войска в Албанию и ее независимость была уничтожена. В результате эта схема спасения евреев осталась неосуществленной.

Чем больше Черчилль предупреждал об агрессивных намерениях Гитлера в Европе и призывал к ускоренному перевооружению самой Великобритании, тем больше Невилл Чемберлен и весь аппарат консервативной партии старались умалить вес и значение его аргументов. 9 декабря 1938 года в речи перед своими избирателями Черчилль сказал, что четыре года назад он требовал удвоения количества самолетов королевских ВВС и затем еще одного удвоения. Но, по словам самого Черчилля, лорд Самуэль, тогдашний главный сторонник разоружения в либеральной партии, «счел мое мнение столь несуразным, что уподобил меня малайцу, которого обуял амок. Однако было бы хорошо и для него, и для представителей его преследуемой нации, если бы мой совет был все-таки принят. Тогда они не были бы там, где находятся сейчас, и мы не были бы там, где находимся теперь».

Чувства Черчилля были очень горькими. Его уже очень давно держали в стороне от принятия решений. Его предупреждения относительно опасности нацизма были ясны и точны, но их не принимали в расчет. В то время как Чемберлен и его ближайшее окружение не хотели впускать Черчилля в свой круг, все большая

и большая часть британской публики призывала дать ему место в правительстве. Это требование было выражено в феврале и марте 1939 года в журнале «Пикчер пост», в двух номерах подряд призывавшем к возвращению Черчилля в правительство. Статьи были иллюстрированы фотографиями Черчилля в Чартуэлле, его доме, ставшем местом его своеобразного изгнания, где он был запечатлен работающим, кладущим кирпичи, читающим – в ожидании, пока его наконец позовут.

Появление этих статьей было во многим заслугой обладавшего даром предвидения издателя «Пикчер пост» Стефана Лорана, венгерского еврея, который в 1919 году в возрасте восемнадцати лет бежал от пропитанного антисемитской атмосферой режима адмирала Хорти и переехал в Германию, где стал первопроходцем в создании популярных иллюстрированных журналов. В 1933 году нацисты арестовали Лорана и поместили в концентрационный лагерь Дахау, где он томился шесть месяцев, пока вмешательство венгерского правительства не привело к его освобождению. Его книга «Я был пленником Гитлера» стала одним из первых свидетельств о системе концентрационных лагерей на английском языке.

Лоран провел в Чартуэлле целый день с фотографом журнала, беседуя с Черчиллем и собирая необходимый ему материал, чтобы как можно лучше подготовить призыв к возвращению Черчилля в правительство, который он собирался разместить на страницах «Пикчер пост». Два номера «Пикчер пост», последовавших за визитом Лорана в Чартуэлл, обозначили поворотный пункт в общественном восприятии Черчилля как человека, знания и опыт которого не используются. Первая статья, написанная Генри Уикхемом Стидом, бывшим главным редактором «Таймс» и членом Антинацистской лиги, была опубликована 25 февраля 1939 года и озаглавлена так: «Величайший момент в его жизни еще придет?»

Глава четырнадцатая
«Черная книга»: «Этот смертельный удар»

Начало арабских волнений в Палестине относится к апрелю 1936 года, а к весне 1939 года нападения арабов на британские войска и военные объекты стали непрерывными. Согласно статистике британского Министерства обороны, британские войска за трехлетний период убили пять тысяч палестинских арабов. За то же время по крайней мере пятьсот арабов были убиты своими соотечественниками за то, что они призывали к добрым отношениям с евреями и не желали участвовать в акциях протеста против продолжающейся еврейской иммиграции. Черчилль делал все, чтобы довести до сведения широкой общественности данные о размерах и интенсивности этого конфликта и настаивал на необходимости разрешить его, не отказываясь при этом от выполнения обещаний, данных Великобританией евреям.

В поисках средств прекратить арабское насилие внутри Палестины Невилл Чемберлен и его коллеги постепенно уступали растущему давлению со стороны независимых арабских государств вне Палестины, особенно Саудовской Аравии и недавно получивших независимость Египта и Ирака, требовавших полного прекращения еврейской иммиграции. Во время заседания комитета по делам Палестины британского правительства 20 апреля 1939 года Чемберлен утверждал, что для Великобритании было «делом колоссальной важности иметь мусульманский мир на нашей стороне». Чемберлен добавил: «Если мы должны задеть интересы одной из сторон, давайте заденем интересы евреев, а не арабов». В результате появилось принятое в мае 1939 года решение британского правительства, провозглашавшее новый курс, который должен был обеспечивать сохранение в Палестине постоянного арабского количественного большинства, в то время как евреи должны были оставаться меньшинством населения. Эта политика должна была проводиться под руководством министра по делам колоний Малькольма Макдональда. Опубликованная Макдональдом «Белая книга», названная евреями «Черной книгой», устанавливала окончательный предел еврейской иммиграции в количестве 75 000 человек на пять лет.

Главным в этом плане было то, что по окончании пятилетнего периода должно было быть установлено самоуправление

Палестины при сохранении численного меньшинства евреев. С этого момента для дальнейшей еврейской иммиграции требовалось уже одобрение арабов. Арабы таким образом получали на все времена власть препятствовать возникновению еврейского большинства. Система самоуправления в Палестине должна была начать действовать с мая 1944 года. Установленное правительством максимальное число еврейских иммигрантов в 75 000 человек включало до 25 000 чрезвычайных сертификатов на въезд в Палестину. Среднегодовое число иммигрантов в 15 000 человек было вдвое меньше предложенного Черчиллем числа от 30 000 до 35 000 человек в год, которую сам он рассматривал как самый низкий уровень еврейской иммиграции, необходимый, чтобы успокоить арабов. Помимо того что «Белая книга» 1939 года давала в руки арабам на все времена средство препятствовать возникновению еврейского большинства, она еще и закрывала для преследуемых евреев Центральной и Восточной Европы одно из немногих убежищ, остававшихся открытым для них, и исключала возможность возникновения со временем полноценного еврейского государства, способного стать прибежищем для всех без исключения гонимых евреев.

«Белая книга» была опубликована 19 мая 1939 года. Перед ее обсуждением в палате общин Черчилль пригласил Х. Вейцмана на ланч в свою лондонскую квартиру. В своих мемуарах Вейцман вспоминал, как Черчилль «вынул из кармана пачку маленьких карточек и прочитал нам свою речь; затем он спросил меня, могу ли я предложить какие-нибудь поправки. Я отвечал, что архитектура речи столь совершенна, что у меня есть только одна или две поправки, столь незначительные, что не стоит его вообще затруднять».

На второй день дебатов, 23 мая, Черчилль с пафосом и горечью протестовал против того, что он называл «предательством Декларации Бальфура» и «постыдным актом умиротворения». «Мне очень печально наблюдать все это, – сказал он. – Кто-то из собравшихся здесь решил, что бремя сохранения верности данному слову слишком тяжело для него. Кто-то настроен проарабски, а кое-кто – антисемитски. Но лично я не могу заставить себя выбрать ни один из этих мотивов в качестве лазейки, ведь я с самого начала был искренним сторонником Декларации Бальфура и многократно во всеуслышание повторял это».

Являясь «человеком, тесно связанным еще с самой ранней стадией британской политики в отношении Палестины и непосредственно отвечавшим за нее», Черчилль подчеркнул: «Я не могу стоять в стороне и видеть, как торжественные обязательства,

данные Великобританией перед лицом всего мира, отбрасываются по причинам административного удобства или – и это будет напрасной надеждой – ради сохранения спокойной жизни. Я бы почувствовал острое разочарование, если бы остался молчать и бездействовать при виде того, что я могу расценить только как акт отказа от своих обязательств».

Черчилль так прокомментировал предложение о введении после 1944 года фактического права вето арабов на иммиграцию евреев в Палестину: «Теперь произошел прорыв; произошло нарушение обязательств; это – отказ от Декларации Бальфура, это – конец видения, надежды, мечты».

Черчилль был особенно обеспокоен влиянием «Белой книги» на мировое общественное мнение в контексте попыток Великобритании объединить находившиеся под угрозой демократические силы Европы против нацизма и фашизма. «Что скажут наши друзья? – спрашивал он. – Каково будет мнение Соединенных Штатов Америки? Не потеряем ли мы больше – и это вопрос, который следует рассмотреть зрело, – в плане растущей симпатии Соединенных Штатов, нежели выиграем в удобстве управления Палестиной, если выигрыш – это то, чего мы действительно достигнем? Что подумают наши потенциальные враги? Что подумают те, кто возбуждает всех этих арабских агитаторов?»

«Разве не получат дополнительный стимул арабские экстремисты, заметив, что мы готовы отступить? – спрашивал Черчилль. – Не возникнет ли у них искушение сказать: «Они опять уступают. Это второй Мюнхен», и не получат ли они новый импульс для своей агрессии этими неприятными для нас сопоставлениями, которые неизбежно возникнут?»

Далее Черчилль обратился к положению в Европе. В марте 1939 года Гитлер вошел в Прагу как завоеватель. Это был его первый акт агрессии против независимого негерманского государства. Чехословакия, которая уже была расчленена и обессилена в результате Мюнхенского соглашения 1938 года, перестала существовать. В ответ Невилл Чемберлен дал Польше, Румынии и Турции гарантии помощи против внешней агрессии и, во многом поощряемый Черчиллем, вел переговоры с Советским Союзом, чтобы вовлечь его в систему коллективной безопасности.

Рассуждая о поиске союзников в контексте появления новой «Белой книги» по Палестине, Черчилль предупреждал: «Не разрушим ли мы этим самым актом пренебрежительного отношения к нашим собственным прежним обязательствам все то хорошее, что мы достигли, обеспечив гарантии Польше и Румынии, заключив наш замечательный союз с Турцией и ожидая

заключения союза с Россией? Нам следует учитывать все недавние изменения во внешней политике. Не внесет ли новая «Белая книга» свою лепту – а теперь все может внести свою лепту – в создание новой ситуации, которая позволит нашим потенциальным врагам обнаглеть еще больше и предпринять необратимые шаги и слишком поздно понять, что им придется иметь дело не с этим правительством с его усталыми министрами и невнятными целями, а со всей мощью Великобритании и всего, что составляет Великобританию?»

Правительство надеется, указал Черчилль, за счет своего предложения получить пять лет облегчения в Палестине, но, он убежден, в действительности последствия будут «совершенно противоположными». Он был уверен, что «ощущение моральной слабости» властей подмандатной территории «возбудит экстремистские элементы в Палестине до последней степени».

Недовольный появлением «Белой книги» и опасающийся негативного влияния этого документа, с его ярко выраженным стремлением к умиротворению арабов, на общую ситуацию в Европе, Черчилль предупреждал консервативную партию: «От политики, которая, как вам кажется, принесет облегчение и успокоение, вы сами будете вынуждены позже отказаться, и это потребует только больших усилий и больших страданий».

«Свою речь я заканчиваю, – сказал Черчилль, – снова возвращаясь к земле Палестины». В этой связи он направил свою критику прежде всего на министра по делам колоний М. Макдональда и затем на Н. Чемберлена. «Вчера ответственный министр правительства М. Макдональд в красочных выражениях описывал громадную работу, проделанную еврейскими колонистами. Они сделали пустыню цветущей. Они создали ряд процветающих промышленных предприятий», сказал он. «Они основали большой город на пустынном побережье. Они обуздали воды Иордана и снабдили электричеством всю страну». Черчилль гневно заявил палате: «И отнюдь никем не преследуемые арабы заполонили всю Палестину, и их численность там в результате стала больше, чем число евреев, которых смогло собрать там все мировое еврейство. Теперь нас просят остановить и прекратить все это. Теперь нас просят поддаться – и это больше всего меня раздражает – воздействию агитации, которая ведется на иностранные деньги и безостановочно разжигается нацистской и фашистской пропагандой».

Черчилль ясно сознавал, насколько сильно германское и итальянское радио разжигает антиеврейские и антибританские чувства в Палестине. Под конец он обратился к критике Чемберлена. Двадцатью годами раньше, указал он, сам

Чемберлен произнес «эти волнующие слова», которые Черчилль затем процитировал: «Великая ответственность лежит на сионистах, которые с радостью в сердцах продолжают трудиться на древней земле своего народа. Им предстоит создать новое благосостояние и построить новую цивилизацию в Палестине, в течение столь длительного времени заброшенной и не используемой». Так говорил Чемберлен евреям во времена Декларации Бальфура. И вот они откликнулись на призыв. Они исполнили его надежды. Как же он нашел место в своем сердце, чтобы нанести им этот смертельный удар?»

Речь Черчилля, опубликованная в газетах по всей Великобритании и перепечатанная в англоязычной «Палестайн пост», дала сионистам новую надежду. «Ваша великолепная речь способна разрушить эту политику правительства, – телеграфировал ему доктор Вейцман в этот день. – У меня нет слов, чтобы выразить вам свою благодарность». Натан Ласки писал Черчиллю из Манчестера: «Позвольте поздравить вас с великой речью государственного значения, произнесенной вчера по вопросу о Палестине. Я думаю, не будет преувеличением сказать, что вас благословят за это миллионы евреев во всем мире». Эта речь произвела на сионистских лидеров такое впечатление, что впоследствии Британская ассоциация за создание национального еврейского очага в Палестине напечатала ее отдельной брошюрой. И три года спустя, во время Второй мировой войны, когда у Черчилля возник конфликт с коллегами по кабинету по вопросу о будущем Палестины, он распространил эту речь как правительственный документ.

Но «Белая книга» 1939 года не была ни отозвана, ни изменена в результате речи Черчилля. Правительство опиралось на самое значительное большинство в парламенте за всю политическую историю Великобритании и в ходе голосования 268 депутатов высказались в поддержку политики правительства, и лишь 179 против. Никакие аргументы не могли изменить этих закостенелых позиций. 30 июля Чемберлен так комментировал преследования евреев в Германии в письме к одной из своих сестер: «Я думаю, преследование евреев вызвано двумя причинами: желанием отнять у евреев их собственность и ревностью к их превосходящему интеллекту». Далее он продолжал: «Без сомнения, евреи не очень приятный народ; я сам не слишком переживаю о них; но этого недостаточно, чтобы оправдать погром». При таком отношении к евреям на высшем правительственном уровне огромным несчастьем для них было то, что Черчилль, их самый красноречивый защитник, был лишен политических постов.

8 августа в радиопередаче на Соединенные Штаты Черчилль говорил своим американским слушателям о «молчании», которое распространилось по всей Европе. «Это напряженное молчание, а во многих странах это молчание страха, – сказал он. – В этом молчании можно слышать топот армий, армий Германии и Италии. В конце концов, диктаторы должны тренировать своих солдат». И он с сарказмом добавил: «Они едва ли могут воздержаться от этого хотя бы из обычного благоразумия в тот опасный период, когда датчане, голландцы, швейцарцы, албанцы – и, конечно, евреи – могут внезапно напасть на них в любой момент и отобрать у них жизненное пространство».

Гитлер давно требовал «жизненного пространства» для немецкого народа: это было одним из его наиболее резких требований. Это требование было продиктовано национальным эгоизмом Германии, которая пеклась только о собственных интересах, и прямо угрожало соседним странам. В поисках жизненного пространства и возможностей для дальнейшего распространения нацистской власти и террора 23 августа 1939 года Германия подписала пакт о ненападении с Советским Союзом, согласно которому две страны решили поделить между собой Польшу. 1 сентября 1939 года Германия вторглась в Польшу. Вторая мировая война началась.

Глава пятнадцатая
Первые девять месяцев войны

3 сентября 1939 года, через два дня после германского вторжения в Польшу, Великобритания и Франция объявили войну Германии. В этот день Невилл Чемберлен после десятилетнего перерыва вернул Черчилля в правительство, назначив его первым лордом адмиралтейства, на тот самый пост, который он занимал с начала Первой мировой войны в 1914 году. 19 сентября Х. Вейцман обедал с ним в его официальной резиденции в адмиралтействе. Присутствовал также Брендан Бракен, один из консерваторов-бунтовщиков, голосовавших против «Белой книги» по Палестине за четыре месяца до этого. В находящихся в архивах Еврейского агентства материалах об этой встрече сохранилось упоминание о предложении Черчилля, чтобы Вейцман «подготовил список необходимых условий» в связи с возможным участием палестинских евреев в военных усилиях Великобритании и проконсультировался по этому поводу с Бренданом Бракеном. Черчилль сказал, что он «хотел бы увидеть, что из этого получится».

Во время их разговора Вейцман описал Черчиллю «дух палестинских евреев», указав, что 75000 молодых еврейских мужчин и женщин зарегистрировались для национальной военной службы, чтобы сражаться в составе британских вооруженных сил там, где это может понадобиться. Черчилль спросил, вооружены ли они, и, получив отрицательный ответ, сказал, что «он должен вооружить их». Если евреи будут вооружены, сказал Черчилль, то можно будет вывести британские войска из Палестины.

Когда Черчилль сказал, что «вероятно, им не понадобится самое лучшее вооружение», Вейцман ответил, что самое важное – это «подготовить кадры и создать военную организацию». Черчилль попросил, чтобы Бракен и Вейцман «подготовили что-нибудь определенное». Он добавил, что верит, что, если евреи будут вооружены, то «арабы придут к соглашению с ними». Это были ободряющие слова, сказанные с искренними намерениями, но Черчилль не смог убедить кабинет последовать этому плану.

К раздражению своих коллег по кабинету, Черчилль продолжал критиковать «Белую книгу» и выступать в правительстве против введения драконовских ограничений на покупку земли евреями. Эти ограничения, в отличие от

ограничений на иммиграцию, еще подлежали окончательному утверждению. 15 декабря Черчилль писал Малькольму Макдональду: «Я был бы обязан вам, если бы вы проинформировали меня, будет ли обсуждаться в кабинете, и если да, то когда, новое установление по земельному вопросу в Палестине, а также будет ли оно обсуждаться в кабинете перед введением его в действие». Он отмечал: «Оно может стать причиной больших трений в отношениях с евреями и с доктором Вейцманом и вызвать политические споры в палате общин. В связи с тем, что прежде я был тесно связан с палестинской проблемой, я не могу позволить, чтобы это решение было принято без обсуждения».

Черчилль снова увиделся с Вейцманом 17 декабря. «Мистер Черчилль был очень доброжелательно настроен, – отмечалось в отчете Еврейского агентства, – и интересовался деталями предстоящей поездки Вейцмана в Америку. Вейцман поблагодарил Черчилля за его возрастающий интерес к проблемам сионистов, сказав ему: «Вы стояли у колыбели этого предприятия; я надеюсь, вы увидите его результат». Когда Черчилль спросил, что он понимает под «результатом», Вейцман ответил, что после войны сионисты хотели бы «получить государство в Палестине с тремя или четырьмя миллионами евреев». На что Черчилль ответил: «Да, я с этим совершенно согласен».

Предлагаемые «Правила передачи земель» запрещали дальнейшее приобретение земли евреями на всей территории, известной теперь как Западный берег, так же как и в большей части нынешней Галилеи. Всего речь шла о запрете на приобретение более четырех миллионов акров территории подмандатной Палестины. Хотя евреям должно было быть позволено покупать землю вдоль большей части средиземноморского побережья и в пригородах Хайфы, покупки евреями земли были строго ограничены в непосредственной близости к Иерусалиму – городу с еврейским большинством – и в Изреельской долине, где уже было более двадцати еврейских сельскохозяйственных поселений. Евреям также запрещалось расширять свои земельные участки и приобретать новые в трех других районах существующего еврейского заселения: в Иерусалимском коридоре, землях вокруг Беэр-Шевы и в районе к северу от Акры.

В меморандуме, представленном им военному кабинету на Рождество 1939 года, Черчилль резко критиковал телеграмму британскому послу в Соединенных Штатах лорду Лотиану,

предложенную Форин офис для утверждения в правительстве. В телеграмме подтверждалась «Белая книга» по Палестине 1939 года и ограничения на еврейскую иммиграцию. Черчилль, менее восьми месяцев назад являвшийся главным критиком этих ограничений в парламенте, сейчас был настроен еще более критически. «Тенденции в развитии американского общественного мнения с момента начала войны, – предупреждал он, – были разочаровывающими для нас, и мы видели, как движение за строгий нейтралитет США набирало неожиданную силу. Поскольку все внимание американцев обращено на предстоящие в будущем году президентские выборы, должны ли мы в этой ситуации фактически направить против нас то, что сам лорд Лотиан называет «сильнейшим фактором», – влияние американских евреев? Можем ли мы это себе позволить?»

Далее Черчилль напомнил коллегам по кабинету, что «отнюдь не из легковесных и не из сентиментальных соображений лорд Бальфур и британское правительство в 1917 году дали обещание поддержать формирование еврейского национального очага в Палестине, ставшее ныне предметом дискуссий. Влияние американского еврейства считалось тогда фактором высочайшей важности, и мы не считали, что наши позиции достаточно прочны, чтобы мы могли отнестись к нему с безразличием. Всего лишь за год до президентских выборов, в момент, когда будущее полно огромной неопределенности, я считал бы еще более необходимым, чем это было в ноябре 1917 года, расположить к себе американское еврейство и заручиться его помощью в борьбе против изоляционистов и антибританских тенденций в Соединенных Штатах».

«Мне бы очень не хотелось, – писал Черчилль, – возобновлять предвоенные диспуты, но меня шокировал бескомпромиссный тон телеграммы, предназначенной лорду Лотиану. Следует помнить, что «Белая книга» вызвала острейшие разногласия в палате общин. Лейбористская и либеральная оппозиция расценили ее как измену данному ранее слову. Мистер Ллойд-Джордж и я, обеспокоенные некорректной интерпретацией первоначальных обязательств, были вынуждены засвидетельствовать, что это действительно так. И либеральная и лейбористская партии голосовали против «Белой книги», и часть консерваторов, в том числе и я, присоединились к ним. Представитель лейбористской партии объявил, что, если они придут к власти, то они не будут связаны «Белой книгой» как основой политики. Впоследствии комиссия Лиги Наций по мандатам выступила против «Белой книги» в связи с тем, что она фактически противоречит условиями британского мандата. Едва ли можно найти какой-то

другой вопрос, по которому мнения в Великобритании разделены в большей степени, чем этот, мешающий сплочению нашего общества в условиях начавшейся войны. Если мы станем проявлять излишнюю приверженность к тем взглядам, которые сформировались у нашего кабинета министров до начала войны, то подобная политика может сильно помешать нашим нынешним военным усилиям».

«Казалось бы, – указывал Черчилль, – в связи с тем, что угроза военного столкновения усугубляется, мы должны были бы еще в большей мере стараться заполучить поддержку либеральной и лейбористской партий, чтобы эффективно использовать все силы нашей нации». «В этой связи очевидно, что эти партии будут рассматривать данную «Белую книгу» как серьезное препятствие на пути к возможному сотрудничеству, – отмечал он. – Более того, мне кажется неправдоподобным, что какое-нибудь будущее британское правительство, которое придет к власти в следующие пять лет, поддержит содержащееся положение «Белой книги» о полном прекращении иммиграции евреев в Палестину по завершении этого периода, если только арабское большинство не согласится снова начать пускать их в Палестину. Было бы ошибкой отправлять лорду Лотиану телеграмму, в которой говорится о заключающихся в «Белой книге» положениях как об окончательных, не подлежащих никаким изменениям принципах национально-государственного устройства Палестины».

Черчилль рассказал своим коллегам по военному кабинету, ранее единогласно поддержавшим решение об ограничении еврейской иммиграции в Палестину, о своей встрече с Х. Вейцманом, который беседовал с ним перед своим отъездом в Нью-Йорк. «Я уверен, – заявил Черчилль, – что все его желание состоит в том, чтобы привлечь общественное мнение Соединенных Штатов, насколько это только возможно, на нашу сторону. Но выбранный нашим правительством путь, обозначенный в телеграмме нашему послу в Вашингтоне, может сделать эту задачу невыполнимой, и тогда Вейцман столкнется с негодованием американского еврейства. Гнев американских евреев может стать открытым и публичным, и тогда он с готовностью будет эксплуатироваться недружественными к нам элементами в Соединенных Штатах. Это может нанести нам большой ущерб в США, а когда влияние этого протеста достигнет нашей страны, то британское правительство столкнется с дебатами в палате общин, которые будут не только неприятными, но и опасными и разрушительными для наших общих интересов».

По мнению Черчилля, следовало указать лорду Лотиану, что

«Белая книга» отражала искреннее желание предвоенного кабинета удерживать в равновесии баланс между евреями и арабами в Палестине и выполнить благодаря этому все ранее данные обещания и обязательства. Поскольку же по этому поводу в палате общин существовали общеизвестные большие разногласия, то намерение правительства состояло в том, чтобы во время войны как можно сильнее уменьшить все внутренние противоречия. «Полагаю, что правительство Его Величества пока еще не готово по-новому взглянуть на политику, провозглашенную предыдущим кабинетом, – заявил Черчилль. – Но, учитывая позицию Комиссии по мандатам Лиги Наций, следует сказать, что будущее Палестины – это один из вопросов, который должен найти свое решение в рамках общего мирного урегулирования по окончании войны. Пока же британскому правительству не следует делать ничего, что предопределило бы окончательную форму такого решения».

Это стало постоянной темой выступлений Черчилля в течение всего периода Второй мировой войны – он призывал отказаться от каких-либо ограничений еврейской иммиграции и исходить из того, что будущее Палестины должно быть определено в ходе международной мирной конференции, которую следует провести после окончания войны. «Не следует лишь утверждать, что в нашем постоянно меняющемся мире, когда жизнь каждой европейской нации и Британской империи висит на волоске, – обращался Черчилль к своим коллегам, – единственный незыблемый факт заключается в том, что через пять лет еврейская иммиграция в Палестину должна прекратиться в соответствии с нашей “Белой книгой”».

Выражая «крайнее удивление» продолжающимся интенсивным противодействием еврейской иммиграции со стороны своих коллег по военному кабинету и чиновников Форин офис, Черчилль закончил свой меморандум так: «В эти дни многих людей призывают жертвовать, и жертвовать не только своим мнением, дабы спасти страну, и я осмелюсь потребовать – потребовать ради наших моряков и солдат и ради всех наших надежд на победу, чтобы мы не создавали ни малейших препятствий, усложняющих нашу задачу». Однако членов кабинета не тронул подобный эмоциональный призыв Черчилля.

Не желая доводить до Черчилля информацию о том, что определенному числу евреев удавалось нелегально просачиваться в Палестину морским путем, занимавшиеся этим вопросом чиновники решили не информировать его и о том, что корабли ВМФ Великобритании, за которые он отвечал как первый лорд адмиралтейства, использовались для пресечения нелегальной

транспортировки еврейских беженцев в Палестину. Узнав об этом в начале 1940 года, он был разгневан. 4 января 1940 года он писал Макдональду: «Я был несколько удивлен, узнав, что телеграмма по поводу пресечения нелегальной транспортировки еврейских беженцев в Палестину была отправлена без того, чтобы ее показали мне. Отданные подобным образом приказы не должны исполняться».

12 февраля 1940 года проблема Палестины была заслушана на заседании британского военного кабинета. Перед началом окончательного обсуждения «Правил передачи земель в Палестине» Черчилль сказал своим коллегам, что он «весьма сожалеет, что политический курс в отношении Палестины вырабатывается, исходя из интересов лишь одной из двух сторон, в то время как согласно условиям полученного нами мандата мы обязаны уделять равное внимание благополучию обеих сторон». Он напомнил, что предлагаемые ограничения на передачу земель, установленные британской «Белой книгой», были отвергнуты большинством Комиссии по мандатам Лиги Наций в Женеве. По его мнению, «это близорукая политика, результатом которой будет остановка сельскохозяйственного прогресса в Палестине».

Снова подчеркнув, как он это уже делал несколько раз в палате общин, что еврейские поселенцы добились «колоссального прогресса за последние годы», в то время как не предвидится, что «арабы когда-либо изменят свои примитивные способы обработки земли», Черчилль сообщил своим коллегам по кабинету о «поразительном факте – наибольший рост арабского населения отмечен в тех районах, где земля была приобретена евреями. Политика ограничения продажи земли почти несомненно приведет к падению ценности земли, от которого в равной степени пострадают и арабы и евреи». Кроме того, спрашивал он, «в чем причина срочности принятия таких шагов? Ведь наши действия неизбежно вызовут шумный протест среди американского еврейства».

Министр обороны Оливер Стэнли смотрел на эту проблему с другого угла. «Анализируя проблему с экономической точки зрения, – сказал он, – приходишь к выводу, что, может быть, будет хорошо для жителей Палестины, причем как для евреев, так и для арабов, если будут предприняты шаги по снижению темпа интенсивности обработки земли. Ведь имеется значительная опасность перепроизводства там цитрусовых». Макдональд, министр по делам колоний, сказал, что он и его советники «склонны поддержать предложение о введении ограничений на передачу земель евреям», хотя, с другой стороны, «нельзя удержаться от восхищения работой, проделанной евреями для

оживления мертвого пейзажа Палестины». Одновременно он напомнил, что в течение уже достаточно длительного времени британская государственная политика заключалась в том, чтобы научить палестинских арабов модернизировать свои методы ведения сельского хозяйства, и эта политика может быть продолжена с одновременным оказанием им финансовой помощи.

Черчилль парировал это утверждение, заявив, что «лично он относит на счет государственной поддержки лишь очень малую долю заслуг в огромном прогрессе в деле сельского хозяйства, произошедшем в Палестине. В широком смысле все это результат частных усилий евреев. Если действия правительства Палестины и сыграли какую-то роль в развитии сельского хозяйства, то это было сделано на еврейские деньги, вытянутые из поселенцев через налоги». Не произвели на Черчилля впечатления и попытки «оправдать прекращение великого сельскохозяйственного эксперимента в Палестине. Политическое обоснование этого заключалось на самом деле в предположении, что мы не сможем выиграть войну без поддержки арабов». Черчилль сказал, что сам он ни в малейшей мере «не признает справедливость этого тезиса».

Затем Черчилль сказал своим коллегам, что, поскольку «в его позиции нет двусмысленности и его взгляды записаны в протоколах заседания военного кабинета, он не будет далее настаивать на своих возражениях предложениям министра по делам колоний по земельному вопросу».

Обратившись к вопросу о вооружении евреев, Черчилль сказал, что «следует рассмотреть вопрос о том, чтобы евреи в Палестине могли обладать оружием и быть способными защитить себя. Они остаются для нас единственными достойными доверия друзьями в этой стране и их можно в большей степени держать под контролем, нежели рассеянное арабское население». Черчилль полагал, что «логичной политикой Великобритании в связи с началом войны могла бы стать организация сильных еврейских вооруженных сил в Палестине. Благодаря этому мы могли бы использовать в каких-то других местах большие и обходящиеся нам довольно дорого подразделения британской кавалерии, которые сейчас предполагается направить в Палестину на замену одиннадцати пехотных батальонов, до сих пор расквартированных там».

«Совершенно экстраординарным является то обстоятельство, – заявил Черчилль, – что теперь, когда война, возможно, вступает в самую опасную фазу, мы вынуждены содержать в Палестине гарнизон численностью в одну четверть

нашего гарнизона в Индии – и все это с целью насильственного проведения политики, не пользующейся популярностью ни в Палестине, ни в Великобритании».

Черчилль снова повторил в ходе заседания военного кабинета Великобритании слова о необходимости использовать еврейские и арабские военные подразделения для того, «чтобы получить возможность использовать в других местах большую часть регулярных армейских батальонов, ныне размещенных там из соображений внутренней безопасности». Уравновешивая арабов евреями и наоборот в рамках формируемых в Палестине местных воинских частей, сказал Черчилль, «мы не только сможем дать выход склонности к риску, свойственной характеру обоих народов, но и добьемся еще и того, что каждая община сможет следить за другой». Несмотря на эти аргументы, военный кабинет не согласился ни вооружить евреев в Палестине, ни создать объединенные еврейско-арабские отряды. Попытки Черчилля противодействовать ограничениям на покупку евреями земли в Палестине также оказались безуспешными. Не повлияла на ситуацию и передача им 24 февраля на рассмотрение военного кабинета адресованной Черчиллю телеграммы Вейцмана, описывавшей «прискорбные» результаты вводимых ограничений, которые отражались не только на евреях, но и на арабском населении.

«Правила передачи земель» были введены в действие 28 февраля. «Влияние этих ограничений, – сказал Давид Бен-Гурион, председатель Исполнительного комитета Еврейского агентства, – таково, что ни один еврей не может приобрести в Палестине ни клочка земли, ни здания, ни дерева, кроме как в городах или на очень небольшой части территории». По словам Бен-Гуриона, эти правила «не только нарушали условия британского мандата, но и полностью свели на нет его главную задачу».

В течение первой недели мая 1940 года в британском парламенте непрерывно усиливалась острая критика поведения и действий премьер-министра Чемберлена во время войны. В политических дискуссиях стал доминировать вопрос о том, кто станет его преемником. С учетом этого 8 мая сэр Самуэль Хор, министр авиации и один из ведущих деятелей консервативной партии, распространил список «ошибок Уинстона» – список политических промахов, делавших Черчилля неподходящим кандидатом на пост преемника Чемберлена. В качестве одного из этих просчетов фигурировало следующее: «гвалт по земельному вопросу в Палестине, поднятый и в интересах сионистов».

К счастью для Великобритании и для евреев в Палестине, отношение к сионизму не определяло пригодность или

непригодность кандидата на пост премьер-министра британского правительства. Когда 10 мая 1940 года германские войска нанесли одновременный удар по Голландии, Бельгии, Люксембургу и Франции, Чемберлен согласился подать в отставку. Находившийся в Тель-Авиве молодой палестинский еврей Бен Гейл вспоминал, как «проводившаяся в тот вечер лекция была прервана для того, чтобы преподаватель мог прочитать записку, переданную с посыльным. Записка гласила: «Чемберлен отступил. Теперь Уинстон Черчилль стал премьер-министром». В большом зале все встали и горячо приветствовали сообщение. С Черчиллем у руля появлялась надежда и для евреев Палестины».

В представительстве Еврейского агентства в Лондоне профессор истории Льюис Намьер, с которым Черчилль восемь лет назад консультировался по поводу биографии герцога Мальборо, собирал разнообразные отклики евреев, воодушевленных новым возвышением Черчилля.

Глава шестнадцатая
Премьер-министр: проблема Палестины

С первых дней премьерства Черчилля в связи с растущим страхом перед возможным германским вторжением в Великобританию стало все громче звучать требование о том, чтобы все одиннадцать батальонов британских войск в Палестине и обеспечивающие их войска – всего около двадцати тысяч солдат – были возвращены обратно в Великобританию. Это сделало бы евреев уязвимыми перед лицом арабских нападений. Черчилль, несший двойную ответственность как премьер-министр и министр обороны, предложил в этой связи вооружить евреев в целях самозащиты, но 13 мая его главный личный секретарь Эрик Сил сообщил ему, что министр по делам колоний лорд Ллойд выдвинул «сильные возражения», поскольку боялся «наихудшей возможной реакции арабского мира».

Лорд Ллойд был далеко не единственным британским политиком, находившимся в страхе перед тем, что «арабский мир» повернется против Великобритании, если заметит какую-либо поддержку, оказываемую палестинским евреям, будь это даже вооружение их для самообороны. Эрик Сил был согласен с Ллойдом и написал Черчиллю: «Должен признаться, что я испытываю сильную склонность поддержать его мнение относительно перспектив вооружения евреев».

Черчилля все это не убедило. «Как можно убрать из Палестины все войска, одновременно оставив евреев безоружными – и разоруженными нами?» – писал он Силу. Затем он попытался объяснить Ллойду, что именно он имеет в виду. «Я не хочу посылать еврейские войска служить за пределами Палестины, – писал он. – Наша главная и практически единственная цель в Палестине в настоящее время заключается в том, чтобы высвободить одиннадцать батальонов отличных регулярных войск, находящихся там. С этой целью евреи должны быть как можно скорее вооружены и соответствующим образом организованы для того, чтобы образовать силы самозащиты Палестины. Мы всегда сможем удержать их от нападения на арабов с помощью наших морских сил, способных отрезать их от внешнего мира, и повлиять на них другими способами. С другой стороны, мы не вправе оставить их безоружными, когда наши войска уйдут, а они должны уйти как можно скорее».

Черчилль поговорил с Ллойдом и, убедившись, что тот исключительно энергично противится вооружению евреев, настоял, чтобы он специально встретился с Вейцманом и поговорил с ним на тему «о защите еврейских поселений» и попытался «согласовать с ним позиции». Черчилль добавил: «Вам известно, что я думаю о «Белой книге». Американские евреи также выразили свое мнение о ней, и это мнение является негативным».

В разгар своих дискуссий с Ллойдом Черчилль получил телеграмму от лорда Лотиана, британского посла в США, где говорилось, что евреи в Соединенных Штатах «хотят, чтобы палестинские евреи были организованы в вооруженные отряды под британским командованием и могли защитить Палестину от внешних атак и этим помочь союзникам. Если Палестина подвергнется нападению и евреи не смогут защитить свою страну, это вызовет прискорбную реакцию американского еврейства».

Телеграмма посла Лотиана дала Черчиллю дополнительное оружие в дискуссиях с лордом Ллойдом. «Это вопрос, которому я придаю большое значение, – писал он Ллойду 25 июня. – Следует отметить, что жестокие наказания, которые были наложены вашим предшественником на евреев в Палестине за их попытки объединиться в отряды самообороны и научиться обращению с оружием, привели к тому, что нам приходится держать в Палестине совершенно ненужное количество войск для защиты еврейского населения. Настоятельно прошу сообщить мне, какими именно оружием и организацией обладают сейчас евреи для самозащиты».

Этими «жестокими наказаниями» были десятилетние сроки тюремного заключения, наложенные Малькольмом Макдональдом на сорока двух евреев, схваченных в момент обучения владению оружием. Сорок третий был приговорен к пожизненному заключению. Но когда 27 июня Черчилль повторно заявил кабинету, что хотел бы вооружить евреев в Палестине, Ллойд резко выступил против этого. У Черчилля же не было полномочий действовать вопреки воле министра. Все, что он смог сделать, это написать на следующий день специальный меморандум, в котором выразил свое несогласие с тем, что двадцать тысяч «остро необходимых на фронте» британских и австралийских солдат «вынуждены оставаться в Палестине». «Это цена, которую мы должны платить за антиеврейскую политику, настойчиво проводившуюся в течение нескольких лет. Если дела в Египте пойдут плохо, все эти войска все равно придется отвести, – указывал Черчилль. – Тогда еврейские колонисты окажутся в серьезнейшей опасности. Мне кажется скандальным то

положение, при котором Англия ведет войну за выживание, но одновременно весьма крупные воинские силы не используются для ее обороны лишь потому, что этого хочет какая-то часть партии консерваторов».

Осенью 1940 года в Лондоне находился председатель Исполнительного комитета Еврейского агентства Давид Бен-Гурион, прибывший в Великобританию из Палестины за десять дней до того, как Черчилль стал премьер-министром. На Бен-Гуриона произвезло огромное впечатление то, как руководил правительством и страной Черчилль. 7 июня, после эвакуации британских экспедиционных войск из Дюнкерка, он написал своей жене о речи Черчилля, которую тот произнес по радио после эвакуации: «Я знаю, что нельзя сражаться с Гитлером с помощью речей. Без самолетов, танков, бомб и орудий мы не сможем сокрушить «Механического Аттилу». Но речь Черчилля была несомненно ясным и твердым подтверждением упорного желания английского народа выстоять и сражаться до конца».

Выражение «Механический Аттила» было изобретено бывшим премьер-министром Франции, евреем Леоном Блюмом, с которым Черчилль встречался перед самой войной и который произвел на Черчилля очень большое впечатление.

Бен-Гурион понимал природу того воздействия, которое оказывало на слушателей ораторское искусство Черчилля, и писал жене в том же самом письме: «Черчилль не пытается внушить бодрость какими-то фальшивыми словами утешения. Он не утаивает серьезности удара, полученного союзниками во Фландрии. Он прямо говорит своим соотечественникам: «Наша благодарность за спасение нашей армии не может заслонить того факта, что происшедшее во Франции и Бельгии есть колоссальная военная катастрофа». Только великий человек, уверенный в своей силе, может позволить себе сказать столь горькие слова перед лицом всей нации. И именно это храброе заявление придало значение и важность тому, что он сказал немедленно вслед за этим – что Англия будет сражаться до победы, будет сражаться целые годы, будет сражаться даже в одиночку – если только это понадобится! Слова, которыми он закончил свою речь, будут звучать в последующие годы в ушах всего мира».

Затем Бен-Гурион процитировал слова, ставшие одним из самых запомнившихся военных призывов Черчилля, – слова о том, что Британская империя и Французская республика, «связанные общим делом и общими нуждами, будут до самой смерти защищать родную землю, помогая друг другу как добрые товарищи до предела своих сил. Мы будем сражаться на морях и

океанах, мы будем сражаться в воздухе, мы будем защищать наш остров, какова бы ни была цена этого, мы будем сражаться на побережье, мы будем сражаться на аэродромах, мы будем сражаться на полях и на улицах, мы будем сражаться в горах, мы никогда не сдадимся, и даже если, во что я ни на минуту не верю, этот остров или его большая часть будет захвачен и будет голодать, тогда вся наша Империя за морями, вооруженная и охраняемая британским флотом, продолжит борьбу, пока в срок, назначенный Всевышним, Новый Свет со всей своей силой и мощью не выступит на спасение и освобождение Старого».

Эти слова, сказал Бен-Гурион своей жене, не просто лозунг. «Это дух сражающейся Англии и это гарантия наступления лучших дней – пусть и не скоро», – писал он.

8 августа Бен-Гурион снова написал своей жене: «И как велик этот народ, нашедший в этот ужасный час нужного лидера, нашедший его в самый необходимый момент. Теперь можно сказать, что, если Англия – и с ней все человечество – переживет этот нацистский кошмар, то это случится лишь благодаря власти демократии и свободы, глубоко пустивших корни в Англии. Трудно описать, насколько изменилась Англия. С того момента, как Черчилль сменил Чемберлена, результатом этой замены стала спокойная уверенная храбрость, поселившаяся в сердце каждого англичанина».

Память о лидерстве Черчилля в 1940 году восемь лет спустя вдохновила самого Бен-Гуриона, когда он точно так же повел за собой нацию в тот момент, когда многие и внутри нее, и вовне считали, что она на грани гибели. В письме Черчиллю через шестнадцать лет после окончания войны Бен-Гурион написал: «Находясь в Лондоне с начала мая до сентября 1940 года, я слышал ваши исторические речи, в которых вы выражали железную решимость вашего народа и себя самого сражаться до конца против нацистского врага. Я видел тогда в вас не только символ вашего народа и его величия, но и голос непобедимой и бескомпромиссной совести человечества, прозвучавший во время величайшей опасности для достоинства человека, созданного по образу и подобию Божьему. Вы спасли не только свободу, но и честь своего собственного народа».

30 августа, в ходе одной из своих наиболее впечатляющих речей военного времени, Черчилль провозгласил, что с момента, когда «из Германии были изгнаны евреи», в результате чего «снизился научный и технический уровень развития» этой страны, «наша наука определенно находится впереди их науки». Черчилль знал о ценном вкладе, сделанном в развитие науки и техники, в дело обороны Великобритании евреями, бежавшими из Германии.

Часть из них прибыли в Великобританию из Германии в результате его встречи и разговора с А. Эйнштейном весной 1933 года. Черчилль высоко оценивал вклад евреев в военные усилия Великобритании в момент наивысшей опасности для страны. В сентябре пятнадцать батальонов палестинских евреев, почти 20000 человек – все из них добровольцы, влились в британскую армию и были отправлены в Египет для защиты страны от германского и итальянского нападения.

С началом войны в сентябре 1939 года в Великобритании были арестованы и интернированы десятки тысяч «враждебных иностранцев». Некоторые из них являлись германскими нацистами, проживавшими тогда в Великобритании, другие же были просто германскими гражданами, оказавшимися в Великобритании в момент объявления войны, в число которых входили много германских и австрийских евреев, в том числе и сотрудничавший с Черчиллем перед войной Эуген Шпир – беженец из Германии, который, спасаясь от нацизма, нашел убежище в Великобритании. Эти меры были обусловлены страхом перед возможной высадкой немецкого парашютного десанта и перед пятой колонной, способной поддержать вторжение немцев за линией фронта, который и выразился в требовании немедленной изоляции всех «враждебных иностранцев». В начале августа, когда угроза высадки парашютного десанта заметно снизилась, Черчилль предложил военному кабинету, учитывая то, что положение Великобритании стало «значительно безопаснее, чем в мае», «занять несколько менее жесткую позицию по отношению к иностранцам». На следующий день он санкционировал освобождение значительного числа интернированных, объяснив 2 августа председателю Совета по иностранным гражданам, что «мы можем пойти на это, поскольку теперь мы гораздо тверже стоим на ногах».

Черчилль поощрял желание иностранных граждан вступать в британскую армию. Многие иностранцы сражались на различных фронтах и добровольно действовали за линией фронта, где их свободное владение немецким языком служило им одновременно и защитой, и инструментом, позволявшим добывать ценную разведывательную информацию.

15 сентября эскадрилья итальянских военных самолетов осуществила бомбардировку Тель-Авива. Погибли пятеро военных: четверо британцев и один австралийский солдат. Были убиты девяносто пять евреев, все – гражданские лица, пятьдесят восемь из которых были детьми. Как только Черчиллю сообщили об этом воздушном рейде, он телеграфировал мэру Тель-Авива, города, который он посетил за двадцать лет до этого: «Примите

мое глубокое сочувствие в связи с потерями, понесенными Тель-Авивом в ходе воздушного нападения. Этот акт бессмысленной жестокости только усилит нашу общую решимость».

20 ноября 1940 года Черчилль получил от Еврейского агентства данные о положении евреев, считавшихся «нелегальными иммигрантами» и депортированных британскими властями в Палестине на остров Маврикий – британскую колонию в Индийском океане, где их содержали в строгой изоляции. Он предпринял немедленные шаги, чтобы сделать условия их заключения менее тяжкими, написав в тот же день министру по делам колоний лорду Ллойду: «Я никогда не предполагал, что доставленные на Маврикий еврейские беженцы заключены там в лагерь, окруженный колючей проволокой и часовыми. Очень маловероятно, что среди этих беженцев находятся вражеские агенты, и я полагаю, что наиболее эффективный надзор за поведением интернированных беженцев смогут осуществлять сами еврейские уполномоченные, как вам подтвердит доктор Вейцман».

Черчилль добавил, что мера в виде депортации нелегальных иммигрантов на остров Маврикий, введенная по требованию лорда Ллойда, должна отныне распространяться лишь на тех нелегальных иммигрантов, которые будут прибывать в Палестину в будущем. Тем же, которые уже находятся в Палестине, «после тщательной проверки следует разрешить остаться». 22 ноября Черчилль снова написал Ллойду: «Поскольку мероприятия по пресечению нелегальной иммиграции евреев в Палестину уже объявлены, они должны выполняться. Однако условия пребывания беженцев на Маврикии не должны включать заключение этих людей в клетку до окончания войны. Кабинет будет требовать соблюдения этого правила».

Осенью того же 1940 года германский Комитет по отправке евреев за море, организованный сотрудником СС Адольфом Эйхманом, зафрахтовал в Румынии три корабля, на которых 3600 евреев, большинство которых составляли евреи из Германии, Австрии и Чехословакии, в сентябре 1940 года были отправлены из румынского черноморского порта Тулча в Палестину. Эти три корабля прибыли в Палестину один за другим начиная с 1 ноября. Целью СС было поставить в затруднительное положение британское правительство, послав в Палестину евреев без необходимых иммиграционных сертификатов. В соответствии с предвоенной практикой, установленной кабинетом Чемберлена, каждый корабль с нелегальными еврейскими беженцами перехватывался британским флотом. Пассажиры всех трех

кораблей были переведены на четвертый корабль, «Патриа», для транспортировки на остров Маврикий, где они должны были быть интернированы вместе с другими нелегальными иммигрантами-евреями, уже находившимися на борту «Патриа».

«Патриа» являлся до войны французским кораблем и был захвачен британцами в порту Хайфы в июне 1940 года после подписанного представителями Французской республики соглашения о капитуляции с немцами. Когда «Патриа» готовился выйти из порта Хайфы с 1972 новыми нелегальными иммигрантами-евреями на борту, он был взорван. Заряд взрывчатки был установлен «Хаганой» – военным крылом Еврейского агентства с целью не позволить кораблю выйти в море и вывезти нелегальных иммигрантов-евреев из Палестины. Заряд оказался более разрушительным, чем предполагалось. В результате главнокомандующий британскими войсками на Ближнем Востоке генерал Вавель телеграфировал военному министру, что этот взрыв убил 267 беженцев. Однако уцелевшие при взрыве евреи, по его мнению, должны были быть, тем не менее, отправлены на Маврикий. В своей телеграмме Вавель предупреждал, что, если выжившим при взрыве позволят остаться в Палестине, то в арабском мире распространится мнение, что евреи опять переборoли решение британского правительства и что политика «Белой книги» де-факто пересматривается. «Это серьезно повышает опасность распространения беспорядков в Палестине», – заключал Вавель.

Черчилль лично ответил на телеграмму Вавеля: «Лично я считал бы негуманным и недостойным британцев заставить их снова садиться на корабль». Давая Вавелю инструкцию позволить беженцам остаться в Палестине, Черчилль прокомментировал это так: «Я надеюсь, по крайней мере, что вы поверите, что выражаемые мною здесь взгляды не продиктованы страхом перед насилием».

В результате вмешательства Черчилля выжившим на «Патриа» было позволено остаться в Палестине. Но кабинет настаивал, чтобы в будущем все перехваченные нелегалы неукоснительно высылались на Маврикий. Черчилль согласился на это, но при условии, чтобы «их не возвращали к ужасам, от которых они только что избавились, и обращались с ними достойно». Когда война в Европе закончилась, депортированным на Маврикий евреям было разрешено уехать с острова. Восемьдесят процентов из них уехали в Палестину.

Вопрос о нелегальной иммиграции снова встал в повестку дня кабинета накануне Рождества, когда министры вновь стали доказывать Черчиллю необходимость принятия строжайших мер

против нелегальных иммигрантов, схваченных при попытке высадиться на землю Палестины. Но по результатам этого обсуждения Черчилль проинформировал правительства стран Содружества, что британское правительство «должно также принимать в расчет свои обязательства перед сионистами и руководствоваться общими соображениями гуманности по отношению к людям, бежавшим от жесточайших форм преследования».

Получив эти ясные указания Черчилля, сэр Джон Шакбер, бывший глава Ближневосточного департамента Министерства по делам колоний при Черчилле, ставший ныне постоянным заместителем министра по делам колоний, тем не менее решил проигнорировать их и специально предпринял определенные шаги, направленные на то, чтобы скрыть от премьер-министра практические мероприятия своего департамента, нацеленные на резкое снижение притока евреев-иммигрантов в Палестину. Он вообще временно отменил иммиграционную квоту на въезд евреев в Палестину, не сообщив об этом Черчиллю. 24 декабря Шакбер заявил своим сотрудникам: «Наша задача состоит в том, чтобы поддерживать свою деятельность насколько возможно в нормальном административном русле, вне сферы политики кабинета и так далее». В результате такого решения чиновников Черчиллю не сообщили, что с апреля по сентябрь 1941 года иммиграционная квота вообще была отменена и за этот период не было выдано ни одного въездного иммиграционного сертификата.

Коллеги Черчилля по кабинету были недовольны тем, что он неодинаково относился к евреям и арабам. 9 января 1941 года Министерство по делам колоний получило сообщение от губернатора Адена, что в колонии проходили празднества по случаю британской победы над итальянцами при Бардиа в Северной Африке и что фотографии Черчилля как «провидца Победы» пользуются там большим спросом среди местного населения. Лорд Ллойд попросил своих сотрудников написать личному секретарю Черчилля Джону Мартину: «Лорд Ллойд полагает, что премьер-министру было бы приятно узнать, что у некоторых арабов есть положительные качества». Слово «некоторых» было подчеркнуто.

Мартин показал письмо Черчиллю, который написал на нем: «Я был одним из лучших друзей, когда-либо бывших у арабов, и это я поставил в Иордании и Ираке арабских правителей, которые правят там до сих пор».

В оккупированной немцами Польше евреи были помещены в

гетто и обречены на нищету и голод. Из Румынии, одной из союзниц Германии, в конце января 1941 года в Лондон пришло сообщение о предстоящей неизбежной гибели евреев от рук боевиков полуфашистской «Железной гвардии». Черчилль решил, что нужно немедленно заявить протест румынскому диктатору Иону Антонеску и написал министру иностранных дел Энтони Идену: «Не следует ли указать генералу Антонеску, что мы будем считать его самого и его ближайшее окружение лично ответственными за совершаемый отвратительный акт?» Черчилль добавил: «Впрочем, может быть, вы придумаете что-либо более дипломатичное, чем подобное обращение». Однако выяснилось, что в действительности все эти убийства в Румынии произошли еще до того, как Черчиллю сообщили о том, что они неизбежны: в садистской ярости боевики «Железной гвардии» убили несколько сот евреев, ранили еще тысячи и разрушили сотни еврейских магазинов и домов.

Несмотря на то что по решению правительства Великобритании уже были сформированы палестинские еврейские батальоны, доктор Х. Вейцман настаивал на образовании отдельной еврейской армии, со своими знаками отличия и собственным знаменем, которая являлась бы составной частью британских Вооруженных сил. Вейцман рассчитывал на то, что ему удастся сформировать полностью укомплектованную дивизию такой армии в составе 12 000 человек.

Черчилль поддержал эту идею, однако генерал Вавель выступил против, доказывая, что, как и в вопросе о беженцах на «Патриа», это вызовет гнев и протест в арабском мире. Черчилль негодовал по этому поводу и 1 марта написал новому министру по делам колоний лорду Мойну: «Генерал Вавель, как и большинство офицеров британской армии, настроен весьма проарабски. В тот момент, когда правительством был разрешен въезд в Палестину потерпевших кораблекрушение нелегальных иммигрантов, он послал телеграмму, столь же паническую, как и эта, предсказывая распространение волнений и несчастий в арабском мире и угрозу потери нами транспортной линии Басра – Багдад – Хайфа. Посмотрите эту телеграмму и мой ответ, которым я отклонил его предложения и объяснил ему причину решения кабинета. Все прошло хорошо, и ни одна собака не залаяла. Вавель боится, что любой шаг в пользу евреев в Палестине приведет к тому, что весь арабский мир повернется против Великобритании. Однако из вышесказанного следует, что его слова ни в малейшей мере не убеждают меня». Черчилль добавил, что арабы под впечатлением недавних британских побед «не станут создавать нам трудностей».

Однако, когда тот же Вавель выступил резко против предполагавшейся высадки британских войск в Греции, предсказывая, что она может окончиться громким провалом, Черчилль не счел возможным и уместным спорить с ним и отменил решение о подготовке высадки войск. Проект создания еврейской армии был также отложен на шесть месяцев. Впрочем, Черчилль написал, что это решение может быть «пересмотрено в течение четырех месяцев». Однако для Министерства обороны и Министерства по делам колоний это решение об отсрочке послужило оправданием для гораздо более длительной задержки.

Когда Черчилль встретился с Вейцманом 12 марта, он сказал сионистскому лидеру, что им нет нужды долго разговаривать, потому что их мысли «на 99 процентов идентичны». Черчилль добавил, что когда бы они ни встретились, у него «переворачивается сердце». Он сообщил Вейцману, что вынужден отсрочить формирование еврейской армии, однако заверил его в том, что «никогда не подведет» Вейцмана.

Другой темой их разговора стало будущее послевоенное устройство еврейской общины в Палестине. Черчилль верил, что ему удастся убедить существующие независимые арабские государства признать еврейское государство и принять его в свою среду после того, как Германия и Италия – постоянные разжигатели недовольства арабов – потерпят поражение. «В конце нашего разговора, – вспоминал Вейцман, – премьер-министр сказал, что он подумывает о послевоенном соглашении между нами и арабами. Человек, с которым нам следует достичь соглашения, это король Саудовской Аравии Ибн Сауд. Черчилль сказал, что хотел бы видеть достижение такого соглашения и готов предложить для этого свою помощь». Ибн Сауда «следует сделать лидером арабских стран», или «боссом всех боссов», как выразился Черчилль. Но Черчилль добавил при этом, что Ибн Сауд должен обязательно достичь согласия с Вейцманом относительно будущего Палестины».

Вопрос о вооружении евреев внутри Палестины был поднят снова, когда германские и итальянские войска проникли далеко в глубь Египта, угрожая достичь Суэцкого канала. В то же самое время Черчилль узнал из своих наиболее конфиденциальных источников, что Германия оказывает давление на Турцию, чтобы она пропустила через свою территорию германские войска, которые могли бы угрожать Палестине с севера. 10 мая, через год после того как он стал премьер-министром, Черчилль написал виконту Крэнборну, сменившему Мойна на посту министра по делам колоний: «Я всегда твердо желал, чтобы у евреев были достаточные средства для защиты своих поселений в Палестине.

Чем в большей мере вы сумеете добиться этого, тем в большей безопасности мы будем».

Учитывая опасность возможного прорыва германских войск в Палестину через Турцию и через Египет, еврейская община с одобрения Великобритании подготовила план самозащиты и соорудила укрепления на хребте горы Кармель высоко над Хайфой, чтобы встретить нападающих как с северного, так и с южного направления.

За три года до того, как согласно положениям «Белой книги» 1939 года в Палестине должно было быть установлено постоянное арабское количественное большинство, Черчилль начал осуществлять планы противодействия этому. 19 мая 1941 года он продиктовал записку военному кабинету, что в то время, как делаются «значительные авансы арабскому миру» – Сирии и Ливану обещается независимость после войны, мы несомненно должны вести переговоры с Ибн Саудом о достижении удовлетворительного соглашения по еврейской проблеме; и если бы такая договоренность была достигнута, то, возможно, могло бы сформироваться еврейское государство в Западной Палестине как независимая федеративная часть Арабского халифата». Черчилль добавил: «Это еврейское государство должно иметь полное самоуправление, включая суверенитет в вопросах иммиграции и развития, и возможности для расширения в пустынные регионы в южном направлении, где они со временем могли бы начать мелиорацию».

«Пустыня на юге» – это был Негев, где проживали небольшие группы бедуинов-кочевников, территория, которую, по мысли Черчилля, должны были освоить евреи и о которой ему впервые писал Вейцман более двадцати лет назад.

Черчилль вновь коснулся будущего еврейской общины в Палестине во время своей первой встречи с президентом Рузвельтом во время войны в августе 1941 года. 20 августа 1941 года президент США ознакомил Черчилля с Атлантической хартией, которая отражала идеи Рузвельта об устройстве послевоенного мира. В этом документе Великобритания и Соединенные Штаты брали на себя обязательство «уважать право всех народов выбирать форму правления, при которой они будут жить». Черчилль поддержал такое обещание, но только не по отношению к палестинским арабам, объяснив Рузвельту, что «арабы на основании этого могут потребовать изгнания евреев из Палестины или, по крайней мере, запретить всю будущую иммиграцию евреев в этот регион». Объясняя свою обеспокоенность, Черчилль добавил: «Я теснейшим образом

связан с сионистской политикой, являясь одним из ее авторов».

Но Рузвельт не изменил своей позиции, хотя Черчилль продолжал настаивать на своем видении ситуации в Палестине. На заседании британского военного кабинета в октябре он заявил, что если Великобритания и Соединенные Штаты «выйдут из войны победителями, то создание большого еврейского государства в Палестине неизбежно станет одним из вопросов, которые необходимо будет обсуждать на послевоенной мирной конференции».

Не все коллеги Черчилля разделяли этот взгляд. Во время этого заседания министр по делам колоний лорд Мойн докладывал, что Вейцман и другие члены сионистской организации «выдвигали растущие требования о количественных пределах еврейской иммиграции после войны». Так, Вейцман недавно предложил, «чтобы по крайней мере три миллиона евреев были сравнительно быстро абсорбированы в Палестине». Это, сказал Мойн кабинету, «было нереально с практической точки зрения, и он считает, что пришло время правительству высказаться по этому поводу с тем, чтобы наше молчание не было принято за согласие на такие растущие претензии».

В ответ на замечания Мойна Черчилль сказал военному кабинету, что, по его мнению, «сомнительно, что существует нужда в публичном ответе на эти требования. Возможно, следует сделать соответствующее частное предупреждение». Эрнест Бевин, занимавший пост министра труда и национальной службы, сказал, что, «если бы автономное еврейское государство могло быть создано, то регулированием притока иммигрантов в него стали бы заниматься власти самого этого государства. Это значительно облегчило бы наши нынешние затруднения». Вышло так, что в течение короткого времени Черчилль и один из его будущих оппонентов в вопросе о перспективах еврейского государства в Палестине находились в полном согласии друг с другом.

Глава семнадцатая
«Эти ужасные преступления»

22 июня 1941 года вооруженная мощь Германии обрушилась на Советский Союз. По мере продвижения германской армии специальные отряды СС начали осуществлять систематические массовые убийства евреев в каждом захваченном городе или деревне. Сверхсекретные радиосообщения германской полиции об этом и о массовых убийствах советских граждан-неевреев были перехвачены и дешифрованы британской разведкой и показаны Черчиллю. Однако Черчиллю приходилось проявлять осторожность, чтобы не раскрыть канал поступления информации. Он боялся, что немцы обнаружат утечку наиболее секретной информации, включая многие из их ежедневных приказов сухопутным, морским и авиационным частям, которая стала возможна в результате успешной работы группы британских дешифровщиков в Блетчли-Парке. Поэтому, не имея возможности прямо упомянуть евреев, Черчилль в речи по радио, говоря о германских злодеяниях в России, сказал, что «целые районы были уничтожены». Он добавил: «Мы свидетели преступления, которому нет названия».

Эти преступления продолжались. 27 августа Черчиллю показали расшифровку отчета о расстреле 367 евреев в южной части России; 1 сентября в докладе премьер-министру сообщалось о расстреле 1246 евреев; 6 сентября – о расстреле 3000 евреев; 11 сентября – более 5000 евреев около Каменец-Подольска. В этот день Черчиллю сообщили из Блетчли-Парка: «Тот факт, что немецкая тайная полиция убивает всех евреев, попадающих в ее руки, является в настоящее время общеизвестным. Поэтому предлагается не сообщать о каждой такой резне отдельно, если не будет специального запроса». Убийство в том же месяце в Бабьем Яру возле Киева 35 000 евреев осталось неизвестным в Блетчли-Парке, потому что германская полиция получила предупреждение из Берлина не передавать данных о расстрелах по радио. Но эти сведения все равно стали известны из других источников. Используя эти данные, 14 ноября 1941 года Черчилль направил лично подписанное им послание в «Джуиш кроникл», которое еженедельник напечатал полностью.

«Никто не пострадал более жестоко, чем евреи, – писал Черчилль. – Неописуемые злодеяния совершались над телами и душами этих людей Гитлером и его ужасным режимом. Евреи вынесли главную тяжесть первых нацистских атак на цитадель

свободы и человеческого достоинства. Они вынесли и продолжают терпеть тяжесть, кажущуюся невыносимой. Они не позволили сломить свой дух, они никогда не теряли воли к сопротивлению. Несомненно, в день окончательной победы страдания евреев и их роль в этой борьбе не будут забыты. Придет время, и они вновь увидят, как провозглашенные их отцами на весь мир принципы праведности будут отомщены».

7 декабря 1941 года японцы одновременно напали на Соединенные Штаты и на британские владения на Дальнем Востоке и в Тихом океане. Спустя четыре дня, когда Соединенные Штаты потерпели серию поражений на тихоокеанском театре военных действий, Гитлер официально объявил США войну. Он сам объявил войну стране, которая в течение последних двух лет, несмотря на его территориальные захваты и многочисленные разрушения, произведенные во всем мире немецкими войсками, отказывалась объявить ему войну. Отправившийся с визитом в Вашингтон Черчилль добился от вступивших во Вторую мировую войну Соединенных Штатов Америки обязательства стремиться в первую очередь к разгрому Гитлера, а затем – к победе над Японией. «Волна победы и освобождения, – сказал он в палате общин по возвращении из Вашингтона, – несет нас и угнетенные народы вперед к достижению конечной цели».

Тогда, как и в предстоящие месяцы и годы, когда союзники сражались с упорным неутомимым врагом, судьба всех угнетенных народов, включая не только евреев, но и поляков, чехов, сербов и греков, в первую очередь зависела от способности союзников – главным образом британских, американских и советских войск – остановить продолжающееся продвижение германских сил, а затем, ценой жизней многих своих солдат, моряков и летчиков, изгнать захватчиков из покоренной ими Европы, которую к декабрю 1941 года гитлеровцы подчинили себе на просторах от атлантического побережья Франции до Балтийского и Черного морей.

11 февраля 1942 года младший сын Хаима Вейцмана, двадцатипятилетний лейтенант авиации Королевских ВВС Майкл Вейцман, был сбит в небе над Бискайским заливом. Его тело не было найдено, и Вейцман просил Черчилля попытаться разыскать его, если он по счастливой случайности не погиб и смог добраться до берегов Испании и был там интернирован или захвачен в плен. Черчилль сделал все, что мог, но так и не смог сообщить Х. Вейцману ничего обнадеживающего.

В настоящее время имя Майкла Вейцмана высечено на стене

мемориального комплекса в Раннимеде, посвященного 20 337 летчикам Великобритании и стран Содружества, погибшим в ходе боев Второй мировой войны, место последнего упокоения которых неизвестно или не установлено.

С точки зрения Черчилля судьбы евреев в Европе и будущее евреев в Палестине были нераздельно связаны. Но его попытки вмешаться с тем, чтобы позволить не имеющим иммиграционных сертификатов нелегальным еврейским иммигрантам остаться в Палестине и избежать насильственной депортации, были весьма недружелюбно встречены авторами политики, провозглашенной в «Белой книге», многие из которых являлись его коллегами по правительству военного времени. Когда в феврале 1942 года он через своего сына Рэндольфа узнал, что 793 нелегальных иммигранта, добравшихся до берегов Палестины на борту парохода «Дариен», были интернированы в специальном лагере в Палестине и должны были быть переправлены на Маврикий, он приказал лорду Мойну освободить беженцев и разрешить им остаться в Палестине. Черчилль указывал в этой связи, что, если раньше казалось, что Палестину грозит затопить целая волна нелегальных иммигрантов из Европы, то теперь, когда весь юго-восток Европы находится под властью Германии, дальнейшей опасности появления целых «волн» еврейских беженцев оттуда уже больше нет, и поэтому небольшое количество нелегальных иммигрантов можно безболезненно оставить в Палестине.

Лорд Мойн не был убежден этими доводами и написал Черчиллю 7 февраля: «Любое послабление наших защитных мер только поощрит следующие попытки нелегальных иммигрантов проникнуть на территорию Палестины в обход правил». Судьба пассажиров «Дариена», настаивал Мойн, должна была продемонстрировать твердую приверженность правительства объявленной им политике, а «любые уступки нанесут большой вред репутации правительства на Ближнем Востоке, вызвав сомнения в его честности и твердости».

Однако Черчилль продолжал настаивать на своем, и в конце концов пассажирам «Дариена» было позволено остаться вв Палестине. Но на заседании правительства 5 марта подавляющим большинством голосов было принято решение о том, чтобы в основу британской политики на Ближнем Востоке легло требование: «Всеми мерами препятствовать нелегальной иммиграции в Палестину». Такую твердую политическую линию преодолеть было уже невозможно. Но Черчилль все же не сложил оружия в борьбе за свою линию в отношении Палестины. Ввиду того, что, согласно положениям «Белой книги» 1939 года, через

два года должен был войти в силу принцип сохранения и поддержания арабского количественного большинства в Палестине, что могло уничтожить всякие надежды на создание там еврейского суверенного государства, 27 апреля 1942 года в меморандуме военному кабинету У. Черчилль подчеркнул: «Я не смогу ни при каких обстоятельствах согласиться с абсолютным прекращением иммиграции в Палестину по требованию арабского большинства». В этом меморандуме Черчилль предложил не только установить в будущем систему самоуправления для еврейской общины в Палестине, но и вдобавок превратить две бывшие итальянские колонии, Эритрею на Красном море и Триполитанию (часть нынешней Ливии) на Средиземном море, «в новые еврейские колонии, связанные, если понадобится, с национальным еврейским очагом в Палестине».

За период нахождения Черчилля в должности премьер-министра в период войны его симпатии по отношению к сионистам и их чаяниям практически ни в одном пункте не разделялись большинством его кабинета. Оливер Харви, личный секретарь Энтони Идена, отмечал в своем дневнике за тот год: «К сожалению, Иден несгибаем в вопросе о Палестине. Он любит арабов и ненавидит евреев».

В течение двух лет военные усилия Великобритании были сосредоточены на том, чтобы избежать вторжения немецких войск на территорию страны и ее разрушения из-за германских воздушных бомбардировок. К середине 1942 года положение изменилось. Твердые британские военные усилия на суше, на море и в воздухе предотвратили угрозу вторжения германских войск в Англию и практически сняли с повестки дня вопрос о ее возможном военном поражении. Теперь ежедневные старания Черчилля сводились к тому, чтобы отыскать любые способы ослабления германской военной машины с целью окончательного освобождения Европы от фашизма. 5 июля, когда шли сражения в Северной Африке, Черчилль написал министру по делам колоний лорду Крэнборну по поводу создания в Палестине еврейской милиции – плана, которому противились и Министерство обороны, и само Министерство по делам колоний. «Теперь, когда над живущими в Палестине людьми нависла непосредственная опасность в силу возможного прорыва туда немцев, мы, несомненно, должны дать им шанс для самозащиты».

Черчилль счел своим долгом предупредить Крэнборна о еще более чувствительной проблеме: «Необходимо выявить офицеров-антисемитов, занимающих высокие посты. Если трое-четверо подобных личностей будут отозваны и смещены с объяснением

причин этого, то это произведет благотворное воздействие». Это были сильные слова, а для многих его коллег – прямое доказательство того, что он, говоря словами генерала Спирса, «слишком любит евреев». Действительно, Черчилль зашел настолько далеко, что в сентябре предупредил самого Спирса, занимавшего тогда должность британского военного представителя в Ливане, о том, чтобы тот «не сползал в обычное антисионистское и антисемитское русло, характерное для британских офицеров». Спирс выступал против предложенной Черчиллем «старой идеи создания конфедерации из четырех государств, трех арабских и одного еврейского».

Но ни один офицер-антисемит не был смещен со своего поста, а кабинет не снял своих возражений против формирования отдельных еврейских вооруженных сил. 6 августа, однако, после того как наступление немецкой армии Э. Роммеля вынудило войска Великобритании и стран Содружества отступить в глубь Египта, по всей Палестине был объявлен призыв добровольцев, арабов и евреев, в результате чего был создан Палестинский полк. Добровольцев оказалось достаточно для формирования трех еврейских и одного арабского батальона с британскими знаками различия и знаменами. После нескольких недель подготовки и обучения эти солдаты были отправлены в зону боев через Суэцкий канал.

В оккупированной немцами Европе достигала своего пика начавшаяся в июле 1942 года депортация евреев в лагеря смерти, размещенные немцами на территории Польши. 7 сентября 1942 года «Таймс» сообщала о «неослабевающих беспощадных» облавах на евреев во Франции, проводимых вишистской полицией. Женщины и дети, говорилось в сообщении, получали «неожиданное уведомление, что они обязаны сопровождать своих родственников, направляемых в различные концентрационные лагеря», и затем были «принуждаемы сопровождать депортированных, не получив даже возможности собраться». Недавно «поезд, содержавший 4000 еврейских детей, без сопровождения их родителей, без документов и даже без опознавательных знаков, отправился из Лиона в Германию». Направление в Германию, как было известно и «Таймс», и Черчиллю, означало отправку «куда-то в Польшу». На самом деле, местом назначения был Освенцим (Аушвиц), хотя это не было еще известно ни во Франции, ни в странах антигитлеровской коалиции.

Черчилль отреагировал немедленно. Выступая в палате общин на следующий день после публикации в «Таймс», он указал, что «зверские преследования людей, которые позволяют

себе немцы, делают возможным в каждой стране, куда ворвались их армии, самые чудовищные, самые грязные и самые бессмысленные деяния; таковы массовые депортации евреев из Франции, с ужасами, сопровождающими расчетливое и окончательное рассеяние семей». Черчилль добавил: «Эта трагедия наполняет меня удивлением наравне с негодованием и иллюстрирует как нельзя лучше деградацию природы и идей нацизма и деградацию всех, кто поддался их неестественной и извращенной власти». Сделав паузу, Черчилль провозгласил: «Когда пробьет час освобождения Европы, а он непременно придет, это будет и час возмездия».

Великобритания удвоила усилия по изгнанию Гитлера из всех завоеванных им стран. В сентябре 1942 года война велась в Атлантическом океане, в Сахаре и в воздухе над Германией день за днем и ночь за ночью, без всякой передышки. В то же время Черчилль был убежден в необходимости найти возможность высадки сухопутных войск на европейскую землю для того, чтобы начать непосредственное освобождение Европейского континента. Началась двухлетняя подготовка к высадке союзников в Нормандии.

Осенью 1942 года на Запад проникли более детальные сведения о массовых убийствах евреев в лагерях, организованных с этой целью в оккупированной Польше – Треблинке, Хелмно, Собиборе и Бельзеце. Эти лагеря были расположены далеко за пределами радиуса действия британских бомбардировщиков. 29 октября, собравшись в Альберт-холле в Лондоне, еврейские и христианские лидеры выразили протест против этих массовых убийств. Черчилль, находившийся тогда в Соединенных Штатах, прислал письмо, прочитанное от его имени архиепископом Кентерберийским. «Я не могу удержаться от того, – писал Черчилль, – чтобы послать через вас аудитории, собравшейся сегодня под вашим председательством в Альберт-холле, призыв выразить протест против зверств, совершаемых нацистами по отношению к евреям, и уверить всех в моей горячей симпатии к людям, чья судьба обсуждается на сегодняшнем собрании. Систематические жестокости, совершаемые нацистами по отношению к еврейскому народу – мужчинам, женщинам и детям, являются одним из самых ужасных событий в истории и кладут несмываемое пятно позора на тех, кто их творит и кто к ним подстрекает. Свободные мужчины и женщины осуждают эти ужасные преступления, и когда всемирная борьба закончится восстановлением прав человека, закончатся и преследования на расовой почве».

Три дня спустя, в двадцать пятую годовщину опубликования

Декларации Бальфура, Черчилль послал телеграмму Вейцману из Вашингтона: «В эту годовщину мои мысли с вами. Настанут лучшие времена для вашего страдающего народа и для великого дела, за которое вы так храбро боретесь». Этим великим делом был сионизм.

В тот же день Черчилль послал письмо в «Джуиш кроникл», развив и дополнив тезисы своей заметки годичной давности: «Никто не страдал больше, чем евреи, от невыразимых злодейств, совершавшихся Гитлером и его чудовищным режимом над телами и душами людей. Евреи приняли на себя первый удар нацистов по свободе и человеческому достоинству. Несомненно, что в день победы страдания евреев и их роль в борьбе не будут забыты. И снова в назначенное время мы увидим восстановление принципов праведности, провозглашенных их отцами и составлявших их славу. И мы снова увидим, что мельницы Господа мелют медленно, но мелют исключительно тонко».

В ту зиму из Еврейского агентства в Иерусалиме поступила просьба о том, чтобы 4500 детей болгарских евреев и пятьсот сопровождавших их взрослых получили разрешение на выезд из Болгарии в Палестину. Новый министр по делам колоний Оливер Стэнли передал эту просьбу Черчиллю, указав, что общественное мнение в Великобритании «заметно встревожено недавними сообщениями об уничтожении евреев в странах Оси и в покоренных нацистами государствах». Черчилль ответил на запрос Стэнли: «Браво!» и добавил: «Почему бы вам не получить на это единодушное одобрение всего военного кабинета?» Черчилль уже добился того, чтобы вопрос о спасении еврейских детей из Болгарии был включен в повестку дня заседания военного кабинета.

Эти слова Черчилля побудили Стэнли обратиться к правительству Турции с просьбой позволить транзитный проезд данной группы еврейских беженцев через территорию Турции. Одновременно британское правительство предложило дополнительно принять в Палестине еще 29 000 еврейских детей и сопровождающих их взрослых из всей Юго-Восточной Европы. Все это укладывалось в рамки разрешенной в соответствии с «Белой книгой» 1939 года ограниченной иммиграции в Палестину, которая предусматривает возможность выдачи 25 000 «чрезвычайных сертификатов» на иммиграцию, и поэтому «вполне могло быть одобрено», как указал британский МИД, «мусульманским и арабским общественным мнением». Турецкое правительство сразу согласилось обеспечить безопасный проезд евреев по своей территории. Оливер Стэнли написал в ответ на запрос членов парламента, что «будет сделано все возможное для

быстрого и без каких-либо помех осуществления этой схемы иммиграции» и что его министерство как раз занимается этим.

Однако затем осуществление проекта столкнулось с неожиданными трудностями. В телеграмме от Клиффорда Нортона, главы британской дипломатической миссии в Швейцарии, которая служила основным источником информации, утверждалось, что план спасения еврейских детей «дошел до ушей немцев, и они стали проводить более жесткую линию в этом вопросе».

Выяснилось, что в это дело немцев побудил вмешаться иерусалимский муфтий Хадж-Амин аль-Хусейни, сбежавший из Палестины в 1938 году, чтобы избежать ареста британцами за участие в арабском восстании, и теперь находившийся в Берлине. Имея твердое намерение всячески препятствовать въезду евреев в Палестину, 12 мая Хадж-Амин попросил Гитлера оказать давление на правительство Болгарии, чтобы оно не позволило еврейским детям покинуть страну. Вмешательство фюрера оказалось эффективным. 27 мая Клиффорд Нортон сообщил из Берна, что правительство Болгарии «решило теперь, явно под германским давлением, закрыть болгаро-турецкую границу для всех евреев».

В декабре 1942 года Черчиллю показали донесение Яна Карски – польского католика и участника движения Сопротивления, добравшегося до Великобритании. Карски описал в своем донесении, что он видел, как вооруженные сотрудники СС с большой жестокостью загнали несколько тысяч евреев в вагоны для скота и отправили затем весь этот эшелон в лагерь смерти в Бельзец. Отчет Карского был широко опубликован в прессе, передавался по «Би-би-си» и был признан полностью соответствующим действительности. Правда о преследованиях евреев нацистами начиная с лета 1942 года наконец проникла на Запад.

Еврейские и христианские религиозные деятели Великобритании настаивали на публикации союзниками заявления, которое оповестило бы весь мир о том, что судьба евреев – это нечто, выходящее за рамки нормальных жестокостей войны; что это была сознательная попытка не только уничтожать евреев в огромных количествах, но и вообще убить всех евреев, находящихся в пределах досягаемости СС. В ходе заседания британского правительства Энтони Иден поддержал идею публичного заявления на этот счет. «Известно, – сказал он, – что евреев отправляли в Польшу из оккупированных Германией стран, например, из Норвегии; вероятно, что эти перемещения

евреев проводились с целью их полного уничтожения».

Соответствующая декларация союзников была обнародована 17 декабря 1942 года. Влияние этой декларации, опубликованной одновременно в Лондоне, Вашингтоне и Москве и широко транслировавшейся по радио, было, как и хотел Черчилль, весьма значительным. Под разделом о недопустимых преследованиях нацистами евреев подписались не только правительства Великобритании, Советского Союза и Соединенных Штатов Америки, но и восемь правительств в изгнании – правительства Бельгии, Чехословакии, Греции, Люксембурга, Голландии, Норвегии, Польши и Югославии, а также Французский национальный комитет генерала де Голля. По словам самого Черчилля, в этой декларации «в самых сильных выражениях» обвинялась «зверская политика хладнокровного уничтожения людей».

«Ни о ком из отправленных в лагеря никогда больше не слышали, – говорилось в декларации. – Слабых оставляли умирать на открытых местах от непогоды и голода или намеренно убивали в ходе массовых расправ». Число жертв «этих кровавых актов достигает много сотен тысяч ни в чем неповинных мужчин, женщин и детей».

Одним из главных пунктов декларации было положении о наказании лиц, виновных в этих злодеяниях, специально включенное по требованию Черчилля. Несмотря на первоначальные колебания Вашингтона, стремившегося поставить слово «предполагаемые» перед словом «преступления», Черчилль настоял на том, чтобы в декларации было прямо сказано не только о том, что немцы следуют «зверской политике хладнокровного уничтожения», но и о том, что «лица, совершающие эти преступления против евреев, будут преследоваться после войны по закону и предстанут перед судом».

После того как Э. Иден зачитал декларацию в палате общин, Джеймс де Ротшильд заявил, что он надеется, что благодаря трансляции по «Би-би-си» декларация сможет достичь всех «зараженных фашизмом стран» и придаст «долю надежды и храбрости несчастным жертвам мучений, оскорблений и унижений». Ротшильд также выразил надежду, что «когда декларация дойдет до евреев Европы, они почувствуют, что их поддерживают и им помогают британское правительство и правительства других стран антигитлеровской коалиции» и что союзники «продолжат отстаивать достоинство человека».

В день, когда была обнародована Декларация союзников, Международная женская сионистская организация (МЖСО),

основанная в 1925 году, организовала массовый митинг в Вигморхолле в Лондоне. Во время митинга было зачитано послание жены Черчилля Клементины, в котором она писала о «сатанинском замысле Гитлера уничтожить еврейский народ в Европе» и сообщила собравшимся женщинам: «Я хочу разделить с вами ваше горе и молюсь о том, чтобы ваш митинг помог привлечь внимание британского народа к ужасным событиям, происходящим в оккупированной нацистами Европе».

Среди всех забот, связанных с ведением войны на суше, на море и в воздухе и с отчаянной борьбой за то, чтобы победить нацистское господство в Европе, Черчилль всегда находил время, чтобы интересоваться еврейскими делами. Всего через две недели после обнародования Декларации союзников, продемонстрировавшей евреям, что их судьба не забыта, он поддержал просьбу польского правительства о том, чтобы произвести серию специальных воздушных налетов на Германию, вместе с бомбами одновременно сбрасывая листовки, в которых говорилось бы, что эти налеты – акты возмездия за проявленные немцами жестокость и бесчеловечность, и предупреждающие немцев о недопустимости подобных действий и о неотвратимости наказания за них. Черчилль сказал Комитету начальников штабов, что «наши налеты должны представлять собой акты расплаты в ответ на преследования поляков и евреев», и на заседании комитета 31 декабря спросил, смогут ли британские ВВС предпринять «два или три мощных налета на Берлин» в первый же период благоприятной погоды в январе. Однако начальник штаба ВВС сэр Чарльз Портал возразил против этой идеи, предупредив Черчилля, что любой такой налет, «прямо проведенный в интересах евреев, будет использован против нас вражеской пропагандой».

Черчилль не обладал достаточной властью, чтобы вмешиваться в оперативные решения начальника штаба ВВС. Но он все равно продолжал внимательно следить за проблемами евреев в оккупированной Европе. 6 февраля 1943 года, прибыв в Алжир, откуда власти правительства Виши были изгнаны три месяца назад, он обнаружил, что антиеврейские вишистские законы все еще продолжают там действовать. Он настоял на том, чтобы они были немедленно отменены, и это было выполнено.

Вернувшись в Лондон из Северной Африки, Черчилль в ходе встречи с испанским послом 7 апреля протестовал против закрытия франко-испанской границы в Пиренеях для еврейских беженцев. Черчилль сказал послу: «Если правительство Испании дошло до того, что не позволяет этим несчастным людям искать спасения от ужасов нацистской власти, и если оно пойдет еще

дальше и совершит насилие, передав их в руки германских властей, это никогда не будет забыто и отравит отношения между испанским и британским народами».

Черчилль смог узнать из перехваченных телеграмм испанского посла в Лондоне своему правительству в Мадриде, что его послание было передано по адресу. Через несколько дней он узнал также, что испанские власти вновь открыли границу для еврейских беженцев.

В апреле 1943 года евреи Варшавы, столкнувшись с возобновлением депортаций, начатых предыдущим летом, восстали против германских оккупационных войск. Это восстание, поднятое без возможности получить какую-либо помощь от союзников, было подавлено с предельной жестокостью. Спустя пятьдесят лет внук Черчилля Уинстон, сын Рэндольфа Черчилля, был приглашен в Лондонский университет, чтобы выступить по случаю годовщины восстания. После его речи к нему подошла одна женщина из публики и сказала: «Я тогда была двенадцатилетней девочкой. Нас всех согнали в гетто – говорилось, что для нашей безопасности. Но вскоре люди кругом начали исчезать, и мы не знали, что с ними происходило – мы все были очень напуганы. У нас был один из нескольких радиоприемников в гетто, и когда ваш дед должен был говорить по «Би-би-си», моя семья и все наши друзья собирались вокруг него. Я не понимала по-английски, но я знала, что, если у меня и у нашей семьи есть надежда остаться в живых после войны, то это зависит от этого сильного невидимого голоса… Я одна из всей семьи осталась в живых. Меня освободили британские войска в 1945 году».

Многие депутаты британского парламента, а также американские евреи и политические деятели призывали создать где-нибудь убежище для евреев, сумевших спастись от нацистов. Для обсуждения этой проблемы была созвана специальная конференция, состоявшаяся на Бермудских островах в мае 1943 года. На ней Великобритания выступила с инициативой позволить еврейским беженцам, достигшим нейтральной Испании, пересечь Гибралтарский пролив и получить убежище в контролируемой союзниками Северной Африке. Когда правительство США выступило против этого, Черчилль связался непосредственно с Рузвельтом, сообщив президенту, что «необходимость помощи беженцам, в частности, беженцам-евреям, отнюдь не уменьшилась с тех пор, как мы обсуждали эту проблему в последний раз». Черчилль добавил: «Наши

собственные возможности помочь жертвам гитлеровских антиеврейских преследований настолько ограничены, что предлагаемое открытие небольшого лагеря, чтобы дать им там убежище, представляется совершенно необходимым».

Инициатива Черчилля оказалась успешной; многие сотни евреев, бежавших от нацизма и содержащихся в этот момент в лагерях в Испании, нашли путь к безопасному убежищу. Но число беженцев, которым удалось бежать из оккупированной нацистами Европы, было чрезвычайно скромным. Если бы большему числу удалось покинуть Европу, то для них осталось бы еще 33000 неиспользованных палестинских сертификатов в пределах квоты «Белой книги» 1939 года. С 1 апреля 1939 года по 31 марта 1943 года число евреев, добравшихся до Палестины легальным и нелегальным путем, равнялось 41 169. Это означало, что 33 831 сертификат остался неиспользованным.

В конце июня 1943 года известный философ-социалист Гарольд Ласки – сын манчестерского друга Черчилля Натана Ласки – послал Черчиллю письмо, в котором посетовал, что в своей недавней речи Черчилль не упомянул евреев. «Хотя в моей речи в Гилд-холле, – отвечал Черчилль, – я упомянул только о зле, нанесенном Гитлером суверенным европейским государствам, я никогда не забываю об ужасных страданиях, причиненных евреям; я постоянно размышляю, какие средства, находящиеся в нашем распоряжении, можно использовать для того, чтобы их облегчить – как во время войны, так и в ходе послевоенного урегулирования».

К лету 1943 года около двух с половиной миллионов из трех с половиной миллионов польских евреев были уничтожены. Еще один миллион евреев были убиты в западной части России и в прибалтийских государствах. Депортация евреев из Западной Европы в лагеря смерти на востоке продолжалась. 24 июля в загородной резиденции британского премьер-министра Чекерс Черчилль устроил ужин в честь британского летчика-аса Гая Гибсона и его жены Евы.

Гибсон должен был отправиться с миссией доброй воли в Канаду и Соединенные Штаты. «Нам показали фильм, захваченный у немцев, – писала позднее Ив Гибсон, – и демонстрировавший образцы их жестокости по отношению к евреям и жителям оккупированных стран. Это было чудовищно, и премьер-министр был очень, очень тронут. Он сказал мне, что фильм надо показать всем американским военным, собирающимся прибыть в Англию». Речь шла об американских летчиках, которым предстояло день за днем без перерыва

бомбить Германию, и о пехотинцах, которым предстояло готовиться к форсированию Ла-Манша, запланированному на следующий год.

Черчилль занимался поиском любых возможных средств, способных уменьшить или остановить германские жестокости. Он сказал военному кабинету, что на немцев произвело бы «полезное воздействие, если бы Великобритания, Соединенные Штаты и Советский Союз немедленно издали декларацию о том, что определенное число немецких офицеров или членов нацистской партии, равное числу убитых немцами в разных странах, будет после войны передано в эти страны для суда над ними».

С одобрения военного кабинета Черчилль составил проект такой декларации и послал его Рузвельту и Сталину. «По мере продвижения союзников, – говорилось в ней, – отходящие гитлеровцы удваивают свои беспощадные жестокости». Все ответственные за них или принимавшие добровольное участие в «актах жестокости, резни и казнях должны быть возвращены в страны, где совершались их ужасные деяния, чтобы быть судимыми и наказанными в соответствии с законами этих стран после их освобождения».

В предложенном Черчиллем проекте декларации далее говорилось: «Пусть те, кто до сих пор не испачкал своих рук невинной кровью, будут опасаться попасть в ряды виновных, потому что три союзные страны будут преследовать их везде, вплоть до самых дальних уголков земли, и отправят их к обвинителям для совершения правосудия». Такая декларация, полагал Черчилль, заставит хотя бы «некоторых из этих негодяев стремиться остаться в стороне и не быть замешанными в этой резне, если они будут знать, что будут за это наказаны».

Иден сомневался в целесообразности издания декларации, содержащей столь четкие и обязывающие формулировки, и написал Черчиллю 9 октября: «В целом я обеспокоен опасностью попасть в положение тех, которые сейчас дышат огнем и грозят военным преступникам и обещают им все возможные кары, а через год или два будут вынуждены столкнуться с необходимостью найти оправдание своему бездействию». Однако Черчилль настаивал на своей позиции и в конечном счете победил. 1 ноября 1943 года союзники выпустили Московскую декларацию, которая почти точно следовала словам проекта Черчилля. В ней говорилось о том, что союзники «будут составлять список чудовищных преступлений со всей доступной точностью» во всей контролируемой нацистами Европе. Затем они будут преследовать всех, кто «войдет в ряды виновных, вплоть до самых отдаленных уголков земли, и отправят их к

обвинителям, чтобы свершилось правосудие».

У авторов этой декларации была двоякая цель: испугать нацистских убийц и уверить евреев во всем мире в том, что когда Германия потерпит поражение, суд состоится. В результате Московской декларации и благодаря настойчивости Черчилля германские военные преступники, схваченные союзниками, были отправлены для суда в страны, где они совершали свои преступления. Некоторые из наиболее заметных преступников, общим числом 5000 человек, были казнены в Варшаве, Кракове, Праге и Братиславе – там, где происходили наиболее жестокие эксцессы со стороны гитлеровцев.

Глава восемнадцатая
Палестина: бдительный взгляд

Летом 1943 года, после встречи и обсуждения с Х. Вейцманом, Черчилль стал разрабатывать план, по которому Великобритания предложила бы Ибн Сауду, королю Саудовской Аравии, лидерство в создаваемой Арабской федерации и 20 миллионов фунтов стерлингов в год в обмен на его поддержку еврейского государства в Палестине. Но Энтони Иден пришел в ярость, когда из британского посольства в Вашингтоне к нему поступила информация о том, что Вейцман в беседе с советником Рузвельта по иностранным делам, Самнером Уэллесом, сослался на этот проект премьер-министра как на уже существующий факт.

Негодующий Иден написал Черчиллю, что такой шаг противоречил бы официальной политике Великобритании. «Я не знаю, до каких масштабов доктор Х. Вейцман имеет полномочия говорить от вашего имени, – писал Иден, – но я обеспокоен опасностью путаницы, которая может возникнуть в Вашингтоне. Наша нынешняя политика в Палестине была одобрена парламентом. Мне хорошо известно ваше собственное отношение к этому вопросу, но никто никогда не обсуждал возможностей изменения этой политики и обращения в этой связи к Соединенным Штатам». Иден напомнил Черчиллю то, что он и так хорошо знал: что «Белая книга» по Палестине 1939 года, принятая абсолютным большинством членов парламента, недвусмысленно блокировала возможность превращения Палестины в еврейское государство. Черчилль ответил, не отказываясь напрямую от своей позиции: «Доктор Х. Вейцман не имел никаких полномочий говорить от моего имени. В то же время во время нашей недавней встречи я высказывал ему свои взгляды, которые вы и сами часто слышали от меня».

На продолжавшего находиться в оппозиции к «Белой книге» 1939 года Черчилля попытались надавить другие члены кабинета, потребовавшие от него не включать одного из немногих сторонников образования еврейского государства, министра по делам Индии Лео Эмери, в члены правительственного комитета по проблеме Палестины и евреев. Но 11 июля Черчилль написал Э. Идену: «Я все же решил не исключать министра по делам Индии из состава комитета кабинета министров по Палестине и евреям. Это верно, что он придерживается моего образа мыслей по этому вопросу, о чем, конечно, следует сожалеть, но он обладает обширными познаниями и колоссальной умственной

энергией».

Черчилль знал, что Эмери, работавший в качестве заместителя министра в правительстве Ллойд-Джорджа, был твердым сторонником Декларации Бальфура в ходе ее обсуждении в 1917 году. Единственное, чего не знал Черчилль, – так это то, что со стороны матери предками Эмери были венгерские евреи. Это стало известно лишь спустя много лет после смерти самого Черчилля.

Новым элементом в палестинских дебатах стала позиция Рузвельта, под давлением Государственного департамента США предложившего вооружить палестинских арабов, чтобы заручиться их поддержкой делу союзников в надежде, что они примут участие в общей борьбе. 6 октября Черчилль написал Александру Кадогану, постоянному заместителю министра иностранных дел: «Я мог бы, конечно, указать президенту США на опасность вооружения арабов в то время, когда евреи остаются практически разоруженными, и на серьезные последствия, которое это может иметь для выполнения наших обязательств по отношению к евреям в конце войны. Это, как мне кажется, может оказаться решающим доводом. За всей проблемой нужно следить с величайшей бдительностью».

25 октября Х. Вейцман гостил у Черчилля в Чекерсе. Там присутствовали также брат Черчилля Джек, его сын Рэндольф и заместитель премьер-министра Клемент Эттли, лидер лейбористской партии. Заметки Х. Вейцмана дают живое представление о происшедшей там дискуссии, в ходе которой Черчилль сказал присутствующим: «После того как будет сокрушен Гитлер, необходимо будет подобающим образом урегулировать положение евреев в Палестине. У меня есть дело, оставленное мне по наследству лордом Бальфуром, и я не собираюсь от него отказываться». Х. Вейцман отметил, что он уверен, что позиция самого Черчилля в этом вопросе не изменится, однако «есть темные силы, работающие против них, и способные повлиять на решения, принимаемые правительством». Черчилль сказал Х. Вейцману: «Зато у вас есть очень хорошие друзья. Например, мистер Эттли и его лейбористская партия занимают твердую позицию в этом вопросе».

Эттли подтвердил, что он действительно выступает за удовлетворяющее евреев урегулирование в Палестине, добавив, что, по его мнению, «должно быть что-нибудь сделано, чтобы разрешить евреям селиться в Трансиордании».

Черчилль сказал по этому поводу, что сам он размышлял о разделе Палестины, однако превращение Трансиордании в дополнительную территорию, где могли бы селиться евреи, также

являлось «неплохой идеей». Тем самым он фактически поддержал высказанную самим Х. Вейцманом двадцать лет назад мысль о том, что Трансиордания должна стать частью территории еврейского национального очага. Черчилль добавил: «Я все знаю об ужасном положении евреев. Они обязательно получат возмещение за все понесенные ими страдания и они также смогут сами судить военных преступников».

Затем Эттли сказал Х. Вейцману, что «некоторые ваши соплеменники ведут себя чересчур активно», имея в виду требование о создании еврейского государства сразу после войны, и что британцев «это несколько пугает». Черчилль заметил, что «евреям не стоит делать этого, не стоит оказывать на нас постоянное давление. Лично я бы предпочел одну хорошую ссору вместо того, чтобы устраивать серию стычек. Евреям прежде всего следует правильно выбрать момент». Он заявил, что «не сможет подтвердить публично все то, что он сейчас говорит доктору Х. Вейцману, поскольку если он попытается это сделать, его сразу же забросают вопросами, и он только потеряет лишнее время на ненужные разъяснения. Однако представители еврейской общины могут вполне эффективно ссылаться на его многочисленные публичные высказывания по поводу окончательного урегулирования в Палестине и с полным основанием заявлять, что он не собирается менять своей позиции».

Черчилль сказал Х. Вейцману, что, насколько он понимает, некоторые американские евреи настроены против идей сионизма. Чтобы преодолеть это, он предложил, чтобы Х. Вейцман «попробовал переубедить» Бернарда Баруха. Черчилль сообщил Х. Вейцману, что он сам пробовал убеждать Баруха, что тот неправ относительно оценки идей сионизма, но «не сумел его переубедить». Затем Черчилль уверил Х. Вейцмана, что «не собирается менять свои взгляды» и что «он будет активно заниматься окончательным урегулированием в Палестине», что «станет одним из главных итогов войны».

Когда Черчилль упомянул предполагаемый в будущем раздел Палестины, то и Рэндольф Черчилль, и Х. Вейцман стали возражать против этого. Черчилль ответил, «что первоначально он был против плана раздела, но ведь теперь проблема состоит в том, что надо предложить что-нибудь новое взамен «Белой книги». При этом, однако, он не имел в виду «раздел в буквальном смысле слова» – он упомянул о проблеме пустыни Негев и о Трансиордании, которые могли бы стать частью будущего суверенного еврейского государства».

Говоря об арабах, Черчилль заметил, что «они сделали для нас очень мало во время войны, и во многих случаях только

создавали нам проблемы. Он припомнит это, когда придет день расчета». Когда палестинский вопрос снова возникнет, он обязательно выскажется по нему. Он закончил беседу словами, что Х. Вейцману «не о чем беспокоиться» и что «дело евреев имеет замечательные перспективы».

За два года до этого в Багдаде Рашид Али аль-Гаилани, лидер иракского националистического движения, имевший связи с нацистской Германией, возглавил мятеж против британцев. Захватив власть в Багдаде, Рашид Али заверил немцев, что природные ресурсы его страны станут доступны странам Оси в обмен на признание Германией права арабских стран на независимость и политическое единство вместе с правом «расправиться» с сотнями тысяч евреев, живших тогда в арабских странах.

Рашид Али был разбит, но его восстание, происшедшее в момент военной слабости Великобритании на всем Ближнем Востоке и в Греции, вызвало сильное раздражение британских властей. «Арабы ничего не сделали для нас во время войны, кроме восстания в Ираке, – писал Черчилль Комитету начальников штабов в конце сентября. – Совершенно ясно поэтому, что мы не примем никакой план раздела Палестины, если он не получит поддержки со стороны евреев». При этом Черчилль, конечно, прекрасно знал о враждебности британских официальных лиц на Ближнем Востоке по отношению к любым аспектам сионизма. «Из каждых пятидесяти офицеров, вернувшихся с Ближнего Востока, – заявил он во время выступления в Комитете начальников штабов, – только один благожелательно говорит о евреях. Однако это лишь убеждает меня в том, что я прав».

В январе 1944 года Черчилль побывал в Вашингтоне, чтобы обсудить военную стратегию на предстоящий год, когда союзникам предстояло высадиться на побережье Нормандии, вести военные действия в Северной Европе, а затем и в самой Германии. Но будущее полумиллиона евреев в Палестине продолжало его беспокоить. В телеграмме из Вашингтона от 12 января 1944 года он употребил резкие слова по адресу министров своего кабинета, продолжавших оказывать на него давление с целью заставить его применить положения «Белой книги», согласно которой в мае 1944 года в Палестине следовало создать правительство арабского большинства, что делало невозможным создание еврейского государства в регионе. «Я уверен, что мы не собираемся создавать себе трудности в Америке, – писал он в телеграмме Эттли и Идену, намекая на предстоящие в ноябре

1944 года президентские выборы в США, – и препятствовать президенту Рузвельту в использовании шансов на переизбрание из-за этих низкопробных соображений, вызванных пораженческими настроениями».

15 февраля 1944 года Черчилль пригласил Х. Вейцмана на обед. После этой встречи коллеги-сионисты спросили Х. Вейцмана, был ли ответ Черчилля на вопрос о создании еврейского государства в Палестине положительным. «Да, его позиция обычно всегда обнадеживающая, – сказал Х. Вейцман. – У нас нет причин для беспокойства, потому что у нас есть очень хороший ответ».

Прошло шесть месяцев с тех пор, как Черчилль написал Рузвельту о том, «что имеющиеся возможности для помощи жертвам антиеврейских преследований гитлеровцев крайне ограничены». Возможность сделать больше появилась в первые месяцы 1944 года, когда возрастающее число евреев из Румынии и Бессарабии начали пробираться на кораблях через Черное море в Стамбул. Их целью было добраться до Палестины. 30 марта 1944 года Моше Шерток, глава международного отдела Еврейского агентства, попросил министра по делам колоний Оливера Стэнли разрешить евреям, добравшимся до Стамбула из оккупированной нацистами Европы, получить право на въезд в Палестину. Прецедент на подобные решения уже существовал – он был оформлен в виде соглашения 1942 года, но так и не был осуществлен в полном объеме из-за бюрократических препятствий. «В конце концов, – телеграфировал Шерток в Иерусалим, – Стэнли согласился на либеральную интерпретацию данного положения в формулировках, рекомендованных самим Еврейским агентством».

Это был прорыв в поисках безопасного пути для переправки еврейских беженцев. 3 апреля Шерток сообщал в Иерусалим, что Стэнли согласился также «действовать гибко, пересматривая политику в отношении беженцев из нацистских стран», и сделать официальный запрос турецкому правительству для того, «чтобы позволить свободный транзит беженцев». Результат стал заметен весьма быстро. 8 апреля Еврейское агентство телеграфировало из Стамбула в Иерусалим, что пароход «Марица», везший 244 еврейских беженца из Румынии, прибыл в этот день в Турцию и что его пассажиры в течение двух дней должны отправиться поездом в Палестину.

С этого момента всякий еврей, добравшийся до Стамбула, мог продолжить путь в Палестину независимо от наличия палестинских иммиграционных сертификатов или квот,

требовавшихся согласно «Белой книги» 1939 года. Каждый раз, когда корабль с беженцами прибывал в Стамбул, беженцы – большей частью люди, выжившие после заключения в концентрационных лагерях в Румынии, – отправлялись в Палестину по железной дороге в течение сорока восьми часов. Чтобы ускорить дело, в том случае, если на корабле находилось не менее ста евреев, им выдавали один британский паспорт в обычной темно-синей обложке, причем имя каждого беженца печаталось на отдельной странице, которая вклеивалась в общую обложку. С таким общим паспортом каждый из беженцев прибывал в Палестину. Более шести тысяч евреев проделали таким образом путь к освобождению.

13 апреля 1944 года во время совещания в Чекерсе Черчилль обсуждал вопрос о том, кем заменить сэра Гарольда Макмайкла, чей срок пребывания на посту верховного комиссара в Палестине подходил к концу. Полмиллиона палестинских евреев опасались назначения нового верховного комиссара, неодобрительно относящегося к их надеждам на создание собственного государства. Поэтому Черчилль предложил пост верховного комиссара самому Х. Вейцману. Если же Х. Вейцману это не подходило, то он предлагал назначить на эту должность другого британского еврея, лорда Мелчетта – сына покойного сэра Альфреда Монда, выдающегося промышленника и бывшего министра здравоохранения.

Черчилль видел много преимуществ в том, чтобы Х. Вейцман находился на посту верховного комиссара. Это был бы первый еврей в этой должности со времен сэра Герберта Самуэля, занимавшего ее за двадцать лет до этого. Когда министр по делам колоний Оливер Стэнли выразил скептицизм по поводу возможности такого назначения, Черчилль прибег к двойной тактике: затяжке времени и выдвижению дополнительных аргументов в пользу своего предложения. «У нас еще есть куча времени, чтобы уладить вопрос об этом назначении, – писал он. – Я думаю, что он вполне справится со своей ролью. Он устроит евреев и в то же время будет справедлив к арабам. Примет ли сам доктор Вейцман такое назначение? Своей деятельностью он оказал большие услуги делу союзников. Он придерживается широких взглядов на мировые проблемы. Это могло бы нанести ущерб его репутации в глазах самих евреев, но зато это могло бы смягчить наши трудности в отношениях с Соединенными Штатами».

Черчилль добавил: «Вы можете положиться на Х. Вейцмана. Он не примет должность, если не собирается искренне придерживаться поставленных перед ним условий. Герберт

Самуэль в свою бытность губернатором Палестины держал чаши весов в равновесии и подвергался из-за этого нападкам со стороны своих же соплеменников-евреев. Другим вариантом может быть лорд Мелчетт, если ему позволит здоровье, но Х. Вейцман был бы лучше. Я совершенно не верю в то, что на этом посту, так тесно связанном с международной политикой, сможет эффективно работать кто-либо из чиновников Министерства по делам колоний или военных».

19 апреля Черчилль председательствовал на заседании Комитета обороны. Выступивший с докладом генерал Алан Брук, начальник Имперского генерального штаба, предупредил о негативных последствиях, которые могли возникнуть в Палестине в результате политического кризиса в Египте, где король Фарук хотел сместить нынешнего премьер-министра и назначить кого-либо, более послушного желаниям короля. Евреи, предупреждал Брук, «которые, как нам известно, формируют тайную армию в Палестине, могут воспользоваться этой ситуацией для осуществления своих целей, что послужит для нас источником неприятностей». Черчилль отнесся к этому скептически. Он не верил, что возможно «возникновение каких-либо трудностей по вине евреев», и заявил Комитету обороны, что на территории еврейского национального очага «имеется небольшое число экстремистов, которые могли бы создать определенные затруднения», и что при этом «может произойти некоторое количество убийств», но «общее восстание крайне маловероятно». Черчилль заявил, что в этой связи было бы полезно довести до сведения доктора Х. Вейцмана, что, если в Палестине будут продолжаться убийства и если при этом будет одновременно вестись кампания в американской прессе против британского правления в Палестине, то британские власти могут потерять интерес к поддержанию благополучия евреев».

Черчилль никогда не «терял интереса» ни к благополучию евреев, ни к будущему еврейского национального очага в Палестине. Последовательно поддерживая положения «Белой книги» 1922 года, которая предусматривала формирование еврейского численного большинства в Палестине, он не позволил ввести в действие положения «Белой книги» 1939 года, несмотря на то, что они были одобрены подавляющим большинством голосов членов британского парламента. Это было, конечно, противозаконно. Но этим обеспечивалось то, что евреи не должны были подпасть под власть тех, чьей главной целью было не позволить им обрести государственность в какой-либо форме.

В начале 1944 года Рэндольф Черчилль, спрыгнувший с

парашютом за линией фронта в Югославии, чтобы выполнять функции офицера связи с коммунистическими партизанами, возглавляемыми маршалом Тито, стал действовать также как связной Еврейского агентства. Ранее представители Еврейского агентства просили британские власти позволить сбросить представителей Еврейского агентства на парашютах в разных частях оккупированной нацистами Европы. Агентство надеялось, что сможет таким образом связаться с уцелевшими еврейскими общинами, главным образом в Венгрии и Словакии, и организовать действия по спасению евреев, военнопленных союзных войск и экипажей сбитых самолетов союзников.

Для этой цели был сформирован отряд еврейских парашютистов, которые прошли обучение в ВВС Великобритании и были сброшены за линией фронта. Из тридцати двух парашютистов семеро были схвачены и убиты, в том числе две женщины – Ханна Сенеш, еврейка венгерского происхождения, и уроженка Словакии Хавива Рейк.

После немецкой оккупации Венгрии в середине марта 1944 года Х. Вейцман также попросил Черчилля связаться с маршалом Тито. Х. Вейцман хотел, чтобы Тито помог евреям, сумевшим сбежать из оккупированной немцами Венгрии на контролируемую коммунистами территорию Югославии, переехать в Италию, контролируемую союзниками. Рэндольф Черчилль предложил своему отцу способ достичь этого: небольшой самолет, перевозивший людей и вооружение на аэродром Топуско в Югославии, мог бы затем возвращаться на базу союзников в Фоджа в Италии, перевозя на своем борту еврейских беженцев. Черчилль направил Тито специальное послание, прося его принять евреев, которые сумеют бежать из Венгрии. 25 июня Черчилль получил сообщение из Форин офиса: «Маршал Тито согласился помочь спасти еврейских беженцев из Венгрии и оказавшихся в Югославии, предполагая, что они смогут далее достичь Италии через Далмацию».

Год спустя в Лондоне Рэндольф Черчилль сообщил Х. Вейцману, что он «пытался спасти 115 евреев в Югославии; всего он спас 112 человек, трое при этом погибли».

Глава девятнадцатая
Поиски средств спасения евреев

4 июля 1944 года в Форин офис в Лондоне поступил доклад, в котором говорилось: «Неизвестным местом назначения на востоке, куда принудительно депортировали евреев и о котором многократно сообщалось в отчетах об их депортации, был управляемый СС концентрационный лагерь Аушвиц-Биркенау». Данный доклад был кратким изложением более обширного документа, еще находившегося в пути и детально описывающего методы и масштабы массовых убийств в Аушвице (Освенциме) начиная с лета 1942 года. Из доклада также следовало, что венгерские евреи, которые депортировались «в неизвестном направлении» и о судьбе которых в течение прошедших трех месяцев практически ежедневно справлялся Форин офис, также перемещались в Освенцим и умерщвлялись там в газовых камерах с неслыханным прежде темпом в 12000 человек в день.

Эта чудовищная новость достигла Запада в результате побега из Освенцима четырех евреев, которые, добравшись до Словакии, дали свидетельские показания о том, что они видели в Освенциме. Эти показания были переправлены в Швейцарию, откуда их по телеграфу передали в Лондон, Вашингтон и Иерусалим. Как только Х. Вейцман узнал об истинной природе Освенцима и о том, что депортации евреев из Венгрии еще продолжаются, он отправился в Форин офис, чтобы вместе с Моше Шертоком, главой международного отдела Еврейского агентства, встретиться с Энтони Иденом. Эта встреча состоялась 6 июля 1944 года. Э. Иден немедленно проинформировал Черчилля об этой встрече и о прозвучавших в ходе нее настойчивых просьбах представителей Еврейского агентства. Они призывали союзников разбомбить железную дорогу, ведущую из Будапешта в Освенцим, по которой несколько сотен тысяч венгерских евреев уже были перевезены и продолжали перевозиться для умерщвления в Освенциме. Ответ Черчилля был немедленным и позитивным. «Обратитесь к представителям наших ВВС и получите от них все, что только возможно, – написал он Э. Идену. – Если это будет необходимо, подключайте меня к решению этой проблемы».

Но бомбежки железной дороги из Венгрии, к которой столь эмоционально призвал Черчилль, не потребовалось. Через три дня после того как Черчилль одобрил проект бомбардировки железной дороги из Венгрии в Освенцим, депортация евреев из

Венгрии в Польшу прекратилась. Позднее Черчилль узнал из расшифрованного послания турецкого посольства в Будапеште министру иностранных дел в Анкаре, что венгерский регент адмирал Хорти в эти дни издал приказ положить конец депортациям.

Когда Хорти сказал германскому посланнику в Венгрии генералу СС Веезенмайеру, что депортации должны быть прекращены, Веезенмайер пришел в негодование. Но у него самого не было ни людей, ни власти для продолжения депортаций без поддержки венгерского правительства. Причиной такого решения Хорти стал американский налет на Будапешт 2 июля. Этот налет не имел никакой связи с призывом разбомбить железнодорожную линию в Освенцим. Он являлся в действительности частью давно разработанного плана бомбардировки германских хранилищ топлива и сортировочных станций на железных дорогах. Однако в ходе налета, как это часто бывало, произошла ошибка, и под удар попали несколько правительственных зданий и частных домов ряда венгерских официальных лиц.

В число этих зданий входило несколько зданий и домов из числа перечисленных в телеграмме, посланной из Швейцарии в Форин офис в Лондоне британским дипломатом Элизабет Вискеманн, которая, намеренно не пользуясь секретным кодом, открытым текстом предложила разбомбить определенные здания в Будапеште, чтобы вынудить венгерское правительство остановить депортацию евреев в Освенцим. В своей открытой телеграмме – прочитанной, как она и рассчитывала, венгерской разведкой – она описывала расположение правительственных зданий, которые были связаны с организацией депортации, включая учреждения полиции и Министерство железных дорог, без которых депортации не могли быть осуществлены, а также приводила домашние адреса причастных к этому делу венгерских официальных лиц.

Когда в венгерской разведке сопоставили телеграмму Э. Вискеманн с результатами американского воздушного налета, там заключили, что налет 2 июля был осуществлен в соответствии с ней. Этот авианалет в венгерских спецслужбах посчитали предупреждением со стороны союзников – которое, разумеется, могло быть повторено, – чтобы остановить депортацию. Ни генерал Виссенмейер, ни находившийся в Будапеште Адольф Эйхман, который занимался подготовкой к депортации последних из оставшихся в живых 120 000 венгерских евреев, не имели другого выбора, кроме как уступить требованию венгерского правительства и приостановить депортацию.

Прежде чем новость об этом решении венгерских властей стала широко известна, Еврейское агентство попросило правительство Великобритании передать материал о депортациях по «Би-би-си». Ответ Черчилля был эмоциональным. «Я полностью согласен, – сообщил он Э. Идену, – с тем, чтобы как можно громче прокричать на весь мир об этом». Это было сделано, и в радиопередаче из Лондона не только сообщалась вся правда об Освенциме, но и делалось предупреждение венгерским железнодорожникам на их родном языке, что, если они будут участвовать в депортациях, то они будут объявлены военными преступниками и их будут судить по окончании войны. 5 июля Э. Иден заявил в палате общин, что, «к сожалению, нет никаких признаков того, что повторные заявления, сделанные правительством Его Величества совместно с правительствами других стран – союзников по антигитлеровской коалиции об их намерении судить инициаторов и исполнителей этих ужасных преступлений, оказали какое-либо воздействие на власти Германии и их венгерских сообщников и привели к тому, чтобы они позволили хотя бы малой части жертв избежать преследования со стороны своих палачей. Остается лишь надеяться, что положить конец этому сможет лишь как можно более скорая победа союзников в войне».

Черчилль знал, что обеспечить разгром фашизма может лишь победа союзников, которая может быть достигнута благодаря исключительным военным усилиям и жертвам, которые придется понести на земле, в небесах и на море. В тот момент, когда решалась судьба венгерских евреев, британские, американские, канадские и польские войска участвовали в битве в Нормандии, ведя там гораздо более упорные сражения с немцами, чем предполагалось перед высадкой союзников в Европе, и неся при этом тяжелые потери. К началу июля, после целого месяца боев с немцами, союзники все еще не смогли продвинуться дальше Нормандии. Лишь через шесть месяцев непрерывных сражений они сумели достичь территории самой Германии.

В июля 1944 года Черчиллю доложили о споре, разгоревшемся между дипломатами США и Великобритании по поводу тридцати двух венгерских евреев, сумевших купить себе свободу путем передачи в руки СС своих фабрик и собственности и прибывших из Венгрии в нейтральный Лиссабон. Поступившая 8 июля телеграмма от британского посла в Лиссабоне предупреждала о том, что Госдепартамент США опасается, что появление этой группы венгерских евреев «есть коварный ход Германии, предназначенный для того, чтобы заронить у

представителей СССР подозрения о сепаратных переговорах о мире между Германией и западными союзниками».

Черчилль сразу отверг опасения Государственного департамента, написав Э. Идену 10 июля: «Разумеется, это был единственный способ, имевшийся в распоряжении этих бедняг – ценой своей собственности вырваться из мясорубки, в которой обречены погибнуть все их соплеменники». Комментируя опасения дипломатов о том, что после этой истории Советский Союз станет подозревать Великобританию и США в прощупывании возможностей достижения сепаратного мира с нацистами, Черчилль заявил, что «единственное подозрение, возникающее у меня в голове при ознакомлении со всем этим, состоит в том, что германские убийцы торопятся набить себе карманы, предвидя свое будущее. Я полагаю, что вы нейтрализуете все возможные подозрения русских, рассказав им все об этой истории. Можете даже упомянуть о моей оценке действий фашистов. Все это – не что иное, как чистое вымогательство под угрозой убийства».

Государственный департамент США все еще опасался обвинений советской стороны в секретных сепаратных переговорах с Германией и продолжал противиться любым попыткам организовать спасение этой группы венгерских евреев. Черчилль призвал Э. Идена не обращать внимания на эти страхи, написав ему 6 августа: «Мне кажется, что продолжать во всем подозревать эти еврейские семьи – занятие весьма сомнительного свойства. Это просто несчастные люди, в большинстве своем женщины и дети, которые купили себе жизнь в обмен на свое состояние. Мне бы не хотелось видеть Англию охотящейся за ними. Разумеется, надо сообщить русским все, что необходимо, но только не надо препятствовать их спасению». Черчилль добавил: «Я не представляю, как из этой печальной истории могут вытекать какие-либо подозрения в тайных мирных переговорах».

11 июля, через пять дней после прекращения депортаций евреев из Венгрии Черчилля спросили, начнет ли Великобритания, как о том просило Еврейское агентство, открытые переговоры с СС об освобождении венгерских евреев в обмен на деньги и товары.

Но Черчилль резко отказался от самой возможности подобных переговоров – как прямых, так и через любую нейтральную страну. Его реакция была эмоциональной и недвусмысленной. «Нет сомнения, – писал он Э. Идену, – что это величайшее и, может быть, самое ужасное в истории преступление, поскольку оно совершается при помощи достижений современной техники формально цивилизованными

людьми, совершается именем великого государства, именем одного из выдающихся европейских народов».

Реакция Черчилля не ограничивалась одним лишь отвращением. «Совершенно ясно, – заявил британский премьер-министр, – что все лица, причастные к этим преступлениям, включая и тех, кто лишь подчинялся приказам, проводя эту резню, в случае, если они попадут в наши руки, должны быть преданы смертной казни в том случае, если будет доказано их участие в этих убийствах. Следует сделать публичные заявления о том, что все, кто связаны с осуществлением этих злодеяний, будут выявлены, найдены и преданы суду».

В первую неделю июля архиепископ Кентерберийский Уильям Темпл и лорд Мелчетт послали Черчиллю письма, в которых подняли вопрос о депортации венгерских евреев и о планах немцев убить всех депортированных.

13 июля Черчилль ответил на оба этих послания. Написав Мелчетту, что ему нечего добавить к заявлению Э. Идена от 5 июля, он подчеркнул: «У меня нет сомнения, что мы наблюдаем одно из величайших и самых ужасных из когда-либо совершенных преступлений. Оно совершено с использованием научных методов формально цивилизованными людьми от имени великого государства и одного из ведущих народов Европы. Мне не нужно заверять вас, что такому положению дел уделяется и будет уделяться самое серьезное внимание моих коллег и лично мое, но, как сказал министр иностранных дел, главная надежда на прекращение этого кошмара заключается в скорейшей победе союзных наций». В письме архиепископу Кентерберийскому Черчилль повторил эти выражения: «Я боюсь, что мы являемся свидетелями одного из величайших и ужаснейших преступлений, когда-либо совершавшихся в мировой истории».

3 июля правительство Великобритании обсуждало другую просьбу Еврейского агентства – разрешить еврейским вооруженным отрядам сражаться в Италии вместе с войсками союзников. Черчилль все еще поддерживал идею формирования таких отрядов, но министр обороны сэр Джеймс Григг протестовал против плана создания еврейской дивизии численностью 12 000 человек как «совершенно не отвечающего реальным условиям». Он выразил «серьезные сомнения» и в отношении «практичности» создания бригады даже в половину этого состава. В ответ Черчилль сказал, что «ввиду страданий, испытываемых сейчас еврейским народом, у кабинета есть все основания сочувственно отнестись к этой просьбе. Я готов

согласиться с возражениями ведомств против формирования целой дивизии, однако считаю, что мы не должны отказываться от идеи создания одной бригады».

Министерство обороны не изменило своей выжидательной, даже враждебной позиции в этом вопросе, и сообщило лишь, что проект организации еврейских вооруженных отрядов будет «внимательно рассмотрен». Подобные заверения министерства не убедили Черчилля. «Когда Министерство обороны говорит, что оно «внимательно рассмотрит» что-нибудь, – написал он секретарю кабинета министров 10 июля, – это означает, что там решили погубить все дело». Он продолжал добиваться организации еврейской бригады и написал министру Григгу 26 июля: «Мне нравится идея того, чтобы евреи попытались добраться до всех убийц их соплеменников в Центральной Европе, и, я думаю, это принесет удовлетворение Соединенным Штатам». Еще раньше во время обсуждения этого вопроса Министерство обороны настойчиво возражало против того, чтобы у еврейской бригады появилось свое знамя. «Я никак не могу усвоить, – писал Черчилль в письме от 26 июля, – почему этот измученный народ, страдающий сейчас как ни один другой, должен быть лишен возможности иметь собственный флаг».

23 августа Черчилль сообщил Рузвельту, что после «сильного давления» со стороны Х. Вейцмана он добился, что Министерство обороны Великобритании разрешило сформировать еврейский военный отряд «в размере полковой боевой единицы». Черчилль пояснял: «Евреи получат большое удовлетворение, когда сообщение об этом будет опубликовано. Очевидно, что они больше других заслужили право бить немцев как самостоятельная воинская часть». Черчилль добавлял: «Они хотят иметь собственный флаг с изображением звезды Давида на белом фоне с двумя светло-синими полосами. Я не вижу, почему бы это не сделать. Я думаю, что появление такого флага во главе их боевого отряда станет ярким посланием для всего мира». «Если возникнут дурацкие возражения, – добавлял Черчилль, – то я сумею их преодолеть».

Министерство обороны в конце концов уступило настойчивым призывам Черчилля, объявив 19 сентября о создании еврейской бригады для участия в активных боевых действиях. Наконец-то, как и желал Черчилль, евреи могли участвовать в борьбе союзников против нацизма как отдельная боевая часть под своим собственным знаменем. Первые пять тысяч еврейских добровольцев были организованы в три пехотных батальона и посланы в Италию, где они действовали в составе войск фельдмаршала Александера. Это была единственная чисто

еврейская воинская часть за всю Вторую мировую войну во всех армиях мира, воевавшая под своим собственным флагом. Жившие в Палестине евреи, не успевшие ранее записаться в палестинские еврейские батальоны, которые возникли в 1940 году, и в палестинский полк, сформированный в 1942 году, были полны желания сражаться лицом к лицу с немцами.

Проживавшая в Палестине еврейская община внимательно следила за обращениями Черчилля по радио начиная с 1940 года и много раз видела его выступления в кинохронике. Под его портретами, которые расклеивались на улицах палестинских городов, по распоряжению властей появилась подпись «Winning Winnie» («Уинни-Победитель»). По их мнению, это должно было иметь оптимистическое влияние. Но это чисто английское выражение не нашло отклика у публики, говорившей на иврите и на идише. Поэтому этот лозунг был заменен на более привычный оптимистический призыв «Win We Will» («Мы победим»), переведенный на иврит и напечатанный крупными буквами в стиле надписей Торы. По словами одного молодого человека, Иго Фельдблюма, жившего тогда в Палестине, «веря в это пророчество, многие записались в еврейскую бригаду и сражались в рядах союзников».

В общей сложности 30000 палестинских евреев сражались в рядах британских войск во Второй мировой войне. Более семисот из них погибли в боях.

В течение всего лета 1944 года сражавшиеся против германских оккупационных войск греческие повстанцы-коммунисты лелеяли надежду на том что они смогут захватить власть в Греции после изгнания немцев. Сотрудники МИДа Великобритании предупредили Черчилля, что, по их данным, из США греческим коммунистам передавались значительные суммы денег для того, чтобы те взяли под защиту сумевших бежать из Венгрии в Грецию богатых евреев, которым грозила опасность ареста и депортации со стороны немцев, охотившихся в Греции за венгерскими евреями с целью их поимки и отправки в лагеря смерти.

Политика Великобритании заключалась в последовательном и полном бойкоте греческих коммунистов, однако Черчилль решил, что задача спасения еврейских беженцев должна иметь приоритет над такими соображениями. Когда его попросили надавить на власти Соединенных Штатов для того, чтобы остановить денежные потоки, достигавшие греческих коммунистов, он отказался сделать это. «Очевидно, – писал он, – что богатые американские евреи готовы заплатить большие

деньги, чтобы их соплеменники могли избежать в Греции смерти от рук немцев. Неприятно, что эти деньги должны попасть в руки коммунистов, но я не представляю, почему мы должны спорить с Соединенными Штатами из-за этого».

Основной аргумент Черчилля был морального свойства. «Мы возьмем на себя слишком большую ответственность, препятствуя спасению евреев, даже если речь идет о богатых евреях, – писал он и едко добавлял: – Я знаю, что с современной точки зрения богатые люди подлежат уничтожению, где бы их ни обнаружили, но было бы жаль, если бы нам пришлось придерживаться такой позиции в настоящее время. В конце концов, эти люди заплатили за свою свободу такие деньги, что стали в результате этого всего лишь бедными евреями, и в силу этого они должны обладать всеми обычными правами людей».

26 августа Рэндольф Черчилль доставил своему отцу экземпляр полного отчета четырех евреев, бежавших из Освенцима и изданного Комитетом по делам военных беженцев в Вашингтоне за полтора месяца до этого. Ранее Черчилль имел возможность ознакомиться лишь с краткой версией этого отчета, переданной в Лондон по телеграфу в начале июля. Рэндольф довольно часто передавал отцу данные о тех сторонах судьбы евреев, которые не доходили до премьер-министра по официальным каналам.

Среди писем, полученных Черчиллем в сентябре 1944 года, было письмо видного деятеля лейбористской партии Гарольда Ласки. Ласки считал, чтобы после войны в Англии должен быть поставлен памятник Черчиллю. «Когда я смотрю на Европу, разрушенную Гитлером, – писал он, – то как англичанин еврейского происхождения я всей душой чувствую, что обязан вам сохранением самой жизни». Черчилль отвечал на это: «Я ценю чувства, побудившие вас послать мне это письмо. Однако парк в одном из тяжело пострадавших районов южного Лондона был бы лучшей памятью обо мне, чем эта статуя».

В октябре 1944 года, когда Черчилль вел в Москве переговоры со Сталиным о будущем Польши, Еврейское агентство узнало, что над будапештскими евреями, спасенными от принудительной депортации в июле, вновь нависла опасность. 16 октября Х. Вейцман написал письмо главному личному секретарю Черчилля Джону Мартину, в котором попросил выдвинуть в качестве главного предварительного условия проведения мирных переговоров с Венгрией требование о том, чтобы венгерскими властями были «предприняты все шаги с целью защитить евреев от уничтожения со стороны Германии». Но секретариат Черчилля

решил не передавать премьер-министру этот призыв, и он никогда о нем так и не узнал.

Вскоре после возвращения Черчилля из Москвы Еврейское агентство получило данные о том, что возобновились депортации в Освенцим, и обратилось к союзникам с просьбой выразить публичный протест по этому поводу. Форин офис отнесся к этому предложению скептически, но Черчилль не согласился с такой точкой зрения и написал Э. Идену: «Разумеется, публичное осуждение этого может спасти множество жизней людей». По предложению Черчилля британское правительство проконсультировалось с Соединенными Штатами и СССР. Американцы ответили, что хотели бы издать публичное предупреждение немцам о недопустимости подобных действий. Советское правительство ответа не дало. Великобритания и Соединенные Штаты решили действовать без СССР и передали осуждение депортаций по радио 10 октября из Вашингтона и Лондона. Согласно желанию Черчилля, в ходе этого обращения прозвучали совершенно недвусмысленные формулировки: «Если эти планы осуществятся, то виновные в таких действиях предстанут перед судом и понесут наказание за свои гнусные преступления».

Реакция Берлина последовала незамедительно. Немецкие власти утверждали, что отчеты, на которых основано заявление союзников, являются «ложью от начала до конца». В Форин офисе Фрэнк Робертс отметил: «Удовлетворительная реакция. Возможно, что нашим заявлениям удалось хотя бы раз послужить конкретным целям».

Глава двадцатая
«Если наши мечты о сионизме не сбудутся…»

В Палестине две подпольные еврейские организации, «Иргун» и «Штерн», первой из которых руководил будущий премьер-министр Израиля Менахем Бегин, начали кампанию убийств чиновников аппарата по управлению подмандатной территорией Палестины и британских военнослужащих, надеясь таким образом вытеснить британцев из Палестины. Они убивали и своих соплеменников-евреев, выступавших против их действий. Из сорока двух человек, убитых боевиками «Штерна», более половины были евреями. В феврале в Хайфе были убиты два офицера британской полиции. В марте трое британских полицейских были убиты в Тель-Авиве и еще трое в Хайфе. В августе 1944 года боевики «Штерна» совершили не увенчавшееся успехом покушение на сэра Гарольда Макмайкла, британского верховного комиссара. Во время этого нападения были ранены его адъютант и полицейский-водитель.

Еврейское агентство отвергало террор как средство достижения целей сионистов. Через несколько дней после покушения на убийство Макмайкла Черчиллю сообщили, что по настоянию Х. Вейцмана и Д. Бен-Гуриона агентство тесно сотрудничает с властями британского мандата, чтобы найти покушавшихся, их оружие и организаторов этого преступления.

27 сентября силы «Иргуна» численностью около 150 человек напали на четыре британских полицейских участка. Спустя два дня старший офицер британской полиции из отдела уголовных расследований был убит на пути в свой офис в Иерусалиме. Еврейское агентство и британские власти плотно работали вместе, чтобы прекратить эти акты террора. В ходе этого сотрудничества, которое палестинские евреи окрестили «сезон охоты», отряды самообороны Еврейского агентства «Хагана» помогли британцам арестовать триста членов «Иргуна» и «Штерна»; 251 из них был депортирован в контролируемые Великобританией Эритрею и Судан.

Вейцман знал, что каждый акт еврейского терроризма представляет собой удар по его попыткам путем переговоров и выдвижения аргументированных доводов убедить британское правительство обеспечить создание еврейского государства после окончания войны. Черчилль принял заверения Х. Вейцмана, что

путь терроризма отнюдь не избран евреями Палестины или сионистским движением в борьбе за создание еврейского государства.

В октябре 1944 года, находясь в Каире, Черчилль присутствовал на конференции, посвященной послевоенному будущему устройству Ближнего Востока. 20 октября он заявил на конференции, что «хотя арабы не сделали для нас ничего, кроме восстания в Ираке, он не хочет расстраивать арабов Сирии, стремящихся к независимости от Франции, тем, что им придется проглотить горькую пилюлю в виде сионизма в Палестине».

4 ноября 1944 года, после возвращения Черчилля в Лондон, Х. Вейцман был приглашен в Чекерс для обсуждения будущего Палестины. Эта встреча означала важный поворотный пункт в выборе направления действий сионистской дипломатии. Х. Вейцман попросил Черчилля сделать публичное заявление о том, что еврейское государство в Палестине будет образовано после окончания войны. Черчилль ответил, что «в данный момент он не может сделать такого заявления» и вообще не сможет сказать ничего «до окончания войны с Германией, что займет от трех до шести месяцев». Он предупредил Х. Вейцмана, что как премьер-министр «он имеет лишь слабую поддержку в консервативной партии» по вопросу о создании еврейского государства на территории Палестины.

На слова Х. Вейцмана, что мнения по вопросу о Палестине в консервативной партии меняются, Черчилль ответил, что, может быть, это и так, но это медленный процесс, и что ему придется «разговаривать с членами партии по этому поводу». Затем Черчилль сказал Х. Вейцману, что он был шокирован степенью противодействия сионистской идее среди определенного числа евреев в Соединенных Штатах, и упомянул в этой связи имя Бернарда Баруха. В ответ Х. Вейцман заявил, что есть несколько богатых и влиятельных евреев, выступающих против сионизма, но эти люди «не очень хорошо осведомлены о предмете». Он хотел бы повторить Черчиллю то же самое, что однажды сказал Бальфуру – что Бальфур встречался «не с теми евреями». Улыбнувшись на это, Черчилль повторил, что все еще есть немало евреев, выступающих против сионизма, и снова упомянул Баруха. Эти евреи, выступающие против сионизма, ответил Х. Вейцман, были те самые, что «одновременно выступали против Рузвельта и Черчилля». Черчилль отметил, что Х. Вейцман был прав и что он, Черчилль, знал это.

Черчилль сказал Х. Вейцману, что когда противники сионизма в среде консервативной партии стали выступать с теми же доводами, что и военные, «то это лишь укрепило его

собственную решимость». Но он хотел бы все же иметь максимум поддержки по этому вопросу внутри своей партии – столько, сколько он сможет получить. Затем Х. Вейцман спросил, справедливы ли дошедшие до него слухи о схеме раздела Палестины, согласно которой евреи получат «только кусочек побережья – или же пляж для купания в районе Тель-Авива». Такие слухи, сказал Черчилль, просто «набор лжи». Он встречался с фельдмаршалом лордом Гортом, который должен занять пост верховного комиссара в Палестине после сэра Гарольда Макмайкла, и сказал Горту все, что думает по поводу такого рода слухов.

Что же касается конкретных деталей раздела, пояснил Черчилль, то он, как и сам Х. Вейцман, стоит за включение Негева в состав еврейского государства. «Если бы евреи могли получить всю Палестину, – добавил Черчилль, – это было бы хорошо». Но если им надо выбирать между отказом от создания государства вообще и разделом территории Палестины, то тогда им следует принять раздел.

Американские евреи, сказал Черчилль Х. Вейцману, должны оказать активную поддержку созданию еврейского государства, а не только критиковать различные аспекты, связанные с этим процессом. Если он и Рузвельт будут сидеть за столом мирной конференции, на которой будут решать вопросы послевоенного устройства Палестины, то «они смогут получить то, чего они все желали» для евреев Палестины.

Далее Х. Вейцман указал на важность содержания речи, с которой, по его мнению, Черчилль должен обратиться к арабам, объясняя необходимость создания еврейского государства. Черчилль ответил, что он уже говорил с ними об этом, но что Рузвельт и он должны снова высказаться по этому вопросу. Затем Черчилль обратился к теме еврейского терроризма в Палестине, в частности, к недавнему убийству британских солдат, но, согласно записям Вейцмана, «не стал углубляться в эту тему».

Черчилль также обещал Х. Вейцману, что во всех вопросах, касающихся будущего Палестины, с сионистским лидером будут консультироваться, и спросил Х. Вейцмана, было ли у сионистов намерение «привезти в Палестину большое количество евреев». Х. Вейцман ответил утвердительно, сообщив Черчиллю, что они имеют в виду принимать около 100000 евреев в год в течение примерно пятнадцати лет. Черчилль спросил, означает ли это что-то вроде полутора миллионов, на что Х. Вейцман ответил, что «это действительно так – для начала».

Вейцман также говорил о большом количестве еврейских детей в Европе, которых нужно будет доставить в Палестину

после войны, на что Черчилль ответил, что «задачей правительства еврейского государства будет позаботиться о детях». Он затем коснулся вопроса о финансовой помощи, и тогда Х. Вейцман сказал ему, что, «если политические проблемы будут урегулированы, то финансовые проблемы станут второстепенными».

Это была, по замечанию Х. Вейцмана, «длительная и очень дружественная встреча». По окончании обеда Черчилль пригласил Х. Вейцмана в свой кабинет и еще раз повторил свои три главных тезиса, связанных с проблемой создания еврейского государства в Палестине: ничто не должно решаться до конца войны; он тесно контактировал с американцами по этому вопросу; с Х. Вейцманом будут советоваться. Вейцман заметил, что Черчилль казался обеспокоенным тем, что позиция США в вопросе о создании еврейского государства «была чисто теоретической и оторванный от практики», и тем, что сам Черчилль не имел по этой проблеме поддержки в рядах консервативной партии. При этом Черчилль не придавал большого значения, как отметил Х. Вейцман, «позиции арабов и их отношению к войне».

Вейцман хотел продемонстрировать Черчиллю географическую карту, чтобы объяснить свои возражения против конкретного плана раздела, но Черчилль, который был уверен в своем понимании географических аспектов проблемы и не желал вдаваться в детали, к разочарованию Х. Вейцмана сказал, что «не хочет изучать карты с доктором Х. Вейцманом». В какой-то момент разговора Черчилль упомянул, что при правительстве имеется «комитет по проблемам Палестины», в котором заседают «все ваши друзья» – сэр Арчибальд Синклер и «представители лейбористской партии».

Черчилль сообщил Х. Вейцману, что лорд Мойн, тогда министр-резидент в Каире – человек, которого сионисты считали категорическим противником планов создания еврейского государства, – перешел на позицию Черчилля по отношению к формированию еврейского государства в Палестине после войны. Черчилль был воодушевлен тем, что Мойн «за последние два года изменился и в нем произошло значительное внутреннее развитие», и советовал Х. Вейцману как можно скорее отправиться в Каир, чтобы повидаться с Мойном и обсудить с ним будущее Палестины. Он сказал, что британское правительство организует этот перелет.

Вейцман, с облегчением узнав об изменении позиции Мойна, с готовностью согласился на поездку. Но через двадцать четыре часа после того, как Х. Вейцман покинул Чекерс, и прежде чем он

успел отправиться в Каир, два еврейских террориста, члены «Штерна» Элияху Бет-Зури и Элияху Хаким, совершили нападение на автомобиль Мойна возле его дома в Каире, убив Мойна и его шофера.

Черчилль был глубоко потрясен убийством одного из своих близких друзей. Еще двадцать лет назад лорд Мойн, которого в ту пору звали Уолтером Гиннессом, служил его заместителем в Министерстве финансов. Сделав сообщение об убийстве Мойна на заседании кабинета 6 ноября, Черчилль предложил, чтобы министр по делам колоний Оливер Стэнли встретился с Х. Вейцманом и «внушил ему, что Еврейское агентство должно сделать все, что в его силах, чтобы подавить террористическую деятельность». Выступая в палате общин, Черчилль заметил, что в последние годы Мойн «посвятил себя решению проблем сионизма», и добавил: «Я могу заверить палату, что евреи Палестины редко теряли лучшего и более информированного об их положении друга».

Когда Черчилль готовил проект заявления парламента об убийстве Мойна, Оливер Стэнли предлагал ему поставить вопрос следующим образом: либо полностью прекратить еврейскую иммиграцию в Палестину в ответ на эту террористическую вылазку, либо пригрозить таким прекращением, если акты терроризма не будут остановлены. Черчилль не хотел ни того, ни другого и за несколько часов до своего выступления в палате общин написал Стэнли: «Не сыграет ли прекращение иммиграции на руку экстремистам? В настоящее время основная масса евреев потрясена смертью лорда Мойна и настроена больше прислушиваться к призывам доктора Х. Вейцмана к спокойствию. Предлагаемое объявление о прекращении иммиграции станет для них потрясением другого рода. Оно вовсе не увеличит степень их раскаяния, а только спровоцирует новый раскол в еврейском обществе и вызовет острые формы протеста против правительства».

Если иммиграция будет прекращена, подчеркивал Черчилль, то сам доктор Х. Вейцман, несомненно, присоединится к протестам против этого, указывая, что несправедливо, когда вся еврейская община поголовно наказывается за действия немногочисленного экстремистского меньшинства. Инициатива в результате этого перейдет к экстремистам. Таким образом, люди, ответственные за убийство, окажутся в выигрыше. В результате «вместо того чтобы объединиться против террористических банд, силы сионизма и даже все мировое еврейство могут объединиться против нас».

– Конечно, ситуация требует знаковых действий, – объяснял

Черчилль Стэнли, – но не лучше ли направить их более четко против той части еврейской общины, на которой лежит прямая ответственность за этот инцидент, а именно, применив более жесткие наказания к тем, у кого обнаружено огнестрельное оружие, или к лицам, принадлежащим к запрещенным организациям? В частности, нельзя ли предпринять действенные меры по отношению к формально обладающим репутацией порядочных политиков руководителям партий, экстремистские крылья и отделения которых являются авторами этих политических преступлений? Если эти люди не имеют вида на жительство в Палестине, то их можно депортировать из Палестины, если же они палестинцы, то их следует лишить всех политических прав.

Пожелания Черчилля были удовлетворены, и иммиграционные правила остались неизменными. Именно в это время большому числу евреев, переживших нацистские жестокости в Румынии, было разрешено проследовать поездом из Стамбула в Палестину. Хотя Черчилль не позволил применить какие-либо репрессивные действия против еврейской общины, он, выступая 17 ноября в палате общин, в самых резких выражениях говорил о «постыдных преступлениях, шокировавших весь мир», которые «особенно сильно повлияли на тех, кто в прошлом, подобно мне самому, был верным другом евреев и трудился над устройством их будущего. Если наши мечты о сионизме погибнут в дыму выстрелов убийц и наш труд по созданию будущей Палестины произведет на свет лишь новую банду гангстеров, достойных нацистской Германии, то многие, подобные мне, пересмотрят позицию, которой они так долго и так упорно придерживались в прошлом».

Это заявление было с одобрением встречено многими парламентариями. Черчилль продолжал: «Если есть какая-то надежда на мирное и успешное будущее сионизма, то эта позорная деятельность должна быть прекращена, и те силы, которые несут за нее ответственность, должны быть выкорчеваны с корнем». Это также вызвало аплодисменты депутатов. Затем Черчилль сказал палате: «Я получил письмо от доктора Х. Вейцмана, президента Всемирной сионистской организации – моего старого друга, находящегося сейчас в Палестине, в котором он заверяет меня, что палестинские евреи до конца используют свои силы, чтобы вытравить это зло из своей среды. В Палестине Исполнительный совет Еврейского агентства призвал всю еврейскую общину – я цитирую его слова – «изгнать членов этих банд разрушителей из своей среды, лишить их всякого убежища и укрытия и оказать всяческое содействие властям в

предотвращении террористических актов и в подавлении террористических организаций». Это сильные слова, но мы должны подождать, чтобы эти слова обратились в дела. Мы должны увидеть, что не только лидеры еврейской общины, но и каждый мужчина, женщина и ребенок в этой общине сделают все, что смогут, чтобы положить терроризму быстрый конец».

Эти слова были встречены «громкими приветствиями» парламентариев. Основная ответственность по уничтожению терроризма, подчеркнул Черчилль, лежит на британских властях в Палестине, которые еще за две недели до убийства Мойна арестовали и депортировали 251 еврея, подозреваемого в террористической деятельности. Но при том что главная ответственность лежала на британском правительстве, заметил Черчилль, полный успех в этом деле зависел от «чистосердечного сотрудничества» всей еврейской общины, сотрудничества, которого британское правительство должно было от нее потребовать и получить.

Черчилль не знал, что 16 декабря Элияху Голомб, глава нелегальных сил «Хаганы», публично осудившей убийство лорда Мойна и сотрудничавшей с британским властями, чтобы прекратить терроризм, тайно встретился с Натаном Фридман-Еллиным, членом правящего триумвирата «Штерна». Два члена «Штерна» были тогда под судом за убийство Мойна, и триумвират хотел провести какой-нибудь впечатляющий террористический акт, который послужил бы предупреждением и местью. Одной из обсуждавшихся возможностей было убийство самого Черчилля. Но после бурного обсуждения ситуации Фридман-Еллин обещал Голомбу, что «Штерн» не станет покушаться на жизнь Черчилля.

Само Еврейское агентство уже не могло больше собственными силами сдерживать продолжающиеся акты еврейского террора внутри Палестины, которые были направлены не только против британцев, но и все больше против арабов. На Черчилля оказывали давление, требуя от него послать дополнительные британские подразделения в Палестину, а также направить их в Сирию, где местные арабы восставали против французов. Но поскольку британские войска были всецело сконцентрированы на задаче предотвращения коммунистического переворота в Греции, он отказался сделать это и 25 января 1945 года написал начальнику штаба генералу Исмею: «Пока наши войска находятся в этом регионе, в случае каких-либо стычек местного масштаба мы всегда можем использовать имеющиеся у нас подразделения против злоумышленников. При этом я не вижу нужды в значительных дополнительных подкреплениях. Предположим, что многие арабы захотят убить многих евреев,

или многие евреи пожелают убить многих арабов, или многие сирийцы захотят обрушиться на многих французов, или наоборот. Все это может происходить, как представляется, из-за того, что им хочется выплеснуть свою ярость друг на друга. Наша же позиция должна состоять в сосредоточенности и сдержанности. Реально мы не можем предпринять действий, которые остановили бы этих кровожадных людей и не позволили им убивать друг друга, если они подобным образом понимают демократию и систему взаимоотношений народов в мире. Главное для нас – держаться важных стратегических позиций. Я склонен думать, что в этих странах могут произойти гражданские войны, если только обстановку там не станут контролировать три великие державы-победительницы. Мы очень немного получаем от наших ближневосточных подопечных и платим за это необычайно высокую цену». Дав выход своему разочарованию, Черчилль написал далее Исмею: «Это побочное высказывание предназначено только для вас».

Суд над убийцами лорда Мойна проходил в Египте. Черчилль внимательно следил за процессом. «Каждый желает, чтобы этих двух убийц судили справедливым судом, – писал он Э. Идену, – но если они будут признаны виновными в убийстве Уолтера Мойна и при этом не приговорены к смерти, я не могу даже представить себе, какая поднимется буря».

Убийцы Мойна были признаны виновными и приговорены к высшей мере наказания. Однако спустя почти два месяца Черчилль узнал, что приговор так и не приведен в исполнение. В этой связи он телеграфировал британскому послу в Египте: «Я надеюсь, вы поймете, что пока приговоры убийцам лорда Мойна не будут приведены в исполнение, это будет вызывать заметную напряженность в отношениях между Великобританией и правительством Египта. Столь грубое вмешательство в исполнение правосудия несовместимо с дружескими отношениями, установившимися между нами. Поскольку на египетские власти в этом вопросе могут оказывать давление сионисты и американские евреи, я считаю правильным высказать вам мою личную точку зрения на этот предмет. Я рассчитываю на то, что вы будете действовать с максимальной осмотрительностью во всем этом вопросе. У меня, разумеется, нет причин предполагать, что в конечном счете закон не будет исполнен, и я посылаю вам это лишь для большей уверенности».

«Крайне важно, – вынужден был снова телеграфировать Черчилль послу, на этот раз 12 февраля из Крыма, – чтобы оба убийцы были казнены». Он дал специальное указание послу

«немедленно принести жалобу» в случае отсрочки казни. В результате казнь все-таки состоялась.

Как ни раздражен и огорчен был Черчилль убийством Мойна, это убийство не поколебало его глубинной симпатии к сионистам. Когда возник вопрос о выборе преемника Мойна, Черчилль лично отклонил кандидатуры двух представителей Министерства по делам колоний, лорда Селборна и лорда Уинтертона, старых консерваторов с большим правительственным и административным опытом, главным недостатком которых в его глазах являлось то, что они оба, как он узнал, были против идеи создания еврейского государства в Палестине.

В декабре 1944 года Черчилль полетел из Великобритании в Грецию, пытаясь остановить инспирированное Москвой коммунистическое восстание и убедить греческих коммунистов войти в правительство национального единства. Чтобы обеспечить своим политическим аргументам соответствующую силовую поддержку, он предложил перебросить целую дивизию британских войск в количестве двенадцати тысяч человек из Палестины в Грецию. «Конечно, это будет означать, – указывал он Министерству обороны, – что до тех пор, пока ситуация в Палестине не станет легче, нельзя предпринимать никаких резких действий в отношении евреев, способных вызвать их раздражение, таких, как, например, полномасштабные обыски в поисках спрятанного оружия».

Осознавая, что внутри партии консерваторов существует сильная оппозиция плану создания в будущем еврейского государства в Палестине, и зная, что его собственные взгляды на эту проблему почти не имеют веса внутри партии, лидером которой он являлся с осени 1940 года, Черчилль посоветовал Х. Вейцману отправиться в Соединенные Штаты с тем, чтобы заручиться в этом вопросе поддержкой американского президента и конгресса. В совершенно секретном докладе, датированном декабрем 1944 года, лондонское отделение базировавшегося в Вашингтоне Управления стратегических служб (УСС) сообщало, что по прибытии в Соединенные Штаты Х. Вейцман намеревался встретиться с президентом и представителями американской администрации, с тем чтобы «искать содействия в исполнении своих планов. Как он утверждает, придерживаться этого курса ему советовал сам мистер Черчилль».

Расчет Черчилля оказался верным: Х. Вейцман действительно получил более заметную поддержку планам создания еврейского

государства в политических кругах Соединенных Штатов, нежели в Великобритании. При этом, однако, несмотря на все заверения Черчилля, что, если Черчилль и Рузвельт встретятся за столом мирной конференции по окончании войны, то «они добьются чего хотят» для палестинских евреев, даже сам Рузвельт был готов в зависимости от обстоятельств изменить свою позицию в плане поддержки надежд сионистов на образование собственного государства в Палестине.

Глава двадцать первая
Саудовское направление

В начале 1945 года три независимых арабских государства – Саудовская Аравия, Египет и Ирак – пожелали узнать о намерениях Великобритании и Соединенных Штатов в отношении будущего еврейских поселений в Палестине. В это время Черчилль продолжал искать решение, которое позволило бы создать сионистское государство, благодаря которому 517000 евреев, живших тогда в Палестине, то есть меньше трети всего населения, должны были получить собственное государство, которое не зависело бы от милости враждебного арабского большинства и могло бы самостоятельно управляться хотя бы в рамках той части территории страны, которую надеялись получить представители еврейской общины.

В феврале 1945 года Черчилль посетил Рузвельта на борту американского военного корабля «Куинси», вставшего на якорь у побережья Египта. Рузвельт к этому моменту был уже серьезно болен. Черчилль еще за неделю до того был поражен заметной бледностью его лица во время заседаний Ялтинской конференции и чувствовал, что жить ему осталось недолго. Перед тем как Черчилль поднялся на борт «Куинси», Рузвельт провел несколько часов в беседах с саудовским монархом королем Ибн Саудом. Ибн Сауда убедил встретиться с Рузвельтом именно Черчилль, сказавший Ибн Сауду, что «президент Рузвельт – один из самых почитаемых моих друзей».

Встреча Рузвельта с Ибн Саудом 14 февраля не оказалась обнадеживающей с точки зрения ожиданий Черчилля, связанных с созданием в недалеком будущем еврейского государства в Палестине. Согласно записи беседы Рузвельта с Ибн Саудом, копия которой была послана Черчиллю, Рузвельт начал обсуждение с того, что попросил у короля совета относительно дальнейшей судьбы «еврейских беженцев, изгнанных из своих домов в Европе». Король ответил: «Евреи должны возвратиться в те страны, откуда они были изгнаны, и жить там». Евреи же, дома которых были «полностью разрушены и у которых нет возможности жить на бывшей родине, должны получить жизненное пространство в странах Оси, которые их угнетали и преследовали».

Полковник Уильям А. Эдди, сопровождавший Ибн Сауда по морю из Джидды, вспоминал, что Ибн Сауд сказал по поводу выживших в ходе Второй мировой войны евреев: «Им и их

потомкам следует отдать лучшие земли и дома угнетавших их немцев».

Рузвельт отвечал на это, что евреи «с неохотой относятся к идее возвращения в Германию» и что они питают «основанное на сентиментальных чувствах и исторической памяти желание попасть в Палестину». Ибн Сауд возразил на это, сказав Рузвельту: «Надо заставить платить врага и угнетателя. Так мы, арабы, оцениваем ситуацию, которая возникает в результате войны. Возмещение должен заплатить преступник, а не невинный посторонний. Чем обидели арабы европейских евреев? Это немцы-христиане захватили их дома и отняли у них жизни. Пусть немцы и заплатят за это».

Ибн Сауд подчеркнул, что «арабы и евреи никогда не смогут сотрудничать» – ни в Палестине, ни в какой-нибудь другой стране. Он также предупредил американского президента о «нарастающей угрозе существованию арабов» в результате продолжающейся еврейской иммиграции и покупки земли евреями. Арабы «скорее выберут смерть, – сказал король президенту, – чем уступят свою землю евреям». В соответствии с другим арабским обычаем, пояснил Ибн Сауд, «выживших жертв войны следует распределить на жительство в странах-победителях в соответствии с их числом и наличием запасов воды и продовольствия. В лагере союзников находится около пятидесяти стран, среди которых Палестина – одна из самых маленьких и бедных стран, в которой и так уже достаточно много беженцев из Европы».

Чарльз Болен, американский дипломат, находившийся на борту «Куинси», написал в своих мемуарах, что Ибн Сауд сказал Рузвельту, что в прошлом никогда не было «никакого конфликта между двумя ветвями семитской расы на Ближнем Востоке. Что изменило всю картину, так это иммиграция из Восточной Европы людей, стоящих на более высоком техническом и культурном уровне, чем арабы». В результате у арабов «появились большие затруднения, связанные с тем, что им стало гораздо сложнее выживать экономически». Тот факт, что эти «энергичные европейцы были евреями, не был причиной конфликта, – сказал король. – Причиной конфликта явилось то, что они обладали значительно более высокими познаниями, техническими возможностями, способностями и культурой, чем местное арабское население».

Затем президент США, как следовало из записи беседы, сказал саудовскому королю, что он слышал от Черчилля, что арабы не против того, чтобы евреи могли поселиться в Ливии, которая «намного больше Палестины и мало населена». Ибн Сауд

сразу отрицательно прореагировал на это, сказав Рузвельту, что «это было бы нечестно по отношению к мусульманам Северной Африки». Он сказал Рузвельту, что арабы надеются, что существующий порядок вещей и положение дел не будут нарушены и что эта «надежда арабов покоится на честном слове союзников, на известной любви Соединенных Штатов к справедливости и на ожидании, что Соединенные Штаты поддержат своих арабских союзников».

Рузвельт заверил Ибн Сауда, что он «не сделает ничего, чтобы помочь евреям в борьбе против арабов и не сделает ни одного шага, враждебного арабскому народу» и что его администрация не изменит свою политику в Палестине «без полной предварительной консультации с евреями и арабами». Рузвельт предложил, чтобы король оказал поддержку дипломатическим миссиям арабских стран в Великобритании и Соединенных Штатах в выдвижении аргументов против планов сионистов, потому что, как сказал президент, «многие люди в Англии и Америке оказываются дезинформированными». Король ответил, что такая работа могла бы быть полезной, но «важнее всего то, что президент только что сказал ему о своей политике по отношению к арабскому народу».

После встречи с Ибн Саудом Рузвельт сказал своим старшим советникам, что арабы и евреи стоят «на пути к столкновению» и войне в Палестине и что по возвращении в Вашингтон он планирует встретиться с лидерами конгресса в поисках «какой-то новой политики, которая отвратила бы их от этого». 5 апреля, всего за неделю до смерти, Рузвельт написал письмо Ибн Сауду, подтверждая обещание, сделанное на борту «Куинси», что «в качестве руководителя исполнительной власти США я не предприму никаких действий, враждебных по отношению к арабскому народу».

Это обязательство полностью противоречило тому, чего, как полагал Черчилль, придерживался Рузвельт – такой же, как его собственная, приверженности идее создания еврейского государства в Палестине.

Описывая перед американскими конгрессменами свою встречу с Ибн Саудом, Рузвельт рассказал, как произошла эта перемена в его мнении. «Обсуждая проблемы Саудовской Аравии, – сказал он, – я узнал больше о всей проблеме – о проблеме мусульман и о еврейской проблеме – в течение пятиминутного разговора с Ибн Саудом, чем мог узнать, обмениваясь двумя или тремя дюжинами писем». Услышав это, один из старших помощников Рузвельта саркастически заметил: «Единственное, что он узнал, – это то, что уже знает каждый, а

именно то, что арабы не хотят видеть больше евреев в Палестине».

Черчилль понимал истинную причину неожиданного поворота Рузвельта в сторону признания арабской точки зрения: это была заинтересованность США в поставках арабской нефти. Рузвельт не испытывал, подобно Черчиллю, никаких особых чувств по отношению к сионистскому предприятию, с которым сам Черчилль был связан уже долгих четырнадцать лет. Черчилль осознавал несгибаемость позиции Ибн Сауда в отношении евреев, но он был убежден, что надо попытаться убедить короля более позитивно отнестись к возможности создания в будущем еврейского государства в Палестине, вне зависимости от теоретической возможности появления еврейских беженцев в Ливии.

Покинув «Куинси», Черчилль прибыл в Каир, откуда 17 февраля он направился через пустыню в «Отель дю Лак» на озере Файюм, где остановился Ибн Сауд. Среди британских чиновников, присутствовавших в Файюме, был Лоуренс Графти Смит, новоназначенный посланник в Саудовской Аравии, находившийся на пути в Эр-Рияд. Позднее он вспоминал, что Черчилль сказал ему перед встречей с Ибн Саудом, что «из уважения к взглядам Э. Идена и Форин офиса он не собирается упоминать про Палестину в разговоре с королем». Богатое нефтью королевство не следовало толкать в руки Соединенных Штатов. Графти Смит позднее с гордостью вспоминал, что именно он сумел убедить Черчилля не упоминать о проблеме Палестины.

Однако Графти Смит оказался не в курсе дела. На заседании правительства Черчилль сообщил, что, беседуя с Ибн Саудом, он сам поднял вопрос о Палестине, вовсе не стараясь уклониться от обсуждения этой темы. Как было отмечено в стенограмме заседания правительства, Черчилль «в разговоре с Его Величеством отстаивал сторону евреев, но, как он считает сам, ему не удалось произвести большого впечатления на короля. Ибн Сауд в ответ цитировал положения Корана, Черчилль же пытался убедить короля в важности, которую он придавал этому вопросу».

Официальный отчет о беседе Черчилля с Ибн Саудом оставался секретным до 2006 года, когда я в процессе написания этой книги впервые получил доступ к нему. Отчет показывает, что в самом начале разговора Ибн Сауд объяснил Черчиллю, что «он, саудовский монарх, находится в очень затруднительном положении. Число евреев в Палестине непрерывно растет, они даже сформировали что-то вроде собственного правительства, включая премьер-министра, министра иностранных дел и министра обороны. Они сформировали также воинские

подразделения в количестве 30 000 человек с современным оружием и оборудованием. Таким образом, они представляют большую опасность для арабов». Если бы это касалось «только евреев и арабов, – объяснил король, – то арабы просто сражались бы с евреями, и даже если бы они не победили, это было бы для них все равно, потому что они отправились бы в рай». Он постоянно советовал проявлять умеренность по отношению к проблеме Палестины, поскольку опасается, что может возникнуть вооруженное столкновение, и тогда он встретится с «большими трудностями». Он не хотел бы быть вовлеченным в подобный конфликт, который привел бы Саудовскую Аравию к столкновению с Великобританией.

Черчилль старался убедить Ибн Сауда в том, что Великобритания не допустит вооруженного нападения евреев на арабов: «Мы контролируем моря и легко можем лишить их снабжения. В то же время евреи должны иметь место, где жить, – другими словами, иметь возможность жить в Палестине. Он никогда не выступал за то, чтобы Палестина была превращена в еврейское государство, он лишь за создание еврейского национального очага в Палестине». Черчилль отметил, что работа, проделанная евреями по культивированию пустынных районов в Палестине, создает преимущества для арабов, «количество населения и благосостояние которых в связи с этим увеличились». Он надеялся, что может рассчитывать на содействие короля, чтобы обеспечить «твердый и постоянный порядок при совместном проживании евреев и арабов в Палестине».

Ибн Сауд сказал, что он «рассчитывает на дружбу Великобритании с арабами и на соблюдение британской стороной принципа справедливости». В ответ Черчилль заверил его «в дружбе с арабами» и отметил, что «мы много сделали для арабов со времени прошлой войны, создав арабские государства в Ираке и Трансиордании». Но, как отмечается в отчете о встрече, Черчилль чувствовал, что так и не смог «полностью удовлетворить» Ибн Сауда в отношении проблемы Палестины.

Управление стратегических служб (УСС) США пожелало узнать, что именно Черчилль обсуждал в Каире. В совершенно секретном докладе от 21 февраля его ближневосточное отделение информировало Вашингтон, что во время ряда встреч в Египте между Черчиллем, Э. Иденом, египетским королем Фаруком, президентом Сирии Шукри аль-Куватли и королем Ибн Саудом «в центре дискуссии стоял вопрос о разделении Палестины на независимое прибрежное еврейское государство и на арабское

государство, которое должно быть «растворено» в Великой Сирии». В докладе сообщалось, что «план, включавший образование Великой Сирии, был принят всеми участниками встречи, но Черчилль дал понять, что прежде чем быть осуществленным, этот план должен быть одобрен британским парламентом. В соответствии с этим планом Ливану была обещана автономия, но в рамках Великой Сирии».

Арабские националисты считали, что Великая Сирия должна включать Сирию, Ливан и Палестину. УСС США полагало, что не британский парламент, а послевоенная мирная конференция по Ближнему Востоку обеспечит создание независимого еврейского государства в Палестине.

Черчилль не испытывал иллюзий в отношении трудностей своей задачи. 25 марта ему показали письмо эмира Трансиордании Абдаллы, в котором тот недвусмысленно предупреждал: «Обитатели арабского мира испытывают крайнее беспокойство по поводу будущего Палестины». Одна из причин этого, как пояснял Абдалла, заключается в том, что арабы верят, что Палестина служит для евреев лишь средством для достижения в будущем экономического и политического доминирования над всем арабским миром. Спустя шесть недель Черчилль получил столь же длинное и эмоциональное письмо от Ибн Сауда, настаивавшего на том, что образование еврейского государства в Палестине «станет смертельным ударом для арабов и постоянной угрозой миру. Еврейские амбиции, – настаивал король, – не ограничиваются одной Палестиной. Их приготовления показывают, что они намерены предпринять враждебные действия против соседних арабских государств». Евреи готовятся «установить своеобразную форму нацизма или фашизма на виду у демократических стран и посреди арабских стран».

В письме короля содержалась жалоба на допущенные в далеком прошлом несправедливости. Он писал, что упоминаемый в Библии Иешуа захватил землю «арабского племени» ханаанейцев «с великой жестокостью и варварством». Король писал, что арабы жили в Палестине за 3500 лет до рождения Иисуса Христа. В течение 1300 лет они правили здесь «одни или с турками». «Управление же Палестиной евреев продолжалось не более 380 смутных и спорадических лет, закончившихся в 332 году до христианской эры. В течение 2200 лет здесь жили очень немного евреев, не имевших никакого влияния. Евреи были всего лишь чужаками, временами появлявшимися в Палестине, и были изгнаны отсюда более двух тысяч лет назад», – отмечал король Саудовской Аравии.

Черчилль хорошо знал эти аргументы. Впервые он услышал их в различных вариантах двадцать четыре года назад в Иерусалиме и с тех пор искал способ их опровергнуть. Он слышал, как Ибн Сауд повторял их в Файюме. И тем не менее он был убежден, что создание еврейского государства в Палестине будет одной из важнейших, пусть и очень трудных, послевоенных задач. Черчилль считал, что для создания этого государства есть все исторические основания. Лично у него имелись твердая убежденность в необходимости его создания и политическое умение, чтобы способствовать его образованию.

Однако конкретные планы Черчилля по созданию еврейского государства в Палестине так никогда и не были открыто обсуждены ни в британском парламенте, ни на послевоенной мирной конференции по Ближнему Востоку, которую рассчитывал провести Черчилль и на которой он надеялся убедить Ибн Сауда поддержать образование суверенного независимого еврейского государства как части Арабской федерации, главой которой должен был стать Ибн Сауд. «Я серьезно надеюсь, – писал Черчилль королю Саудовской Аравии в этой связи, – что наши обсуждения приведут к результату, справедливому с точки зрения прав и интересов всех заинтересованных сторон».

Но через пять месяцев после встреч Черчилля с лидерами США и Саудовской Аравии в Египте консервативная партия потерпела поражение на всеобщих выборах в Великобритании, и все вопросы Великобритании и Палестины оказались в ведении нового премьер-министра, представителя британских лейбористов Клемента Эттли. Черчилль, ставший лидером оппозиции, мог лишь со смешанным чувством разочарования, недоверия и гнева наблюдать за финальным актом драмы британского мандата в Палестине.

Глава двадцать вторая
От войны к миру: «Я буду продолжать делать все, что могу»

В марте 1945 года сражения Второй мировой войны все еще происходили с большой ожесточенностью в Северной Европе, на Восточном фронте, на Балканах и в Италии. Силы союзников в Италии под командованием фельдмаршала сэра Гарольда Александера включали в себя и еврейскую бригаду, по настоянию Черчилля сражавшуюся под своим знаменем с изображением звезды Давида. Узнав об успехах армии Александера на полях сражений, Черчилль телеграфировал: «Никогда, я думаю, так много народов не сражались и не бились в одном строю столь победоносно. Британцы, американцы, новозеландцы, южноафриканцы, британские индийцы, поляки, евреи, бразильцы и итальянская освободительная армия, объединенные духом высокого товарищества и единства людей, борющихся за свободу и за спасение человечества, совместно шли в слитном строю на общего врага».

18 апреля, когда силы союзников продвинулись далеко в глубь Германии, Верховный главнокомандующий войсками союзников в Европе генерал Дуайт Эйзенхауэр позвонил Черчиллю и сообщил ему, что его войска вошли в концентрационный лагерь в Ордруфе, около города Гота. Зрелище, с которым столкнулись американские войска, потрясло их: они увидели четыре тысячи изможденных трупов, сваленных в канавы. Это были русские военнопленные, польские рабочие и евреи из дюжины стран, все умершие от истощения и болезней или расстрелянные в ходе массовых казней при приближении армий союзников. На следующее утро после того как американские войска вошли в Ордруф, начальник штаба Эйзенхауэра генерал Беделл Смит сообщил Черчиллю о том, что были освобождены еще несколько концентрационных лагерей, включая Бухенвальд. «Эти лагеря выглядят еще более чудовищно, чем те, о которых вчера говорил вам генерал Эйзенхауэр и фотографии которых появились сегодня в печати», – отметил он. Американские военные назвали концентрационный лагерь Бухенвальд возле Веймара «кульминацией жестокости».

«Представители США, – сообщил Эйзенхауэр Черчиллю, – могут опоздать и не увидеть все ужасы, на которые мы наткнулись в Бухенвальде, тогда как англичане, находясь

намного ближе к этому месту, смогли бы попасть туда вовремя». Черчилль сразу согласился на направление в Бухенвальд британской делегации. Эйзенхауэр надеялся, что члены британского парламента и журналисты будут отправлены туда как можно быстрее, чтобы «увидеть неописуемые ужасы, превосходящие все, что можно было увидеть прежде, когда были обследованы другие лагеря пыток». «Увиденные в окрестностях Веймара жестокости, – отметил Черчилль, – действительно превосходили все прежние примеры подобных деяний и само воображение».

В тот же день Черчилль рассказывал в палате общин об ужасе, который испытали члены британского правительства, получив сообщение об «обнаружении доказательств этих жутких преступлений». Эйзенхауэр предложил ему сразу же направить на место группу членов парламента, чтобы они сами получили из первых рук наглядные свидетельства этих жестокостей. Дело было неотложным, объяснил Черчилль, поскольку во многих случаях представлялось невозможным остановить процесс разложения трупов. Черчилль решил, что в эту парламентскую делегацию следовало включить восемь членов палаты общин и двух членов палаты лордов. Делегации было необходимо немедленно отправиться в Германию, чтобы осмотреть концлагерь Бухенвальд, а также другие концентрационные лагеря в американском и британском секторах.

Черчилль попросил выбрать добровольцев для выполнения этого «исключительно неприятного, но тем не менее необходимого дела». Они должны были быть выбраны сегодня, с тем чтобы отправиться в путь на следующий же день. «Я надеюсь, – сказал Черчилль, – что палата одобрит мое решение об отправке этой делегации, принятое столь быстро». Палата дала свое одобрение. «Все в Англии находятся в состоянии шока», – телеграфировал Черчилль Эйзенхауэру в тот же вечер. А на следующее утро он написал своей жене Клементине, навещавшей в это время госпитали в Советском Союзе. «Мы все здесь шокированы ужасными разоблачениями германской жестокости в концентрационных лагерях. Генерал Эйзенхауэр предложил мне послать туда парламентскую делегацию. Я сразу согласился, и она отправляется сегодня. Они прибудут на место и увидят все ужасы своими глазами. Это ужасная, но необходимая обязанность».

Британская парламентская делегация прибыла в Бухенвальд 27 апреля. «Один полуголый скелет, – писали члены делегации в своем отчете, – ковылявший вдоль дороги точно на ходулях, увидев нашу группу, повернулся к нам, улыбнулся и

приветствовал нас». Далее они писали: «С момента освобождения прошло десять дней. Число смертей бывших заключенных в первые дни после освобождения лагеря ежедневно достигало сотни и более. В день перед нашим приездом умерли тридцать пять заключенных. Медицина была уже бессильна спасти их».

7 мая 1945 года Германия безоговорочно капитулировала. Война с Германией закончилась. Военная кампания немецких фашистов, которая привела к убийству шести миллионов евреев и более десяти миллионов других пленных – среди которых были русские, поляки, греки и сербы, наконец завершилась. Черчилль был центральной фигурой в деле разрушения германской военной машины и нацистской тирании, руководя военными усилиями Великобритании на земле, на море и в воздухе в течение пяти лет. Симон Хасс, польский еврей, переживший войну в советском трудовом лагере, вспоминал комментарий своего товарища по заключению в разгар войны: «У нас не было хлеба, но у нас был Черчилль».

Почти через двадцать лет после окончания войны – и через три дня после смерти Черчилля – Галина Нейман, пережившая ужасы Варшавского гетто, писала в «Нью-Йорк таймс» из своего дома в Ньюарке, штат Нью-Джерси: «Для меня делом чести будет пояснить вашим читателям, что значил Уинстон Черчилль для нас, гонимых, преследуемых, прятавшихся от нацистов. Когда в Европе исчез весь свет, то в темноте долгой ночи его голос, его речи сохраняли нам жизнь. Он и его голос давали нам единственную надежду, что зло закончится, что мир не подчинится злу. Да благословит Господь его память».

Война с Германией закончилась, но будущее Палестины оставалось неясным. Таким же было и будущее более ста тысяч евреев, освобожденных из концентрационных лагерей и вышедших из убежищ и собранных теперь в лагерях для перемещенных лиц в Германии. Лишь немногие из находившихся ныне в лагерях для перемещенных лиц хотели вернуться в свои дома в Центральной и Восточной Европе, дома, которые уже были захвачены местными жителями, не желавшими возвращения немногих уцелевших евреев. Для большинства оставшихся в живых евреев Европа была пропитанным кровью кладбищем. Многих влекла Палестина.

24 мая 1945 года, спустя две недели после капитуляции Германии, Хаим Вейцман написал Черчиллю письмо, вложив в него призыв Еврейского агентства отменить все ограничения на въезд евреев в Палестину. «Еврейский народ ждал окончания войны с Германией, – писал Х. Вейцман, – ожидая не только

освобождения от Гитлера, но и отмены установленного «Белой книгой» 1939 года несправедливого порядка, значительно усилившего их страдания и повлекшего за собой потери человеческих жизней. Мы с благодарностью вспоминаем, как благодаря вам мы могли расслышать голос британской совести».

Вейцман проницательно отмечал в письме Черчиллю: «Мы заметили, как в годы войны вы никогда не говорили ничего, что можно было интерпретировать как принятие вами положений «Белой книги» 1939 года. Это позволяло мне требовать от нашего народа терпения. Но теперь война с Германией закончилась. Под вашим руководством в ней достигнута победа. Ваше слово никогда не имело такого веса, как сейчас. Положения «Белой книги» все еще действуют. Они продлевают агонию выживших евреев. Не можете ли вы сказать свое слово, которое исправит несправедливое положение и освободит наш народ?» Х. Вейцман с горечью добавил: «Положение евреев в освобожденных странах отчаянное. Политическое же положение в Палестине становится невыносимым, так же, как и мое личное положение на посту президента Еврейского агентства. Аргументы, которые я раньше использовал, перестали действовать. Когда же произойдет окончательное решение нашего вопроса, если оно не состоялось даже после победы над Германией? Каждая проходящая неделя, каждый запрос в парламенте, в ходе которого дебатируются вопросы о законности положений «Белой книги», увеличивают заинтересованность наших противников в сохранении этого фатального для нас документа. Пришло время отказаться от «Белой книги», чтобы открыть евреям дорогу в Палестину и провозгласить там создание еврейского государства. Мой священный долг просить вас осуществить это и осуществить немедленно».

Черчилль с симпатией относился к призыву Х. Вейцмана, но он знал, что дни его пребывания во власти уже сочтены. 23 мая, на следующий день после получения письма Х. Вейцмана и через два дня после того, как лейбористская партия решила выйти из всепартийной правительственной коалиции под руководством Черчилля, эта коалиция оказалась распущенной. Новое временное правительство, руководимое Черчиллем, было составлено из одних консерваторов. Большая же часть консервативных членов парламента неприязненно относились к делу сионистов в Палестине и поддерживали ограничения «Белой книги», за которую они голосовали шесть лет назад. Кроме того, это правительство было чисто временным; оно должно было находиться у власти только до того момента, пока всеобщие выборы не дадут избирателям шанса заменить его новым

правительством, составленным из представителей парламентского большинства, которое должно было определиться по итогам выборов. Результаты выборов должны были стать известны в июле.

9 июня Черчилль послал Х. Вейцману краткий ответ на его письмо от 22 мая. «Я боюсь, что не будет возможности, – писал он, – продуктивно рассмотреть этот вопрос до начала специальной мирной конференции с участием союзников-победителей». На этой конференции, которая, согласно планам Черчилля, должна была состояться в течение 1945 года, должно было быть определено будущее Палестины.

Ответ Черчилля вызвал уныние в сионистских кругах. Когда он обсуждался в Политическом сионистском комитете в Лондоне 13 июня, Х. Вейцман осудил письмо Черчилля, как «противоречащее реальному пониманию всей этой проблемы». Но, обсудив позднее это письмо со старшим личным секретарем Черчилля Джоном Мартином, собиравшимся покинуть Даунинг-стрит, 10, чтобы перейти на службу в Министерство по делам колоний, он услышал от Мартина следующее: «Абсурдно думать, будто Черчилль мог переменить свое мнение». Мартин предложил Х. Вейцману встретиться с Черчиллем после выборов. Со своей стороны, Д. Бен-Гурион посчитал, что это просто слова, предупреждая Х. Вейцмана, что использование выборов «всего лишь отговорка» Великобритании, чтобы потребовать от евреев «дальнейшего ожидания».

Для Бен-Гуриона письмо Черчилля было «сильнейшим ударом, полученным евреями». Хотя он признавал, что Черчилль «не имел дурных намерений по отношению к ним», и все еще считал себя «другом сионизма», еврейский народ был «сейчас абсолютно бессилен и беспомощен, и величайшим злом было предать этот народ».

Х. Вейцман также ощущал горечь. «Если бы Черчилль хотел уладить дело, – сказал он, – он мог бы это сделать». Что же касалось приписываемого покойному президенту Рузвельту заявления об одобрении им идеи создания суверенного еврейского государства в Палестине, которое он будто бы сделал в беседе со Стивеном Уайзом, одним из лидеров американской еврейской общины, то Х. Вейцман так прокомментировал его: «Не было ли это просто «лунным светом» – средством держать волка подальше от дверей?»

В тот же вечер 13 июня Х. Вейцман повидался с Рэндольфом Черчиллем. На следующее утро Х. Вейцман сообщил своим коллегам, в том числе и Бен-Гуриону, что, когда он показал Рэндольфу Черчиллю письмо его отца, то Рэндольф сказал: «Не

придавайте большого значения тому, что пишет мой отец. Он чувствует себя очень усталым и лишенным сил». Х. Вейцман сказал своим коллегам, что был рад услышать это от Рэндольфа Черчилля, но что при этом он, Вейцман, в любом случае остался с письмом, «откладывающим важное решение до неопределенного времени».

15 июня Х. Вейцман написал Черчиллю откровенное письмо: «Мой дорогой премьер-министр, я хотел бы поблагодарить вас за письмо от 9 июня, хотя признаюсь, что его содержание стало для меня большим ударом. Из наших обсуждений всегда следовало, что проблемы евреев в Палестине будут рассмотрены, как только закончится война с Германией. Но ваша фраза о том, что это сможет произойти, только «когда победившие в войне союзники определенно усядутся за стол мирных переговоров», содержит лишь намек на некую неопределенную дату в будущем. Я едва могу поверить, что таково было ваше истинное намерение, потому что я уверен, что вы прекрасно понимаете, что означает для еврейского народа продолжение действия положений «Белой книги» 1939 года. Она закрывает двери Палестины выжившим в ходе войны остаткам европейского еврейства, и многие беженцы вынуждены ныне скитаться или умирать, потому что они не могут попасть в Палестину. Что касается живущих в Палестине 600000 евреев, то продолжение действия «Белой книги» означает для них заключение в территориальное гетто, состоящее из пяти процентов территории Западной Палестины. Они едва могли выдержать это во время войны, а теперь положение становится совсем невыносимым. Каждая неделя, пока Палестина остается под властью положений «Белой книги», делает эту трагедию еще более острой. Я очень серьезно прошу вас принять это во внимание».

Не получив от Черчилля никакого ответа вплоть до 27 июня, Х. Вейцман выразил свое глубокое разочарование по этому поводу на следующем заседании Политического сионистского комитета. Евреи, сказал он своим коллегам, «это всего лишь маленький народ». Наш народ не может бороться ни с Черчиллем, ни с преемником Рузвельта на посту президента США Гарри Трумэном, но он должен быть «честным перед своей совестью, сказав лидерам западного мира: “Вы совершили то, что совершили, но не ждите, чтобы я проглотил это”». Х. Вейцман сказал далее своим коллегам, что он чувствует «большую горечь; они достигли конца большого пути. Они сделали все, что смогли. Но у него нет доверия к результатам предстоящей встречи «большой тройки». Никого теперь не интересует, что произошло с евреями. Никто и пальцем не шевельнул, чтобы прекратить их

убийства во время войны. А теперь никто не интересуется и теми немногими евреями, кто выжил».

Черчилль между тем обдумывал ответ на письмо Х. Вейцмана от 15 июня. Сначала он направил копию его письма министру по делам колоний, приписав при этом: «Думаю, что лучше всего оставить письмо Вейцмана без ответа. Однако эти материалы помогут вам сформулировать некоторые идеи, которые пригодятся для возможного ответа в будущем». Но в конце концов 29 июня Черчилль послал Вейцману свой ответ. Это была серьезная попытка описать то, как он видел существующее положение. «Мой дорогой Вейцман, – писал Черчилль, – боюсь, мне нечего добавить к моему письму от 9 июня. Я могу лишь разъяснить, что выражение «мирная конференция» означает мирную конференцию, на которой должны быть решены все проблемы, накопившиеся к концу войны. Я не знаю, какой курс изберут великие державы. Но я верю, что после проведения в июле конференции союзных государств основные великие державы еще до конца нынешнего года предпримут четкие попытки решить некоторые особо острые территориальные вопросы, и что тогда и настанет момент, когда проблемы евреев в Палестине будут должным образом рассмотрены».

Далее Черчилль поделился с Вейцманом своим постоянно растущим убеждением в том, что евреям Палестины следует искать содействия в деле утверждения их государственности прежде всего у Соединенных Штатов Америки. «Знакомясь с нападками на то, как Великобритания рассматривает проблемы сионистов, которые можно часто встретить в американских газетах, – писал Черчилль, – я подумал, что эффективным разрешением ваших трудностей могла бы стать передача мандата на Палестину от Великобритании к Соединенным Штатам. США, с их огромным богатством и мощью и со значительной еврейской прослойкой населения, могли бы сделать больше для дела сионизма, чем Великобритания. Как вы, должно быть, знаете, у меня очень мало сторонников в консервативной партии, и даже лейбористы, кажется, потеряли интерес к идее создания еврейского государства в Палестине».

Черчилль был прав и очень реалистичен в своих оценках; Х. Вейцман был близок к отчаянию. Но Черчилль намеревался обсудить вопрос о Палестине на специальной послевоенной мирной конференции. Она, как надеялся Черчилль, могла была бы быть проведена после Потсдамской конференции. Потсдамская же конференция с участием представителей «большой тройки» – Черчилля, Сталина и Трумэна – должна была начаться 15 июля и обсудить европейские проблемы и

продолжение войны с Японией.

Желая успокоить Х. Вейцмана, Черчилль 15 июня написал Джону Мартину для передачи Х. Вейцману: «Я сказал «на мирной конференции», имея в виду предстоящую в ближайшем будущем мирную конференцию в Европе, которая может состояться очень скоро, еще до окончания войны с Японией, если только эта война не закончится преждевременно». Х. Вейцмана это не успокоило, и 27 июня он сказал своим ближайшим друзьям в Лондоне, что Черчилль и Рузвельт «унизили его, может быть, и непреднамеренно, но проявив невнимательность. Они дали обещания, которые не выполнили и не собирались выполнять. Ведь они имели дело всего лишь с маленьким народом; этот народ не мог бороться с Черчиллем или Трумэном, но он мог сохранить чистой свою совесть, сказав: «Вы сделали то, что сделали, но вам не следует ожидать, что я это проглочу». Вейцман «не думал, что Еврейское агентство это проглотит. Он понимал, что его отставка приведет к опасному развитию событий и что последствия этого могут оказаться весьма серьезными. Он чувствовал большую горечь; он достиг конца долгой дороги. Они сделали все, что могли. Он испытывал полное доверие к мистеру Черчиллю и генералу Смэтсу, но оба их письма вызвали в нем чувство глубочайшего разочарования». Генерал Смэтс направил Х. Вейцману письмо практически того же содержания, что и Черчилль.

20 июля Рэндольф Черчилль написал своему отцу: «Вчера я разговаривал с Х. Вейцманом. Как ты, возможно, знаешь, Всемирная сионистская организация собирается провести свой сьезд 31 июля, впервые за последние шесть лет. Х. Вейцман кажется искренне озабоченным тем, что его могут сместить с поста лидера организации экстремисты, если только он не даст какой-то надежды на будущее. Самым острым вопросом, разумеется, является иммиграция. Он опасается, что если нынешний запрет на иммиграцию не будет смягчен, возникнет множество нелегальных иммигрантов, многих из которых придется ловить и изгонять из Палестины, возможно, с применением кровопролития».

Вейцман сказал Рэндольфу Черчиллю, что президент Трумэн «полностью информирован о положении евреев в Палестине и проявляет к ним сочувствие». Рэндольф сказал своему отцу: «Мне жаль, что я вынужден беспокоить тебя этим теперь, когда у тебя так много более важных вещей, которыми ты должен заниматься. Но мне кажется, что независимо от того, будете ли вы с Трумэном обсуждать палестинскую проблему или нет, кто-то должен повидаться с Х. Вейцманом до 31 июля и проинформировать его о

том, какой линии ему стоит придерживаться». Черчилль поручил встретиться с Х. Вейцманом министру по делам колоний Оливеру Стэнли. Но Стэнли лишь вновь подтвердил Вейцману, что мирная конференция по Ближнему Востоку сможет состояться лишь после окончания Потсдамской.

5 июля состоялись парламентские выборы в Великобритании. Их результатов следовало дожидаться еще три недели – должны были быть подсчитаны голоса солдат и офицеров действующей армии, включая тех, кто проходил службу на Дальнем Востоке. 6 июля, за день до отъезда из Англии в девятидневный отпуск, который Черчилль собирался провести, занимаясь живописью во французских Пиренеях, он написал министру по делам колоний Оливеру Стэнли и начальникам штабов британских вооруженных сил, послав копию этого письма и Э. Идену: «Вся палестинская проблема должна обсуждаться на специальной мирной конференции, хотя может быть затронута и в ходе Потсдамской конференции. Я не считаю, что мы должны брать на себя ответственность за управление этим трудным регионом, пока американцы спокойно сидят и критикуют нас. Нам надо задаться вопросом, не следует ли нам попросить их взять все это на себя? Я считаю, что чем теснее они окажутся связанными с проблемами средиземноморского региона, тем мы станем сильнее. Во всяком случае, то обстоятельство, что мы никак не демонстрируем желания сохранять британский мандат в Палестине, очень нам помогает. Лично я не вижу даже малейшего преимущества для Великобритании от этого болезненного и неблагодарного занятия. Настала очередь кого-то еще».

«Большая тройка» на конференции в Потсдаме не обсуждала будущее Палестины. Сам Черчилль был готов провести такое обсуждении, однако Оливер Стэнли 13 июля сказал Черчиллю, что и он, и Иден чувствуют, что «при отсутствии какого-либо политического решения правительства, краткосрочного или долгосрочного, лучше всего было бы не поднимать самим этого вопроса». Черчилль осознал, что невозможно заставить временное правительство консерваторов принять его точку зрения.

Во время обсуждений в Потсдаме в дискуссиях доминировал вопрос о будущем Польши, в которой освободивший ее Советский Союз стремился установить коммунистический режим. Вопрос о Палестине был вскользь затронут при обсуждении будущего бывших итальянских колоний, Триполитании и Киренаики, которые позднее, после объединения, образовали современную Ливию. Черчилль поднял вопрос о передаче Триполитании и Киренаики, находившихся под британской военной оккупацией,

евреям под будущее заселение. При этом Черчилль признался Трумэну и Сталину, что сами евреи «были совсем не в восторге от такого предложения». Он знал, что полмиллиона евреев Палестины, построивших там города, обрабатывавших землю, создавшие там свои национальные и образовательные учреждения, не имеют ни малейшего намерения обсуждать создание альтернативного национального очага где бы то ни было еще.

У. Черчилль прервал переговоры в Потсдаме, чтобы вернуться в Великобританию для ознакомления с результатами выборов. После окончательного подсчета голосов выяснилось, что консервативная партия потерпела поражение и лейбористы впервые за четырнадцать лет вернулись к власти. «Народ Великобритании, – сказал Черчилль капитану первого ранга Пиму, возглавлявшему в военное время Управление картографии, – имеет полное право голосовать как ему вздумается. Это – демократия. Это то, за что мы сражались».

Как и предупреждал Х. Вейцмана Черчилль за несколько недель до выборов, лейбористы потеряли рвение к решению еврейского вопроса в Палестине. Новый премьер-министр Клемент Эттли назначил министром иностранных дел Эрнеста Бевина. Бевин был известен тем, что еще в 1929 году назвал причиной арабских волнений в Палестине возмущение арабских крестьян властью еврейских денег. Такая интерпретация истинной подоплеки событий являлась грубым искажением действительности в то время, когда сионистское движение испытывало острый недостаток финансовых средств, в том числе из-за необходимости расходовать их на защиту еврейских городов и поселений от нападений арабов.

Взяв 27 июля 1945 года в свои руки контроль над британской внешней политикой, Э. Бевин выступил против того, чтобы разрешить въезд в Палестину 100000 евреев, выживших в ходе войны и Холокоста и находившихся в лагерях для перемещенных лиц в британской и американской зонах Германии. Он также подверг резкой критике произнесенные Черчиллем восемь лет назад во время выступления перед комиссией Пиля слова о том, что британское правительство рассматривает возможность образования еврейского государства в Палестине. Все это стало жестоким ударом для полумиллиона евреев в Палестине и для евреев, ожидавших в лагерях для перемещенных лиц в Европе разрешения получить в Палестине убежище.

Весной 1946 года Черчилль находился в Соединенных Штатах. 18 марта он был почетным гостем на обеде, данном

Бернардом Барухом в Нью-Йорке. Один из присутствующих, видный экономист Элиша Фридман, на следующий день написал Черчиллю, поздравляя его с тем, что он говорил во время обеда «уверенным тоном хозяина». «Вы глубоко тронули меня, – написал Фридман Черчиллю, – сказав, что вы – сионист». Действительно, продолжал Фридман, «сам Барух сказал мне, что вы пытались обратить его в приверженца сионизма. Это ободрило меня, потому что за время моих собственных тридцатилетних усилий я так и не смог этого добиться».

Британское правительство не только не позволило 100 000 уцелевших после войны евреев эмигрировать в Палестину, но и отправило в специально организованные на Кипре лагеря тех, кто был пойман при попытке нелегально проникнуть в Палестину морским путем. Это привело к взрывам насилия в Палестине – еврейские террористы стали из-за этого нападать на британских солдат и полицию. Столкнувшись с беспорядками и насилием и не имея сил и желания сопротивляться им, британское правительство приняло решение об образовании совместной англо-американской комиссии. Комиссия была призвана выработать рекомендации о будущем устройстве Палестины в свете того, что Великобритания собиралась в ближайшее время отказаться от мандата на Палестину. Комиссия рекомендовала разделить территорию британской подмандатной Палестины на два суверенных государства – одно еврейское, а другое арабское.

Черчилль тоже пришел к этому времени к выводу, что раздел Палестины будет единственным решением проблемы, отвечающим сложившимся реалиям. Проводить же такое решение в жизнь он считал возможным лишь с помощью США. 1 мая 1946 года он написал в черновом варианте письма Клементу Эттли: «Я самым твердым образом поддерживаю оказание всего возможного давления на Соединенные Штаты с тем, чтобы они разделили с нами груз ответственности за правильное выполнение решений, рекомендованных совместной англо-американской комиссией. Без достаточной американской поддержки мы не сможем выполнить наши обещания евреям о построении еврейского национального очага в Палестине и не сможем осуществлять еврейскую иммиграцию в Палестину в соответствии с абсорбционной способностью страны. Если же мы почувствуем, что не сможем в одиночку выдерживать нагрузку, возложенную на нас решениями этой комиссии, то мы получим несомненное право просить освободить нас от британского мандата».

Черчилль решил не включать этот абзац в окончательный вариант письма, но он явно отражал его взгляды, неоднократно высказывавшиеся в прошлом.

Акты еврейского террора в Палестине продолжались: 16 июня по всей стране прошла серия взрывов мостов, а два дня спустя пять британских офицеров были похищены из офицерского клуба в Тель-Авиве. Но такие действия были все еще только методом меньшинства, полагавшего, что благодаря насилию можно было изгнать англичан. «Поддаться террору было бы катастрофой», – писал Черчилль Эттли 2 июля 1946 года. При этом он, однако, добавил: «В то же время я считаю себя связанным нашими обязательствами, которые принимали лично я, вы сами и ваша партия, а именно, обязательствами о создании еврейского национального очага в Палестине и обеспечении иммиграции в пределах «абсорбционной способности» страны, судить о которой должна Великобритания как держатель мандата». Черчилль писал далее Эттли: «Некоторые мои друзья поддерживают идею раздела Палестины, и я сам склонен считать, что это было бы наилучшим решением».

Эттли на это ответил так: «Мы не согласимся ни с каким решением, которое означало бы наш отказ от обещаний, данных евреям, или от исполнения нашего долга перед арабами».

В Польше те из переживших Холокост, кто хотел вернуться в свои дома и заново обустроиться на прежних местах, подверглись нападениям со стороны поляков, не желавших возвращения своих бывших соседей в те дома, в которых сами поляки жили со времени депортации евреев в 1942 году. 4 июля 1946 года сорок два еврея были убиты в Кельце толпой польских антисемитов. Двое из убитых были маленькими детьми. Четверо были подростками, прибывшими в город лишь за несколько дней до этого. В течение двадцати четырех часов после того, как стало известно об этих убийствах, более пяти тысяч польских евреев бежали на запад с намерением добраться до Палестины. В ближайшие месяцы за ними последовали десятки тысяч других.

Глава двадцать третья
Бомба в отеле «Царь Давид»: «Мы должны воевать с палестинскими евреями»

Еврейский терроризм в Палестине достиг своего апогея 22 июля 1946 года, когда было взорвано то крыло отеля «Царь Давид», где помещался британский Секретариат по управлению подмандатной Палестиной. Взрыв был осуществлен организацией «Иргун», возглавлявшейся Менахемом Бегином. Был убит девяносто один человек, в большинстве гражданские лица, среди них сорок один араб, семнадцать евреев и пятнадцать британцев, работавших в администрации британской подмандатной территории. Во время дебатов в палате общин 1 августа один оратор за другим выражал возмущение этим актом террора. В противоположность им, Черчилль пытался соразмерить свое чувство гнева и понимание истории развития британской подмандатной территории, участником которой он сам являлся на протяжении уже двадцати четырех лет, с начала образования подмандатной Палестины. Его речь была одной из самых важных попыток убедить враждебно настроенную палату общин принять более взвешенную позицию.

«Годы, в которые мы приняли обязанности управления подмандатной территорией, – сказал Черчилль, – были самыми яркими, которые когда-либо знала Палестина, и они были полны надежды. Конечно, всегда существовали трения, потому что евреям позволили во многих случаях выйти далеко за пределы строгих рамок, установленных действовавшими на британской подмандатной территории положениями». Эти «строгие рамки» были изложены в «Белой книге» 1922 года. Они гласили, что еврейская иммиграция не должна превышать «экономической абсорбционной способности» Палестины. «Это была формула, – указал Черчилль, – которую я сам придумал в те дни и которая оказалась весьма удобной. Окончательным судьей в вопросе о том, какова была эта абсорбционная способность, являлась британская администрация. В течение более половины прошедшей четверти века мы аккуратно проводили эту политику в жизнь».

Далее Черчилль с теплотой говорил о достижениях евреев в Палестине. Еврейское население увеличилось с 80000 до почти 600000 человек. Тель-Авив «превратился в большой город,

который в течение Второй мировой войны и перед ней принял и окружил заботой множество беспризорных и сирот, бежавших от нацистских преследований». Множество беженцев «нашли там убежище и защиту, так что эта страна, не очень щедрая в плане создания средств к существованию, стала источником гостеприимства для отчаявшихся людей. Прогрессировали орошение земель и развитие сельского хозяйства, появились крупные электростанции. Значительно выросла торговля. Увеличилось не только еврейское население: проживающее в колонизированных евреями районах арабское население также увеличилось в почти равной пропорции. Число евреев выросло шестикратно, а число арабов на 500 000 человек, что свидетельствует о том, что оба народа получили заметное преимущество от сионистской политики, которой мы следовали весь этот период».

Затем Черчилль перешел к «Белой книге» 1939 года и рассказал о тех изменениях, которые принесла разразившаяся спустя всего четыре месяца после ее принятия Вторая мировая война. «Я никогда не изменял своего мнения о том, – заявил он, – что принятие «Белой книги» 1939 года означало, по сути дела, прекращение сионистской работы, поощрение которой, как палата помнит, было существенной и неотъемлемой частью деятельности британских властей на подмандатной территории. Этой точки зрения я придерживаюсь и сегодня». «Белую книгу» 1939 года, – указал он, – яростно отвергли евреи Палестины и все мировое еврейство, значительное большинство которого рассматривает сионизм как великий идеал и как самую драгоценную надежду всего еврейского народа, разбросанного по миру».

Черчилль отметил, что в 1941 году – «в самый критический период войны» – ситуация на Ближнем Востоке «была осложнена восстанием прогермански настроенных арабских элементов в Ираке. Без сомнения, наша политика в Палестине, направленная на поддержку интересов сионистов, могла в какой-то степени спровоцировать взрыв чувств арабов. Однако это восстание было нами подавлено». «Надо иметь в виду два факта, относящихся к войне, – заметил Черчилль. – Во-первых, это то, что евреи-сионисты всего мира и палестинские евреи были целиком и полностью на нашей стороне в войне с Германией, и, во-вторых, это то, что они больше не нуждаются в нашей помощи для защиты своего национального очага против враждебно настроенных местных арабов. Другое дело, если случится общее совместное нападение на них со стороны всех окружающих арабских стран, и такой конфликт потребует улаживания с

помощью Организации Объединенных Наций». При этом Черчилль исходил из того, что в 1946 году в Организацию Объединенных Наций входили страны, победившие Германию и Японию, которые, как предполагалось, будут действовать слаженно и солидарно против любого агрессора.

Черчилль затронул вопрос о политике Великобритании в отношении арабов. «Как мы обращались с арабами?» – спросил он. Его ответ был ясен. «Мы обращались с ними очень хорошо. В Ираке престол занимает династия Хусейна, которая начала править там с нашей помощью. Сначала на трон был возведен король Фейсал, сейчас там находится его внук. Эмир Абдалла, которого лично я поставил управлять Трансиорданией, находится там и сегодня. Он пережил удары и потрясения, изменившие почти все мировое устройство. Но он никогда не изменял своей вере и преданности своей стране. Сирия и Ливан обязаны своей независимостью огромным усилиям, сделанным британским правительством для того, чтобы удовлетворить их просьбы о помощи в установлении независимости. Это было сделано в тот момент, когда мы были слабы в военном отношении. Но, тем не менее, мы вошли в этот регион, чтобы изгнать оттуда представителей французского правительства Виши. Затем мы настояли на том, чтобы просьбы Сирии и Ливана об установлении независимости были выполнены».

Черчилль отверг утверждения, будто Великобритания не являлась другом арабов. «Я не могу признать, что мы не сделали все от нас зависящее, чтобы относиться к арабам так, как следует относиться к великому народу». Соглашение о разделе территорий бывшей Оттоманской империи 1922 года было выгодно арабам. «Я не могу сказать, что, решая эту проблему, мы не учитывали интересов арабов. Напротив, я думаю, что благодаря нам им удалось совершить весьма выгодную сделку. Все эти страны, которым мы предоставили суверенную власть и контроль над их территорией, заключили очень выгодную сделку. Для евреев же мы попросили очень мало – лишь предоставления им национального очага на их исторической Святой земле, где они способны построить благополучие и процветание как для себя, так и для арабов».

Черчилль попытался продемонстрировать, как изменилось отношение британских властей к евреям Палестины после победы лейбористов на выборах в 1945 году. «На всеобщих выборах, последовавших за победоносным окончанием войны с Германией, – сказал он, – верх одержала лейбористская партия, которая всегда казалась борцом за дело сионистов в том смысле, о котором я говорил, и во многих других отношениях, то есть

последовательным борцом за создание суверенного еврейского государства в Палестине, и выступала в ходе избирательной кампании с наиболее горячими просионистскими речами и декларациями. Многие из наиболее видных лидеров этой партии были известны как страстные приверженцы дела сионистов, и их успех на выборах, естественно, рассматривался еврейской общиной в Палестине как прелюдия к исполнению данных ими обещаний, открывавший путь к осуществлению дальнейших планов. По крайней мере, это было именно то, чего ожидали все».

«Поэтому, – подчеркнул Черчилль, – после победы лейбористов на выборах среди живущих в Палестине евреев возникли всевозможные надежды. Точно так же и в других местах, где живут евреи, возникли связанные с этим обстоятельством различные надежды. Однако проходил месяц за месяцем, но нынешнее правительство так и не начинало проводить никакой определенной политики в этом вопросе. Не было сделано и никакого заявления на эту тему. В результате среди палестинской еврейской общины распространилось горькое разочарование. Сторонники же сионизма в Соединенных Штатах Америки стали во всеуслышавние протестовать против такого курса лейбористского правительства. Разумеется, разочарование, вызванное проволочками и нерешительностью лейбористского правительства Великобритании, не может, как здесь уже неоднократно повторялось, служить оправданием грязным преступлениям, совершенным фанатиками-экстремистами, и подобные злодеи должны быть выявлены и наказаны по всей строгости закона. Мы все солидарны в этом вопросе». Но, настаивал Черчилль, ожидания, порожденные самой лейбористской партией, и то разочарование и крушение иллюзий, которые были вызваны практической политикой этой же партии, – факты, которые постоянно будут стоять перед нами. Лейбористы не смогли сказать ничего определенного по поводу создания еврейского государства в Палестине, и целый год ровным счетом ничего не делали для решения этого вопроса, а теперь удивляются, что евреи начинают предъявлять нам требования об образовании суверенного еврейского государства в самой жесткой и неприятной форме».

Евреи Палестины тщательно изучали речь Черчилля, выискивая в ней обнадеживающие сигналы. «Если бы я имел возможность руководить ходом событий после войны, выигранной год назад, – сказал он, – я бы оставался верен делу сионистов в Палестине так, как я его когда-то определил; я не бросил его и сейчас, хотя нынешнее время не является самым популярным для провозглашения сионистских идей. Но есть две

вещи, которые совершенно необходимо упомянуть в этой связи». И Черчилль произнес слова, которые успокоили палату общин, заявив, что он полностью согласен с тем, что сказал ранее видный член лейбористской партии, президент Торговой палаты сэр Стаффорд Криппс: «Невозможно представить, что в Палестине есть место для огромного числа евреев, желающих покинуть Европу, или что они могут быть абсорбированы там за какой-нибудь реалистичный период времени, о котором можно было бы договориться». Сам Черчилль в этой связи отметил следующее: «Мысль о том, что еврейский вопрос может быть решен путем масштабного переезда евреев из Европы в Палестину, – слишком глупа, чтобы сегодня занимать ею наше время в парламенте. Я совсем не уверен, что нам следует поспешно отбросить идею о том, что европейские евреи все-таки должны остаться жить в тех странах, где они родились. Должен сказать, что, когда война кончилась, я не имел представления о происшедших ужасных бойнях, о миллионах и миллионах убитых. Эти данные дошли до нас постепенно, в том числе и тогда, когда война уже закончилась. Но если многие миллионы были убиты в кровавых бойнях, – продолжал Черчилль, – то должно остаться и место для выживших. Должны также остаться собственность и материальные средства, на которые они могут претендовать. Не следует ли нам надеяться, что в Европе должно быть место расовой терпимости и что там должны действовать законы, по которым хотя бы часть собственности этого огромного числа людей не должна отниматься у них, а в случае ее прежнего незаконного изъятия должна быть возвращена им. При этом должно быть совершенно ясно, что плохо обдуманная идея позволить всем евреям Европы направиться в Палестину не имеет реального отношения ни к решению проблем Европы, ни к решению проблем, возникающих в Палестине».

В этом месте выступления Черчилля член британского парламента, еврей по национальности Сидней Сильвермен поднялся, чтобы спросить: «Не хочет ли достопочтенный господин Черчилль, чтобы любой еврей, считающий свою прежнюю европейскую родину всего лишь кладбищем либо могилой всех своих родственников, друзей и надежд, был принужден насильно жить там, даже если сам он никак не желает этого?»

На это Черчилль ответил: «Я против того, чтобы не позволять евреям делать что-либо, что разрешается другим людям. Я против этого, и я испытываю сильнейшее отвращение к антисемитским предрассудкам».

Далее Черчилль остановился на том, что он назвал «главным в тех аргументах, которые он хотел представить палате». Речь

шла о том, что, по его мнению, «несоразмерный груз был возложен на Великобританию, которая должна была нести все бремя проведения сионистской политики, тогда как арабы и мусульмане, игравшие в то время весьма важную роль в рамках Британской империи, были напуганы ростом еврейского населения в Палестине и относились к этому неприязненно, а Соединенные Штаты, к правительству и народу которых я испытываю глубочайшее уважение и дружеские чувства, равно как и другие страны, сидели в стороне и критиковали наши затруднения со всей свободой отчуждения и безответственности сторонних наблюдателей». Поэтому он «всегда намеревался сказать нашим друзьям в Америке, еще с самого начала обсуждения этой проблемы после войны, что либо они придут нам на помощь в решении проблемы сионизма, которая вызывает у них столь сильные и, по-моему, справедливые чувства и эмоции, и будут решать ее наравне с нами, поровну деля с нами всю ответственность, либо же нам следует вообще отказаться от британского мандата, на что мы имеем полное право».

Черчилль сказал палате общин, что он убежден, что «с момента, когда мы почувствуем себя неспособными правильно и честно проводить сионистскую политику, проводить ее так, как мы все эти годы ее формулировали и осуществляли, что являлось главным условием, при котором мы согласились на мандат в Палестине, то нашей обязанностью должен стать отказ от мандата». Великобритания «никогда не искала никакой выгоды в Палестине. Мы более четверти века выполняли эту неблагодарную, болезненную, дорогостоящую, тяжелую, неудобную миссию, и выполняли ее весьма успешно».

«Многие люди произносили красивые речи о сионизме, – продолжал Черчилль. – Многие щедро предоставили для осуществления сионистской идеи свои денежные средства, но именно Великобритания, одна Великобритания в одиночку, стойко и последовательно проводила эту линию в течение жизни целого поколения вплоть до настоящего момента, и живущие во всем мире евреи не должны забывать это». При этом он предупредил, что «если в еврейском движении или в Еврейском агентстве есть люди, которые осуществляют политику убийств и ненависти, люди, которых остальные члены этих организаций не в силах контролировать, и если их удары падают не только на лучших, но и на наиболее полезных и эффективных друзей евреев, то все дело сионизма неизбежно будет страдать от серьезных обвинений в совершении этих варварских преступлений. Очевидно, что, если направленные против британцев в Палестине враждебные действия затянутся, то эта

война евреев против нас автоматически освободит нас от сохранения наших прежних обязательств по отношению к евреям, так же, как эта война избавит нас от стремления предпринимать какие-либо дальнейшие усилия по устройству судьбы евреев. Сейчас очень многие люди близки к такому мнению».

Черчилль был прав. Еврейский терроризм в Палестине создал ответную реакцию гнева и негодования в Великобритании, проникшую во все уголки страны. Члены парламента, некогда симпатизировавшие сионизму, стали гораздо более враждебны к нему, чем во время дебатов по проекту Рутенберга за двадцать четыре года до этого, когда Черчилль впервые выступал в защиту дела сионистов в Палестине.

Несмотря на все это, Черчилль не захотел поддаться общему настроению, заявив палате: «Мы не должны поспешно отворачиваться от больших дел, которые мы уже успели продвинуть так далеко». Говоря о главе Еврейского агентства Х. Вейцмане, он заявил, что «это – энергичный еврей, которого я знаю очень давно, способнейший и мудрейший лидер сионизма, вся жизнь которого посвящена этому делу. Его сын погиб в битве за нашу общую свободу. Я горячо надеюсь, что в этот тяжелый час его авторитет будет иметь вес среди сионистов и что наше правительство будет по-прежнему поддерживать связь с ним и позволит всем его соплеменникам убедиться в том, как его здесь уважают. Совершенно ясно, что в таком случае мы получим наилучший шанс продвинуться вперед в решении этой проблемы».

Черчилль сравнил политику британского правительства в Палестине с его политикой в Индии и Египте. «Правительство Великобритании, – сказал он, – судя по всему, готово уйти из Индии, бросив на произвол судьбы 400 миллионов индийцев, которые могут впасть в кровопролитную гражданскую войну – войну, по сравнению с которой все происходящее в Палестине покажется микроскопическим: это будет битва слонов по сравнению с битвой мышей… Мы фактически бежали из Египта… мы покинули зону Суэцкого канала, на которую у нас были все права согласно договору об этом канале, сохраняющиеся и сейчас; но, как теперь видно, единственное место, где мы готовы остаться любой ценой и за которое мы при всех неудобствах готовы держаться и сражаться до смерти, это Палестина. И мы будем поэтому вынуждены воевать с евреями Палестины, а если понадобится, то и с арабами Палестины…»

Если Соединенные Штаты не желают «прийти и разделить с нами бремя содействия делу сионизма, – повторил Черчилль, – тогда Великобритания должна немедленно заявить, что мы

возвратим британский мандат Организации Объединенных Наций».

«Я хочу надеяться, – писал Х. Вейцман Черчиллю на следующий день, – что судьба вручит вам решение нашей проблемы, которая к настоящему времени уже могла бы быть решена, а мы могли бы быть избавлены от многих несчастий».

Глава двадцать четвертая «Бессмысленная грязная война с евреями»

Узнав в конце августа 1946 года о планах британского правительства провести разоружение евреев Палестины для прекращения постоянных еврейских террористических актов, направленных против британских и арабских объектов в Палестине, Черчилль направил главному личному секретарю премьер-министра К. Эттли Лесли Роуэну письмо, в котором отметил, что разоружение евреев британскими властями неизбежно «повлечет за собой обязательство защищать их от атак арабов».

Однако акты еврейского террора продолжались. 9 сентября 1946 года во время нападения на региональный отдел безопасности в Яффе был убит британский офицер. 17 октября на главной улице Иерусалима был застрелен британский полицейский инспектор. 30 октября британский констебль был убит во время взрыва на железнодорожной станции в Иерусалиме. 9 ноября четверо британских полицейских были убиты взрывом мины-ловушки во время обыска частного дома в поисках взрывных устройств. 13 ноября двое британских полицейских были убиты при патрулировании железнодорожной линии Иерусалим – Яффа. Четыре дня спустя четверо полицейских погибли, когда их грузовик взорвался на окраине Тель-Авива. 29 декабря британский офицер и три сержанта были похищены и избиты.

Новый 1947 год не принес ослабления террористической деятельности. 3 января 1947 года пятеро британских солдат были ранены, когда их джипы подорвались на минах. В тот же день скончался от ран арабский констебль, тяжело раненный за несколько дней до того. 12 января четыре человека были убиты при взрыве бомбы в полицейском управлении в Хайфе. 27 января британский судья Ральф Уиндхем был похищен шестью вооруженными еврейскими террористами из зала суда в Тель-Авиве; он был освобожден через два дня.

31 января 1947 года, вскоре после выступления Черчилля в дебатах по Палестине в парламенте, британское правительство официально объявило, что за предшествующий год еврейскими террористами были убиты: сорок пять британских солдат, двадцать девять британцев – сотрудников британской

палестинской полиции, шестьдесят три еврейских гражданских лица, шестьдесят арабских гражданских лиц и четырнадцать британских гражданских лиц, включая двух британских евреев, служивших в британской администрации подмандатной Палестины.

Во время новых дебатов, состоявшихся в парламенте тот же день, 31 января, Черчилль с недвусмысленным негодованием отозвался об «этой серии отвратительных преступлений», но при этом он, выступая как лидер оппозиции, со всей ответственностью призвал своих коллег не применять и не поддерживать политику репрессий в отношении евреев и даже проявить определенную сдержанность в войне с террористами. Он сказал при этом следующее: «Для нас, разумеется, абсолютно неприемлема сама идея о том, что массовые репрессии по отношению к гражданскому населению и наказание лиц, не причастных непосредственно к совершению преступлений, наказание одних лиц в назидание другим могут быть созвучны с нашим общим мировоззрением, с нашим именем, репутацией и принципами. Подобная политика никаким образом не может быть принята. Поэтому мы испытываем большие сложности, когда вынуждены вести эту грязную войну с террористами. В этой связи я призываю палату приложить все усилия, чтобы не ввязываться в войну с террористами. И если все же война с террористами будет развязана, то следует приложить все усилия и принять все меры, чтобы положить ей конец».

Черчилль также настойчиво убеждал палату, как он это делал и во время своих предыдущих выступлений на тему Палестины, не отворачиваться от идеи создания еврейского национального очага в Палестине. Его друзья и коллеги по партии консерваторов, отметил он, «не согласны со взглядами, которые я высказывал по отношению к делу сионистов. Но ведь мы сами дали обещания, далеко выходящие за пределы того, на что может согласиться любое ответственное правительство. Что же возникло в результате? В результате возник вакуум, зияющая пустота, бессмысленная, немая бездна – возникло ничто». «Отвратительные акты еврейского террора» в Палестине, как указал Черчилль, являлись при этом делом рук «очень небольшого фанатичного отчаявшегося меньшинства».

Далее Черчилль рассказал об одном человеке из числа этого «фанатичного меньшинства» – Дове Грунере, приговоренном за свои преступления к смертной казни. Когда он ожидал казни, то в результате давления, оказанного британскими властями на Еврейское агентство, Грунеру предложили подать прошение о помиловании, дабы британские власти могли удовлетворить это

прошение и тем самым обеспечить освобождение судьи Уиндхема, находившегося у террористической группы Грунера в качестве заложника. В обмен на то, чтобы Грунера не повесили, судья должен был быть освобожден.

Но Грунер отказался подавать прошение о помиловании, настаивая на том, что его смертный приговор должен быть приведен в исполнение. С восхищением говоря о позиции Грунера, Черчилль заметил своим коллегам-парламентариям: «Сила духа этого человека, хоть он и преступник, не должна остаться незамеченной палатой».

Далее Черчилль обратился к финансовым аспектам деятельности, связанной с управлением территорией Палестины. «Нам говорят, что есть горсточка террористов на одной стороне и 100000 британских солдат на другой. Цена поддержания порядка в этом регионе составляет от 30 до 40 миллионов фунтов в год – денег, в настоящее время попросту утекающих прочь, в то время как они могли бы оказать большую помощь в борьбе с безработицей на наших островах или могли бы быть возвращены в страну и приносить доход нашим гражданам». Сто тысяч солдат, расквартированных в Палестине, «составляют очень значительную часть нашей армии. Сколько еще времени они должны находиться там? И для чего находиться? Чтобы из-за угрозы убить заложников мы оказались неспособными привести в исполнение приговор, законно вынесенный компетентным судом? Этого не должно быть. Я никогда не видел, чтобы была получена меньшая отдача за приложенные усилия, чем это происходит в Палестине».

Черчилль был убежден, что у Великобритании больше нет средств, воли или морального права продолжать удерживать в своих руках мандат на управление территорией Палестины. Он не видел «абсолютно никакого смысла, почему обедневшая, перегруженная заботами и проблемами и тяжело пострадавшая в войне Великобритания должна продолжать выдерживать всю эту боль, труды, травмы и страдания». Пока Соединенные Штаты не готовы «встать рядом с нами на основе принципа равных усилий в проведении согласованной политики, принять на себя равную с нашей долю кровопролития, позора, забот, затрат и беспокойств, Великобритания должна сложить с себя мандат и положить его к ногам Объединенных Наций, – заявил он. – В то время как еще шесть месяцев назад я предложил, чтобы мы сделали это в течение последующих двенадцати месяцев, теперь я предлагаю сократить этот период до шести месяцев. Вызывает все больше беспокойства, что развенчание ложных надежд и послевоенные трудности, влияние которых нельзя недооценить, чересчур

тяжелым бременем лягут на нас и расколют нацию, оставив глубокие шрамы в наших жизнях и чувствах».

Из всего этого Черчилль сделал недвусмысленный вывод: «Я верю, что наше правительство, раз уж ему приходится участвовать в грязной войне, совершенно ясно даст понять, что сила воли британского государства не сломлена разбойниками и бандитами и что если мы не получим помощи от Соединенных Штатов, то сама Великобритания в самом скором времени попросит освободить нас от ответственности, которую мы не можем нести и которая может покрыть нас лишь кровью и позором».

В результате дебатов 31 января 1947 года лейбористское правительство Великобритании приняло решение вернуть палестинский мандат в Организацию Объединенных Наций. Это решение кабинета было опубликовано две недели спустя. Великобритания должна была уйти из Палестины, как только будет закончен процесс передачи мандата ООН.

Тем временем, несмотря на это решение, еврейские террористы продолжали нападения на британские военные объекты. 1 марта в офицерском клубе в Иерусалиме взорвалась бомба. Четырнадцать офицеров были убиты; это было самое большое число убитых в ходе одного террористического акта. 12 марта Черчилль снова говорил в палате общин о цене продолжающегося столкновения: «82 миллиона фунтов стерлингов растрачено в Палестине с момента прихода к власти лейбористского правительства, и 100 000 англичан остаются вдали от своих домов из-за этой бессмысленной грязной войны с евреями, которая ведется ради того, чтобы в конечном счете отдать Палестину арабам или Бог еще знает кому».

«Бегство отовсюду, – язвительно говорил Черчилль, – стоит теперь в порядке дня – бегство из Египта, Индии, Бирмы. И только одно должно сохраняться любой ценой: право сделаться предметом насмешек и ненависти всего мира из-за Палестины, право, которое обходится нам в 82 миллиона фунтов стерлингов ежегодно».

Серьезно укоренившаяся среди части британцев враждебность к делу сионистов в Палестине, которая зачастую являлась лишь маской, скрывавшей их глубинный антисемитизм, для Черчилля являлась проклятием, с которым он боролся, где бы он его ни встречал, и даже среди своих друзей. Когда Гарольд Ласки, еврей по национальности, был назначен на пост главы секретариата лейбористской партии, это стало причиной саркастических насмешек со стороны пожилых консерваторов. Одному из очернителей Ласки, бригадному генералу лорду

Крофту, бывшему заместителем министра обороны в черчиллевском кабинете военного времени, Черчилль написал в этой связи слова предупреждения: «Дорогой Генри, я вижу, что в своей речи на днях вы употребили относительно Ласки выражение, что он «прекрасный представитель старого английского рабочего класса» или что-то в этом духе. Умоляю вас, будьте осторожны, чтобы не быть втянутым в какую-нибудь кампанию, которая была бы представлена как антисемитская».

Черчилль не знал, что в своем личном дневнике президент США Г. Трумэн также позволял себе выражать антисемитские чувства. 21 июля 1947 года Трумэну позвонил министр финансов США Генри Моргентау, озабоченный судьбой корабля «Эмпайр Ривал», на котором, согласно приказанию британского министра иностранных дел Эрнеста Бевина, нелегально проникшие в Палестину еврейские иммигранты должны были быть депортированы обратно в Европу. До этого они уже прожили в течение двух лет в лагерях для перемещенных лиц. «Ему незачем было звонить мне по этому делу, – записал Трумэн в дневнике. – Евреи не обладают ни чувством пропорции, ни представлением о международных делах».

Трумэн далее отметил, что после войны Моргентау помог тысяче евреев перебраться из Европы в Нью-Йорк: «Причем предполагалось, что они приедут на время, но они все здесь остались». Трумэн добавил: «Евреи, как я вижу, очень, очень эгоистичны. Им нет дела до того, сколько эстонцев, латвийцев, финнов, поляков, югославов или греков были убиты или подвергались плохому обращению, тогда как к евреям всегда было особое отношение. Но когда они обладают властью, физической, финансовой или политической, то ни Гитлер, ни Сталин не смеют упрекать их за ту жестокость, с которой они обращаются с неудачниками».

Злобные замечания Трумэна относились не только к евреям. «Назначьте неудачника на высокий пост, – пишет он в своем дневнике, – и тогда неважно, зовут ли его русским, евреем, негром, управляющим, лейбористом, мормоном, баптистом, он становится негодным. Я знал очень, очень немногих, помнивших свое прежнее состояние, когда к ним приходило процветание».

Черчилль по-другому смотрел на вещи; в шестом и заключительном томе своих мемуаров военных лет, впервые опубликованных в 1953 году, он вслух размышляет о двух народах, евреях и греках. «Греки соперничали с евреями в неофициальном споре за звание самого политизированного народа в мире, – писал Черчилль. – Неважно, в каких страшных обстоятельствах они оказывались, и неважно, в пучину каких

бедствий погружались их страны, – они всегда были разделены на множество разных партий с множеством лидеров, отчаянно боровшихся между собой. Хорошо сказано: везде, где есть три еврея, среди них оказываются два премьер-министра и один лидер оппозиции. То же самое верно и относительно другого великого древнейшего народа, чья бесконечная и бурная борьба за существование восходит к тем временам, когда только зародилась сама человеческая мысль».

Раздумья Черчилля о греках и евреях продолжаются так: «Никакие другие два народа не оставили такого заметного следа в мире, как эти. Оба они продемонстрировали уникальную способность к выживанию, несмотря на бесконечные несчастья и страдания от внешних угнетателей, дополняемые их непрекращающимися внутренними распрями, конфликтами и потрясениями. На протяжении нескольких тысяч лет не наблюдается никакого изменения их характерных черт, или уменьшения остроты выпадающих на их долю испытаний, или их жизнеспособности. Они выживали несмотря на то, что весь мир был против них, и несмотря на все то, что они сами делали против самих себя, и каждый из них, совершенно по-разному, оставил нам наследие своего гения и мудрости. Никакие два других города не значили больше для развития человеческой цивилизации, чем Афины и Иерусалим. Их достижения в религии, философии и искусстве были главными маяками современной веры и культуры. После столетий иностранного правления и неописуемого бесконечного угнетения они остались живыми активными организмами и силами современного мира, продолжая при этом вести свои внутренние споры с нескончаемой энергией. Лично я всегда был на стороне обоих этих народов и верил в их непобедимую силу пережить внутренние конфликты и мировые потрясения, грозившие уничтожить их».

Глава двадцать пятая
Основание государства Израиль: событие в мировой истории

Действие британского мандата на управление Палестиной закончилось 14 мая 1948 года. В тот же день Давид Бен-Гурион провозгласил создание независимого Государства Израиль. Как Советский Союз, так и Соединенные Штаты сразу признали Израиль. Великобритания же отказалась сделать это. В течение нескольких часов после провозглашения независимости Израиля на его территорию вторглись пять арабских армий – из Ливана, Сирии, Трансиордании и Египта при поддержке иракских войск, чтобы положить быстрый конец новообразованному еврейскому государству. В числе этих войск был и Арабский легион. Набранный и обученный в Трансиордании, возглавляемый британскими офицерами, Арабский легион открыл артиллерийский огонь по еврейскому кварталу Старого города Иерусалима. Несколько сот евреев были убиты, прежде чем еврейский квартал был захвачен.

Обеспокоенный тем, что в организацию этого нападения арабов на евреев были вовлечены британские офицеры, Черчилль подготовил заявление для прессы, которое он намеревался передать «Би-би-си» и «Пресс ассошиейшн». «Поскольку сейчас не проводятся заседания парламента, – писал он, – я считаю необходимым отметить глубокое беспокойство, которое вызывает политика британского правительства в Палестине. Отказ от британского мандата был самым серьезным решением. Я никогда не считал возможным, чтобы при проведении этого решения в жизнь наше правительство не придерживалось принципа строжайшей беспристрастности в отношении к евреям и арабам. Но вместо этого получается, что Арабский легион под руководством сорока британских офицеров, оснащенный британским оружием и финансируемый на британские деньги, обстрелял еврейский квартал Иерусалима».

Черчилль указал, что открытие огня было «нарушением принципа беспристрастности, который мы по крайней мере должны были соблюдать». Статья третья договора о союзнических отношениях между Великобританией и Трансиорданией, «подписанного только в марте прошедшего 1948 года, предусматривает, что каждая из высоких договаривающихся сторон не будет предпринимать в отношении третьих государств

шаги, не соответствующие целям союзнических отношений и способные создать трудности для другой стороны. Отказываясь от строгого соблюдения условий этой статьи, – писал Черчилль, – мы в значительной степени принимаем на себя ответственность за действия Арабского легиона».

26 мая Черчилль написал послу Соединенных Штатов в Лондоне Льюису Дугласу: «Я глубоко обеспокоен ситуацией, возникшей в Палестине, и политикой правительства Его Величества в целом, и предполагаю поднять этот вопрос в палате общин». Однако уже через два дня беспокойство Черчилля несколько смягчилось, когда он узнал, что все британские офицеры были отозваны из состава Арабского легиона еще до начала активных боевых действий в Иерусалиме. «Для любого правительства, кроме нынешнего, – едко прокомментировал он 28 мая, выступая на митинге в Перте в Шотландии, – было бы поразительным вовремя не заметить опасность для британских офицеров быть скомпрометированными подобным образом».

2 июня консервативной партией был устроен торжественный обед в честь Черчилля в отеле «Савой». Генри Ченнон, член парламента от партии консерваторов, отметил, что обстановка во время этого обеда была не то чтобы недружественной, но «прохладной», и объяснил это так: «Я думаю, что партия отрицательно воспринимала как его недавно опубликованную несмягчившуюся критику Мюнхенского соглашения 1938 года, так и приписываемые ему просионистские склонности». Разочарование самого Черчилля, вызванное невозможностью влиять на события на Ближнем Востоке с позиций представителя реальной власти, также было весьма значительным. «Я не думаю, что события приняли бы такой ход, – писал он 7 июня лорду Мелчетту, – если бы власть не ушла из моих рук в момент нашей общей победы. Тогда был бы шанс найти хорошее решение, а теперь я больше ничего не могу сделать». Когда его друг и соратник в период войны Брендан Бракен попросил его в очередной раз вмешаться в дебаты, Черчилль ответил: «Я не могу больше ничего сделать для Палестины. События должны идти своим чередом».

В сентябре 1948 года Черчилль проводил отпуск на юге Франции. Там он работал над своими военными мемуарами. Среди посетивших его был член парламента от партии консерваторов Роберт Бутби, твердый сторонник сионизма, написавший в «Таймс» протест по поводу обстрела Иерусалима Арабским легионом. Бутби вспоминал, что, когда разговор зашел о будущем палестинских евреев, сражавшихся тогда за свое

выживание на поле боя, «я сказал, что они должны были с легкостью победить в Палестине и получить больше, чем они когда-либо ожидали». На это замечание Бутби Черчилль ответил: «Конечно, арабы им не противники. Люди из «Иргуна» – просто гангстеры. Но, поддерживая сионистов, наши лейбористы сначала поддержали их как победителей, а потом стали нападать на них». Черчилль также сказал Бутби, что тот был «совершенно прав, что послал письмо протеста в «Таймс».

В этом месте разговора зять Черчилля Кристофер Сомс сказал, что общественное мнение в Великобритании настроено «проарабски и антиеврейски». «Ерунда, – парировал Черчилль. – Я мог бы повернуть его в пользу евреев за десять минут. Мы обращались с ними постыдным образом. Нет, я никогда не прощу террористов из «Иргуна». Но мы никак не должны были запрещать еврейскую иммиграцию в Палестину перед самой войной». Далее Черчилль сказал, что он с неохотой соглашался встречаться с Х. Вейцманом во время войны, потому что считал Х. Вейцмана настолько очаровательным собеседником, что боялся потратить слишком много времени на разговоры с ним. «Вейцман приводит совсем другую причину этого», – сказал Бутби. «Какую же?» – спросил Черчилль. «Последний раз, когда я с ним виделся, – отвечал Бутби, – он сказал, что причиной, по которой вы не хотели с ним встречаться, было то, что он являлся для вас вашей «совестью». Черчилль в ответ на это промолчал.

Черчилль работал над своими военными мемуарами на юге Франции и в своем поместье в Чартуэлле. А переговоры о продаже прав на их издание в Соединенных Штатах велись через Эмери Ривза. Ривз не только обеспечил Черчиллю поступление значительного аванса от американских издателей, но и сумел продать мемуары тринадцати европейским издательствам и израильскому издательству в Тель-Авиве, выпустившему эту книгу в переводе на иврит. Шесть томов, озаглавленных «Вторая мировая война», были сосредоточены на проблемах британской политики, борьбе вооруженных сил Великобритании и рассказывали о том, как Черчилль руководил войной. В книге говорилось о положении Великобритании во время угрозы немецкого вторжения, о борьбе за то, чтобы избежать поражения, и о тяжелых длительных усилиях, потребовавшихся для того, чтобы разрушить мощнейшую нацистскую военную машину, а также о войне с Японией.

Хотя судьба евреев во время войны и премьерства Черчилля была важным вопросом, и проблемы, связанные с нею, часто возникали во время войны, еврейский аспект не занимал заметного места в его мемуарах. Внимание мемуариста оказалось

сфокусировано в основном на поведении и политике великих держав и на основных полях сражений. В мемуарах Черчилля описываются следующие связанные с судьбами евреев события: нацистские преследования евреев в первом томе; вооружение евреев в Палестине во втором томе; еврейская армия в третьем томе; сионистская политика в четвертом томе; евреи и будущее Палестины в пятом томе; еврейская бригада и нацистские преследования евреев Венгрии в шестом томе. Этот последний том включает рассказ о том, как Черчилль в июле 1944 года занимался оказанием помощи евреям, пытавшимся убежать из Греции в Палестину, и его убедительное описание Холокоста, как «вероятно, величайшего и самого ужасного преступления, когда-либо совершавшегося за всю историю человечества».

Когда Черчилль работал над своими мемуарами, сформировавшаяся у него точка зрения на судьбы евреев в годы войны лишний раз нашла свое фактическое подтверждение, когда он услышал рассказ Эмери Ривза об участи его собственной семьи, расстрелянной венгерскими солдатами и полицейскими вместе с более чем 1240 другими евреями на замерзших берегах Дуная в Нови-Саде, в оккупированной венграми части Югославии. Главный помощник Черчилля в сборе материалов для книги воспоминаний Билл Дикин позднее рассказывал, в каком шоке находился Черчилль, узнав об их судьбе, о том, как их вынудили сойти на лед притока Дуная и затем расстреляли так, что все они утонули. Ривз, которому Черчилль предложил прочитать свою рукопись и сделать к ней замечания, никогда не говорил, что там должно было быть больше данных о борьбе нацистов против евреев, – он полагал, что подобных материалов в ней более чем достаточно.

На необходимости как-либо расширить такие примеры не указывал и молодой оксфордский философ Исайя Берлин, также внимательно прочитавший текст мемуаров и сделавший много предложений в отношении его содержания. Черчилль тепло называл его «мой друг Исайя Берлин».

Посылая Черчиллю свои замечания к первому тому, Берлин писал: «Насколько я помню, вы приказали мне быть совершенно искренним». В своих замечаниях Черчиллю Берлин поздравляет его с исключительно удачным описанием «ужасающей истории прихода Гитлера к власти». Билл Дикин, отбиравший для Черчилля материалы о преследованиях еврейских беженцев в оккупированной нацистами Югославии, предлагал Черчиллю включить в его тома военных мемуаров лишь отдельные фрагменты документов по этой теме, находящиеся в архиве Черчилля, поскольку таких документов было очень много. В

результате для экономии места в книгу не были включены даже те из них, в которых описывались попытки Черчилля помочь евреям бежать из Югославии.

Через шесть месяцев после провозглашения еврейского государства британское лейбористское правительство все еще отказывалось признать Государство Израиль. Выступая 9 октября 1948 года на митинге консервативной партии в Уэльсе, Черчилль так отозвался о деятельности правящей партии лейбористов: «Лейбористы больше, чем любая другая партия, нарушили обещания, ранее данные нами евреям в Палестине, и своими поразительно неумелыми действиями навлекли на нас ненависть и дурную славу как в Палестине, так и во многих других частях света».

В ноябре 1948 года Дороти де Ротшильд прислала Черчиллю меморандум, написанный двадцатипятилетним Маркусом Шиффом, членом клана Марксов и Спенсеров. М. Шифф, который провел несколько месяцев в Израиле, работая в секретариате Бен-Гуриона, отмечал опасность усиления арабского экстремизма против Израиля, если Великобритания будет продолжать политику отказа от признания нового государства. В сопроводительном письме, составленном в ноябре 1948 года, в день тридцать первой годовщины Декларации Бальфура, Шифф писал Черчиллю, что многие израильские лидеры заинтересованы в возобновлении связей с Великобританией, но британская позиция в ООН в отношении Израиля и арабских государств «препятствует любому такому сближению».

Выступая в палате общин 10 декабря, Черчилль затронул проблему непризнания Израиля британским правительством. «Да, евреи вытеснили арабов с большей территории, нежели предназначалось им согласно разработанным нами схемам раздела Палестины, – признал он, однако продолжал: – Но они учредили там эффективно работающее правительство. В их распоряжении находится победоносная армия, их поддерживают как СССР, так и США. Может быть, это неприятные факты, но можно ли их оспаривать? Нет, и я как раз и говорю об этом. Мне кажется, что нельзя игнорировать находящееся в Тель-Авиве правительство Израиля и вести себя так, как будто его не существует».

Черчилль указал, что девятнадцать стран уже признали Израиль, «а мы, у которых в Палестине и на Ближнем Востоке остается еще много интересов и обязанностей и которые играли решающую роль в течение столь многих лет в деле создания Государства Израиль, будем выглядеть до последней степени

глупо, сохраняя что-то вроде продиктованного обидами бойкота этой страны». Великобритания, заявил он, должна «безотлагательно» послать своего дипломатического представителя в Тель-Авив.

Его предложение было проигнорировано. Эттли и Бевин не могли преодолеть горечь обиды, вызванную тем, что им показалось крайне унизительным то, как евреи вытеснили Великобританию из Палестины. Кроме того, британское правительство не желало обострять отношения с окружающими Израиль арабскими странами, дружба с которыми, а в случае Саудовской Аравии и нефть, всегда имели очень важное значение.

В начале 1949 года начались переговоры о перемирии между Израилем, Египтом, Иорданией и Ливаном. Но в это время все еще происходили спорадические столкновения, угрожавшие расширением конфликта. 7 января 1949 года израильская авиация сбила три «спитфайера» ВВС Великобритании, совершавших рекогносцировочный полет над израильским позициями вблизи границы с Египтом в районе Синайского полуострова. При этом один из британских пилотов был убит. Чтобы разрядить кризис, Эрнест Бевин приказал немедленно освободить оставшихся «нелегальных еврейских иммигрантов», все еще удерживавшихся британцами на Кипре. Во время срочных дебатов в парламенте 22 января Черчилль страстно выступил против «удивительно нерационального ведения дел в Палестине» – «нерационального в громадной степени».

Первая порция критики Черчилля сводилась к тому, что Великобритания до сих пор так и не признала Израиля спустя девять месяцев после провозглашения этого государства и его признания Соединенными Штатами и Советским Союзом, равно как и десятками других государств. «Признание de facto никогда не зависело от точного определения территориальных границ, – заявил он Бевину. – Есть несколько государств в Европе, территориальные границы которых окончательно не установлены. Одно из них, к примеру, Польша. Только с заключением всеобщей и окончательной мирной договоренности могут быть установлены окончательные послевоенные границы. Кто вообще станет спрашивать: «Как мы можем признать государство, пределы и границы которого не определены абсолютно точно?» Я лично удивлен, обнаружив, что достопочтенный господин Бевин придает этому такое значение».

Бевин сослался на ошибку, совершенную некоторыми странами, которые чересчур поспешили с признанием Индонезии. Черчилль согласился, что поспешное признание «было бы плохим

прецедентом, но абсурдно сравнивать так называемую республику Индонезия с находящимся в Тель-Авиве правительством Государства Израиль с его эффективной организацией управления и победоносной армией».

Затем Черчилль обратил внимание Э. Бевина на необходимость строить политику на более длительную перспективу, а не только реагировать на события, происходившие в последние месяцы и годы. «Нравится ли это достопочтенному господину Бевину или нет, и нравится это нам или нет, но возникновение еврейского государства в Палестине является событием мирового значения, которое следует рассматривать с учетом его исторических перспектив. При этом речь идет о перспективе не в рамках жизни одного поколения или нынешнего столетия, а о перспективе в одну тысячу, две тысячи или даже три тысячи лет. Это – тот стандарт времени, который очень плохо согласуется с присущей нам постоянной стремительной сменой настроений и с тем переменчивым временем, в котором мы сейчас живем. Создание Израиля – это подлинное событие мировой истории. Тщетно даже пытаться сравнивать это с признанием или с претензиями на признание со стороны отдельных стран или коммунистических бандитов, с которыми мы сталкиваемся в Малайзии, или анархических сил, которые голландцы пытаются сдерживать в Индонезии».

Многие члены консервативной партии, включая и его самого, сказал Черчилль, «всегда имели в виду, что еврейский национальный очаг в Палестине может когда-нибудь развиться в суверенное еврейское государство». Когда же еврейский национальный очаг наконец обрел подобную форму, едко отметил Черчилль, «то именно Англия отказывается признать его, и, исходя из наших действий, нас начинают рассматривать как его злейших врагов. Все это вызвано не только умственной инерцией и отсутствием подлинного умения анализировать складывающееся положение дел, которым грешат члены британского правительства, но и также, боюсь, заметной склонностью проявлять пристрастия и предубеждения, которые явно демонстрирует наш министр иностранных дел».

Это было сильным выпадом в адрес Бевина. Когда послышались возгласы протеста со стороны некоторых парламентариев, Черчилль заявил: «У меня нет уверенности, что Бевин не испытывает предубеждений против евреев в Палестине».

Черчилль напомнил, что в мае 1948 года Бевин считал, что Арабская лига, основанная в Каире тремя годами ранее, «сильнее еврейского государства, и что именно она победит, если дело дойдет до сражения». Черчилль же придерживался иной точки

зрения: «Я, конечно, чувствовал, что вид еврейских поселений, в которые вторгаются со всех сторон – из Сирии, Трансиордании и Египта, вторгаются со множеством танков и современного вооружения, представляет собой весьма устрашающее зрелище. Но я считал, что этот временный союз арабских государств распадется на части при первом же серьезном испытании. При этом я исходил из сделанной еще во время войны оценки степени боевых качеств и силы духа сионистской общины и возможной поддержки, которую она получит от сионистов во всем мире. Министр же иностранных дел оказался неправ. Он ошибался в фактах, ошибался в оценке настроений, ошибался в методах и ошибся в результатах, и нам очень жаль, что так случилось. Нам жаль министра, но еще больше нам жаль самих себя».

Черчилль заметил, что получилось так, что в мае 1948 года Великобритания фактически «обьединила против себя Соединенные Штаты, Советский Союз и сторонников сионизма во всем мире» без того, чтобы – и он хотел, чтобы «консервативные члены парламента осознали это», – «оказать хотя бы малейшую услугу арабским странам, перед которыми Великобритания имела очень серьезные обязательства». Он продолжал: «Мы получили незаслуженно малое и скудное вознаграждение за все, что мы создали и построили в Палестине благодаря нашей доброй воле и упорной работе в течение двадцати пяти лет. Сейчас же мы еще и потеряли дружбу евреев». Он с радостью прочитал недавнее заявление Х. Вейцмана, в котором тот «призывает к дружбе между новым израильским государством и западным миром. «Я думаю, что в этом заключается будущее и Израиля, и западного мира. Х. Вейцман был моим другом в течение многих лет. Его сын был убит на войне, сражаясь вместе с нами. Я верю, что влияние Х. Вейцмана вырастет еще больше и что мы сделаем все, что можно, для роста его влияния, не забывая при этом про другие наши обязательства, потому что мы обязаны сохранять верность нашим обязательствам в отношении других государств. Я надеюсь, что со временем в самом Израиле возникнет более точное понимание того долга благодарности, который сионизм должен испытывать по отношению к нашей стране».

Черчилль рассказал о том, как сразу после окончания Второй мировой войны он был уверен в том, что Великобритания получит поддержку со стороны как евреев, так и арабов для осуществления схемы раздела Палестины и что там в результате будут образованы два отдельных государства, еврейское и арабское. Как только Черчилль произнес это, К. Эттли задал вопрос: «Если У. Черчилль считает, что это должно было быть сделано, почему же он сам не сделал этого? У него же в руках

была вся власть». Черчилль саркастически ответил Эттли: «Нет. После первых же послевоенных выборов мир и нация получили неоценимый подарок в виде прихода к власти такого достопочтенного джентльмена, каким являетесь вы». Черчилль высказал мнение, что Великобритании следовало сразу после войны согласиться на схему раздела Палестины, которая «была более благоприятна для арабов, чем то, что они получили теперь, так неудачно прибегнув к оружию». Предприняв попытку победить провозглашенное в мае 1948 года Государство Израиль, после значительных первоначальных успехов, когда египетские войска достигли южных пригородов Иерусалима, войска арабских стран были отброшены за те границы, от которых они сами отказались, когда в ноябре 1947 года Организация Объединенных Наций приняла резолюцию о разделе Палестины на еврейское и арабское государства.

Когда Черчилль говорил о том, как приемлемая и для евреев, и для арабов схема раздела Палестины могла бы быть утверждена еще до окончания срока действия британского мандата, его прервал Томас Рейд, член парламента от партии лейбористов и бывший член комиссии Джона Вудхеда, который спросил: «Кто, интересно, мог бы согласиться на эту схему? Если бы схема раздела стала воплощаться в жизнь, разве не привело бы это лишь к еще более кровопролитной войне на Ближнем Востоке?» На это Черчилль ответил так: «Я уверен, что достижение договоренности о разделе было бы более выгодно для арабов, чем то, что они получили сейчас в результате этого злосчастного вооруженного конфликта. И та схема раздела Палестины, которая предлагалась им ООН, была бы для них гораздо лучше, чем то, что они получат теперь, после своего поражения».

Затем Черчилль прокомментировал разведывательный полет эскадрильи британских ВВС, закончившийся столь плачевно. «Желание узнать о том, что происходит, – сказал он, – разумеется, не оправдывает такого неосмотрительного действия, как вылет нашей авиации в такой момент. Я могу сказать, что это было квинтэссенцией неуклюжести, за которую ответственны и в которой виновны Бевин и Эттли. И теперь бедная старая Великобритания с ее тори, социалистами, либералами, сионистами, антисионистами и несионистами оказывается сбитой в воздушной схватке и терпит пренебрежительное отношение со стороны израильского правительства, которое с издевкой говорит нам: «Насколько мы понимаем, вы нас не признаете». И все это происходит на фоне заметного отсутствия поддержки со стороны международных организаций, от которых мы так зависим и мнение которых для нас так ценно».

Черчилль затронул вопрос о еврейской иммиграции в период между двумя мировыми войнами. «Стержневым пунктом» его собственной «Белой книги» 1922 года, отметил он, была «свобода иммиграции для евреев, но в пределах экономической абсорбционной способности Палестины». По словам Черчилля, «Великобритания просто не могла позволить себе открыто заявить во всеуслышание, что на территорию Палестины будут прибывать пришельцы, которые станут вытеснять отсюда тех, кто жил здесь столетиями. Но все дело заключалось в том, что в действительности пришельцы приносили сюда с собой работу, обеспечивали занятость и создавали условия, позволявшие жить здесь значительно большему числу населения, чем то, что находилось тогда в Палестине и Трансиордании. И они принесли с собой надежду на обеспечение проживания там гораздо большего населения, чем то, что жило в Палестине во времена Господа нашего». За двадцать семь лет после выхода «Белой книги» Черчилля 1922 года еврейское население Палестины «удвоилось, но то же самое произошло и с арабским населением на тех же территориях Палестины. Благодаря тому, что все это время евреи продолжали улучшать плодородие почвы, сажать апельсиновые рощи, развивать систему водоснабжения и электрификацию, находилась работа и для все большего числа арабов, и в результате 400000 или 500000 арабов переехали туда. И отношения между этими двумя народами были терпимыми, несмотря на отдельные беспорядки и разного рода волнения».

«Идея о том, что в Палестине сможет прожить лишь строго ограниченное число людей, – указал Черчилль, – является ложной; все зависит от степени их сотрудничества и изобретательности. Сегодня больше людей живут выше двадцатого этажа в Нью-Йорке, чем жили на уровне земли сто лет назад. Нет предела изобретательности человека, если она правильно используется в условиях мира и справедливости».

Выслушав речь Черчилля, видный еврейский бизнесмен и филантроп сэр Саймон Маркс написал ему: «Я знаю, что наш общий друг доктор Х. Вейцман будет взволнован вашей последней речью, особенно вашим замечанием, что “образование Израиля – это великое событие в мировой истории”».

В конце дебатов, после того как все парламентарии выслушали речь Черчилля, было оглашено специальное заявление лейбористского правительства о том, что Великобритания собирается признать Государство Израиль.

Среди слушавших речь Черчилля был племянник сэра Саймона Маркса Маркус Шифф, ранее пославший Черчиллю свои заметки, давшие ему представление о надеждах и перспективах

Израиля. «Я знаю по собственному опыту, – писал ему Шифф, – полученному не только здесь, но и на всем Ближнем Востоке еще в первые годы войны, какую великую роль в первой четверти века вы сыграли в создании мостов между нашей страной и евреями Палестины, и как высоко стояло имя Великобритании среди палестинских евреев. Политика лейбористского правительства за последние годы в значительной степени разрушила эти мосты, но вы снова указали путь, искренне следуя которому британское правительство сможет добиться восстановления этих связей, что послужит только благу обычных людей, будь они неевреями, арабами или евреями. За это люди будут вам крайне признательны».

Через девять дней после речи Черчилля Великобритания официально признала Израиль. Отвечая на благодарственную телеграмму Х. Вейцмана, избранного первым президентом Израиля, Черчилль писал: «Я с удовольствием вспоминаю все наше долгое сотрудничество», – и приписал от руки: «Свет разгорается».

Глава двадцать шестая
«Старый сионист вроде меня»

24 февраля 1949 года Израиль и Египет подписали соглашение о перемирии. Месяц спустя было подписано соглашение о перемирии между Израилем и Ливаном. На заключительной стадии находились и переговоры о заключении перемирия между Израилем и Иорданией. Война Израиля за независимость подходила к концу. В марте этого года Черчилль находился в Соединенных Штатах. Великобритания была готова признать Израиль. На встрече 29 марта с американскими еврейскими лидерами собравшимися для обсуждения будущего Израиля Черчилль, заверил их в своей поддержке. «Помните, – сказал он, – что я стоял за свободный и независимый Израиль в течение всех тех темных лет, когда многие из моих самых выдающихся соотечественников придерживались других взглядов. Не допускайте даже мысли о том, что у меня есть хотя бы малейшее намерение предать вас в этот час вашей славы».

Прошло почти тридцать лет с тех пор, как Черчилль посадил дерево на том месте, где было заложено здание будущего Еврейского университета в Иерусалиме. В последние месяцы Второй мировой войны он сотрудничал с южноафриканским лидером Яном Смэтсом в деле установки на территории университета памятника Орде Уингейту, погибшему в бою в Бирме командиру отряда коммандос, который перед войной помогал евреям разрабатывать методы самообороны в Палестине. Когда его попросили направить приветствие к двадцатипятилетию открытия университета, Черчилль написал 3 июня 1950 года: «Мысль, вдохновение и культура евреев были одними из наиболее влиятельных факторов мировой истории. Нет ни одного направления искусства или науки, которое не было бы обогащено достижениями евреев».

Вопрос о том, в какой мере Черчилль был другом евреев и Израиля, весьма широко обсуждался как внутри Израиля, так и среди мирового еврейства. Были среди евреев и такие, кто считал – как и ряд сионистских лидеров в 1945 году, – что ему не следует доверять. Но родившийся в Южной Африке сотрудник израильского Министерства иностранных дел, житель Иерусалима Майкл Комей написал в сентябре 1950 года израильскому послу в Лондоне, что Черчилль «продолжает оставаться влиятельным другом нашей страны и нашего народа как в официальном, так и в личном качестве».

В апреле 1951 года Х. Вейцман пригласил Черчилля на открытие рощи имени Вейцмана в Иерусалимских горах. Черчилль не смог из-за своей загруженности прибыть на эту церемонию и, посылая в ответ свои извинения, написал израильскому послу в Лондоне: «Будучи сионистом еще со времен Декларации Бальфура, я очень польщен приглашением столь великого государственного деятеля, как доктор Х. Вейцман, сын которого пал за дело свободы, которую все мы старались защитить. Поэтому я с большим сожалением обнаружил, что не смогу присутствовать на церемонии, символизирующей новую ступень в преобразовании существовавшей долгие годы пустыни в плодородную землю для еврейского народа. Передайте президенту мою самую горячую благодарность за приглашение, и выразите мое огромное сожаление из-за того, что я не смогу приехать».

Являясь лидером оппозиции в британском парламенте, Черчилль с искренней симпатией следил за развитием Израиля. Он также внимательно отслеживал действия противников Израиля. Молодое государство, которому едва исполнилось три года, являлось предметом ненависти арабских соседей, из которых Египет был самым мощным и наиболее решительно настроенным на то, чтобы предпринять действия, способные повредить молодой и хрупкой экономике Израиля. 30 июля 1951 года Черчилль выступил в палате общин, указав на «слабость» лейбористского правительства, которая проявилась в том, что правительство Великобритании позволило Израилю страдать оттого, что Египет закрыл Суэцкий канал для прохода израильских судов. Он продолжал осуждать ближневосточную политику лейбористского правительства, заявив избирателям в Хаддлсфилде во время избирательной кампании 1951 года: «Удивительно, как они сумели в равной степени возбудить враждебность как израильтян, так и арабов. Это поистине образец того, как не следует поступать».

26 октября 1951 года Черчилль во второй раз стал премьер-министром. До 77-го дня рождения ему оставался всего месяц. Одним из первых полученных им писем стало послание от Х. Вейцмана, поздравившего его с возвращением к власти. «Большое спасибо вам за ваше письмо и добрые пожелания, – написал в ответ У. Черчилль. – Поразительная сила воли, которую Израиль проявляет в нынешние трудные времена, радует такого старого сиониста, как я. Я верю, что вы сможете наладить сотрудничество с Иорданией и с остальным мусульманским миром. В условиях истинного товарищества всем хватит всего. Желаю вам всего

наилучшего, мой старый друг».

17 января 1952 года, во время своего официального визита в Вашингтон, Черчилль выступил перед американским конгрессом. «Начиная с момента принятия Декларации Бальфура, – сказал он, – я желал, чтобы евреи получили национальный очаг в Палестине, и я работал над этим. Я отдаю должное достижениям тех, кто основал Израиль, кто упорно защищал его и кто предоставил в нем убежище большому числу еврейских беженцев. Я надеюсь, что с их помощью израильтяне смогут превратить пустыню в сады; но если они хотят радоваться миру и процветанию, они должны обновить и сохранить дружеские отношения с арабским миром, без чего могут последовать всеобщие невзгоды и страдания».

29 апреля 1952 года во время торжественного заседания в Карнеги-холле дочь Черчилля Сара прочитала послание своего отца по случаю четвертой годовщины независимости Израиля. Это заседание было организовано Американским сионистским советом, объединявшим восемь сионистских организаций Соединенных Штатов. «Как сионист со времен Декларации Бальфура, – говорилось в послании Черчилля, – я с восхищением следил за храбрыми усилиями Израиля утвердить свою независимость и процветание. Пусть эта и будущие годовщины празднуются в обстановке растущей уверенности и доброй воли друзьями Израиля во всем мире».

Хаим Вейцман, который был старше Черчилля ровно на три дня, умер 9 ноября 1952 года. На следующий день, во время парламентских дебатов о Египте, Черчилль сказал: «Есть еще одна страна, которую я хотел бы упомянуть в этот момент. Те из нас, кто являлись сионистами со дня провозглашения Декларации Бальфура, знают, какую тяжелую потерю понес Израиль в связи со смертью своего президента Хаима Вейцмана. Это был человек, чья слава и преданность долгу были известны во всем свободном мире, сын которого был убит, сражаясь вместе с нами в прошедшей войне, человек, который привел свой народ в Землю обетованную, где было основано свободное и суверенное государство».

Черчилль также отдал дань уважения Х. Вейцману во время одного из своих первых появлений на телеэкране. Среди видевших его выступление по телевидению был Джеймс де Ротшильд, написавший ему: «Мой дорогой Уинстон – или, быть может, в этом случае я должен был выбрать обращение «Мой дорогой премьер-министр». Я только что прослушал и просмотрел ваше выступление по телевизору и чувствую, что должен

написать вам, чтобы сказать, как я был очарован вашим видом и тем, что вы сказали».

Джеймс де Ротшильд добавил: «Я не видел вас около семи лет (не считая, кажется, одного заседания Жокей-клуба), а семь лет – значительный период в человеческой жизни. Но, дорогой мой Уинстон, вы не изменились: тот же голос, та же внешность, тот же огонь и та же холодная логика. Я был особенно тронут и хочу поблагодарить вас лично за то, что вы сказали о Х. Вейцмане. Это будет много значить для тысяч и десятков тысяч евреев, это будет много значить для множества их друзей, а может быть, и для тех, кому они нравятся меньше. Преданный вам Джимми».

Через несколько дней после теплой речи, которую Черчилль произнес в память о Х. Вейцмане, ему доложили, что правительство Ирака предложило, чтобы Египет перенес свою границу с Израилем из Синая в Негев – на территорию, которая являлась частью Израиля со времени Войны за независимость 1948 года. Черчилль, которому показали телеграмму с сообщением об этом и который знал, что после провозглашения независимости Израиля туда были вынуждены перебраться более полумиллиона евреев, которым пришлось бежать из арабских стран, написал в Форин офис: «Разумеется, не может идти и речи о том, чтобы требовать от Израиля, чтобы он согласился отдать Негев, так как его развитие может оказаться единственным средством разместить там большое число беженцев-иммигрантов».

Постоянный заместитель министра иностранных дел сэр Уильям Стрэнг поспешил заверить Черчилля, что Форин офис «рассматривает арабские претензии как нереалистичные, и мы признаем потребность Израиля в этой территории, на которой можно разместить дополнительное количество населения и которая, будучи обработанной, может стать источником богатства для всей страны». Черчилль отвечал: «Я рад, что мы находимся в полном согласии». Негев, пустынный в своей большей части, так и остался в пределах Израиля.

Осенью 1952 года, через шестьдесят лет после его первой встречи с первым лордом Ротшильдом, Черчилль познакомился с другим членом семьи Ротшильдов – майором Эдмундом де Ротшильдом. Это произошло после того, как Джозеф Смолвуд, премьер-министр Ньюфаундленда, предложил Черчиллю реализовать план использования энергии Великих водопадов высотой 245 футов для создания там источника энергии не только для Восточной Канады, но и для всего восточного

побережья Северной Америки. Черчилль, который за тридцать лет до этого поддержал своим политическим авторитетом сионистский проект электрификации в Палестине, в поисках источников финансирования этого грандиозного проекта обратился в банк Ротшильдов в лондонском Сити «Н.М. Ротшильд и сыновья» – в банк, который он впервые посетил более полустолетия назад. Один из партнеров банка, Эдмунд де Ротшильд, воевавший во время войны во Франции, в Северной Африке и Италии, взялся организовать финансирование проекта, учредив для этого специальную холдинговую компанию «Бринко».

Три года спустя, уйдя в отставку с поста премьер-министра, Черчилль приобрел пакет акций «Бринко». Именно Эдмунд де Ротшильд – «мистер Эдди», как его называли в банке, постоянно информировал его о продвижении работ над проектом. После смерти Черчилля Джозеф Смолвуд и Эдмунд де Ротшильд, вместе явившиеся на похороны, чтобы почтить память Черчилля, стоя у его гроба, в Вестминстерском аббатстве, решили переименовать Великие водопады в водопады Черчилля. «Они носят это имя и сегодня, – писал позднее Эдмунд де Ротшильд, – вырабатывая все свои 5255 миллионов киловатт!»

В начале 1953 года Черчилль проводил в Вашингтоне переговоры с президентом США Г. Трумэном, только что представившим свое последнее послание конгрессу перед тем, как передать президентскую власть генералу Дуайту Д. Эйзенхауэру. 8 января Трумэн и Черчилль обедали в посольстве Великобритании. На Трумэна произвела большое впечатление твердая поддержка Черчиллем Израиля и столь же резкая критика им Египта за закрытие Суэцкого канала для судов, направляющихся в израильские порты. Затем они перешли в гостиную, где Трумэн начал играть на пианино. Но, как отмечает в своем дневнике главный личный секретарь Черчилля Джок Колвиль, «никто не слушал музыку, потому что внимание всех собравшихся было привлечено к горячей обличительной речи против Египта и в защиту сионизма, которую произносил Черчилль (к неудовольствию практически всех американцев, хотя они и признавали, что наличие значительного числа еврейских избирателей не позволяет им публично выразить свое несогласие с подобной позицией)».

Черчилль не испытывал никаких колебаний, призывая других оказать поддержку Израилю и сам выступая в его поддержку. Возвращаясь из Соединенных Штатов на борту лайнера «Куин Мэри» и знакомясь со списком пассажиров, он узнал, что на борту находится Барнет Дженнер, с которым он двадцать лет назад

работал в комитете в поддержку сионизма в палате общин. Он пригласил Дженнера на чашку кофе в свою каюту, и первыми его словами при встрече были: «Я – сионист». Дженнер, еврей по национальности, на это ответил: «Ну что ж, раз это так, давайте перейдем к следующей теме».

Однако Черчилль никогда не позволял себе некритичного подхода к любым действиям Израиля. 14 октября 1953 года, после того как одна женщина-израильтянка и ее двое детей – младшему было всего восемнадцать месяцев от роду – были убиты пробравшимся из Иордании арабом-палестинцем, «отряд 101» под командованием Ариэля Шарона, поддерживаемый ротой парашютистов, провел рейд возмездия на иорданскую деревню Кибия. Были убиты шестьдесят девять арабов, в основном женщины и дети. Правительство Соединенного Королевства поручило британскому посольству в Тель-Авиве «выразить ужас» от этой атаки.

Перед тем как послать эту телеграмму в посольство, ее показали Черчиллю. Он никак не прокомментировал ее содержание. Он также никогда не посылал, как утверждали некоторые, личного письма Бен-Гуриону с выражением негодования по поводу атаки израильтян на Кибию.

После этой израильской атаки состоялось заседание британского Комитета по обороне, на котором был поставлен на обсуждение вопрос о размещении в Иордании британской бронетанковой бригады. В ходе этого обсуждения Черчилль заявил, что израильтянам следует «совершенно ясно сказать, что присутствие наших бронетанковых сил в Иордании не представляет угрозы их интересам, однако должно, по нашим расчетам, оказать стабилизирующее влияние в регионе».

На заседании кабинета министров 17 ноября 1953 года во время обсуждения недавнего всплеска напряженности в отношениях между Иорданией и Израилем, вызванной рейдами палестинских террористов, пересекавших иордано-израильскую границу и нападавших на объекты в Израиле, и ответными действиями Израиля на иорданской территории, Черчилль отмежевался от призывов, исходивших прежде всего от его коллег-консерваторов, которые призывали поддержать требование Иордании о введении в регион британских войск. Он заявил, что «склонен полагать, что этими инцидентами следует скорее заниматься Организации Объединенных Наций, а не Великобритании. Направление небольшого контингента британских войск в Иорданию, как этого хотела Иордания, было бы расценено Израилем как провокация». «Если же Великобритании все-таки придется вмешаться, – сказал он, – то

она должна использовать не ограниченную, а подавляющую силу, которая единственная могла бы стать настоящим сдерживающим фактором».

«В настоящий момент Форин офис хочет войны с Израилем, – сказал Черчилль своему врачу на следующий день, и добавил: – Бевин, видимо, обо всем уже договорился с Иорданией. Но лично я не желаю войны». «Мы должны быть осторожными, – повторил Черчилль на заседании кабинета министров 19 ноября, – чтобы избежать ситуации, когда британские войска были бы вынуждены вмешаться в столкновения между Израилем и Иорданией».

Главным противником Израиля в 1954 году являлась, однако, не Иордания, а Египет. Когда в третью неделю января египетское правительство объявило, что оно усилит блокаду Израиля и будет препятствовать прохождению через Суэцкий канал не только израильских судов, но и судов других стран, направляющихся в Израиль, то 21 января Черчилль сказал кабинету, что такая блокада приведет к усилению «вмешательства» в процесс прохождения судов через Суэцкий канал и к отказу Египта пропускать через канал многие суда под разными флагами, торгующие со всем Ближневосточным регионом. Израильское правительство предлагало заслушать этот вопрос на заседании Совета Безопасности ООН. «Представители израильского правительства, – сказал Черчилль, – спрашивают, смогут ли они рассчитывать при этом на нашу поддержку и поддержку правительства Соединенных Штатов». У. Черчилль сказал, что он «надеется, что мы окажем непосредственную и эффективную поддержку израильскому правительству в этом вопросе». По его оценке, члены всех представленных в британском парламенте партий приветствовали бы инициативу, «имеющую целью подтвердить право свободного прохода судов через Суэцкий канал».

Комментируя это высказывание Черчилля, министр иностранных дел Энтони Иден сказал кабинету, что, по его мнению, «египетское правительство имеет законные основания для своих действий, поскольку война Египта с Израилем еще формально не закончена и эти две страны продолжают с юридической точки зрения находиться в состоянии войны. Поэтому было бы желательно, чтобы мы не занимали определенной позиции по этому вопросу, пока не удостоверимся, что получим поддержку со стороны ряда других морских держав». В ответ кабинет министров попросил Идена как раз и обеспечить дипломатическую поддержку со стороны других морских держав протесту, который Израиль собирался заявить в Совете Безопасности против действий Египта.

Когда прошло пять дней, но ничего в этом направлении так и не было достигнуто, Черчилль вновь поднял этот вопрос на заседании кабинета 26 января, настаивая на «важности поддержания международного судоходства через Суэцкий канал и включения этого вопроса в качестве приоритетного пункта в наших переговорах с Египтом». Он рассчитывал на то, что «мы не пожалеем усилий, чтобы обеспечить поддержку ведущими морскими державами протеста Израиля в Совете Безопасности против закрытия Суэцкого канала и решения Египта об усилении блокады».

Великобритания твердо поддерживала Израиль в противостоянии с Египтом, вызванном усилиями президента Насера по установлению полного египетского контроля над Суэцким каналом. Но когда израильско-иорданские отношения резко ухудшились из-за атак палестинских террористов, действовавших с территории Иордании и ответных контратак Израиля, выяснилось, что британскому кабинету оказалась гораздо ближе позиция Иордании, у которой с Великобританией был заключен договор о союзе и чью армию обучали британские офицеры.

В конце марта 1954 года обстановка на иордано-израильской границе вновь оказалась в фокусе внимания Черчилля. 17 марта израильский автобус, ехавший по крутому серпантину в районе подъема Скорпион в пустыне Негев, был атакован группой палестинских арабов, проникших в Израиль из Иордании. Водитель и десять пассажиров были убиты. Израильское правительство объявило, что рассматривает это как акт войны. Ответственность за него «ложится непосредственно на правительство страны, с территории которой эта группа убийц была послана на израильскую территорию с целью совершить этот подлый акт». Возникло состояние крайней напряженности между Израилем и Иорданией.

31 марта британский кабинет министров обсуждал подготовленный Генштабом план оказания военной помощи Иордании в случае возникновения вооруженного конфликта с Израилем. Этот план докладывал министр обороны фельдмаршал Александер, во время войны являвшийся главнокомандующим британскими войсками в Средиземноморье и в Италии. План предусматривал вторжение в Израиль британских войск с юга.

Обращаясь к начальнику Генштаба фельдмаршалу Хардингу, Александер спросил, имеется ли в виду довести этот план до сведения иорданцев. На это Д. Хардинг ответил, что это было бы нежелательно.

Черчилль тут же прокомментировал: «Мне доставило

большое облегчение услышать это». «Ведь, – добавил он, – утечка данных о наличии такого плана имела бы очень серьезные последствия».

Далее в ходе обсуждения плана оказания военной помощи Иордании Э. Иден предложил, чтобы Черчилль направил специальное послание израильскому руководству, «напомнив ему о наших обязательствах перед Иорданией и потребовав воздерживаться от любых провокационных действий». Э. Иден подготовил проект такого послания, которое, по его мнению, должно было быть передано министру иностранных дел Израиля Моше Шарету. Черчилль одобрил этот проект, и подписанное им послание было отправлено 2 апреля. При этом Черчилль собственной рукой приписал: «Мы сделаем все возможное, чтобы повлиять на арабские страны, но мы ожидаем от вас, что государственная мудрость и терпение будут преобладать со стороны Израиля».

В своем ответе Шарет просил Великобританию использовать свое влияние на Иорданию с целью прекратить террористические атаки через иордано-израильскую границу. «Сквозь облака нынешних бурь, – добавил Шарет, – мы можем разглядеть широкие светлые перспективы взаимовыгодного сотрудничества между Великобританией и Израилем в области культуры и торговли, в сфере распространения и защиты демократии и во всех других областях».

Несмотря на все многообразие своих обязанностей в качестве премьер-министра и невзирая на постигший его в 1953 году инсульт, Черчилль всегда был готов откликнуться на различные просьбы со стороны еврейской общественности. В марте 1954 года Сионистский совет Манчестера организовал выставку «Манчестер и Израиль – вклад города в рождение государства», совпадавшую с пятидесятой годовщиной прибытия в Манчестер Х. Вейцмана. «Город Манчестер может гордиться, – написал в своем приветственном послании Черчилль, – своей связью с доктором Х. Вейцманом, человеком с прозорливостью гения, память о котором будет еще долго питать энергию и процветание Израиля, для создания которого он приложил больше вдохновения и сил, чем какой-либо другой человек. Я очень рад, что город Манчестер собирается отметить пятидесятую годовщину с момента появления этого великого человека в нашей стране, и я шлю мои наилучшие пожелания проходящей выставке».

Когда Черчилль во второй раз стал премьер-министром, он подружился с родившимся в Югославии еврейским скульптором

Оскаром Нимоном, которому королева Елизавета II поручила изваять бюст Черчилля для Виндзорского замка. При встрече в резиденции премьер-министра в Чекерсе Нимон напомнил Черчиллю его слова, сказанные им когда-то фельдмаршалу сэру Уильяму Слиму, главе генерального штаба: «Фельдмаршал, посылая вас в Египет, я хочу сделать совершенно ясным одно обстоятельство: сам я сионист и я хочу, чтобы вы исходили в своих действиях из этого».

Беседуя с Нимоном, Черчилль заявил, что «мир бесконечно обязан евреям. Великие изобретения двадцатого века были сделаны христианами и евреями, как будто Господь открыл им свои секреты». Черчилль отметил также выдающиийся вклад евреев в победоносное окончание двух мировых войн, упомянув про работы Х. Вейцмана над взрывчатыми веществами и работы Эйнштейна над развитием атомной науки, благодаря чему «мы смогли положить конец Второй мировой войне».

Черчилль говорил и о евреях – лауреатах Нобелевской премии, вклад которых во многие области человеческой деятельности «уникален и абсолютен». «Есть народы, насчитывающие сотни миллионов человек, но оказавшиеся при этом неспособными произвести из своей среды хотя бы одного лауреата Нобелевской премии, и сейчас благоденствующие за счет гениальных открытий евреев», – отметил он.

Говоря о ситуации в Израиле, Черчилль выразил обеспокоенность высокой степенью уязвимости страны в связи с тем, что террористы продолжали проникать в Израиль через иордано-израильскую границу.

30 ноября 1954 года Черчилль отметил свое восьмидесятилетие. В числе сотен поздравительных посланий он получил телеграмму от министра иностранных дел Израиля Моше Шарета. Во время Второй мировой войны Черчилль поддержал его просьбу о том, чтобы британские ВВС осуществили бомбардировку железной дороги в Освенцим. «Во время одного из мрачнейших кризисов в истории цивилизации, – писал Шарет, – вы, благодаря вашей фантастической решимости и вдохновенному исполнению роли лидера нации, смогли спасти дело свободы, стать высочайшим символом веры и страстности человека в его сопротивлении тирании и привести ваш собственный храбрый народ и его союзников от поражения к победе».

Обращаясь к проблемам Израиля, Шарет продолжал: «Ваша стойкая поддержка сионистской идеи, ваша вера в ее справедливость и конечный триумф и ваша радость в связи с ее

воплощением в жизнь и созданием независимого Израиля заслужили вам вечную благодарность еврейского народа. Он никогда не забудет вашу твердую поддержку Декларации Бальфура и ваши яркие выступления в ее защиту, вашу нерушимую дружбу с Хаимом Вейцманом, ваши решительные шаги в защиту права сынов Израиля сражаться со смертельным врагом под своим собственным знаменем. Вы по-прежнему сохраняете глубокий интерес к достижениям и успехам Израиля, и это наполняет сердца наших людей глубокой благодарностью к вам. Да будет долог ваш век, чтобы вы могли реализовать все ваши благородные устремления».

В первую и вторую недели февраля 1955 года Черчилль присутствовал на конференции премьер-министров стран Содружества в Лондоне. В это время Черчилль получил письмо от Джеймса де Ротшильда, в котором тот предлагал принять в Содружество Израиль. Черчилль поддержал эту инициативу, написав Идену: «Это важный вопрос. Израиль – это мировая сила, и он обеспечивает нам связь с США».

В своем письме Джеймс де Ротшильд напомнил Черчиллю об их совместном пребывании в Иерусалиме в 1921 году, «во время которого вы, Уинстон, заложили основы еврейского государства, отделив владения иорданского короля Абдаллы от остальной Палестины. Без этого поистине пророческого шага, с которым не соглашались тогда многие, не было бы сегодняшнего Израиля».

18 февраля Черчилль присутствовал в Букингемском дворце по случаю приема иранского шаха. Среди гостей находился Джон Шакбер, в 1921 году служивший в Министерстве по делам колоний под началом Черчилля. Он записал в своем дневнике: «У меня состоялся короткий разговор с ним, и он сказал, что Форин офис «заражен бевинизмом» в ближневосточном вопросе, т. е. пропитан антиеврейскими настроениями. Он слышал от Джеймса де Ротшильда, что Израиль хотел бы присоединиться к Содружеству. “Не забывайте об этом предложении, – сказал он. – Это было бы замечательно. Так много народов хотят отойти от нас; это могло бы стать поворотным моментом”».

Шакбер отметил, что Черчилль сказал ему также: «Вы должны позволить евреям получить Иерусалим, ведь это они сделали его знаменитым». Он сказал еще, что «в Негеве может поселиться большое число беженцев». Я не уверен, что он знает, что против этого сами израильтяне».

Призыв «вы должны позволить евреям получить Иерусалим, ведь это они сделали его знаменитым» стал одним из последних заявлений Черчилля перед отставкой с поста премьер-министра. В

целом же он поддерживал еврейские национальные чаяния в течение более пятидесяти лет.

Глава двадцать седьмая
«Великий народ»

Уйдя в отставку со своего поста, Черчилль внимательно следил за жизнью Израиля. 24 февраля 1956 года он принял израильского посла Элияху Элата, передавшего ему в связи с 80-летием подарок от премьер-министра и правительства Израиля – папку гравюр с изображениями древнего Иерусалима. Вернувшись в посольство, Элат телеграфировал своему министру иностранных дел Моше Шарету: «Было очевидно, что слова посвящения тронули его больше, чем сами гравюры». В посвящении говорилось о «восхищении и благодарности, которые испытывал Израиль к человеку, спасшему мир от нацистского владычества, обеспечив тем самым для всех народов – в том числе и для народа Израиля – новую надежду на мир, свободу и прогресс».

Когда Черчилль рассматривал гравюры, докладывал Элат, «я рассказал ему о судьбе еврейского квартала в старой части Иерусалима. Он поинтересовался у меня, что стало с Западной стеной. В ходе беседы он спросил о состоянии живописи в Израиле». Черчилль также сказал послу, что он «был и остается нашим другом. Он был рад созданию нашего государства и выразил уверенность в его блестящем будущем. Он сказал: «Вы – народ, исповедующий идеалы, и это – величайшая вещь в жизни как для коллектива людей, так и для отдельного индивидуума». Он добавил, что «восхищен тем, что мы разместили у себя так много беженцев и что мы успешно культивируем землю и боремся с пустыней».

Уверив посла, что он будет «продолжать следить, чтобы никакое зло не постигло Израиль», Черчилль сказал ему, что израильский подарок займет свое достойное место среди других, полученных им ко дню рождения, и что «он был счастлив, что будущие поколения будут знать, что сыновья пророков, живущие в Сионе, были в числе многих доброжелателей со всех сторон света, поздравивших его с днем рождения».

Черчилль всегда демонстрировал благожелательное отношение к Израилю. Когда Джеймс и Дороти де Ротшильд попросили его поддержать проект установки большого, богато украшенного канделябра перед новым зданием парламента в Иерусалиме, который планировался в качестве дара от имени британского еврейства, он сразу согласился участвовать в этом

проекте. Его личный секретарь Энтони Монтегю Броун, проконсультировавшись в Форин офисе, сообщил Черчиллю: «В министерстве не видят никаких политических препятствий для вашего участия в фонде по сооружению этого памятника, если вы сами того желаете. Мы не очень довольны, что израильский парламент избрал местом своего пребывания Иерусалим, который должен был быть международным городом, но это – довольно тонкая материя».

Монтегю Броун, осуществлявший связь Черчилля с Форин офис, знал, что британское правительство все еще придерживалось, по крайней мере в теории, плана раздела Палестины, предложенного ООН в 1947 году, согласно которому Иерусалим должен был стать международным анклавом, отделенным как от еврейской, так и от арабской Палестины. Но, невзирая на это, Черчилль стал одним из членов Фонда по украшению здания парламента Израиля в Иерусалиме.

13 апреля 1956 года, выступая в Альберт-холле в Лондоне, Черчилль говорил о надвигающемся кризисе на Ближнем Востоке и о том, что Израиль и Египет стоят «на пороге войны друг с другом». Было «совершенно ясно, – сказал он, – что Соединенные Штаты, так же как и Великобритания, должны вмешаться, чтобы предотвратить нападение с любой стороны. Возможно, что момент для этого никогда не наступит, но все же он может настать и настать в любой миг». Если же сейчас необходимо «отговорить израильтян рисковать своими жизнями ради того, чтобы удерживать египтян на расстоянии, пока они не научились пользоваться русским оружием, которым их снабжают, и если нам удастся это сделать, а затем египтяне все же нападут на Израиль, то станет не только проявлением благоразумия, но и делом чести сделать так, чтобы израильтяне ни в коем случае не проиграли в результате такого египетского нападения».

«Я хочу, чтобы вы знали, – написал Черчиллю позже в этот же день посол Израиля в Великобритании Элияху Элат, – с какой глубокой благодарностью мое правительство и народ Израиля услышали вашу речь, в которой вы говорили о нас как наш подлинный друг и доброжелатель». Элат добавил: «Мы все надеемся на то, что исходящие от вас слова окажут влияние на тех людей в Лондоне и Вашингтоне, в чьих руках ныне находятся рычаги для принятия решений по тем вопросам, о которых вы говорили, включая снабжение Израиля достаточным оружием для самообороны».

Говоря о конфронтации между Египтом и Израилем, Черчилль писал президенту Эйзенхауэру 16 апреля: «Я уверен, что, если мы будем действовать совместно, то мы предотвратим

войну между Израилем и Египтом. Я, конечно, сионист и был им всегда со времен Декларации Бальфура. Поразительно, как эта крохотная еврейская колония смогла стать убежищем для своих соплеменников из всех стран, где их преследовали так жестоко, и одновременно проявить себя как самая эффективная военная сила в регионе. Я уверен, что Америка не останется в стороне и не захочет увидеть, как израильтян одолеют с помощью русского оружия, особенно если мы будем заставлять их сдерживаться, когда у них еще остается шанс отбиться».

26 июля 1956 года президент Египта Г.А. Насер национализировал Суэцкий канал. Поводом для этого послужило то, что Соединенные Штаты и Великобритании отозвали свои денежные средства, ранее выделенные ими для финансирования проекта сооружения Асуанской плотины. Великобритания и Франция, управлявшие Суэцким каналом в течение целого столетия, выразили свое негодование по поводу такого решения Египта. Особенно сильно негодовал британский премьер-министр Энтони Иден. «Я считаю, что Великобритания и Франция должны действовать совместно и энергично», – написал Черчилль жене спустя четыре дня.

5 августа министр финансов Гарольд Макмиллан, встречавшийся с Черчиллем в Чартуэлле, записал в своем дневнике: «Я сказал, что, если мы не привлечем Израиль к нашей операции, то мы не сможем предотвратить национализацию Суэцкого канала и его переход под полную власть Египта. Без израильтян этого просто нельзя будет сделать. В случае, если мы высадим десант на египетскую территорию, мы должны найти египетские войска, разгромить их и свергнуть правительство Насера. Черчилль вытащил несколько географических карт и выглядел очень возбужденным».

На следующий день, 6 августа, Черчилль направился на машине из Чартуэлла в Чекерс. Во время этой поездки, продолжавшейся два с половиной часа, он диктовал ноту о Суэцком канале, которую по приезде вручил Идену. В том, что касалось Израиля, Черчилль писал: «В наших интересах, чтобы Израиль противостоял Египту и сдерживал его, но при этом не ввязывался в войну с Иорданией».

Была созвана конференция стран – пользователей Суэцкого канала, чтобы выработать твердую позицию в отношении действий Египта. Израиль, судам которого все еще был запрещен проход через Суэцкий канал, не был приглашен на эту конференцию. В письме мужу Клементина Черчилль спрашивала, почему Израиль не получил приглашения. «Думаю, что Израиль

не допустили на конференцию из-за боязни, что его поведение может стать неконтролируемым, – отвечал У. Черчилль. – Но он фактически постоянно присутствует здесь, пусть и на заднем плане, и я не сомневаюсь, что если дело дойдет до войны, он присоединится к силам антиегипетской коалиции». Черчилль добавил: «Как знаменательно проявляется единство исламских стран! Ливия, которой мы платили 5000000 фунтов стерлингов в год, так же, как и Иордания, которой мы платили 10000000 фунтов стерлингов или даже больше, вне всяких сомнений проявляют полную враждебность к нам».

В том же письме Черчилль рассказал Клементине, что он как раз штудирует книги о Бенджамине Дизраэли, собирая материалы для собственного труда «История англоязычных народов». По иронии судьбы, все это было непосредственно связано с историей Суэцкого канала, поскольку именно Дизраэли в 1875 году, действуя от имени британского правительства, купил значительный пакет акций «Компании Суэцкого канала». Благодаря тому, что египетский правитель, хедив Исмаил, оказался в тот момент практически банкротом, Дизраэли удалось приобрести почти половину акций компании. Пусть это и не давало ему абсолютного большинства, по сути это все равно был эффективный контролирующий пакет. Поскольку парламент находился на каникулах и не заседал в это время, то для того чтобы профинансировать эту сделку, Дизраэли по собственной инициативе занял четыре миллиона фунтов у Ротшильдов. Это был пример государственных расходов, оказавшихся ценными и как финансовое вложение, и как средство обеспечения британского контроля за морским путем в Индию.

В «Истории англоязычных народов» Черчилль восхваляет «храбрость и быстроту соображения, которыми Дизраэли был так щедро одарен». Он пишет, что эти качества ярко проявились еще в ту пору, когда Дизраэли был «молодым членом британского парламента еврейского происхождения», не упоминая при этом о том, что это его отец в свое время настоял на крещении Дизраэли. Черчилль замечает, что Дизраэли «никогда не усвоил полностью английский образ жизни и до самой смерти сохранил свойственную ему некоторую отчужденность, которая помогла ему, когда он был еще совсем молодым человеком, произвести свой собственный анализ английского общества. Вероятно, именно это позволило ему выявить и оценить глубокие политические течения своего века». Именно консерватор Дизраэли предложил «Билль о реформе» 1867 года, наделивший рабочих избирательным правом и увеличивший электорат до двух миллионов человек.

В один ноябрьский вечер 1947 года в Чартуэлле Черчилль заснул во время работы над книгой, и ему приснилось, будто он разговаривает со своим отцом. Во время их беседы, которую Черчилль записал после того, как проснулся, лорд Рэндольф сказал о Дизраэли: «Я всегда верил в старого еврея Диззи. Он мог предвидеть будущее. Нам обязательно надо было поставить в центр внимания рабочего человека».

Для помощи в работе над главой, посвященной Дизраэли и Гладстону в «Истории англоязычных народов», над которой он работал в течение нескольких месяцев на принадлежавшей Эмери Ривзу вилле «Ла Пауза» на юге Франции, Черчилль привлек Мориса Шока, молодого еврея, преподававшего в Университетском колледже в Оксфорде. Шок приехал во Францию и поселился в соседнем Рокебруне. «Он очень приятный молодой человек, – писал Черчилль Клементине из «Ла Пауза» в начале октября, – и я рад, что сейчас он находится здесь». Среди других гостей в «Ла Пауза» в то время была баронесса Жанна де Ротшильд, с которой Черчилль играл в свою любимую карточную игру – безик. Он писал Клементине: «Ее мужу – венскому Ротшильду – семьдесят два года, а она лет на тридцать моложе».

Клементина Черчилль находилась в это время на высокогорном швейцарском курорте Санкт-Морице где она возобновила знакомство с нью-йоркским евреем Льюисом Эйнштейном. С ним она живо обсуждала роль Великобритании на Кипре, тогда переживавшем муки народного восстания. Эйнштейн, поступивший на американскую дипломатическую службу в 1903 году, служил в Лондоне, Париже, Константинополе и Праге и был прекрасным рассказчиком. С ним можно было беседовать на самые разнообразные темы – от искусства Ренессанса и манер эпохи Тюдоров до дипломатии времен гражданской войны в Америке. Черчилль был рад, что его жена нашла столь подходящего собеседника, и писал ей: «Я очень рад, что он составил тебе хорошую компанию».

После того как египетское правительство осуществило национализацию Суэцкого канала, все считали, что военное вмешательство Великобритании неизбежно, хотя и было неясно, когда и как именно оно может произойти. «Я полагаю, что для того, чтобы предпринять следующие шаги, мы должны обратиться к Израилю», – написал Черчилль Клементине в середине августа. И в самом деле, месяц спустя премьер-министр Энтони Иден, действовавший в тайном союзе с Францией, убедил Израиль присоединиться к совместной англо-французской акции против Египта, причем сделать это таким образом, чтобы дать Англии и

Франции оправдание для военного вмешательства. Секретный план заключался в том, что Великобритания и Франция, тайно поощрив Израиль напасть на Египет, должны были затем сами оккупировать зону канала под предлогом, будто они не хотели допустить, чтобы он попал под контроль Израиля. Договоренность об этом была достигнута 22 октября на секретном совещании под Парижем между представителями Израиля, Великобритании и Франции. О ней доподлинно узнали лишь после того, как разразился суэцкий кризис.

Ровно через восемь дней, 30 октября 1956 года, израильские войска напали на Египет в Синайской пустыне. Уничтожив размещенные там египетские подразделения, они оказались всего в нескольких милях от Суэцкого канала. В разгар боев, которые вели израильские войска, Черчилль признавался Эмери Ривзу в середине ноября: «Я желаю им удачи. Как бы я хотел снова стать молодым, чтобы иметь возможность помочь им». Но израильское наступление было остановлено, как и было предварительно согласовано с Великобританией и Францией, когда после истечения срока двадцатичетырехчасового англо-французского ультиматума Египту, в котором представители коалиции настаивали на том, чтобы англо-французские войска «временно заняли» Суэцкий канал, британские бомбардировщики нанесли удар по египетским аэродромам, а британские солдаты отправились с Мальты в направлении Порт-Саида – северных «ворот» Суэцкого канала.

3 ноября, когда британские части были еще на пути в Египет, Черчилль выпустил публичное обращение, где приводил «причины, заставившие меня поддержать правительство в вопросе о египетской проблеме». «Несмотря на все усилия Великобритании, Франции и Соединенных Штатов, – писал он, – границы Израиля подвергаются налетам, там происходят убийства. «Египет, главный вдохновитель этих инцидентов, отказался при этом проявлять какую-либо сдержанность. В результате Израиль, вследствие этих серьезнейших провокаций, выступил против Египта». Намерения Великобритании при этом заключались в «восстановлении мира и порядка на Ближнем Востоке, и я убежден, что мы достигнем своей цели». Черчилль был также уверен, что «наши американские друзья должны будут убедиться, что и в этом случае, как уже бывало не раз, мы действовали независимо от них, но исключительно ради общей пользы».

Послание Черчилля было опубликовано в британских газетах утром 5 ноября, в тот самый момент, когда британские и французские парашютисты, опередив передовые части британских

войск, все еще находившихся на пути в Египет, высадились при северном входе в канал, захватив Порт-Саид. «Мой дорогой Уинстон, – писал Иден Черчиллю, – я не могу в достаточной степени поблагодарить вас за ваше замечательное послание. Оно имело колоссальный эффект, и я уверен, что и в США оно окажет такое же, если даже не большее, воздействие». Э. Иден добавил: «Времена сейчас настали очень тяжелые, но альтернативой было бы лишь медленное истекание кровью».

«Спасибо вам за добрые слова, – отвечал Черчилль. – Я очень рад, что мое обращение оказалось полезным».

Утром 6 ноября плывшие по морю британские и французские войска наконец достигли Суэцкого канала в районе Порт-Саида, произвели высадку на сушу и двинулись на юг по обоим его берегам. Однако позже в тот же день, в момент, когда продолжавшееся неделю американское давление достигло своей кульминации, Иден согласился обьявить о прекращении огня. Давление из Вашингтона оказалось решающим. Оно было к тому же усилено тем обстоятельством, что многие коллеги Идена в британском правительстве отказались поддержать его и выступили против продолжения военных действий.

Завершив шесть томов своих мемуаров в 1956 году, Черчилль подготовил для печати сокращенный однотомный вариант. В предисловии к нему он решил упомянуть об акциях еврейских террористов, так омрачивших последние годы британского мандата в Палестине. «В проект предисловия я включил фразу, – вспоминал Энтони Монтегю Броун, – смысл которой был таков, что эти террористические акты являлись примерами черной неблагодарности евреев по отношению к своим спасителям, и они навсегда останутся пятном на истории создании Израиля. Эмери Ривз хотел исключить ее, но Черчилль настоял на том, чтобы она вошла в текст», сказав Монтегю Броуну: «Еврейский народ и так хорошо знает, что я – его друг».

В опубликованном виде эта фраза гласила: «Мало кто из нас смог бы обвинить еврейский народ за его чересчур эмоциональный взгляд на проблему создания его государственности. От народа, пережившего угрозу ликвидации его национального существования, нельзя ожидать полностью взвешенного подхода в этом вопросе. Однако деятельность террористов, желавших добиться своей цели убийствами британских чиновников и солдат, была отвратительным примером неблагодарности, оставившим глубокий след».

После того как Израиль в соответствии с ранее заключенным тайным соглашением с Великобританией и Францией

оккупировал Синайский полуостров, президент США Дуайт Эйзенхауэр и государственный секретарь Джон Фостер Даллес осудили Суэцкую кампанию как агрессию и потребовали немедленного и безоговорочного вывода израильских войск, угрожая в противном случае введением санкций. Эмери Ривз в начале 1957 года написал Черчиллю письмо, в котором выразил свой протест против американской позиции: «Если, как утверждает Египет, с 1949 года имеет место состояние войны, как может оккупация Синайского полуострова называться «агрессией»? При наличии состояния войны продвижение израильских войск было обычным военным наступлением, и, конечно, страна, ведущая войну, имеет право на проведение различных видов боевых действий, в том числе и наступления. Если принять за данность, что Израиль и Египет находятся в состоянии войны с 1949 года, то оккупация Синайского полуострова с точки зрения права столь же законна, как англо-американская высадка в Нормандии». Ясно, что это было «обычное наступление», писал Ривз, но не «агрессия» в том смысле, в каком его трактует Устав ООН.

Черчилль послал замечания Ривза Гарольду Макмиллану с сопроводительным письмом: «Это письмо, как мне кажется, содержит важный пункт. Оно написано Ривзом, который, как вы знаете, израильтянин. Я сам не знаю, как на него отвечать в принципе, но я надеюсь, что оно повлияет на ваше мнение. Я удивлен позицией Эйзенхауэра и американского Государственного департамента».

Макмиллан отвечал, что последнее письмо Эйзенхауэра, как представляется, показывает, что администрация Соединенных Штатов отбросила идею о санкциях против Израиля и подумывает о решении, которое предоставило бы Израилю «достаточные гарантии». Соединенные Штаты решили поднять факел, брошенный в свое время Великобританией. Э. Иден, выздоравливавший в бостонском госпитале после тяжелой операции, написал Черчиллю о том, что его позицию в принципе разделяют в американском конгрессе как республиканцы, так и демократы. «Но, – с горечью писал Иден, – я не чувствую, чтобы это могло хоть на мгновение повлиять на Даллеса и на его линию в пользу подыгрывания арабам за счет французских, британских или израильских интересов».

30 ноября 1957 года Черчиллю исполнилось восемьдесят три года. Среди рождественских подарков, полученных им в тот год, был ящик израильских апельсинов от вдовы Х. Вейцмана Веры и виргинская ветчина от Бернарда Баруха. В мае 1958 года в

хайфском университете «Технион», который он четыре года назад поздравлял с тридцатилетием, был торжественно открыт новый зал. Черчилль дал согласие на то, чтобы его назвали Залом Черчилля. На церемонии открытия У. Черчилля представляла его дочь Сара. «Они очень вас любят, – писала она, – и зал был спроектирован так, чтобы отметить ваши достижения и существовать как постоянное напоминание о вашей храбрости и вдохновении».

Сара сообщила своему отцу, как сильно хотел бы с ним встретиться премьер-министр Израиля Давид Бен-Гурион. Спустя несколько месяцев, когда Черчилль вновь отдыхал в «Ла Пауза», он прочитал в местной газете, что Бен-Гурион тоже находится на юге Франции. Черчилль пригласил его на ланч в «Ла Пауза». «Я глубоко ценю ваше приглашение, – отвечал Бен-Гурион, – пришедшее, к сожалению, слишком поздно, когда я уже находился в открытом море на обратном пути в Израиль». Бен-Гурион добавил: «Как и многие другие люди во всех концах света, я смотрю на вас как на величайшего англичанина за всю историю вашей страны и величайшего государственного деятеля нашего времени, человека, чья храбрость, мудрость и предвидение спасли его страну и весь свободный мир от нацистского рабства».

В ответ Черчилль написал: «Я часто думаю о вашей стране, и я с восхищением смотрю на то, как вы решаете свои великие задачи. Я верю, что у нас будет другая возможность встретиться в скором будущем».

В конце мая 1961 года, когда Черчилль находился в Лондоне, он получил от Бен-Гуриона просьбу о встрече. Черчилль с готовностью согласился, и 2 июня 1961 года принял в своем доме в Лондоне человека, с которым сам он разминулся на юге Франции и встреча с которым доставила столько удовольствия его дочери Саре в Израиле. Бен-Гуриона сопровождали его личный секретарь Ицхак Навон (ставший впоследствии президентом Израиля) и посол Израиля в Лондоне Артур Лурье.

Беседа между Черчиллем и Бен-Гурионом продолжалась около двадцати минут. Энтони Монтегю Броун сообщил в Форин офис, что Бен-Гурион сказал Черчиллю, что, по его мнению, Ирак «переживет» свержение монархии и «будет достаточно сильным, чтобы свергнуть собственных коммунистов». У него было «больше сомнений относительно выживания Иордании, которое напрямую зависело от жизни одного-единственного смелого человека, а именно короля Иордании». Бен-Гурион также сказал Черчиллю, что «Египет понемногу готовится к войне, что у них уже есть двадцать или больше истребителей МИГ-19, которые лучше, чем любые израильские самолеты, и что там находятся около 200

русских военных и военно-воздушных инструкторов». Он добавил, что попросил премьер-министра Гарольда Макмиллана «позволить Израилю получить доступ к требующемуся ему оружию для войны в воздухе»

Позднее Ицхак Навон так пересказывал дальнейшую беседу: «Черчилль сказал, что он всегда был другом еврейского народа и сионизма, на что Бен-Гурион ответил выражением восхищения его дружбой и его позицией во время Второй мировой войны как лидера свободного мира, спасенного благодаря ему. Он рассказал Черчиллю о своей жизни в Лондоне во время захвата Гитлером Европы и подготовки немецкой армии к высадке на Британские острова, и о впечатлении, которое на него произвела стойкая позиция британского народа». Во время разговора Черчилль упомянул, что он когда-то написал эссе о Моисее. Бен-Гурион проявил к этому большой интерес и попросил экземпляр. Черчилль подарил Бен-Гуриону экземпляр своей книги «Мысли и приключения», в которую вошло его эссе о Моисее. В конце встречи Черчилль повернулся к Бен-Гуриону и сказал: «Вы – мужественный лидер великого народа».

В сентябре 1961 года, за два месяца до восемьдесят седьмого дня рождения Черчилля, Энтони Монтегю Броун спросил его, не хочет ли он послать поздравление Бен-Гуриону по случаю его семидесятипятилетия. «Вы не делали этого в прежние годы», – сказал Монтегю Броун. Поскольку незадолго до этого два этих человека наконец встретились, Черчилль чувствовал себя вправе послать такое поздравление, что он и сделал, написав: «По случаю вашего семидесятипятилетия шлю вам мои поздравления и добрые пожелания». Бен-Гурион ответил на телеграмму Черчилля: «Дорогой сэр Уинстон! Я был глубоко тронут, получив ваше поздравление по случаю моего дня рождения, и был рад, что вы еще помните о таких пустяках. Я сразу вспомнил о нескольких незабываемых минутах, проведенных с вами в начале июня, и я храню как драгоценность вашу книгу, включающую эссе о Моисее. Я испытываю к вам уважение и привязанность, но отнюдь не только, и даже главным образом не только из-за вашей неизменной дружбы к нашему народу и вашей глубокой симпатии к процессу его возрождения на древней родине. Ваше величие далеко перешагнуло пределы Англии, и для него нет никаких национальных границ».

Коснувшись часто цитируемого высказывания Черчилля о том, что продвижение советского коммунизма представляет огромную опасность для послевоенного мира, Бен-Гурион вспомнил о высказанном еще в годы войны желании Черчилля,

чтобы западные союзники вошли в Берлин раньше советских войск. В этой связи он написал У. Черчиллю: «Если бы в последний год войны ваш совет был принят, то серьезный кризис вокруг положения в Берлине, вызвавший тревогу всего цивилизованного мира, никогда бы не возник, а некоторые из восточноевропейских стран остались бы внутри пределов Западной Европы».

Бен-Гурион так закончил свое письмо: «Ваши слова и ваши дела неизгладимо запечатлены в анналах человечества. Счастлив народ, произведший такого сына».

«Я не преминул передать письмо Бен-Гуриона сэру Уинстону, которому оно доставило большое удовольствие», – сообщил Монтегю Броун израильскому послу Артуру Лурье. Спустя два дня сам Черчилль послал письмо Бен-Гуриону, надписав на конверте адрес его дома в пустыне Негев: «Дорогой премьер-министр, я очень обязан вам за ваше изящное и очаровательное письмо. Мне доставило большое удовольствие прочитать то, что вы написали, и я хотел бы снова уверить вас в моих самых теплых пожеланиях как Израилю, так и вам лично».

В апреле 1962 года Черчилль планировал отправиться в средиземноморский круиз с Аристотелем Онассисом на борту его яхты «Кристина». Круиз должен был начаться из Монте-Карло 5 апреля и включить посещение Ливии, Ливана и Греции. «Боюсь, однако, – написал в этой связи личный секретарь Черчилля Монтегю Броун одному из личных секретарей премьер-министра Макмиллана Филиппу де Зулуэта, – что сэр Уинстон станет настаивать на посещении Израиля. Я думал, что хозяин яхты мистер Онассис сам не пожелает заходить туда из-за страха нанести урон своим интересам в области транспортировки нефти и испортить отношения с арабскими странами, но теперь я убедился, что это не так. Я постараюсь сделать все, чтобы убедить сэра Уинстона не посещать Израиль, но я не могу этого гарантировать ввиду его длительных связей с Израилем и открыто просионистских настроений».

Монтегю Броун добавил: «Я буду ставить вас в известность о положении дел. В качестве последнего средства, вероятно, премьер-министр может счесть возможным написать сэру Уинстону, что посещение им Израиля может нанести нам политический вред». Однако опасения Форин офис, что арабские друзья Великобритании будут оскорблены, если Черчилль посетит Израиль, оказались неосновательными, поскольку «Кристина» прошла вдоль побережья Израиля ночью, так и не причалив к его берегам. Последний раз в Палестине Черчилль

побывал тридцать лет назад, но теперь, в возрасте восьмидесяти семи лет, ему было не суждено вновь ступить на землю Израиля.

Черчилль умер в своем лондонском доме 24 января 1965 года. Ему было девяносто лет. На следующий день на специальном заседании израильского парламена речь в память о нем произнес Давид Бен-Гурион. «В своей неустрашимой борьбе с нацистским царством ада, – сказал Бен-Гурион израильским парламентариям, – Черчилль являл собой образец совершенного сочетания качеств великого человека в великий момент. Он включился в эту битву и победил. Долгожданный исход не был результатом сражения одного человека или победы одного народа. Не только с помощью лишь его одного сыны света победили сынов тьмы. Тем не менее этот человек был символом и катализатором, средоточием надежды и центральной фигурой в битве гигантов. Еще в начале века сэр Уинстон Черчилль поддержал дело сионизма. Тринадцать лет спустя, выступая на горе Скопус, он говорил о свободном и суверенном государстве, которое будет непобедимо. Черчилль принадлежал всему миру. Его память будет освещать путь будущим поколениям во всех концах мира».

Члены кнессета встали, отдавая дань памяти Черчиллю. Неделю спустя президент Израиля Залман Шазар и премьер-министр Давид Бен-Гурион прилетели в Лондон, чтобы представлять Израиль на похоронной службе в соборе Святого Павла. Поскольку в субботний день им нельзя было ездить на автомобиле, они подыскали отель неподалеку от собора и пошли оттуда на службу пешком по мрачным и молчаливым лондонским улицам.

Отдавая должное памяти Черчилля в статье, опубликованной в «Джуиш кроникл», Гарри Сахер, один из авторов проекта Декларации Бальфура, который находился в Иерусалиме в 1921 году, когда Черчилль посадил дерево на месте закладки Еврейского университета, писал: «Мы, евреи, особенно обязаны Черчиллю – верному другу сионизма». Сахер продолжал: «Для премьер-министра Макдональда сионизм являлся лишь фантазией, с которой можно баловаться, пока это ничем тебя не обременяет и не требует никаких усилий и которую можно предать в подходящий момент. Для Чемберлена сионизм был экзотической безделушкой, которую можно было выгодно использовать в качестве разменной монеты в дипломатической игре. Бевин видел в распространении сионизма что-то вроде неофициальной забастовки, которая должна была быть прекращена строгим профсоюзным боссом. Для Черчилля же это

было волшебное возрождение нации, которая видела, как много империй стиралось в пыль, нации, прошедшей через много испытаний и унижений и обновившей свою древнюю творческую силу, от которой теперь человечество могло ожидать столь многого. Характерно, что он призывал своих соотечественников рассматривать создание Государства Израиль в тысячелетней перспективе. Не мелочные расчеты эфемерного дипломатического выигрыша или проигрыша привели его к сионизму; для него это было частью великого прилива истории».

Эпилог

В течение всей жизни Черчилля его посвященные евреям заявления отличались глубокой взвешенностью и стремлением поддержать этот народ. Находясь в 1921 году в Иерусалиме и рассуждая о еврейской этике, он утверждал: «Мы в долгу перед евреями за возрождение системы этики в рамках христианского вероучения. Эта система, даже если ее полностью отделить от сверхъестественного, была самым драгоценным сокровищем человечества, равноценным плодам всех других учений, соединенных вместе. На основе этой системы и этой веры на развалинах Римской империи была построена вся существующая цивилизация».

Черчилль никогда не менял этого мнения. В опубликованной в 1931 году газетной статье о Моисее он так писал об израильтянах в пустыне: «Это бродячее племя, во многих отношениях неотличимое от бесчисленных общин кочевников, приняло и подхватило идею, на которую оказались неспособны весь гений Греции и вся мощь Рима». В разгар преследований евреев в годы Второй мировой войны Черчилль заявил воюющим странам: «Несомненно, в день победы страдания евреев и их роль в общей борьбе не будут забыты. И вновь, в назначенное время, они увидят осуществленными принципы праведности, провозглашенные их отцами и составляющие их гордость».

Когда перед Первой мировой войной Черчилль познакомился с жизнью евреев Манчестера, то на него произвели большое впечатление характер еврейской общественной жизни, энергия, система взаимопомощи и целеустремленность, царящие в общине. «Евреи представляют собой счастливую общину, – писал он, – потому что среди них царит корпоративный дух их нации и вера. Та огромная индивидуальная движущая сила, которой они обладают, придает жизнеспособность их учреждениям так, как это не может сделать ничто другое». В статье в «Нейшнл санди геральд», опубликованной в 1920 году, описывая «борьбу за душу еврейского народа, которая ведется между большевизмом и сионизмом», он писал: «Некоторым людям нравятся евреи, другим нет, но никакой думающий человек не усомнится в том, что они, без сомнения, представляют собой самый выдающийся и замечательный народ, когда-либо появлявшийся на земле».

Будучи приверженцем того, что он называл «гармоничным распределением мира между народами», Черчилль с теплотой относился к еврейским национальным чаяниям. «Идеал сионизма, – заявлял он в 1921 году, – это великий идеал,

который, признаюсь, вызывает у меня большую личную симпатию». В свое время он непосредственно отвечал за судьбы еврейской общины в Палестине. Будучи министром по делам колоний, он выпустил «Белую книгу» 1922 года, позволившую осуществить иммиграцию 300000 евреев в Палестину за четырнадцать лет. Он первым осознал всю степень арабской оппозиции по отношению к иммиграции евреев. Но, несмотря на это, он так и остался открытым сторонником права евреев на создание еврейского национального очага, рассматривая это как одно из главных условий британского мандата в Палестине. По его собственным словам, приведенным в «Белой книге» 1922 года, это было именно «право, а не разрешение, в соответствии с которым, с учетом экономической абсорбционной способности Палестины, они смогут создать собственные учреждения самоуправления, пока они не станут большинством, после чего смогут создать собственное государство».

Поддержка Черчиллем инициативы по переселению евреев в Палестину не нравилась многим его оппонентам в Великобритании и даже некоторым из его друзей и коллег. Черчилль был настойчивым противником антисемитизма, что проявлялось как во время публичных призывов к сокращению еврейской иммиграции в Великобританию и антиеврейских волнений в Южном Уэльсе, которые произошли еще перед Первой мировой войной, так и во время парламентских дебатов, а также в его собственной семье и в кругу его личных друзей. В 1946 году, когда еврейский терроризм в Палестине вызвал в британском парламенте сильные антиеврейские чувства, он заявил палате общин: «Я против того, чтобы запрещать евреям делать то, что разрешается делать другим народам. Я против этого, и я крайне отрицательно отношусь к любым антисемитским предрассудкам».

С самых первых дней своей парламентской карьеры Черчилль сотрудничал со многими еврейскими политиками, чиновниками и бизнесменами. Банкир еврейского происхождения покровительствовал ему после ранней смерти его отца. Еврейский беженец из гитлеровской Германии был его литературным агентом в Европе. Ведущий еврейский историк давал ему советы при написании биографии его предка Джона Черчилля, герцога Мальборо. Молодой еврейский философ был среди тех, кого он ознакомил со своими военными мемуарами для того, чтобы выслушать критические замечания перед их публикацией. Молодой еврейский историк помогал ему, когда он писал «Историю англоязычных народов». Одним из его любимых скульпторов был еврей. На него произвело большое впечатление еврейское предприятие в Палестине. Он предупреждал свою мать

и двух своих ближайших друзей, так же как и палату общин, о необходимости воздерживаться от антисемитских высказываний.

Черчилль гордился своей изначальной поддержкой сионистской инициативы. Он очень уважал еврейскую религиозную этику и идеалы сионизма. Содержащиеся в Библии рассказы о сынах Израиля всегда трогали и вдохновляли его. Борьба евреев за свое выживание в течение столетий производила на него огромное впечатление. Во время Второй мировой войны он был очень озабочен судьбой евреев и постоянно искал способы противостоять их истреблению, помимо выполнения основной задачи – нанесения Германии решающего военного поражения на поле боя. У него были коллеги-евреи и помощники-евреи. Он восхищался крупными историческими фигурами еврейского происхождения. Он сам совершенно ясно сказал во время обсуждения проблемы еврейского терроризма в Палестине: «Еврейский народ весьма хорошо знает, что я – его друг».

Черчилль рассматривал евреев как один из народов – творцов истории. Ему была близка борьба евреев – и их борьба за выживание, и борьба за создание своего государства. Его собственная политическая карьера, казалось, текла среди водоворотов еврейской истории. Ее отмечали такие вехи, как поиски евреями стран, где они могли бы укрыться от преследований перед Первой мировой войной; их надежды на создание национального очага в Палестине во время Первой мировой войны и после нее; их борьба за создание своей общины в Палестине в период между двумя мировыми войнами; проклятие нацизма; восстановление еврейской жизни и еврейской государственности после Второй мировой войны; борьба за выживание Государства Израиль в первое десятилетие его существования; и, в целом, поиски евреями своего места в мире. Все это были основополагающие аспекты еврейской истории, с которыми карьера Черчилля была неразрывно связана.

Библиография

Архивные материалы:

Собрание архивов Д. Бен-Гуриона (хранится в Негевском университете имени Д. Бен-Гуриона)

Собрание архивов Правления организации британских евреев

Центральное собрание архивов Всемирного сионистского движения

Собрание архивов колледжа имени Черчилля в Кембридже (в этом собрании архивов хранятся материалы и документы, относящиеся к жизни и деятельности У. Черчилля, Джона Колвилла, Оскара Немона, баронессы Спенсер-Черчилль)

Государственное собрание архивов Израиля, Иерусалим

Собрание архивов Министерства обороны Израиля (включая Собрание архивов движения «Хагана»)

Национальный британский архив, Лондон (включает материалы и документы, относящиеся к деятельности британского адмиралтейства, Министерства Военно-воздушных сил, правительства, канцелярии премьер-министра, военного кабинета Великобритании, Министерства по делам колоний, Министерства внутренних дел, Министерства иностранных дел, Министерства боеприпасов)

Собрание архивов «Реформ-клуба», Лондон

Собрание архивов «Скверрис-Лодж»

Собрание архивов Государственного департамента США (включает материалы и документы, относящиеся к деятельности Управления стратегических служб (УСС) США)

Собрание архивов «Яд Хаим Вейцман» (собрание архивов Хаима Вейцмана)

Личные собрания:

Невилла Чемберлена
Уинстона Черчилля
Альберта Эйнштейна
президента США Дуайта Эйзенхауэра
Х.А.Л. Фишера
Мозеса Гастера
Герберта Гладстона
Эдварда Грея

Т.Е. Лоуренса (Лоуренса Аравийского)
Дэвида Ллойд-Джорджа
графа Маунтбеттена
Самуэля Хора
Герберта Самуэля
Роберта Шиллингфорда
президента США Гарри Трумэна
Хаима Вейцмана

Статьи У. Черчилля:

«Сионизм против большевизма: борьба за душу еврейского народа» («Иллюстрейтед санди геральд», 8 февраля 1920 года)

«Палестинский кризис» («Санди таймс», 22 сентября 1929 года)

«Честная игра по отношению к евреям» («Санди кроникл», 2 ноября 1930 года)

«Моисей» («Санди кроникл», 8 ноября 1931 года)

«Правда о Гитлере» (журнал «Стренд», ноябрь 1935 года)

«Война не является неизбежностью» («Ивнинг стандарт», 15 октября 1936 года)

«Ересь коммунизма» («Ивнинг стандарт», 16 октября 1936 года)

«Мир в Европе» («Ивнинг стандарт», 5 февраля 1937 года)

«Опасности раздела Палестины» («Ивнинг стандарт», 23 июля 1937 года)

«Почему я против раздела Палестины» («Джуиш кроникл», 3 сентября 1937 года)

«Дружба с Германией» («Ивнинг стандарт», 17 сентября 1937 года)

«Германская дисциплина для старой Австрии» («Дейли телеграф», 6 июля 1938 года)

«Палестина на перепутье» («Дейли телеграф», 20 октября 1938 года)

Цитируемые книги и монографии:

Randolph S. Churchill (editor), Europe Unite: Speeches 1947 and 1948 by Winston S. Churchill London: Cassell, 1950.

Randolph S. Churchill (editor), Stemming the Tide, Speeches 1951 and 1952 by Winston S. Churchill. London: Cassell, 1953.

Randolph S. Churchill (editor), The Unwritten Alliance, 1953–

1959 by

Winston S. Churchill London: Cassell, 1961.

Randolph Churchill, Winston S. Churchill, Volumes One and Two, and their companion volumes of documents. London: William Heinema 1967, 1969.

Ronald I. Cohen, Bibliography of the Writings of Sir Winston Churchill, 3 volumes. London: Thoemmes Continuum, 2006.

Martin Gilbert, Winston S. Churchill, Volumes Three to Eight, and their companion volumes of documents. London: William Heineman, 1971–88.

Martin Gilbert, The Churchill War Papers, volumes one, two and three, London: William Heinemann, 1993, 1995, 2000.

Statement of British Policy in Palestine (the Churchill White Paper), Command Paper 1700 of 1922.

Palestine Royal Commission Report (Peel Commission), Command Paper 5479 of 1937.

Palestine Partition Commission Report, Command Paper 5479 of 1937. (Woodhead Commission). London: His Majesty's Stationery Office, 1938.

Прочие работы

Michael Adler (editor), British Jewry Book of Honour. London: Caxton, 1922.

Michael Bar-Zohar, Ben-Gurion, A Biography. London: Weidenfeld and Nicolson, 1978.

Alex Bein (editor), Arthur Ruppin: Memoirs, Diaries, Letters. London: Weidenfeld and Nicolson, 1971.

David Ben-Gurion, Rebirth and Destiny of Israel. New York: Philosophical Library, 1954.

Charles E. Bohlen, Witness of History. New York: W.W. Norton, 1973.

Lord Boothby, My Yesterday, Your Tomorrow. London: Hutchinson, 1962.

Professor Selig Brodetsky, Memoirs: from Ghetto to Israel. London: Weidenfeld and Nicolson, 1960.

Randolph S. Churchill, Winston S. Churchill, Volume two. London: Heinemann, 1967.

Winston S. Churchill, The River War. London: Longmans, Green, 2 volumes, 1899.

Winston S. Churchill, Marlborough: His Life and Times. Volume 4, London: George G. Harrap, 1938.

Winston S. Churchill, The Second World War an Epilogue on the

Years 1945 to 1957. London: Cassell, 1959.

Michael J. Cohen, Churchill and the Jews. London: Frank Cass, 1985

John Colville, The Fringes of Power, Downing Street Diaries, 1939–1955. London: Hodder and Stoughton, 1985.

David Coombs with Minnie Churchill, Sir Winston Churchill's Life Through His Paintings. London: Chaucer Press, 2003.

William A. Eddy, FDR Meets Ibn Saud. Wasington DC: America-Mideast Educational and Training Services, 1954 (reprinted 2005)

Ivan Fallon, Billionaire: The Life and Times of Sir John Goldsmith. New York: Little, Brown, 1992.

Martin Gilbert (editor), Winston Churchill and Emery Reves, Correspondence, 1937–1964. Austin, Texas: University of Texas Press, 1997.

Kay Halle, Irrepressible Churchill, A Treasury of Winston Churchill's Wit. Cleveland, Ohio: The World Publishing Company, 1966.

Ernst Hanfstaengel, Hitler – The Missing Years. London, Eyre & Spottiswoode, 1957.

John Harvey (editor), The War Diaries of Oliver Harvey. London: Collins, 1978.

Elsie Janner, Barnett Janner: A Personal Portrait London: Robson Books, 1984.

Warren Kimball (editor), Churchill and Roosevelt, the Complete Correspondence, Three Volumes: Princeton, New Jersey, Princeton University Press, 1984.

A.W. Lawrence (editor), T. E. Lawrence by His Friends. London: Jonathan Cape, 1937.

Peter de Mendelssohn, The Age of Churchill Heritage and Adventure, 1874–1911. London: Thames and Hudson, 1961. Harford Montgomery Hyde, Lord Alfred Douglas: A Biography. London, Methuen, 1984.

Lord Moran, Winston Churchill, The Struggle for Survival London: Constable, 1966.

Julia Namier, Lewis Namier: A Biography. London: Oxford University Press, 1971

Vic Oliver, Mr Showbusiness. An Autobiography of Vic Oliver. London: George H. Harrap, 1954.

Oskar K. Rabinowicz, Winston Churchill on Jewish Problems. London, World Jewish Congress, British Section, Lincolns-Prager Publishers Ltd, 1956.

Robert Rhodes James (editor), Chips, The Diaries of Sir Henry Channon, London: Weidenfeld and Nicolson, 1967. Kenneth Rose, Elusive Rothschild. London: Weidenfeld and Nicolson, 2003.

Y Ya'ari-Poleskin, Pinhas Rutenberg. Tel Aviv: 1939. (Hebrew)

Joseph B. Schechtman, The Jabolinsky Story: Fighter and Prophet, The Last Years, 1923–1940. New York: Thomas Yoseloff, 1961.

Henry C. Semon and Thomas A. Mclntyre (editors), The Autobiography &.

Sir Felix Semon London: Jarrolds, 1926.

Evelyn Shuckburgh, Descent to Suez, Diaries. London: Weidenfelcl and Nicolson, 1986.

Eugen Spier, Focus: A Footnote to the History of the Thirties. London: Oswald Wolff, 1963.

Chaim Weizmann, Trial and Error: The Autobiography of Chaim Weixmann. New York: Harper and Brothers, 1949.

The Yellow Spot: The Extermination of the Jews in Germany. London: Victor Gollancz, 1936

Цитируемые статьи

M. Donald Coleman, 'Churchill and the Jews', Midstream, May-June 1999.

Michel T. McMenamin, 'Winston Churchill and the Litigious Lord (Lord Alfred Douglas), Litigation, Winter 1995.

Harry Sacher, «The Faithful Friend of Zionism', Jewish Chronicle, 29 January 1965

Thomas W. Lippman, 'The Day FDR Met Saudi Arabia's Ibn Saud,' The Link, Volume 38, Issue 2, April-May 2005.

Материалы газет и журналов:

«Атлантик мансли»

«Бирмингем пост»

«Дейли телеграф»

«Иджиптиан газетт»

«Френдс ньюс шит» (издание Еврейского университета в Иерусалиме)

«Иллюстрейтед технион ньюс»

«Джуиш кроникл»

«Джуиш гардиан»

«Либерал мэгэзин»

«Манчестер гардиан»

«Нью-Йорк таймс»

«Палкор бюллетин»

«Палестина»
«Палестайн пост»
«Пикчер пост»
«Сан-Франциско кроникл»
«Таймс» (Лондон)
«Сионист ревью»
«Хансард» (записи дебатов в парламенте)

notes

Примечания

1

Эта история многократно рассказывалась автору книги сыном Уинстона Черчилля Рэндольфом в бытность М. Гилберта его помощником. – *Прим. перев*.

2

День, когда слуги и посыльные получают по традиции подарки. – *Прим. перев.*

3

Короля Георга V. – *Прим. перев.*

4

Автор книги Мартин Гилберт допустил здесь ошибку. Евреем был дед Ленина по матери. – *Прим. перев*.